

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

I

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАРАЧАЕВО- ЧЕРКЕСИИ

*Учебник-хрестоматия
для общих средних и профессиональных
учебных заведений
Карачаево-Черкесской Республики*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Издание первое

Утверждено Министерством общего и профессионального
образования Карачаево-Черкесской Республики

Черкесск, 1999

АВТОРЫ-СОСТАВИТЕЛИ

Тугов В. Б., Тугова Л. Н. — Фольклор и литература абазин
Караева А. И. — Фольклор и литература карачаевцев
Курмангулова Ш. А. — Фольклор и литература ногайцев
Гогоберидзе Г. М. — Фольклор и литература черкесов

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Тугов В. Б., заслуженный деятель науки РФ, профессор

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Хансироков Х. Х., доктор фил. наук, профессор
Гочияева С. А., кандидат фил. наук, зав. каф. родных языков и литератур
КЧ ИПКРО

К $\frac{436020000-30}{9П1(03)-98}$ 30-99
ISBN-7289-0160-3

© Карачаево-Черкесское государственное
республиканское книжное издательство, 1999

СЛОВО К ДРУГУ УЧЕНИКУ

Друг ученик, в школе и в профессиональных учебных заведениях ты изучаешь много самых различных предметов. С каждым годом к ним прибавляются новые. Это — требование самой жизни: ты должен получить как можно более полные знания в естественных и гуманитарных науках.

Сегодня ты приступаешь к изучению еще одного предмета, который называется «Литература народов Карачаево-Черкесии». Ты живешь в этой республике и должен знать, пусть в самых общих чертах, историю и культуру населяющих ее народов. Без этого трудно стать полноценным гражданином, любящим и уважающим свою родину, ее культуру, традиции, обычаи. Они ведь — часть общечеловеческой культуры. Нет ни малых народов, ни маленьких культур (хотя мы привычно пользуемся этими терминами). Все народы — великие, все культуры — уникальные. Надеемся, что и предмет, который предлагается, — «Литература народов Карачаево-Черкесии» — убедит тебя в этом.

Карачаево-Черкесская Республика (для краткости часто называют Карачаево-Черкесия) расположена на северном склоне Большого Кавказа, увенчанного величавым Эльбрусом. По ее территории текут реки Кубань, Теберда, Кума, Лаба, Большой Зеленчук, Малый Зеленчук и многие другие.

Республика небольшая: площадь ее — 14,2 тысячи квадратных километров.

Карачаево-Черкесия — многонациональная республика. Здесь с древнейших времен живут карачаевцы, черкесы, абазины и погайцы. Их называют коренными народами.¹ На территории СНГ карачаевцев 150.331, черкесов 50.760, абазин 34.983, погайцев 75.600 человек. В Карачаево-Черкесии соответственно — 129.449, 40.241, 27.475, 13.000.

Абазины, карачаевцы, черкесы, погайцы — потомки переселенцев XIX века — живут в странах Ближнего Востока, во многих других государ-

¹ По определению ООН коренными считаются народы, проживающие на данной территории не менее 500 лет.

ствах. Больше всего их в Турции, Сирии, Иордании. Численность их во много раз превышает (например, черкесов и абазин) количество населения на исторической родине.

Кроме коренных в КЧР представлены представители около ста национальностей, народностей, этнических групп — русские, осетины, армяне, греки, украинцы, белорусы и многие другие.

Коренные народы относятся к двум языковым группам: карачаевцы и погайцы — к тюркской, абазинцы и черкесы — к кавказской.

Народы Карачаево-Черкессии прошли длительный, порой драматический путь исторического развития.

Абазинцы, карачаевцы, черкесы, погайцы уже в раннее средневековье имели свои государственные образования — Абхазское княжество, Алания, Черкесия, Ногайская орда. Все эти государства были полиэтническими, т. е. многонациональными. Вот откуда берет начало уважительное, дружеское отношение ко всем народам, так органически присущее абазинам, карачаевцам, черкесам, погайцам.

С «седых» времен предки народов Карачаево-Черкессии входили в исторический, социально-экономический, культурный контакт с Византией, странами Ближнего Востока, арабскими государствами, Киевской Русью.

Исторические судьбы абазин, черкесов, карачаевцев и погайцев неразрывно связаны с Россией. В разное время они вошли в состав Российского государства. Вхождение было нелёгким. Об этом ты узнаешь из истории народов Карачаево-Черкессии, которую тоже будешь изучать.

Вхождение кавказских горцев в состав России, какими бы трагическими событиями оно ни сопровождалось, имело прогрессивное значение — альтернативы ему не было. Об этом говорят и возникновение и развитие просветительского движения в XIX — начале XX веков, с которым ты познакомишься в этой книге, и разработка алфавитов, и попытки введения их в практику, открытие школ и многое другое.

Друг, ты прочитал, что предки народов Карачаево-Черкессии уже в раннее средневековье имели свои государства, полноправно входили в мировую цивилизацию. Так что они не были ни варварами, ни дикарями, как нередко пыталась представить их миру официальная историография царской России (этим, к сожалению, грешила и советская историческая наука). Напротив, они находились на высокой ступени исторического развития. Об этом свидетельствуют и величайшие духовные богатства — устные и письменные, — которые создали и сохранили народы Карачаево-Черкессии. С некоторыми из них ты познакомишься (со всеми, сам понимаешь, невозможно) в курсе «Литература народов Карачаево-Черкессии».

Прежде всего следует сказать вот что. Абазинцы, черкесы, карачаевцы входят в число народов, создавших монументальный героический эпос «Нарты».

«Нарты» — один из мировых эпосов. Он стоит в одном ряду с шумерским «Гильгамешем», карело-финским «Калевалой», калмыцким «Джсангаром», киргизским «Манасом», немецким «Песней о Нибелунгах», испанским «Песней о Сиде» и другими великими эпическими произведениями. Ногайцы пронесли через века великолепные эпические поэмы. Разве остальные народы могли создать такие грандиозные произведения?!

Кроме «Нартов» и эпических поэм народы Карачаево-Черкесии — обладатели разветвленной системы жанров устного народного творчества. Сказки, предания, легенды, песни, поговорки, загадки, здоровья, былины — все есть и у абазин, и у карачаевцев, и у ногайцев, и у черкесов. Да и какие! Высокохудожественные, национально-своеобразные, яркие! Ты это почувствуешь и по тем нескольким текстам, которые приводятся в этой книге.

А как восторженно приветствовали великие русские писатели, русская общественность сочинения горцев в XIX веке! С некоторыми их высказываниями ты встретишься в этой книге.

Наверное, в государствах черкесов, абазин, карачаевцев и ногайцев была своя письменность (во всяком случае у средневековых ногайцев она была). Мы об этом не знаем. Отдельные периоды истории этих народов сопровождались драматическими коллизиями. Культурные традиции нередко насильственно прерывались. В новое время попытки создания алфавитов языков северокавказских горцев предпринимались с начала XIX века, но это не привело к распространению грамотности. Первые практические алфавиты языков коренных народов Карачаево-Черкесии разработаны в начале XX века: карачаевского и черкесского в 1924, ногайского — в 1928, абазинского — в 1932 году. С этого времени осуществляется обучение на родных языках, рождаются и развиваются литературы на карачаевском, абазинском, ногайском и черкесском языках. Возникает периодическая печать, налаживается книгоиздательское дело, позднее — радиовещание, театр, телевидение.

Возникшие в начале 20-х годов XX века абазинская, карачаевская, ногайская и черкесская национальные литературы прошли сложный путь становления и развития. В наше время они уже зрелые литературы, достигшие всероссийского эстетического уровня. Выросли писатели, творчество которых известно не только в Карачаево-Черкесии, но и во всем СНГ, а также в других зарубежных странах. Некоторые их произведения ты прочитаешь в этой и последующей книгах. Надеемся, они не оставят тебя равнодушным и обогатят твой духовный мир и твоё художественное образование.

Ты будешь изучать литературы народов Карачаево-Черкесии в IX, X, XI классах и в соответствующих им курсах профессиональных учебных

заведений. Учебное пособие издается двумя частями. Первая часть адресуется IX, вторая — X и XI классам (и соответствующим им курсам). Может быть, в нем материала несколько больше, чем требуется по программе. Но это сделано сознательно: авторы не хотели ограничивать тебя узкими рамками сетки учебных часов.

Хотим предупредить тебя еще об одном. Многие произведения устной и письменной словесности народов Карачаево-Черкесии не переведены на русский язык. Поэтому некоторые из них приводятся в подстрочном переводе. Полагаем, что это не мешает тебе почувствовать их красоту и богатство.

Итак, в добрый путь, друг ученик!

Ответственный редактор

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА АБАЗИН

ФОЛЬКЛОР

АБАЗИНСКИЙ ЭПОС «НАРТЫ»

Как все народы мира, абазины создали и сохранили богатейший фольклор: эпос «Нарты», трудовые и обрядовые песни, мифы и легенды, детский фольклор, сказки всех видов, различные песни, сказания и предания, пословицы, поговорки, загадки и т. д.

Устное народное творчество — большая и важнейшая часть духовной культуры народа.

У абазин, как и у других народов Карачаево-Черкесии, до начала XX века не было национальной письменности. Поэтому, естественно, они не имели ни книг, ни газет на родном языке. Редкие попытки создания алфавита, школьных учебников не привели к распространению грамотности. В таких условиях фольклор оставался чуть ли не единственной областью, в которой народ проявлял свой художественный талант, сохранял нравственные и этические нормы, выражал свое отношение к общественной жизни, воспевал героев, бичевал трусов и предателей, высмеивал человеческие пороки.

Устное народное творчество — одновременно — и политическая трибуна народа, и его философия, и его взгляд на историю, на мораль и жизнь.

Фольклор сохранил богатство языка, его способность выражать самые глубокие мысли и чувства, своеобразие понимания мира и человека.

Фольклор оказал решающее влияние на все другие виды искусства. Поэтому его значение трудно переоценить.

Фольклор каждого народа имеет много общего с устным народным творчеством других народов, но он всегда остается национально своеобразным и самобытным. Таков и абазинский фольклор: абазинские сказки, песни, предания и т. д. невозможно спутать с произведениями других народов.

В этой книге мы кратко остановимся на наиболее крупных памятниках устного народного творчества, прежде всего на эпосе «Нарты».

* * *

В создании героического эпоса «Нарты» приняли участие многие народы Кавказа: абазины, абхазы, адыгейцы, балкарцы, кабардинцы, карачаевцы, осетины, черкесы. Поэтому ученые называют его эпосом народов Кавказа. Каждый народ имеет свою национальную версию эпоса, хотя основные сюжеты, мотивы, образы у всех народов — создателей и носителей эпоса — близки или совпадают.

«Нарты» — один из мировых эпосов: он стоит в одном ряду с шумеро-аккадским эпосом о Гильгамеше, с древненемецкой «Песней о Нибелунгах», с башкирским эпосом «Кубаиры», с якутским — «Нюргюн Воотур Стремительный», с калмыцким — «Джангар», с бурятским — «Гэсэр», карело-финским — «Калевала», с русскими былинами и т. д.

«Нарты» — очень древний эпос. В наиболее архаичных сказаниях эпоса отразилась эпоха первобытнообщинного строя.

Центральным героем абазинского эпоса «Нарты» является богатырь Сосруко. Его жизнь — это цепь героических подвигов во имя счастья и благополучия нарттов. При этом, как и подобает эпическому герою, он не требует ни почестей, ни богатства, ни славы.

Сказания о Сосруко обычно небольшие по объему. Каждое отдельное сказание, как правило, рассказывает об одном подвиге витязя. Все сказания в сумме воссоздают «эпическую биографию» героя.

Родился Сосруко из камня. Он был закален нартским кузнецом и тело его стало стальным. Незакаленными остались только бедра (или колени), за которые держал щипцами кузнец при закаливании.

Сосруко уже в детские и отроческие годы обладает огромной силой. Так, например, он выдергивает громадную наковальню бога-кузнеца Тлепша, вбитую в землю до седьмого дна, пускает в небо стрелу, которая так далеко улетела, что, пока она возвратилась, нартты успели зарезать быка, сварить и съесть его мясо, отдохнуть после щедрого обеда.

Сосруко совершает много подвигов. Но среди них выделяются два самых выдающихся — это похищение огня и возвращение проса. И огонь, и просо нартский богатырь похищает (или возвращает) у злейших врагов нартского рода — айныжей — громадных великанов, циклопов.

В одном из сказаний рассказывается о том, что нартты, отправившиеся в поход за славой, попали в беду: мерзнут, но огня развести не могут. Их выручает Сосруко.

«Я добуду огонь, а вы подождите меня здесь», — говорит он и отправляется в путь. Через некоторое время он подъезжает к хижине великана. У очага, свернувшись вокруг огня кольцом, спит громадный айныж.

Наколов на острие кинжала горящую головешку, Сосруко пускается в обратный путь. Проснувшись и заметив, что у него украли огонь, айныж бросается в погоню и настигает нарта. Завязывается бой. «Я не Сосруко, а его кашевар. Твое счастье, что с тобой встретился не сам Сосруко», — говорит Сосруко айныжу. Перепуганный айныж (если кашевар такой ловкий, что увертывается от ударов великана, то какой же сам «железный нарт»!) просит «кашевара» показать ему игры, которыми развлекается Сосруко. Нарт называет великану несколько «игр Сосруко». Первая игра: йаныж должен ударом лба вернуть на вершину громадный камень, который скатывают с горы. «как это делает Сосруко». Великан легко справляется с этим. Затем «кашевар» предлагает вторую игру: айныж должен искупаться в кипящем молоке. «как это делает Сосруко». И опять цел-невредим великан. Третья игра заключается в следующем: айныж должен лечь плашмя на землю и дать «кашевару» погарцевать на своей спине, «как это делает Сосруко». Великан соглашается с готовностью. И как только он ложится на землю, Сосруко въезжает ему на спину и убивает ударом меча. Так Сосруко побеждает страшного айныжа и приносит огонь нартам.

Другие варианты этого сказания, сохраняя все главнейшие элементы сюжета, могут варьировать частности.

Так, в сказании «О том, как Сосруко возвратил огонь нартам» указывается, что «айныж украл у нартов огонь, и они остались без огня». И Сосруко возвращает огонь нартам.

Айныжи — постоянные противники Сосруко, враги нартского рода. И во втором главнейшем своем подвиге — возвращении проса — нартский витязь вступает в борьбу с ними.

Чудесное просо нартов (из одного зернышка его можно было приготовить большой котел басты — каши) украл айныж. Сосруко отправляется возвращать похищенное зерно.

Преодолев с помощью своего необыкновенного коня множество преград, Сосруко добирается до обиталища великана и уносит просо. Но даже его необыкновенный конь оказывается неспособным уйти от лошади великана: айныж догоняет нарта, опрокидывает его и отнимает просо. Сосруко решает раздобыть жеребенка, рожденного матерью коня айныжа. Пройдя через множество испытаний, нартский витязь завладевает чудесным жеребенком, который за одни сутки вырастает в замечательного коня, и айныж уже не может догнать Сосруко. Он возвращает просо нартам.

Немеркнувшей славой озаряют подвиги возвращения огня и проса монументальный образ нартского богатыря. Сосруко возвратил нартам оба начала жизни: огонь и пищу! Его подвиг равен самой жизни!

Борьба Сосруко с врагами всегда заканчивается победой нартского богатыря. Притом, во всех случаях Сосруко побеждает их не столько физической силой, сколько интеллектом, хитростью, сноровкой.

Нарты ненавидели Сосруко за то, что его слава затмевала их богатырство, и они решили устранить своего великого соперника. Узнав о незакаленных коленях Сосруко, они предложили ему на игрищах вернуть на вершину огромное острое колесо, скатываемое ими с горы. Великий нарт согласился, и колесо перерубило его колени. Так погиб великий витязь Сосруко.

Сосруко погиб, но имя и подвиги его остались на века как пример высокого служения добру и свету.

В эпосе действует множество героев, но среди них одно из главнейших мест занимает красавица Сатаней.

Сатаней — мудрая наставница нарттов, хозяйка большого нартского рода, глава семейства богатырей, их мать, советница и хранительница. Нарты нигде не могут обойтись без вечно юной своей матери, без ее ума, смекалки: в трудную минуту они обращаются к ней за советом и помощью, и она всегда находит наилучший выход из любого положения, дает дельные и мудрые наставления. Даже всемогущий бог — кузнец Тлепш беспомощен без Сатаней-гуаши: формы его молота, наковальни и щипцов подсказаны матерью нарттов. «И молот и наковальня были сделаны с помощью Сатаней», — говорится в сказании «Сатаней и Тлепш». Потерявшие чудесное просо нартты, не зная как его вернуть, просят помощи Сатаней. Во всех делах Сосруко участвует мать: она ему подсказывает, как одолеть врага, оберегает магией от опасностей.

Если в образе Сосруко народ выразил свое представление о воине и человеке, то в образе Сатаней — идеал женщины, матери, хозяйки дома.

Подстать Сатаней и Кайдух — светлорукая красавица, хозяйка, по народной молве, одноименной крепости на берегу Инджига. Муж красавицы Кайдух занимался уводом коней. Когда в кромешную ночь похититель табунов доезжал до берега Инджига, красавица Кайдух, выставив в окна дома руки, излучавшие свет, освещала полотняный мост, перекинутый через бурную реку. Муж с табунами благополучно переправлялся на свой берег.

Однажды, во время ссоры, Кайдух указала мужу, что в его героических деяниях есть и ее доля: он не смог бы пригонять тучные табуны, если бы Кайдух не помогала, освещая ему дорогу. Рассерженный супруг отказывается от всякой помощи жены и погибает вместе с табуном в речной пучине.

Своеобразна поэтика нартского эпоса. Главнейшим приемом создания богатырски-монументального образа героя является гиперболизация.

В эпосе гиперболизируется буквально все: рост, сила людей, их выносливость, вооружение и кони, масштабы боевых схваток, размеры жилья и хозяйственных построек, объем пищи, питья и т. д.

Само рождение Сосруко из камня, закалка героя кузнецом нарттов, количество героических подвигов нартского богатыря — плод чрезвычайной гиперболизации и идеализации эпического образа.

Особенно часто гиперболизируются образы врагов Сосруко. Здесь этот художественный прием несет на себе идейную функцию: чрезвычайное преувеличение физической силы, роста и т. д. противника рельефнее подчеркивает ум, хитрость, находчивость Сосруко, придает его победе особое значение и вес.

В нартских сказаниях, как и в сказочном эпосе, часты так называемые общие места, к которым, в частности, относятся картины встречи героя с противником, описание боя, диалог между Сосруко и его врагами.

Язык сказаний нартского эпоса отличается лаконичной простотой.

У нартвов мы не встречаем развернутых портретных характеристик: сказители акцентируют почти все свое внимание на действиях героев, наиболее подробно разрабатывая моменты боевых схваток.

Постоянные эпитеты, сопутствующие нартам, дают лишь самый общий облик персонажа. Нередко эти эпитеты так тесно сливаются с именами, что не воспринимаются уже как эпитеты. Постоянным эпитетом к имени Сатаней выступает «гуаша» («опора», «основа», «княгиня», «хозяйка»). При характеристике образа Сосруко исключительной «привилегией» пользуется лишь эпитет «железный» («стальной»).

...Нартский эпос сформировался в древнейшую эпоху и прожил необычайно долгую жизнь.

Высокие народные идеалы, воплощенные в любимых героях, совершенство художественной формы, глубокие идейно-эстетические достоинства обеспечили древнему эпосу бессмертие, пронесли через богатую превратностями тысячелетнюю историю народов-создателей и носителей «Нартов».

Познакомимся с некоторыми сказаниями из эпоса «Нарты».

Из абазинских нартских сказаний

Нарты и их время

Нарты обитали в Нартсане¹ и в долинах Инджигов². Жили они бесхитростно, не прибегая ни к каким уловкам. Среди них были гадальщики на фасоли, на бараньей лопатке, ворожеи, колдуны.

¹Нартсана — нынешний Кисловодск и его окрестности.

²Инджиги — Большой и Малый Зеленчуки.

Каждый год нарты собирались в одном, ими выбранном месте и устраивали игрища: конные ристания, метание камней, стрельба из лука, метание стрел в подвешенное яйцо, подъем на всем скаку предметов с земли, скачки стоя в седле, вытянувшись вдоль туловища лошади, скатывание с горы Харам-Тоба тяжелого и острого железного колеса, закатывание его обратно ударом руки, одетой в кольчужную перчатку, танцы по краям большого круглого бахсыма¹. Были у них и другие богатырские игры.

Так забавлялись нарты.

Самыми мужественными, самыми отважными (их называли «носителями мужества») среди нартов были: Тотраш, Тлепш, Шабантоко, Ащамаз, Ханжоко, Сосруко, Баданоко, Тлябыца, Батраз, Уарызмаг...

Обладателем самого большого мужества среди нартов был Сосруко. Предания говорят о его жизни и его многочисленных подвигах.

Пересказал В. Тугон.

Сон айныж Наны

В давние времена на земле жили только нарты и айныжи. Они были врагами друг другу. Айныжи называли айныж Наной старуху, от которой происходил их род.

Однажды сын Наны увидел сон.

— Нана, я видел сон, — сказал он матери.

— Какой?

— Приснилось мне, что отец наш лежит в постели, а я сижу и смотрю на него. Пока я смотрел, он сначала сделался маленьким, затем-седым, наконец, — у него выпали все зубы. Вот какой сон я видел. Что бы это значило?

— Сны мудро толкует только одна Сатаней — женщина, от которой ведут свое начало нарты, мать нартов. Если величаяя Сатаней не истолкует твой сон, то я ничем не смогу тебе помочь. Отправляйся к ней. Расскажи ей свой сон, и она истолкует его, — сказала айныж Нана сыну.

— Нана, как же я пойду к нартам? Ведь нарты и мы — враги! Они убьют меня, как только увидят, — ответил сын.

— Не убьют они тебя, если скажешь: «Посланца не убивают и не задерживают»². Еще скажешь им: «Айныж Нана прислала меня к Сатаней, чтобы она истолковала мой сон». Если скажешь так, никто тебя не убьет. Примут как гостя.

¹Бахсыма — буза, хмельной напиток.

²Народная пословица.

Сын отправился в путь. Когда дошел до дома Сатаней, его задержала стража. Он сказал стражникам:

— Айныж Нана прислала меня к Сатаней, чтобы она истолковала мой сон.

Стражники передали Сатаней слова айныжа.

— Не задерживайте его. Напротив, окажите ему все почести, кои, по обычаю, положены почетному гостю. Сегодня у меня времени нет. Приведите его ко мне завтра в кушлук¹, — сказала Сатаней.

Нарты зарезали в честь айныжа быка и корову, устроили пир. Одним словом, приняли как самого почетного гостя. Утром, в кушлук, привели его к Сатаней.

— Что ты, айныж, хочешь? — спросила Сатаней.

— Меня прислала айныж Нана. Видел я такой сон. Отец наш лежит в постели, а я сижу и смотрю на него. Пока я смотрел на него, сначала он сделался маленьким, затем — седым, наконец, у него выпали все зубы. Нана сказала, что только ты одна можешь истолковать мой сон. Вот почему я пришел к тебе, — сказал айныж.

Сатаней подумала и ответила:

— Передай своей матери вот что. В будущем люди станут очень образованными, многое будут знать, но станут маленькими, не будут расти, рано будут сесть. Они еще будут детьми, а зубы будут шататься, болеть, выпадать. Нартов и айныжей сменят такие люди. Вот что означает твой сон. Так и передай айныж Нане.

Вернулся айныж домой и передал матери слова Сатаней. Выслушав сына, мать воскликнула: «Коль появятся такие люди, то жить незачем!» и упала в обморок. Сердце ее лопнуло.

Так говорят предания об айныж Нане.

Пересказал В. Тугов.

Сатаней и Тлепш

Нарты — племя богатырей. Все они были высокими и мощными. И кони их были богатырскими — алыпы², дурдули³.

Было у нартов и богатство и свое государство. Местом, где нарты давали клятву, была долина Псхуабы⁴ и степи над Гумом⁵.

Среди нартов была одна умная женщина. Звали ее Сатаней.

¹Кушлук — около 10 часов утра.

²Алып — сказочный крылатый конь.

³Дурдиль — то же самое.

⁴Псхуаба (букв. Теплая вода) — нынешний Пятигорск.

⁵Гум — река Кума.

Сатаней из племени нартов не была замужем.

Случись что, нарты обращались к ней. Она давала им советы, наставляла на правильный путь. Мудрая была Сатаней.

Сатаней была очень красивой.

Во времена нартов люди жили очень долго: сто, двести, триста лет. Долгим был человеческий век в те времена.

Кузнецом у нартов был Тлепш.

Приходит Сатаней к Тлепшу в кузницу и видит: уж очень устает он. Наковальня — каменная глыба, молот — кусок толстого дерева. Дело не спорится, устает Тлепш.

Сатаней села и призадумалась. «Если бы у него были наковальня и молот, да из железа, дела пошли бы лучше», — решила она.

Решила Сатаней и ночью сделала из дерева ту вещь, которую все называют наковальней, из дерева же ту вещь, которая всем известна как молот.

Как только молот и наковальня были готовы, она, Сатаней, ночью отнесла их в кузницу и оставила там (Тлепш на ночь уходил домой).

Утром Тлепш пришел в кузницу, увидел молот и наковальню и не сразу догадался, что означают эти вещи, откуда они взялись. Затем его осенило: «Это же — наковальня, а это — молот».

По деревянным образцам Тлепш сделал железные наковальню и молот.

Так молот и наковальня были придуманы Сатаней. Тлепш так и не догадался, что формы его наковальни и молота были подсказаны Сатаней.

Есть теперь у Тлепша и молот и наковальня. Но раскаленное железо он хватает голыми руками и обжигает себе руки. Увидела это Сатаней и не знает, как помочь Тлепшу.

Как-то она пошла на речку по воду и увидела двух змей. Одна змея лежала на другой. Змеи лежали так, что напоминали ножницы. Удивилась Сатаней. Сделала из дерева вещь, похожую на лежащих змей. Шилом проткнула то место, где соприкасались шеи змей, и ночью подбросила вещь в кузницу Тлепша. Тлепш по деревянному образцу сделал железные щипцы-клещи.

Так Сатаней подсказала и форму щипцов-клещей.

Теперь у Тлепша наковальня железная, молот железный, щипцы-клещи железные. И дела у него пошли хорошо.

Пересказал В. Туглов.

Меч Сосруко

Родившегося из камня Сосруко воспитывала Сатаней.

Сосруко рос небывало быстро.

Когда Сосруко исполнилось два года, он стал играть со сверстниками в альчики. Играл он месяц-два.

В один из дней он сказал матери:

— Мать, я слышу какой-то шум, но не пойму, что это за шум и откуда он. Мнится мне, что шум оттуда (он показал рукой). Пойду посмотрю... Шум был от ударов молота Тлепша. Его кузница находилась неподалеку от дома Сатаней.

— Еще рано тебе туда ходить, — сказала Сатаней.

Сосруко и день и два упрашивал мать, но она не отпускала его.

Сосруко дождался, когда Сатаней по каким-то делам вышла из дома, и пошел к Тлепшу.

Пришел Сосруко к Тлепшу...

Говорят, Тлепш часто спрашивал Сатаней: «Как Сосруко растет, как ест, пригож ли он собой?» Сатаней отвечала: «Ест он хорошо, растет быстро, хорош собой»...

Так вот, пришел Сосруко к Тлепшу.

Тлепш узнал Сосруко.

— Заходи, мой мальчик, заходи, — обрадовался Тлепш. — Почему не заходишь? Разве тебе не скучно?

— Мать не пускает. А то приходил бы, — отвечал Сосруко.

— Теперь будет разрешать. Приходи почаще.

Сосруко — мальчик-богатырь. Он хочет все увидеть своими глазами, везде побывать. Сатаней же кажется, что он еще очень мал.

В один из приходов Сосруко Тлепш сказал ему:

— Возмись за этот горн (а горн Тлепша с большой дом), надувь меха, если сможешь.

Сосруко взялся надувать меха. Все, что было в кузнице — огонь, железо, наковальня, молот — стало разлетаться в разные стороны.

— Остановись, остановись! — взмолился Тлепш. — Хватит, хватит!

В один из дней, когда Тлепш работал в кузнице, к нему пришли трое братьев и принесли одну косу.

— Тлепш, — сказали они, — эту косу мы оспариваем друг у друга. Не можем решить, кому она должна достаться. Просим тебя, Тлепш, сделай из этой косы нам меч.

На следующее утро Сосруко пошел в кузницу Тлепша, выдернул наковальню, вбитую в седьмое дно земли, положил перед дверями кузницы и вернулся домой.

Тлепш пришел в кузницу и видит: наковальня его лежит перед дверями! Удивился Тлепш: кто, мол, из живущих на земле смог выдернуть его наковальню?!

Пока он стоял и думал об этом, пришли те трое с одной косой. Эти трое были нарты.

Пришли они к Тлепшу и вновь говорят:

— Мы не можем поделить одну косу на троих. Сделай из нее, ради бога, нам меч.

— Почему вы ссоритесь из-за этой косы? Что в ней ценного? — спросил Тлепш.

Старший из братьев сказал:

— Я — старший, а этот — средний, а тот — младший. Коса эта — младшего. Мы — косари. Мы со средним братом начнем волок, доведём его почти до конца, а младший все еще сидит с косой. Думаем, вот-вот доведем волок до конца, а младший начнет косить и обгонит нас. Мы ссоримся. Ссоримся из-за косы. Мы решили отобрать у брата косу и сделать из нее меч. Пришли тебя просить об этом.

Тлепш осмотрел косу. Понравилась она ему. Решил выковать из нее меч для Сосруко. А братьям же сказал:

— Идите домой. Приходите через три дня. Кто сможет поднять эту наковальню и поставить на место (по три попытки даются каждому), тот и получит меч, выкованный из косы.

Взялся за наковальню старший брат. Сделал попытку — не смог поднять, сделал вторую — не смог поднять, сделал третью — не смог поднять.

Взялся за наковальню средний брат. Сделал попытку — не смог поднять, сделал вторую — не смог поднять, сделал третью — не смог поднять.

Взялся за наковальню младший брат. Сделал попытку — немного пошевелил, сделал вторую — чуть-чуть приподнял, сделал третью — поднял до колен и... уронил на землю.

Сосруко тоже пришел к кузнице. Стоит и смотрит, что делают братья. Сосруко еще маленький мальчик, ему только два года.

— Никто из вас не смог поднять и поставить на место наковальню. Стало быть, коса теперь моя? — сказал Тлепш.

— Твоя. Пусть пойдет она тебе на пользу, — отвечали братья.

— За три дня сделаю я вам три меча. А коса же останется у меня. Идите и приходите через три дня.

Тут молча стоявший Сосруко заговорил:

— Тлепш, позволь мне поставить на место наковальню.

Тлепш не знал, что наковальню вырвал Сосруко.

Старший из братьев сказал:

— Ступай домой и пососи грудь своей матери (он не поверил Сосруко, подумав: «Ведь младенец он еще»).

Средний сказал:

— Смотри не надорви кишки.

Младший сказал:

— Какой ты еще несмышленный, мальчик!

Тут Сосруко рассердился, схватил наковальню, отнес на место и вогнал в седьмое дно земли.

— Хорошо, хорошо, — только и сказал изумленный Тлепш.

Братья тоже диву дались.

— О-оо, — сказали они, — мы еще не видали такого богатыря среди нартов. Надо о нем рассказать всем. Этот мальчик, если нам, нартам, станет плохо, поможет. Расти, Сосруко! — добавили братья, погладили Сосруко по голове и ушли.

Вышли братья со двора кузницы и решили: «Надо рассказать о нем (о Сосруко) всем нартам».

Так решили они и пришли к нартам.

— О великий Уашхо¹! Мы сегодня видели диво: мальчик-нарт, сын Сатаней, поднял наковальню Тлепша и вогнал в седьмое дно земли! — сказали братья.

Нарты удивились. «Откуда у Сатаней сын? Она, ведь, никогда не выходила замуж. И мужа у нее нет», — задумались нартские мужи.

Среди нартов жила уйд² по имени Барамбух. Послали за ней. Пришла Барамбух со своей палкой.

— Ты, рожденная собакой, ты, злоносительница, ты, родившая без мужа, ты, позорящая род нартов! — набросилась она с бранью на Сатаней.

— Нана³, чем бранить меня, поговорила бы со мной по-хорошему, — сказала Сатаней.

Поговорили. Узнала тут Барамбух, что Сосруко родился из камня. И затаила Барамбух в сердце зло, ибо догадалась, что Сосруко станет богатырем, и не хотела этого.

Тлепш же выковал из косы братьев меч Сосруко. Меч, которым он победил многих врагов нартов.

Вот откуда меч Сосруко.

Пересказал В. Тугов.

Как Сосруко возвратил огонь нартам

У нартов было немало врагов: чинты, испы, маракуанцы¹.

Однажды нарт Насран сказал сородичам:

— Я иду воевать с чинтами, — взял пятьсот всадников и отправился в путь.

Перед выездом одни нарты сказали:

— Давайте возьмем с собой Сосруко.

— Разве без Сосруко не сделаем дело? — возразили другие.

¹Уашхо — верховный бог; бог Неба.

²Уйд — колдунья.

³Нана — мать (почтительное обращение и старой женщине).

⁴Чинты, испы, маракуанцы — мифические враги нартов.

Не взяли нарты с собой Сосруко.

Не успели нарты доехать до того места, куда направлялись, как разыгрался буран. Нарты замерзают: нет у них огня.

В то время в краю нартов жил один айныж-великан. Он был до того силен, что нарты не могли одолеть его. Сосруко слышал о нем, но не встречался с ним ни разу. Так вот этот айныж в свое время украл огонь у нартов.

Буран все усиливается. Насран и его дружина совсем замерзают. Мороз убивает их коней. Сядут нарты на коней — не могут усидеть, спешатся — не могут согреться. Такая беда постигла их.

— Ошиблись мы, что не взяли с собой Сосруко, — опечалились нарты. — Был бы он с нами, придумал бы что-нибудь.

Не могут нарты ни вперед, ни назад идти: замерзают. Пригорюнились нарты.

Сатаней — мать нартов — узнала, в какую беду попали ее сыновья: она была мудрой ясновидицей.

Она позвала Сосруко и сказала:

— Сосруко, мой мальчик. Насран и дружина его попали в беду. Нартов застиг такой буран, что они друг друга не видят, совсем замерзают. Седлай коня и поезжай к ним.

Сосруко оседлал коня и помчался. Дурдуль — его крылатый конь — летел, словно птица. В мгновение ока Сосруко прибыл к замерзающим. Нарты несказанно обрадовались ему.

— Беда, Сосруко! Если не поможешь, пропадем зазря: мороз убивает нас! — сказали нарты. — Согрей нас, спаси!

— Ладно, успокойтесь! Придумаем что-нибудь.

Сосруко взял лук, выстрелил в звезду. Посыпались искры. Они немного согрели нартов. Выстрелил Сосруко второй раз — мало проку от этого.

— Подождите здесь немного. Я скоро вернусь, — сказал Сосруко и прищпорил коня.

Он взобрался на высокий холм, оглядел окрестности. Видит: стоит хижина, а над ней — дым. Поскакал к хижине. Доскакал. Спешился. Вошел. В хижине огромный айныж. Он спит, свернувшись кольцом вокруг огня. Это был тот айныж, который украл у нартов огонь. «Как взять огонь?» — думает Сосруко.

Сосруко посоветовался с конем. Конь сказал:

— Сосруко, ты же знаешь, сердце у меня — волчье. Я ворвусь в хижину, поступь моя будет кошачья: айныж не услышит, не проснется. Ты же осторожно хватай головешку, вскочи мне на спину и, если будет удача, унесем огонь.

Сосруко на скаку схватил подвернувшуюся головешку и выскочил из хижины. Одна искра попала в бороду айныжа. Борода загорелась и опалила лицо айныжа. Великан проснулся от боли, пересчитал головешки в оча-

ге, заметил, что не хватает одной и понял, что ее унесли. «Нарты украли огонь», — догадался айныж и погнался за похитителем.

В мире нет коня, равного сосурукскому. Он, как птица, летит по воздуху. Всю ночь скакал Сосуруко. Но айныж догнал его и схватил коня за узду.

— А-а-а! Нартский молокосос! Куда несешь мой огонь?! Думал, что далеко уйдешь? Надеялся, что не догоню?! — заревел айныж.

— Я взял твою головешку не для того, чтобы не унести, — сказал Сосуруко. — Как ты украл, так и я забрал!

— Ты не унесешь мою головешку! Если бы это был не ты, а Сосуруко, тогда — другое дело. Сосуруко, может быть, и смог бы унести. Я хотел бы, чтобы на твоём месте был Сосуруко! — сказал айныж.

— Придет время и Сосуруко будет у тебя. Ждать придется недолго. Что думаешь делать? — спросил неузнанный Сосуруко.

— Что буду делать? Расскажи мне про забавы Сосуруко. Не расскажешь — убью. Ты кто?

— Я — пастух Сосуруко.

— Пастух так пастух. Рассказывай: как забавляется Сосуруко, какая у него сила, какое мужество? Не расскажешь — убью.

— Расскажу. Но то, что делает Сосуруко, ты не сможешь сделать.

— Как это? Я — да не смогу?!

— Не сможешь.

— Рассказывай!

— Мужество Сосуруко вот в чем. Видишь вот тот большой валун? — Сосуруко показал на огромный камень. — Сосуруко берет такой валун, подбрасывает его высоко в небо. И, когда он опускается, бьет его лбом и разбивает на мелкие кусочки. Сможешь такое сделать?

— Это что ли не смогу я сделать? Это я не смогу разбить валун?! — разозлился айныж, схватил валун, подбросил в небо и, когда он опустился, ударил его головой и разбил на мелкие куски.

Сосуруко расхохотался:

— Одно дело ты сделал. Но это самое легкое дело. Разве Сосуруко только это делает? Сосуруко никого на свете не боится, ни перед кем не отступает. На свете нет человека, который мог бы победить или убить Сосуруко. А вот что он еще делает. Он наполняет свинцом огромный котел (такой, какой у тебя есть), ставит его на огонь и, когда свинец расплавится, выливает себе в рот весь котел и, остудив свинец, выплевывает его.

— Я ли не смогу сделать такое?! — сказал айныж, собрал весь свой свинец, высыпал его в котел, расплавил, выпил и, остудив, выплюнул.

— И это не самое трудное из того, что делает Сосуруко, — сказал Сосуруко. — Сосуруко никого на свете не боится, он живет и работает для нартов. Он — только для них. Не о себе он думает, а о сородичах. Теперь слушай что он еще делает. Сосуруко входит в воду там, где сливаются три моря. Да так, что из воды видна только одна голова. Три дня и три ночи,

а иногда четыре дня и четыре ночи он стоит в воде, ничего не ест и не пьёт. И когда замерзает море, он выходит из него, вынося на своих плечах весь образовавшийся лед. Ты такое сможешь сделать?

— Я ли не смогу сделать такое! — сказал айныж и вошел в море.

Айныж по самое горло вмерз в лед.

— Теперь выходи! — крикнул айныжу Сосруко.

Айныж поднатужился, поднял весь лед и вынес его на берег.

— Ты же говорил, что не смогу выйти из моря, а я, как видишь, вышел.

Скажи, что еще делает Сосруко. Не скажешь — убью, — сказал айныж.

— Сосруко никто не может убить, он никого не боится, ни перед кем не отступает, — сказал Сосруко. — Расскажу что он еще делает. Он входит в три самых больших моря, вмерзает в лед и стоит неделю. Затем он выносит на берег лед всех трех морей.

— Эка дело! — сказал айныж и вошел в воду там, где сливаются три моря.

Сосруко взмолился: «О великий Бог, сделай так, чтобы сегодня море замерзло так, чтобы айныж намертво вмерз в лед и не смог выйти на берег!»

Айныж стоял в воде неделю. Вмерз в толщу льда.

— Поднатужься и выходи! — крикнул Сосруко.

Айныж напрягся — ничего у него не вышло: он остался во льдах, одна только голова видна.

— Еще раз поднатужься! — крикнул Сосруко.

— Не могу больше.

— Тогда жизнь твоя в моих руках. Смерть твоя пришла. Я — Сосруко.

— Если бы я не был глупцом, давно б догадался, что ты Сосруко. Твоей вины нет в том, что я глупец. Вся вина на мне. Твой меч не перерубит даже одну волосинку на моей голове. Голову мою может срубить только мой меч. Если у тебя хватит сил, принеси мой меч и, не мучая мою душу, отсеки им мою голову. Твой же меч не срубит мне голову. Не мучай меня, — сказал айныж.

Сосруко задумался: «Правду ли он говорит или какая-то хитрость в его словах?» — и решил посоветоваться со своим конем.

— Ничего не случится, — сказал конь. — Пошли быстрее за мечом, а то нарты совсем замерзают.

Сосруко сел на коня и поскакал. Он вошел в хижину, снял со стены меч айныжа и мгновенно вернулся к морю.

Сосруко срубил голову великану.

Сосруко возвратился к нартам, принес им огонь, украденный когда-то айныжем, отогрел их и накормил. Сосруко спас нартов от гибели.

Насран и его дружина поклялись:

— С сегодняшнего дня мы без Сосруко никогда не будем пускаться в путь!

Пересказал В. Тугов.

Как Сосруко возвратил семена проса

У нартов было чудесное просо. Из одного зернышка его можно было сварить огромный котел басты — крутой каши. Нарты хранили семена проса в большом медном амбаре. Охранял амбар самый сильный, самый храбрый нарт.

Жил в то время на краю света, там, где заходит солнце, один айныж. Он давно задумал похитить семена проса нартов.

И вот однажды ночью он убил сторожа, рассек надвое амбар и унес семена.

Собрались нарты и стали совет держать: как быть? Айныж унес их просо! Не знают они, где он живет. Пошли к Сатаней.

— Мать наша, Сатаней, беда: наше просо украл айныж! Он убил сторожа, разбил медный амбар. Мы не знаем, где он живет. Что посоветуешь? — сказали они.

— Сатаней вы вспоминаете тогда, когда вам плохо, а когда вам хорошо, вы не знаете ее. Когда становитесь беспомощными, вам, кроме Сатаней, некому помочь. Ладно, и теперь помогу. Если среди вас есть мужчина, который сможет дойти туда, скажу, где живет тот айныж. Он живет в том краю, где заходит солнце. Если дойдете до того места, вернете просо, а не дойдете — забудьте про просо, — ответила нартам Сатаней.

Сосруко встал и так сказал Сатаней:

— Мать, снаряди меня в дорогу. И укажи дорогу к айныжу, который унес семена нашего проса.

— Мой мальчик, зачем тебе это? Не сможешь ты туда добраться. Нет ни одного нарта, который дошел бы до земель того айныжа.

— Ты укажи мне дорогу, мать. А дойду или не дойду — мое дело.

— Оставь это, мой мальчик. Нельзя тебе туда. Да и не нужно.

— Мужчина-нарт не отступает от своего решения. Я — мужчина-нарт. И не откажусь от того, что задумал.

Сатаней поняла, что Сосруко не отговорить.

— Иди, мой мальчик, — сказала она. — Но помни: от восхода солнца до большого кушлука¹ ты должен перевалить через шестьдесят гор. От большого кушлука до полудня — перейти через шестьдесят рек. От полудня до заката солнца — переправиться через три большие моря. Когда переправишься через моря, ступишь на большую равнину. Это в том краю, где заходит солнце. Там крепость. В той крепости и живет айныж, который украл просо. Тебе лучше знать, сможешь ли дойти до того места или не сможешь.

¹ Большой кушлук — около 11 часов дня.

Сосруко отправился в путь. Преодолея шестьдесят гор, переправившись через шестьдесят рек, переплыл через три моря. К вечеру он оказался в той неоглядной равнине, о которой ему говорила мать.

У айныжа, который украл просо нартов, жила одна женщина-нартка, которую великан украл давно. Нарты не знали об этом. Так вот айныж поставил эту женщину охранять украденное зерно. Каждый день она поднималась на стену крепости и зорко осматривала окрестности.

Крепость айныжа была такая. Ни один конь на свете, ни один человек на земле не смогли бы взобраться на эту крепость. Стены ее высоки, обнесены дерезой. Кроме птиц и самого айныжа никто не в силах взобраться на эту крепость. Внутри крепости — ровное поле и гора.

Сосруко ступил на землю айныжа как раз в то время, когда он собирался вспахать поле и засеять его семенами проса нартов.

Женщина-нартка, которую похитил айныж, взобралась на стену крепости и осматривала, как всегда, окрестности. Она заметила всадника, едущего в сторону крепости. Стала внимательно наблюдать за ним. Если на его пути встает гора, он перелетает через нее, если лес — перепрыгивает через него, если река — конь его выпивает всю воду из нее, если овраг — перешагивает через него.

Женщина вернулась к айныжу и сказала ему:

— К нам едет всадник, и мне не нравится, как он едет.

— Пойди и еще раз посмотри: какую воду пьет тот всадник, какие фрукты ест, как едет.

Она пошла, вернулась и сказала:

— Пьет он и болотную и чистую воду, ест и сладкие, и кислые, и незрелые фрукты, перепрыгивает через горы и овраги. Конь его летит по воздуху.

— Ай, нехорошо все это. Он не из тех, кто приходил к нам раньше. Мне он не нравится. Ладно, будем надеяться, что ничего плохого не случится. Ты знаешь, что на девяносто девяти кольях нашей ограды висят девяносто девять черепов. Сотой будет голова того всадника. Мои два меча, которые висят на моих воротах, не пропустят его. Как только он войдет в ворота, мечи отсекут ему голову. Посади ее на сотый кол! Я пойду пахать, — сказал айныж, взял бурдюк с семенами проса, сел на своего коня и поднялся на гору.

Сосруко доехал до ворот крепости айныжа. У него меч, выкованный самим богом-кузнецом Тлепшем.

Стоит Сосруко у ворот айныжа и не знает, как проникнуть в крепость: мечи не только человеку не дадут пройти через них, но и мухе не дадут пролететь. Выдернул Сосруко из хвоста своей лошади волосинку, но и она не прошла через мечи айныжа.

Сосруко далеко отступил от ворот и, сказав: «Мой меч, тебя десять дней и ночей ковал Тлепш. Если осрамишься перед мечами айныжа, не

сделаешь чести ни Тлепшу, ни мне», — разогнулся, ударил по мечам айныжа и сокрушил их. С мечом же, сделанным Тлепшем, ничего не случилось.

Сосруко вошел в крепость. Перед ним — женщина. Догадался, что она из рода нартов.

— Кто здесь живет? — спросил Сосруко.

— Зачем тебе нужно знать это? Что тебя привело сюда? Несомненно, ты — нарт. Зачем ты пришел сюда? Не спрашивай, кто тут живет, а развернись и побыстрее уходи, — сказала женщина.

— Нет, не уйду. Мне нужен тот, кто здесь живет. Мне нужно найти того, кто здесь живет. Я — мужчина-нарт.

— Он куда-то ушел. Недавно.

— Хорошо. А как ты оказалась здесь?

— Меня сюда привезли давно. С того времени не встретила человека, который увез бы меня отсюда, а сама я не могу уйти. Я ведь женщина. Так и осталась здесь.

— Если ты женщина-нартка, то я мужчина-нарт. Не оставлю тебя в беде. Скажи мне: не знаешь ли, принес сюда айныж просо нартов? Говори только правду.

— Принес. Перед тем, как ты пришел сюда, он пахал поле. Пошел и сегодня пахать. Каждый раз берет с собой и просо. Если ты к нему пойдешь — не вернешься. Он не отдаст семена проса. Лучше уж разворачивайся и уходи.

— Нет, не уйду! Скажи лучше, как туда добраться?

— Нет на свете ни коня, ни человека, который туда доберется, кроме коня айныжа.

— Плохо это, — сказал Сосруко и задумался.

Конь Сосруко был серой масти. И кличка у него была «Серый».

— Эй, Серый, если ты не сможешь подняться туда, куда поднялся конь айныжа, ты не должен был до сих пор верой и правдой служить мне, — сказал Сосруко, дал плети коню, и он мгновенно взлетел на гору, на которой пахал айныж.

Видит Сосруко: айныж запряг своего коня и пашет на дальнем краю поля. Бурдюк с семенами проса висит на дереве. Сосруко схватил бурдюк и пустился в обратный путь. Айныж заметил его. «Сопливый нарт украл мое просо!» — заорал айныж. Он не спеша распряг лошадь, приехал домой, поел, отдохнул, затем оседлал коня и пустился вдогонку за Сосруко. Сосруко не успел пройти одной трети пути, как айныж догнал его. Ударил грудью своего коня Серого и Сосруко вылетел из седла. Айныж подумал: «Убил его», — взял бурдюк и повернул назад.

Сосруко же очнулся, встал, отряхнулся, сел на своего коня и поехал за айныжем.

Сосруко дождался, пока айныж снова выехал пахать, и въехал в крепость. Встретила его женщина-нартка.

— Я же предупреждала тебя, — сказала она Сосруко. — Иди домой, пока цел. Он убьет тебя. Айныж не оставит тебя в живых.

— Как видишь, я жив. Если ты нартка, выполни мою просьбу. Когда айныж вернется домой, выведай у него, где его душа. Сделай все, чтобы узнать, где его душа. Это нужно мне, — попросил Сосруко.

— Ладно, — ответила женщина.

Сосруко выехал из крепости и спрятался.

Вечером айныж вернулся домой. Жена покормила его. Затем сказала: «Ты часто уходишь на два месяца. А иногда и на три. Уйдешь пахать — неделю тебя нет. А я дома — одна-одинешенька. Не с кем даже поговорить. Не с деревом же, не с домом же говорить? Сердце мое тоскует. Скажи мне, где твоя душа?»

— Сопливному нарту хочешь открыть, где моя душа? — рассмеялся айныж.

— Сопливого нарта ты убил. Откуда ему теперь взяться? И зачем он мне нужен? И нарт, и муж мой — ты. Нарт он или не нарт — зачем он мне? Какое мне дело до нартов?

— Раз так, то скажу. Душа моя вон в том деревянном ларце.

— Было бы хорошо, если бы я знала об этом раньше.

Утром айныж снова пошел пахать. До его возвращения женщина покрыла ларец золотом, разукрасила, сделала таким красивым, какого и на всем белом свете не сыщешь.

Вернулся айныж вечером, увидел ларец, удивился и воскликнул:

— Зачем ты так разукрасила ларец? Зачем столько трудилась?!

— Разве это трудно было сделать? Еще не то сделаю. Что я могу любить больше твоей души?! Завтра еще больше украшу твою душу. Сам увидишь, — сказала жена.

Айныж рассмеялся и сказал:

— Обманул я тебя: душа моя не в этом ларце. Душа моя вон в том пне, — указал он на пень во дворе.

— Горемычная я, зачем же обманываешь меня? — притворно запричитала жена. — Зачем к моему горю прибавляешь новое горе? Зачем мучаешь меня? Если бы я знала, что душа твоя в том пне, не дала бы ему стоять таким потрескавшимся.

Наутро айныж ушел пахать. Жена так разукрасила пень, что его и не узнать. Он стал сверкающим, красивым. Вернувшийся вечером айныж, увидев пень, поразился.

— Что ты с ним сделала? — сказал айныж, немного призадумался и продолжил. — Да, теперь верю, что любишь меня. Но я тебя снова обманул. Теперь скажу, где моя душа. Правду скажу. Там, где находится душа моя, бывал только я, и больше никто. Я и то только раз был там. Второй раз нет хода мне туда. На этом свете нет человека, который смог бы добраться туда... Вот я тебе и рассказал, где душа моя.

— О, зачем меня, горемычную, столько мучил? Что бы случилось, если бы ты мне сразу сказал правду?

— В том краю, где душа моя, живет одна женщина, — сказал айныж, не ответив жене. — В ее табуне — кобылица, мать коня моего. Та кобылица могла ожеребиться лишь дважды. Первый раз она ожеребилась моим конем. В том жеребенке, которым она ожеребится второй раз, и будет моя душа. Когда этот жеребенок вырастет, с ним не сравнится ни один конь-богатырь в мире. Но нет на земле человека, который сможет добраться до тех мест.

— Если и мужчины такого нет на свете, как мне, бедняге, добраться до тех краев? Как мне найти того жеребенка, в котором твоя душа? — пригорюнилась женщина.

— Хочешь — иди, не хочешь — не ходи, но я сказал правду: душа моя там.

Айныж опять ушел пахать.

Вернулся Сосруко.

— Что сказал тебе айныж? — спросил Сосруко.

Она рассказала Сосруко обо всем, о чем поведал ей айныж.

— Хорошо. Отправляюсь туда. Рано или поздно, но я вернусь. Найду женщину и ее кобылицу, — сказал Сосруко, сел на коня и собрался выехать в дорогу.

— Эй, Сосруко, погоди! — остановила женщина нарта. — Когда вернешься, застанешь ли семена проса? Айныж ведь засеет ими вспаханное поле.

— Не печалься из-за этого. Я сделаю с пахотой айныжа то, что должен сделать, — сказал Сосруко и взмолился: «О, великий Бог, заморозь землю айныжа так, чтобы он не мог сеять, пока я не вернусь!» Земля тут же насквозь промерзла, и айныжу пришлось вернуться домой.

Сосруко отправился в путь.

Когда Сосруко уезжал из страны нартов, Сатаней дала ему провизии на дорогу и напутствовала:

— Кого бы ты ни встретил в пути, — будь то зверь, обитающий в лесу, или рыба, живущая в воде, или птица, летающая в небе, — никого не обижай, никому не вреди. Если они попали в беду, помоги им.

В суме Сосруко один хампал — вареная кукурузная лепешка — и вареный бок барана.

Долго ехал Сосруко на своем сером крылатом коне-дурдуле. Очень устал, жажда мучает его. Заехал в лес. Даже птицы не летают в том лесу. Выехал Сосруко из леса. Навстречу ему — совсем отощавший волк.

— Эй, Сосруко, пусть твой путь будет счастливым! — сказал волк. — Умираю с голода, если у тебя есть что-нибудь, накорми меня. Не забуду твоей услуги.

Сосруко отдал волку хампал и мясо.

— В час добрый, Сосруко! Ты в пути. Пусть тебе будет удача! Если потребуется, приду к тебе на помощь, — сказал волк нарту.

Едет Сосруко и видит: волны моря выбросили на берег рыбу. Он вспомнил напутствие Сатаней и закинул рыбу обратно в море.

— Сосруко, в добрый час! Да будет тебе удача! Когда тебя настигнет беда, я помогу тебе, — сказала рыба.

Едет Сосруко дальше. Вдруг он услышал шум в небе. Поднял голову: один орел терзает другого. Сосруко натянул лук, выстрелил и убил орла-насильника.

— Сосруко, — сказал спасенный орел, — всех птенцов, которых выводила моя мать, съедал орел, которого ты убил. Я был последним птенцом моей матери. Сегодня и меня бы не стало, если бы не ты. Понадобится моя помощь, буду рядом с тобой.

Сосруко наконец ступил на землю старухи-хозяйки табуна. Одну половину земли охраняли орлы, другую — волки. Разве они пропустят человека? Сосруко вернулся в лес, убил много зверей, освежевал их, обвесил их мясом и себя, и коня и вернулся на свою дорогу. Орлы и волки срывают мясо с Сосруко и его коня. Пока они поедали мясо, нарт проехал их и оказался у дома старухи. Огляделся. Спит старуха на солнечной стороне холма. Сосруко подкрался к ней и пососал ее грудь. Старуха проснулась и закричала: «Будьте вы прокляты, мои собаки! Чтобы вас смерть взяла! Чтобы вы ослепли! Чтобы сердце ваше стало ненасытным! Чтобы сон ваш стал проклятием! Почему вы не увидели того, кто пососал мою грудь? Теперь он стал моим сыном, и я не могу ничего с ним сделать».

Так Сосруко стал сыном старухи. Она пригласила его в свое жилище.

— Что привело тебя ко мне? Как ты попал сюда? — спросила старуха.

— Пришел скот просить, — сказал Сосруко.

— Разве любой скот дороже тебя, мой мальчик? Но у меня нет скота. Все мое богатство — это мои лошади. Каждого, кто приходит ко мне, я заставляю пасти их три дня и три ночи, и кто пригонит табун назад невредимым и не потеряет ни одной головы, тому я дарю то, что он пожелает, — сказала старуха.

— Ладно, — сказал Сосруко, пересчитал лошадей и погнал их в степь.

Утром, когда Сосруко гнал табун назад, лошади убежали в лес и потерялись. Искал-искал их Сосруко, но найти не смог. Прислонился к старому пню и призадумался. Вдруг, откуда ни возьмись, прибежал волк, которому в свое время отдал хампал и мясо, и спросил:

— О чем твое сердце печалится, Сосруко?

— Лошади убежали. Не знаю, где их искать.

— Не кручинься из-за этого. Подожди немного здесь, — сказал волк и убежал.

Вскоре волк пригнал весь табун.

— Пересчитай, все ли лошади на месте? — сказал волк.

Сосруко пересчитал лошадей: все на месте, ни одна не пропала.

— Тогда отгони табун к старухе, — сказал волк и убежал в лес.

Сосруко пригнал табун. Старуха спросила:

— Пригнал?

— Пригнал.

Пересчитала старуха лошадей — все на месте.

— Сегодня ты победил, мой мальчик, — сказала старуха.

На второй день Сосруко погнал лошадей пастись.

На рассвете, когда табун надо было гнать домой, лошади взмыли в небо и исчезли.

Пока Сосруко стоял и думал, что делать, прилетел орел, которого он спас, и спросил:

— О чем задумался, Сосруко?

— Лошади улетели. Не знаю, что делать.

— Отдыхай. Я их сейчас пригоню, — сказал орел и улетел в поднебесье.

Орел пригнал лошадей.

— Посчитай, все ли твои лошади целы? — спросил орел.

Сосруко пересчитал — все лошади на месте.

На рассвете третьей ночи лошади ушли в море.

Стоит Сосруко на берегу моря, глубоко задумался. Подплыла к нему рыба, которой Сосруко помог вернуться в море, и спросила:

— О чем печаль твоя, Сосруко?

— Лошади ушли в море. Не знаю, как быть.

— Будь спокоен, Сосруко. Сейчас я их пригоню, — сказала рыба и уплыла в море.

Рыба выгнала табун на берег.

— Пересчитай, Сосруко, все ли лошади на месте? — спросила рыба.

Сосруко пересчитал. На одну голову больше: появился жеребенок. Оказалось, что кобылица, из-за которой Сосруко пришел сюда, в эту ночь ожеребилась (айныж сказал правду).

— Что бы старуха ни предлагала, не бери ничего. Скажи: «Кроме жеребенка, который родился в эту ночь, ничего и никого мне не нужно. Отдай мне этого жеребенка», — и ничего другого не бери. На всем белом свете нет коня, который победит его. У него есть брат. Он у одного айныжа. Даже тому коню далеко до этого. Ни один конь на свете не победит твоего, — сказала рыба.

Привел Сосруко табун домой.

— И в эту ночь ты победил, мой мальчик, — сказала старуха. — Бери себе в подарок все, что хочешь.

— В табуне твоём много хороших лошадей. Не знаю, какую выбрать. Пока я пас табун, родился один жеребенок. Отдай мне его за мой труд. Ничего другого мне не нужно.

Старухе пришлось отдать жеребенка.

Надел Сосруко на жеребенка недоуздок, взял за поводья и повел рядом со своим конем.

Конь Сосруко скачет галопом, а жеребенок идет иноходью. Прошел день, прошла ночь. Наутро Сосруко решил: «Отдохну немного, и конь мой немного отдохнет», — остановился и спешился. Спешился и подумал: «Конь мой скакал галопом, а жеребенок шел иноходью. Видимо, из него выйдет настоящий конь».

Как только он так подумал, жеребенок заговорил:

— Эй, Сосруко, я уже стал взрослым конем. Ты об этом не знаешь. Можно снять седло с Серого и оседлать меня. Конь, который у айныжа, мой брат. Он трижды сосал молоко матери. И я успел только трижды. Сила у нас одинаковая. Если бы я еще раз приложился к сосцам моей матери, стал бы сильнее и выносливее брата, — сказал жеребенок, уже ставший конем.

— Но мы уже два дня и две ночи в пути. Как же теперь отведу тебя к твоей матери? — спросил Сосруко.

— Пока ты немного отдохнешь, я вернусь, — сказал жеребенок и исчез.

Не успел Сосруко спутать Серого, чтобы он попался, жеребенок уже вернулся. Удивился Сосруко: «Ты уже вернулся?»

— Пососал еще раз молоко матери и вернулся. Седлай меня. Хватит отдыхать, — сказал жеребенок-конь.

Оседлал Сосруко коня. Серого поставил рядом. Конь под седлом идет иноходью, а Серый — галопом.

Серый не выдержал. Стал спотыкаться. Сосруко прослезился, глядя на старого друга. Жаль стало ему Серого. Но что делать? «Эй, Серый! — сказал Сосруко. — Что мне с тобой делать? Оставлю здесь — волки съедят. Не оставлю — не выдержишь пути. Сегодня мы с тобой расстанемся. Ничего другого не могу придумать», — сказал Сосруко, взял лук, выстрелил в Серого и убил его.

Доскакал Сосруко до земель айныжа. «О великий Бог, сделай так, чтобы земля оттаяла, чтобы день прояснился!» — произнес Сосруко заклинание.

Земля оттаяла, день прояснился. Айныж, отогревшийся у своего очага, радостно воскликнул:

— О! День прояснился! Я же не кончил еще пахать! Пойду закончу.

Айныж взял бурдюк с семенами проса и ушел пахать.

Сосруко подкрался к бурдюку, который висел на дереве, схватил его и ускакал. Айныж погнался за ним. Конь его скачет во всю мощь, а Сосруко едет шагом. Айныж стал догонять нарта.

— Ты даешь себя догнать, ленивец! — упрекнул Сосруко своего коня.

— Не беспокойся, Сосруко, не догонит меня конь айныжа.

Конь айныжа устал, ему стало невольно.

— Эй, брат мой младший! — заговорил конь айныжа. — Мы же с тобой братья. Не дай айныжу убить меня. Разве ты не видишь, как он меня нещадно избивает? Скоро совсем добьёт. Дай догнать тебя!

— Если мы братья, взвейся в небо, сбрось с себя седока, убей его! — ответил конь Сосруко. — Зачем ты его на себе носишь? Если не хочешь, чтобы он тебя убил, сам убей его!

Конь айныжа взвился в поднебесье, перевернулся, сбросил с себя айныжа. Тот упал на землю. Конь спустился с небес, ударил копытом айныжа по лбу и убил его, а сам вернулся к своей матери-кобылице.

Сосруко доехал до своего селения. Отдал семена проса нартам, а сам поехал домой к Сатаней.

Нарты посеяли просо, собрали богатый урожай. Позвали Сатаней и попросили произнести хох-здравицу.

Так Сосруко возвратил нартам семена проса.

Пересказал В. Тугов.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Где, по народным представлениям, жили нарты?
2. В какие игры играли нарты? О чем говорят эти игры?
3. Назовите имена великих нартов. Кто из них самый мужественный?
4. Какими представляет народ нартов?
5. Как показана в эпосе Сатаней? Какую роль играет она в жизни нартов? Как вы думаете, почему ей отведена такая роль?
6. Какой силой обладает Сосруко уже в детстве? Почему народ наделяет его такой силой?
7. Почему бог-кузнец Тлепш выковал меч Сосруко, а не трем братьям? Какой смысл вложил народ в это?
8. Что такое героический эпос? Какими чертами он характеризуется? Какие произведения этого жанра вы уже изучали на уроках литературы? Какие эпические произведения народов мира вы знаете? Выпишите из «Словаря литературоведческих терминов» определение термина «Героический эпос».
9. Какие общие черты вы заметили у героев известных вам эпосов?
10. Почему «Нарты» называют эпосом народов Кавказа? У каких народов он бытует?
11. Что общего у героического эпоса и волшебной сказки? Найдите и выпишите, какие характерные черты эпического произведения вы нашли в приведенных текстах (эпитеты, гиперболы, троекратные повторения и т. д.).
12. Как характеризуются в приведенных текстах Сосруко и его противники? Какие для этого используются образительно-выразительные средства? Выпишите их.
13. Какое значение для жизни народа имеют подвиги Сосруко?
14. Какие национальные особенности мышления вы заметили в предложенных вам текстах? В чем они выражаются?
15. Какие черты характера Сосруко вам больше нравятся? Почему?
16. Сравните образы Ильи Муромца и Сосруко (или известных вам героев других эпосов). В чем их сходство и различие? Напишите об этом.

Сказочный эпос абазин

Абазинский сказочный эпос составляют сказки о животных, волшебнo-фантастические, бытовые, новеллистические сказки, таурыхи (истории) и хабары (предания).

Самыми древними сказками являются сказки о животных.

Сказки о животных, как правило, небольшие по объему, точны по языку: повествование в них зачастую строится в диалогической форме. Во всех сказках персонажи (лисы, волки, медведи и т. д.) разговаривают на человеческом языке, разумны.

Наиболее популярный персонаж — умная и хитрая лиса. Отношение к ней — двойственное: там, где лиса вступает в конфликт с более сильными хищниками, она одерживает верх, когда же сама выступает в роли хищника, она оказывается посрамленной.

В абазинских волшебных, или волшебнo-фантастических сказках главный герой — человек, совершающий героические подвиги. Его противники — различные чудовища, хищные животные, колдуны, которых он всегда побеждает.

Герой волшебной сказки никогда не погибает: он бессмертен, как и сам народ.

В волшебной сказке всегда победу одерживают добро и справедливость, а зло непременно терпит поражение.

Герою сказки помогают чудесные помощники: старуха-колдунья, мудрецы или богатыри, жена и сестра, невеста, а также благодарные животные, которым он оказал услугу.

Незаменимым помощником героя является его могучий конь. Он часто говорит по-человечьи, может перевоплощаться, предвидеть опасности.

И герой, и конь вначале ничем не выделяются, но затем становятся необыкновенно сильными и мужественными.

В борьбе с врагами герой пользуется различными чудесными предметами. Ему помогают персонажи, которые обладают чудесными способностями (дальнозоркий, скороход, водохлеб и т. д.). Он часто пользуется помощью чудесных предметов, чтобы узнать о судьбе брата или друга (стрелы, с которых капает кровь или молоко). Среди противников героя самые страшные айныжи-великаны, которых он всегда побеждает.

В абазинских волшебных сказках одной из главных тем выступает тема труда. Свободный, творческий труд, труд, приносящий радость, всегда воспевается и поэтизируется.

В сказке отражается жизнь народа — его быт, нравы, обычаи, этические нормы.

В абазинской волшебной сказке используются традиционные при- сказки, зачины, концовки, повторения (обычно троекратные) однородных эпизодов. Почти каждая сказка начинается словами: «Жил да был один работающий мужчина», «В одном ауле жил да был князь», «Говорят, жил да был один юноша».

Концовки сказок такие: «Стали жить богато и счастливо», «Как говорит пословица, сделаешь добро — встретишь добро, сделаешь зло — встретишь зло»... и т. д.

В сказке много общих мест и традиционных формул. Например: «Вы услышали (то, что рассказано в сказке) своими ушами, живите до тех пор, пока все это не увидите своими глазами».

Время и расстояние тоже передаются посредством устойчивых формул: «Много ли ехал, мало ли ехал», «Долго ли шел, мало ли шел, но дошел (до такого-то места)», «Долго ли ехал, мало ли ехал — кто знает», «Ехал (шел) день, ехал два, ехал три».

Сказочное пространство тоже имеет свои формулы: «Узнали во всех семи долинах», «Во всех семи долинах не было красивее ее», «Послали людей во все семь долин».

Скорость движения, резвость коня, быстрота исполнения дела тоже передаются постоянными формулами: «Он прилетел (примчался), как вылетевшая из ствола пуля» (или: «Как пуля»), «Не успели его ресницы сомкнуться, как конь был около него» и т. д.

Очень широко используются повторения, обычно троекратные: герой, как правило, вступает в схватку с тремя противниками, ему помогают три помощника, он пользуется тремя чудесными предметами, подвергается троекратному испытанию и т. д. Просьба исполняется после троекратного ее повторения: «Послали за ней раз — не пришла, послали второй раз — не пришла, послали третий — пришла».

В бытовых сказках герою противостоят реальные люди — князья, богачи, торговцы. Против них выступает не чудо-богатырь, а бедняк, пастух, табунщик. Они одерживают победу не с помощью чудесных помощников, магии, волшебных предметов, а умом, сообразительностью, ловкостью, терпением, хитростью. Основной жанровый признак бытовой сказки — точность социальных характеристик.

Для того, чтобы создать необычные ситуации, сделать противника глупым, осмеять человеческие пороки, в бытовой сказке широко используется гипербола. Надо подчеркнуть, что гиперболизируются черты характера и умственные способности, а не сила и мощь, как в волшебной сказке. Герой сказки всегда находчив и изобретателен, а его противник — глуп, делает все невпопад, поэтому его одурачивают.

В центре сюжета бытовой сказки — одно событие. В бытовой сказке нет так называемой сказочной обрядности и традиционных формул.

Бытовой сказке, больше чем другим видам сказок, присущ комизм. И он возникает от нелепого положения, в которое попадает противник героя, от алогизма его поведения, который противоречит здравому смыслу.

Из абазинских народных сказок

Старик и лиса

Жил-был бедный старик. В хозяйстве его было несколько кур и больше ничего.

Каждую ночь кто-то крал стариковских кур. Всех унесли, осталась только одна курочка. Старик не знал, кто ворует. Расспросил соседей, но никто ничего не мог сказать. А жил старик только яичками из-под кур. Соседи пожалели старика и стали давать ему еду. Так и жил бедный старик.

«Последнюю курицу не дам унести», — решил старик, спрятался за курятником и стал выжидать.

Настала ночь — нету никого, настала полночь — нету никого. Под утро прибежала лиса и залезла в курятник.

«Ага, поймал я вора!» — сказал старик про себя, подкрался к лисе, схватил за хвост и давай избивать ее палкой. Тут лиса взмолилась:

— Именем Аллаха прошу, не убивай! Кто знает, может быть, смогу быть полезной тебе.

— Чем ты, воровка, можешь быть мне полезной? — еще сильнее стал бить лису старик.

— Не убивай, прошу тебя! Оставь меня у себя. Будем жить вместе. Авось, что-нибудь хорошее смогу я для тебя сделать, — попросила еще раз лиса.

Старик подумал: «Может быть, на самом деле она для чего-нибудь пригодится», — и оставил лису у себя.

Живет лиса у старика. В одно утро она спросила у старика:

— В чем, дедушка, ты больше всего нуждаешься?

— В чем только я не нуждаюсь. Скоро зима: реки уже начинают замерзать. А шубенка моя совсем изорвалась. Мерзнуть мне зимой. Была бы у меня новая шуба, оседлал бы счастье, — сказал старик.

— Подумаешь, дело! Разве я не смогу достать тебе шубу! — заверила лиса.

Лиса ушла в поле ловить мышей. Встретила стаю голодных волков. Окружили они лису, заскрежетали зубами.

— Я знаю, братья, что вы голодные. Я вас накормлю, только не трогайте меня, — сказала лиса волкам.

— Ладно. Но если ты нас обманешь, разорвем на клочки, — пригрозили волки.

— Зачем мне вас обманывать? Клянусь Аллахом, не обману! — ответила хитрая лиса.

Лиса повела волков к большой реке.

— Тот наестся досыта, у кого есть мужество и терпение. Опустите хвосты в воду и сидите всю ночь. Утром вытащите столько рыбы, сколько выдержат ваши хвосты. На трое суток хватит. Если не выдержите до утра, начнете ерзать, тогда я не виновата: останетесь без рыбы, — сказала лиса и ушла к старику.

К утру река замерзла, и волчьи хвосты вмерзли в лед. Рванулись волки, да куда там! Не могут вытащить свои хвосты!

А лиса привела старика к реке, показала на волков и сказала:

— Вот, дедушка, твоя шуба.

Старик взял палку, стал бить волков и всех их убил. Содрал волчьи шкуры и сшил великолепную шубу.

Так и живут старик и лиса. Нужды ни в чем не знают, меж собой ладят.

Перевод с абазинского В. Тугова.

Храбрый кот и трусливый медведь

Говорят кот, козел и теленок договорились жить вместе. Соорудили в лесу шалаш и поселились в нем. Главным у них был кот.

Недалеко от них построили шалаш волк, кабан и медведь. Главным у них был медведь.

Медведь послал волка к соседям, наказав:

— Пойди к ним и скажи так: «Мы строились и обеднели. Нам нечего есть. Дайте что-нибудь на ужин».

Волк пошел. Увидев его, кот взбежал на шалаш, вздыбил шерсть и спросил:

— Что тебе нужно?

— Помогите нам. Строились и обеднели. Нам нечего есть. Дай что-нибудь на ужин. Медведь просит, — сказал волк.

— Эка дело! Вон висит вяленая туша волка. Возьми ее: хватит вам на ужин.

Волк, услышав про вяленую волчью тушу, до того перепугался, что душа вылетела из тела.

— Вы разве едите волчье мясо? — спросил волк.

— Ей-богу, мы все едим, — ответил кот.

Волк до того перепугался, что чуть сердце не лопнуло. Прибежал домой сам не свой. Стыдно ему стало признаться в своей трусости и соврал:

— Ничего не дали.

— Раз такое дело, сходи ты, кабан, — велел медведь.

— Хорошо, пойду. Попрошу у них немного пшена. Сварим суп и басту, — сказал кабан и пошел.

Но кабан побоялся подойти к шалашу кота и издали крикнул:

— Эй, есть кто дома?

Кот взбежал на крышу шалаша, вздыбил шерсть и спросил:

— Зачем пожаловал?

— Недавно построили дом и обеднели. Нам нечего есть — помоги. Дай на ужин немного пшена. Медведь просит.

— Дал бы, да нет у меня пшена, — сказал кот. — Вон там висит свиная ляжка. Возьми ее. Хватит вам на ужин.

Кабан страшно перепугался:

— Боже мой! Вы и свиное мясо едите?

— Честное слово, не знаю, что вам надо. Волку давал волчье мясо — не взял. Тебе даю свиное мясо — не берешь! Вы что, брезгуете? Мы ничем не брезгуем. Мы все едим: и волчатину, и свинину, и все другое, — сказал кот.

Услышал кабан все это и стал ни жив ни мертв. Пришел в себя и побежал домой.

— Ничего не дали, — соврал и он.

Медведь разозлился.

— Ладно, сам схожу. Голову сниму с этого грязнюка! Разрежу на куски и сварю! — взревел медведь и пошел к коту.

Идет медведь — сучья ломаются, трещат.

Кот увидел, что медведь идет, — взбежал на крышу шалаша, вздыбил шерсть и ждет.

— От собаки рожденный! Почему ничего не даешь? — закричал медведь на кота.

— Почему ты так говоришь? Бог свидетель, волку давал волчье мясо — не взял, кабану — свиное мясо — не взял. Мы недавно убили одного медведя. Осталось полтуши. Бери ее: и на сегодня, и на завтра хватит, — сказал кот.

— погоди! погоди! вы все — и теленок, и козел, и ты — едите и волчье, и свиное, и медвежье мясо? — испугался медведь.

Кот улыбнулся:

— Старею, наверное, ничего уже не понимаю: волку давал волчье мясо — не взял, кабану давал свиное мясо — не взял, тебе — медвежье мясо — не берешь. Что же вам нужно?

Медведь, не находя что ответить, побежал домой.

— Не даст нам житья этот проклятый кот. Давайте позовем его с друзьями в гости, подружмся с ними. Иди, кабан, и найди где-нибудь просо, а ты, волк, стащи у кого-нибудь жирного барана, а я пойду в лес и принесу меда, — сказал медведь и отправил всех на добычу.

Вечером все вернулись. Из меда приготовили бузу, тушу овцы целиком отварили и положили на плетень, а из пшена сделали басту, крутую кашу.

— Пойди, пригласи наших соседей, — послал медведь волка.

Волк идет и дрожит: настолько он боится кота. Остановился, не доходя до шалаша, и крикнул:

— Эй, выходите, кто там есть!

Кот выскочил, сверкая глазами, и спросил:

— Зачем пришел?

— Приходите к нам в гости. Медведь зовет, — сказал волк и бегом побежал обратно. Прибежал домой, а там никого нет. Кабан спрятался в кустах, и только хвост выглядывает оттуда. Медведь залез на дерево. Все боятся кота.

«Сами спрятались, а меня оставили на съедение страшному коту», — подумал волк, забрался на холм и сел.

Кот, теленок и козел пошли в гости к медведю. Пришли, а в шалаше — ни души. Кот замурлыкал. Кабан, услышав кота, испугался, решив, что тот его съест и начал дальше ползти в кусты. Кот же, увидев шевелящийся хвост кабана, подумал, что этомышь и бросился на него. Кабан испугался: «Съест!» — и бросился бежать. Кот сам перепугался и залез на дерево.

«Съел кабана, а теперь за мной лезет», — подумал медведь, прыгнул с дерева и убежал.

Волк, увидев с холма убегающих друзей, тоже пустился наутек.

Кот, козел и теленок наелись до отвала и вернулись к себе.

Медведь, волк и кабан до сих пор думают, что страшнее кота зверя нет.

Перевод с абазинского В. Тугова.

Как юноша добыл себе жену

Один юноша надумал жениться и отправился в путь. Он ехал к необыкновенной красавице, слух о которой шел по всем семи долинам.

Через несколько дней юноша добрался до большой реки.

«Напою коня и сам напьюсь», — решил он и спешился. Напоил коня. Лег грудью на берег, опустил голову, но в реке не стало воды, и юноша ударился губами о мокрый камень. «Что за чудо?» — удивился он и поднял голову. На противоположном берегу лежит мужчина и втягивает в себя всю реку. Еще больше удивился юноша. Смотрят друг на друга юноша и тот мужчина.

- Салам алейкум! — поздоровался тот, который выпил всю реку.
- Алейкум салам!
- Куда путь держишь?
- Собрался жениться. Еду к одной девушке.
- Возьмешь меня в товарищи?
- Возьму.

Поехали дальше вместе юноша и водохлеб. Ехали-ехали они, оглянулись и видят: бежит за ними какой-то мужчина с огромным камнем на плечах. Догнал. Поздоровался:

- Салам алейкум!
- Алейкум салам!
- Куда путь держите?
- Едем по делу.
- Возьмите меня с собой.
- Возьмем. Скажи только. Почему таскаешь такой большой камень?
- Я слишком быстрый. Начну бежать — не могу остановиться. Вот и таскаю камень, чтобы не так быстро бежать.
- Ладно. Иди за нами.

Идут дальше юноша, водохлеб и быстроногий. Шли-шли и видят: сидит какой-то человек и стреляет из лука. Подъехали ближе. Смотрят и удивляются: на самой вершине большого дерева сидит мальчик и ставит рядом с собой иголку. Мужчина одним выстрелом сбивает ее. Как только он собьет одну иголку, мальчик ставит другую.

- Что ты делаешь? — спросили путники у стрелка.
- Проверяю свою меткость. А вы куда направляетесь?
- Туда-то и туда-то.
- Возьмите и меня с собой.
- Ладно. Иди с нами.

Пошли дальше юноша, водохлеб, быстроногий и меткий стрелок. Шли-шли, дошли до болота и видят: группа людей загнала в трясину волка и избивает его — кто палкой, кто камнем, кто вилами. Друзья разогнали людей, а юноша вытащил за загривок волка из болота.

- Куда вы идете? — спросил волк, когда пришел в себя.
- Туда-то и за тем-то.

— Посмотри: не прилипла ли к твоей ладони моя шерсть, когда вытаскивал меня из болота? — спросил волк у юноши.

Юноша посмотрел на свою ладонь и сказал:

- Прилипла.

— Возьми ее и положи в газырницу. Когда я тебе понадобится, сожги несколько волосков: примчусь к тебе быстрее пули.

— Хорошо, — сказал юноша, положил шерсть волка в газырницу, завернув в тряпку, а волка отпустил.

Добрались друзья до дома девушки, на которой юноша хотел жениться. А девушка та была вот такая. Всем женихам она ставила настолько трудные условия, что никто не мог их выполнить. Это она делала нарочно. При этом она говорила: если жених выполнит ее условия, то она выйдет за него замуж, а если он не справится с ними, то она обезглавит его. Никто до сих пор не смог выполнить условия девушки, и девятью женихов лишились голов. До сотни не хватало одного.

Так вот, явились друзья в дом девушки.

— С чем пожаловали в наш дом? — спросили их.

— Хочу жениться на вашей дочери, — ответил юноша.

— Ладно. Если выполните наши условия, она — твоя, а если нет, то твоя голова — наша.

— Согласен. Скажите, что мы должны делать.

— Для начала переночуете в этом доме. Останетесь живы — забирайте невесту.

Посмотрели друзья на дом, в котором они должны были ночевать, и сразу поняли: сгорят они в нем! Дом железный, стены его накалены. Тогда водохлеб незаметно ушел на реку, втянул в себя всю воду из нее и вернулся.

Вошли друзья в дом. Но в него не только войти, но и губы сунуть было нельзя: до того там жарко. Топится огромная железная печь. Она накалена добела. Накалены и стены, и пол. Водохлеб охладил стены и пол, а печь и вовсе потушил, выплеснул на нее всю воду, которую держал в животе.

Утром друзья вышли из дома, дрожа от холода.

— А теперь что будем делать? — спросили друзья у родных девушки.

— Устроим состязания в беге. Если ваш бегун придет первым, то девушка — ваша, а если победит наш — головы ваши останутся на колыях нашей ограды.

— Согласны. Выставляйте своего бегуна.

Родственники девушки выставили старуху-колдунью, а друзья — быстрогого, который носил камень на плечах.

— Будете бежать вон от того холма, — сказали хозяева.

Друзья шепнули быстрому:

— Дойдешь до холма, сбрось с плеч камень и беги назад налегке.

Старуха взяла с собой горсть пшена, цыпленка и сито. Когда дошли до холма, откуда должны были бежать, она сказала быстрому:

— Давай сначала немного отдохнем, а потом побежим.

Быстроногий согласился.

Соперники легли на землю отдохнуть. У быстрогого были густые длинные волосы. Старуха стала копаться в его волосах, гладить голову. Так она его усыпила. Когда он заснул, она насыпала на его волосы пшено, посадила туда цыпленка и накрыла ситом. Цыпленок клюет зерно,

а быстроногому кажется, что это пальцы старухи ласкают его, и он спокойно спит. А колдунья бежит к дому девушки.

Посмотрел меткий стрелок на дорогу и видит: старуха бежит, а быстроногий спокойно спит, и на голове у него сито! Тогда меткий стрелок вытащил лук и стрелы, затупил наконечник стрелы камнем, выстрелил и сбил сито. Быстроногий проснулся и видит: старуха почти добежала до дома девушки. Он вскочил на ноги, сбросил с плеч камень и погнался за колдуньей. В мгновение ока перегнал ее и пришел первым.

Так друзья одержали вторую победу.

— А теперь что предложите? — спросили они.

— А теперь будут бежать ваша и наша собаки. Если победит ваша, забирайте девушку, а если первой придет наша, — головы ваши будут сушиться на кольях.

— Ладно, согласны, — сказали друзья. — Давайте вашу собаку.

У друзей ведь собаки нет! Тогда юноша вспомнил о волке, зашел за дом, вытащил из газырницы волчьи волоски и сжег их. Не успели они догореть, как волк был у ног юноши.

Родственники девушки выставили борзую, а друзья — волка. Но разве волк перегонит борзую?

Побежали волк и борзая к холму. Волк знал, что не перегонит борзую: ноги у нее быстрые. Но зато у волка челюсти крепче, зубы острее! Он зажал переднюю ногу борзой и поломал кости. Разве может быстро бежать собака, когда у нее нога сломана?! Волк пришел первым.

Так друзья одержали третью победу.

— Ты победил. Бери девушку, — сказали родители девушки юноше.

Друзья взяли девушку и отправились в обратный путь. Дошли до того места, где встретили волка, — он остался там; дошли до того места, где встретили меткого стрелка, — он остался там; дошли до того места, где встретили быстроногую, — он остался там; дошли до места, где встретились юноша и водохлеб, — водохлеб остался там.

Юноша вернулся домой с молодой женой, и живут они в согласии и богатстве.

Перевод с абазинского В. Тугова.

О мужестве и гордыне

Жил да был мужчина — добрый молодец. Однажды он пошел к князю за кислым молоком.

В старину гостя три дня не спрашивали, зачем он пришел. Только после трёх дней могли спросить, какое дело привело его в этот дом.

Три дня гостил мужчина у князя. На четвертый князь спросил гостя:

— В чем твоя нужда — в золоте, в скоте или другом имуществе?

— Нет, ничего этого мне не надо, — ответил гость. — Я пришел за кислым молоком.

Удивился князь. Тут же приказал слугам заколоть двух буйволов, снять с них шкуры, сделать из них бурдюки и наполнить их кислым молоком.

Слуги мигом исполнили приказания князя.

Взял мужчина бурдюки и отправился. На полпути он встретил одного человека.

— Помогу тебе нести бурдюки, если разрешить сделать два глотка, — сказал человек.

Договорились. Человек взял бурдюки и понес дальше. Через некоторое время остановился, приложился к одному из бурдюков и одним глотком выпил все молоко, которое там было.

Жалко стало мужчине молока, рассердился он и бросился на встречного. Завязалась драка.

Дрались-дрались и видят: подъезжает к ним всадник.

«Пусть он нас рассудит», — решили они и перестали драться.

Рассказали всаднику, почему подрались.

Тот, ничего не говоря, схватил обоих, одного засунул в одно голенище, другого — в другое и поехал домой.

Встретила всадника жена, накормила-напоила. Стала снимать с мужа сапоги. Сняла один сапог — из голенища выпал мужчина, сняла другой — и оттуда выпал мужчина. Жена спросила мужа, откуда они взялись. Муж обо всем рассказал.

— То, что ты сделал, — не мужество. Если бы ты их помирил, — это было бы мужеством. Как бы ты зазнался, если сделал то, что сделал мой отец, — упрекнула жена мужа.

— Не вернусь, пока не найду и не убью твоего отца, — сказал муж, оседал коня и уехал.

Направился он на запад — в ту сторону, куда садится солнце. Доехал до большого леса. Увидел дым, поднимавшийся над лесом. Подъехал к нему. Подъехал и видит: у большого костра сидят айныж и его жена.

Жена ищет в голове мужа. Всадник поднял камень и кинул в них. Попал в женщину. Она сказала: «Как сильно меня укусила муха!» Тогда мужчина взял ружье, прицелился, выстрелил в жену айныжа и убил ее. Айныж вскочил на ноги.

Всадник стал убегать. Айныж погнался за ним. Выскочили они из леса и побежали по вспаханному полю.

Всадник видит: работает на пашне человек без руки и без ноги.

Он пашет, привязав к единственной ноге плуг, а вместо отрезанной — у него палка.

Пашет человек, а одной рукой еще и сеет зерно.

Подскакал всадник к пахарю и взмолился:

— Добрый человек, спрячь меня! Не дай айныжу сожрать меня!

Пахарь опрокинул на всадника корзину из-под семян пшеницы. Прибежал айныж и не может найти всадника. Не догадывается глупый айныж, что беглец под корзиной!

Айныж пристал к пахарю: мол, ты спрятал всадника. Однако пахарь стоял на своем: не видел, мол, никакого всадника — и все тут. Айныж не оставляет пахаря: скажи, мол, куда спрятал всадника. Тогда пахарь рассердился и так крикнул на великана, что тот испугался и убежал.

Пахарь снял с всадника корзину, поздоровался с ним. Посидели, поговорили. Жена пахаря принесла мужу обед.

— Жена, отведи гостя к нам. Заколи овцу, накорми его хорошо, не давай скучать. А я вечером вернусь, — наказал пахарь жене.

Привела жена пахаря всадника к себе домой. Накормила, напоила. Пока гость и хозяйка разговаривали, вернулся хозяин.

Устроили хозяева в честь гостя пир. Когда люди разошлись, пахарь спросил у своего гостя:

— Ну, теперь Расскажи, куда ты направлялся и кто ты?

Гость поведал хозяину, из-за чего он поссорился с женой.

Пахарь внимательно выслушал гостя и молвил:

— Я расскажу тебе о том, что я видел. Слушай. Нас было семь братьев. Отец — девятый, мать — десятый член семьи.

Каждую ночь кто-то уводил табун наших аульских лошадей. Кто уводил, никто не знал.

Отец мой был мужественный человек. В то время он часто воевал с айныжами и заступался за аул. В какую бы сторону отец ни уезжал, он всегда возвращался с востока — оттуда, откуда восходит солнце.

Однажды отец вернулся тяжело раненый. С каждым днем ему становилось все хуже и хуже. Тогда он призвал к себе всех нас, сыновей, и сделал такое завещание: « Дети мои, вы уже взрослые. Запомните, что я вам скажу. Кто бы из вас не отправлялся на охоту, не ходите в ту сторону, откуда восходит солнце. Это — единственное мое завещание».

Отец вскоре умер. Мы похоронили его и стали жить дальше. Прошел месяц, мы пошли на охоту. Славно поохотились. Сделали привал, поели, отдохнули. Сидели, говорили о том о сем.

— О нас говорят, как о храбрых мужчинах. А об отце легенды складывали. Раз это так, не успокоюсь, пока не пойду в ту сторону, откуда восходит солнце. Мы должны оправдать молву о нас. К лицу ли нам чего-то бояться? — сказал наш старший брат.

Мы попросили мать, чтобы она приготовила нам дорожную провизию. Она отругала нас за то, что нарушаем завещание отца. Мы ее не послушали. Тогда она дала нам еду на дорогу и мы отправились в путь. В тот день, когда мы отправились, небо было в черных тучах. Это предвещало беду. Но мы ни на что не обращали внимания.

Мы ехали семь дней и семь ночей. Приехали к большой скале. Здесь мы спешились, расстелили бурку и сели обедать. Пустили лошадей пастись. Вечером раздался какой-то крик, леденящий душу. Оглянулись и увидели: под скалой айныж гонит отару овец, вместо чабанской палки у него в руке бревно. На его лбу горел единственный глаз. Он тоже заметил нас и закричал:

— Сыновья Хамида, вы сами пришли ко мне! Бог привел вас ко мне!

Он отодвинул от скалы большой камень и впустил в пещеру овец.

— И вы тоже входите сюда! Все равно вам некуда деваться! — закричал он и загнал нас в пещеру.

Айныж развел костер, зарезал овцу, сварил ее и накормил нас. На следующий день он сказал:

— Я вам скормил овцу, а вы мне — лошадь.

Забил он одну из наших лошадей, сварил ее и съел. Так он покончил со всеми нашими лошадьми.

Покончив с лошадьми, он сказал:

— Знаете, что сделал с нами ваш отец? Нас было восемь братьев. Семерых убил ваш отец. Если бы он был жив, не пустил бы вас сюда. Слава богу, значит, умер. Аллах привел вас сюда!

Схватил айныж одного из нас, изжарил на костре и съел.

Айныж каждый день съедал одного из нас. Дошла очередь до меня. Он схватил меня, нанизал на вертел и сунул в огонь, а сам вздремнул. Мне удалось выбраться из огня. Но рука и нога сгорели. Вот почему я однорукий и одноногий. Я накалил железный вертел добела. У айныжа был козел — вожак овец. Я поймал его и убил. Содрал шкуру и залез в нее. Айныж все спал. Я выхватил из огня раскаленный вертел и выжег единственный глаз айныжа. Он заорал и начал искать меня. Я забрался в гущу овец. Айныж шупал спины овец. Пощупал и шкуру козла, которую я на себя натянул. Айныж так и не нашел меня.

Утром айныж ощупью отыскал камень, закрывавший вход в пещеру, и отбросил его.

— Младший сын Хамида, ты выпил мою кровь! Отца твоего ранил я. Поймаю — разорву пополам! Так шлепну о скалу, что мозги вылетят! Не выпущу я тебя отсюда, подохнешь здесь! Мой любимый козел, поведи овец пастись, а вечером приведешь их назад! — все время разговаривал айныж сам с собой.

Айныж стал ощупывать каждую овцу, прежде чем выпустить ее из пещеры. Я вышел вместе с овцами: айныж так и не узнал, что я прячусь под козлиной шкурой. Выйдя из пещеры, я погнал отару перед собой. Когда отошел подальше от пещеры, то крикнул айныжу:

— Эй! Ты грозился убить меня! Почему же не убил и не убиваешь?

Только теперь айныж понял, что я выбрался из пещеры и во всю глотку

заорал. Он хотел, чтобы другие айныжи услышали его крик. Но я успел уйти далеко.

Вернулся я домой, как видишь, без руки и без ноги. Хоть и калека, а пашу землю и сею хлеб. Не давай гордыне одолевать себя. Не думай, что на свете нет никого сильнее, храбрее и умнее тебя.

Твоя жена мужественнее и умнее тебя. Она сказала тебе правду. Я знаю, что ты мой зять, хотя и не подозреваешь, что я твой тесть. Так вот, возвращайся домой и живи мирно и тихо, как все люди.

Так закончил свой рассказ старик-пахарь.

Мужчина вернулся домой, избавившись от своей гордыни.

С тех пор никто не слышал от него ни одного хвастливого слова.

Перевод с абазинского В. Тугова.

Человек с того света

В каком-то далеком краю жили старик со старухой. У них не было детей. И вот однажды старик, совершив вечерний намаз, решил немного развеяться и пошел к своему соседу, оставив старуху одну дома.

Старик засиделся у соседа допоздна, они рассказывали друг другу хабары. Вернулся старик домой и видит: старуха сидит на пороге дома и горько плачет.

— Что случилось? Почему ты плачешь? Сейчас же перестань! — прикрикнул старик на свою жену.

Но старуха не только не перестала плакать, но еще сильнее зарыдала. На расспросы мужа она ничего не ответила. Старик, не зная что случилось со старухой и почему она так горько плакала, провел бессонную ночь. А утром сказал старухе:

— Если не скажешь что случилось и почему так горько плакала, кусок не пойдет мне в горло.

Старуха поняла, что старик не отстанет от нее, и ответила:

— Ты, старик, мокрая курица, не отстанешь от меня, пока я тебе не скажу, почему плакала. Вчера, когда ты оставил меня одну и пошел к соседу, я вышла из дому, посмотрела на колодец и на дерево над колодцем и подумала: они тоже, как и мы с тобой, одиноки — и заплакала.

— С сегодняшнего дня я не стану жить с такой неумной женой, как ты. Если встречу женщину глупее тебя, вернусь домой. Прощай! — сказал старик. Взял переметную суму, положил в нее харчи и пошел куда глаза глядят.

Шел-шел старик и попал в одно село. Здесь он услышал, что сын местного князя умер. О смерти княжеского сына судачили люди. Одни говорили:

— Плохого человека бог не направит на хорошую дорогу. Пусть бог будет доволен лошадей, которая убила сына князя. Сколько нашего по-та он пролил!

А другие говорили:

— Лучше бы он остался жив: хоть раз наелись бы на его свадьбе.

А третьи говорили:

— Если уж на поминках нам ничего не досталось, то и на свадьбе ничего не перепало бы. Дай бог, чтобы он попал в самое пекло ада!

Старик разузнал, где живет князь, куда он обычно ездит, какие вещи остались от его сына. Все это он делал потому, что решил, если будет к тому возможность, обмануть жену князя. И он стал ждать удобного момента. И вот однажды он заметил, что князь выехал на лошади со двора и куда-то уехал. Старик надел шубу наизнанку и пошел в княжеский двор. Он подозвал работницу, которая подметала двор, и попросил ее:

— Позови княгиню!

Но пока старик разговаривал с работницей, княгиня выглянула в окно и увидела его. «Кто этот оборвыш, который в такую жару надел на себя шубу наизнанку и осмелился явиться на мой двор?» — сказала княгиня про себя и начала громко кричать:

— Сейчас же схватите его, свяжите и бросьте в овчарню! Возвратится князь — получит этот негодяй по заслугам!

Не успела княгиня договорить, как старик подскочил к ней:

— Благородная княгиня, что ты говоришь?! Я — посланник бога. Кайся быстрее! У Аллаха аркан длинный: если сегодня не накажет, завтра — ударит. Бог послал меня испытать тебя. Я пришел к тебе из-за твоего сына. Он в моем подчинении. Твой сын Джамир-Бек передает привет и просит, чтобы ты послала ему коня с золотой сбруей и личные вещи.

Княгиня, сама не зная отчего, сильно перепугалась.

Тут же она прочитала молитву, помолилась, чтобы ее грехи не пали на сына, хорошо накормила-напоила человека с того света, дала ему коня с золотым седлом и уздечкой, две сумы золотых вещей и проводила, сказав:

— Доброго пути!

«Клянусь богом, если эта княгиня не глупее, то не умнее моей старухи», — сказал старик про себя и погнал коня в сторону своего аула.

Вечером вернулся князь. Как только он въехал во двор, княгиня, вся сияя радостью, выбежала ему навстречу. Не успела она слово вымолвить, как князь спросил ее:

— Что случилось? Отчего ты так радуешься!

Тут княгиня рассказала мужу о человеке с того света и о подарках, которые она отправила сыну. Князь обругал княгиню:

— Чтоб твой дом сгорел! Разве с того света возвращаются? — От обиды на жену князь всю ночь не сомкнул глаз.

Утром князь оседлал коня и отправился на поиски человека с того света. Два дня и две ночи скакал князь, расспрашивая людей. На третий день старик понял, что князь напал на его след. Тогда старик решил спрятать золото. Он увидел, что в поле пашут какие-то люди и поехал к ним. Поздоровался с пахарями, спешился.

— Что нового на свете? — спросили пахари старика.

Старик заметил, что пахари плешивые и сказал:

— Честное слово, ничего хорошего нет. В одном селе какие-то плешивые убили княжича. Теперь отец того княжича ездит по аулам и убивает всех плешивых.

Не успел еще старик закончить, как пахари увидели, что в их сторону едет князь, да такой злой, что, как говорится, молнии мечет изо рта.

— Ах вы бедные! Смерть ваша пришла! Вот и сам князь, будь он трижды проклят! — закричал старик указывая на приближающегося всадника, будто сами пахари не видели его.

Плешивые стали карабкаться на дерево, под которым стояла их телега. Старик спрятал свои сумы с золотом под сено, которое лежало на телеге, а сам залез под нее.

Князь, изо рта которого вырывалась молния, подскочил к телеге, прыгнул с коня, привязал его к телеге, выхватил кинжал и полез на дерево за плешивыми: раз они испугались и лезут на дерево, значит кто-то из них обманул его жену.

— Это вы, рожденные собакой, решили посмеяться надо мной? — ревет князь.

Плешивые перепугались, забрались на макушку дерева. Ветви гнутся под их тяжестью. А князь — все ближе и ближе.

Тем временем старик вытащил из под сена сумы с золотом, нагрузил их на лошадь князя, сам сел на него, взял за повод коня, которого подарила княгиня, и ускакал.

Когда князь увидел удалявшегося старика, он понял, что его обманули.

Князь спросил у плешивых:

— Почему вы залезли на дерево?

— Тот старик, который увел твоего коня, сказал нам, что ты убиваешь всех плешивых. Мы, когда увидели тебя, испугались и залезли на дерево, — сказали плешивые.

Что было делать князю? Ехал сюда верхом, а возвращаться пришлось пешком. Целую неделю шел князь домой.

— Что с тобой случилось, князь, почему ты весь в пыли и пеший?

Зачем делаешь из себя посмешище для людей? — спросила княгиня, когда князь вернулся домой.

— Чтоб твой очаг потух! Я догнал человека с того света, и когда он рассказал мне обо всем, я попросил его, чтобы он взял меня с собой, и я все

эти дни гостил у нашего сына. Оставил ему своего коня: пусть парень ездит на нем на вечеринки, — ответил князь.

А старик возвратился к своей старухе, ибо встретил женщину глупее ее. Стали они жить богато и радостно.

Перевод с абазинского В. Тугова.

Завещание отца

У одного старика был единственный сын. Отец был очень стар и, когда почувствовал, что скоро умрет, позвал сына и сказал ему:

— Сын мой, возьми эти деньги: пригодятся, когда подрастешь, — и дал ему двадцать туманов-червонцев.

Когда отец умер, сын был еще мал. Прошло много времени. Мальчик вырос, стал юношей. Деньги лежали нетронутые.

И вот однажды сын взял деньги, оставленные отцом, и вышел на улицу. Не дошел он до своих друзей и не решил еще, как израсходовать деньги, как встретил плачущую женщину.

— Мать, отчего ты убиваешься? Почему ты так сильно плачешь? — спросил он.

— Умер мой единственный сын, а денег на похороны нет. Эфенди — трясушаяся голова — не хочет хоронить моего сиротку, если не заплачу. А платить мне нечем. Бедная я, — еще сильнее заплакала женщина. Из ее глаз льется столько слез, сколько воды в нашей речке Кайдане.

Юноша вынул бумажник и дал женщине сто рублей.

— Бери, мать, эти деньги и похорони сына, — сказал он и продолжил свой путь.

Юноша раздавал все свои деньги встречным беднякам.

Он встретил еще одного очень бедно одетого старика.

— Сын мой, я знаю, что у тебя уже нет денег. Но я сделаю так, что ты будешь иметь несметные богатства, если затем половину их отдашь мне, — сказал старик.

— Не только половину, все отдам, но скажи, что нужно делать? — спросил юноша.

— Вот что. Видишь вон ту женщину? Завтра с утра пойдешь к ней и купишь ее кошку. Сожги шерсть с хвоста кошки, пепел положи в спичечную коробку и пойди к князю. Он ослеп. Как только насыплешь ему в глаза пепел, он сразу прозреет и одарит тебя несметными богатствами. Не забудь только потом поделиться со мной, — сказал старик.

Юноша занял денег, купил кошку, состриг шерсть с ее хвоста, сжег ее, насыпал пепел в глаза князя, и тот стал таким же, каким его мать родила.

Князь созвал всех слуг и спросил:

— Чем одарить того, кто сделал для меня такое доброе дело?

Все молчат, не зная, что сказать. Затем один выступил вперед и произнес:

— Отдай ему в жены свою дочь. Лучшего подарка не придумаешь.

— С радостью отдам! Зовите ее сюда, — сказал князь.

Позвали княжну.

— За кого же мне выходить, если не за такого молодца? — сказала дочь, когда ей объявили волю отца.

Взял юноша княжескую дочь и отправился домой. По пути встретил того старика.

— Как дела, юноша? — спросил старик.

— Хорошо, отец.

— Что хорошо, то хорошо. А что дал тебе князь?

— Отдал мне в жены свою дочь.

— И это хорошо. Помнишь наш уговор? Ты должен отдать мне половину своей жены.

— Ладно, отдам, — согласился юноша.

Обнажил юноша меч, размахнулся им, чтобы рассечь жену на две половины. Она испугалась, вздрогнула, и из ее рта выскочила большая змея.

Эта змея давно забралась в княжну и не давала ей житья.

Юноша освободил ее от змеи, и они зажили счастливо.

А старик нарочно подстроил все — и с кошкой и с дележом, — потому что знал о змее, которая жила в княжеской дочери. Конечно же, он ни рубля не взял, но юноша никогда не забывал старика, который одарил его таким счастьем: одевал старика, кормил, разводил для него скот, пахал и сеял.

Вот почему, дети мои, абазины говорят: «Сделаешь добро, встретишь добро!»

Перевод с абазинского В. Тугова.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Выпишите из «Словаря литературоведческих терминов» определение понятия «Сказка» и всех ее жанровых разновидностей.

2. Сравните сказки, которые уже изучали, со сказками народов Карачаево-Черкесии. Что в них общего и что отличного?

3. Какие особенности у сказок о животных? Как характеризуются персонажи этих сказок? Почему к лисе двойственное отношение? Покажите это на конкретных примерах.

4. Какие особенности волшебных сказок? Как эти особенности проявляются? Как выражаются сказочные формулы в абазинских сказках? Какие в них используются словесные формулы?

5. Какие идеалы утверждает волшебная сказка? Приведите примеры.

6. Чем отличается бытовая сказка от волшебной? Покажите это на примерах.

7. Какое значение имеют сказки? Как они участвуют в духовной жизни народа?

Абазинские народные песни

Абазины создали много прекрасных песен, но немногие из них дошли до наших дней. Наиболее популярны в народе лирические песни. В них чаще всего разрабатывается тема социального неравенства, порождающего трагические коллизии. Абазинские народные песни не переводились на русский язык, поэтому ограничимся анализом одной-двух песен.

В народе популярна песня «Минат, дочь Кыны». В песне поется о горькой доле крестьянской девушки, похищенной и насильно выданной замуж за нелюбимого. По форме своей — это традиционная песня-плач: девушка поет о своей трагедии, посылает проклятия насильникам. Свое горе и отчаянье она выражает, хотя и в гиперболических (преувеличенных), но конкретных образах-параллелизмах:

Волосы, которые я вырвала из головы,
Спутали бы дикую лошадь.
Семи волкам не съесть столько мяса,
Сколько я вырвала из своих щек.

Свою ненависть к мужу она выражает, преувеличенно обезображивая его образ, придавая ему нечеловеческий облик:

Сказали: «Твой муж» — и впустили медведя-телка.
Ноги его подобны опорам хижины.
Руки его подобны лопатам, которыми дубят кожу.

Презирая своего насильника, девушка ненавидит и предметы, вещи в его доме. Все ей кажется безобразным, отвратительным:

Сказали: «Циновка», — и занесли (в комнату) рогожу.
Сказали: «Таз», — и занесли (в комнату) корыто для собак.

Девушка проклиная виновников своего несчастья, конкретно называя вину каждого:

Чтоб ты оседлал седлом несчастья своего коня,
Архаг Уатауш, который не женился на мне.
Пусть съедят мясо несчастья
Те, которые похожи на вас, Ажи!
Детина Лоу, что тебе прибавит калым за меня,
Когда у тебя огромные участки?

Трагедия загубленной девушки стала возможной только потому, что она дочь бедняка и князь может играть ее судьбой:

Если бы я была из рода Лоу, а не дочерью Кыны,
Со мной бы такое несчастье не случилось.
У моего отца было только два вола,
И на них вспахали три пяди земли.
И эти три пяди съели три саранчи...

Песня-плач дышит гневом против насильников и вся ее образная система подчинена тому, чтобы вызвать ненависть к ним, бороться против зла и несправедливости.

«Песня-плач девушки Фариз» разрабатывает тему неразделенной любви: девушка жалуется, что не может соединиться с любимым джигитом.

По форме своей — это традиционное повествование, построенное сплошь на параллелизмах.

Как обычно в подобных песнях, причиной невозможности счастья является социальное неравенство, мотив которого здесь звучит несколько приглушенно:

О, мой милый, когда наступит ночь,
Золотую лампу я для тебя зажигаю —
Сплели бы мы свои руки, мой любимый,
Но из этого тоже сделают горе нам...

Пословицы, поговорки, загадки абазин

В абазинском фольклоре, как и у других народов, большое место занимают так называемые малые или философские жанры: пословицы, поговорки и загадки. В них отразился ум народа, меткость слова, образность мышления.

Пословицы и поговорки — это выражение мудрости, добытой на основании многолетнего опыта жизни всего народа.

Много пословиц о любви к своей Родине, о родной земле, патриотизме, мужестве: «Земля на родине — рай, а вода — мед», «Свое мужество и свою работу направляй на пользу обществу, а не прячь их в золе», «Сила народа вдребезги разрушает утесы» и т. д.

Разнообразны пословицы, говорящие о человеке и его жизни: о дружбе и товариществе, об отношениях к родителям, об уме и терпении и т. д.: «Хороший друг лучше плохого брата», «Если общаешься с хорошим человеком, наберешься хорошего», «И тот, у кого ворота железные,

нуждается в гвоздях» (т.е. человек всегда нуждается в людях), «Что не сможет сделать один, то сделают двое», «Дружных шкурка ягненка укрывает, а недружных и бычья шкура не укроет», «Отец — мед, а мать — мед с маслом», «Разум родителей — степень благополучия детей», «У кого разум, у того и терпение», «Два ума лучше одного», «В одной рубашке спят, в одном кисете живут», «Если ты имеешь хорошую сноху, то имеешь сына», «С проезжего всадника выкройку снимает (о мастерице)», «Дом держится на женщине». Среди них есть и пословицы, порожденные феодально-байским отношением к женщине: «Не верь своей жене и своей лошади», «Хотя у женщин волос длинный, да ум короткий» и т. д.

С особым прилежанием народ создавал пословицы, поэтизирующие труд и знания: «Обрабатывай землю, голодный не будешь», «Неумеющий работать, сеет просо на гальке», «Неумелая рука портит дело», «Как возделаешь землю, та ей и цена», «Где не можешь сносить охапку, там не ставь скирды», «Что будешь есть зимой, готовь летом», «Цена человека — его работа», «Человека узнают не по бороде, а по уму — бороду и козел имеет» и т. д.

Пословицы отразили классовые отношения, выразили социальный протест против угнетателей: «Прихоти князя — плач крепостного», «Князь — волк, княгиня — лиса», «Стон князя — пляска (радость) крепостного», «Смерть князя — притворный плач крепостного», «Ласковому слову князя и зимней ночи не доверяй», «Спина, по которой гуляла плеть князя, чесаться не будет», «Пот бедняка — мед богачу» и др.

Много пословиц, выражающих моральные взгляды народа: «Если на столе ни куска, то это не стол, а доска», «Мать дочь свою наставляла, а дочь мух считала», «Не смейся над тем, кто первым споткнулся», «Саблей управляет сердце», «Где нет любви, там нет радости», «Чужой рукой он крапиву рвет» и т. д.

Понимание закономерностей явлений жизни, обобщенно-философские высказывания отразились в многочисленных пословицах: «Время вертится, как колесо», «И старая жаба надеется, что у нее вырастут зубы», «Доброе слово и змею из норы выведет», «Если долго жевать слово, оно станет дурно пахнуть», «Саблей раненное — заживает, злым языком раненное — не заживает», «Добро следует за добром, зло — за злом», «И цалда (топорик для рубки хвороста) дерево сваливает», «Гром прогремел, молния ударила, а где же дождь?»; «Кто поддается своему врагу, тот остается без крова», «Роющий яму для других, сам в нее попадает» и т. д.

Таким образом, круг проблем, нашедших отражение в пословицах, богат и разнообразен.

Популярны в народе и загадки. Загадка — это замысловатый вопрос, требующий наблюдательности, сообразительности. Загадки по-абазински называются «кытча» (букв. селосьедение). Загадывание и отгадка представляет своеобразную игру. Тот, кто загадывает, говорит: отгадай загадку, за это я тебе даю такой-то, такой-то и такой-то аул с их богатст-

вом. Если человек отгадал загадку, он говорит: «Я съел и тот, и другой, и третий аул, прокатился на их лучших лошадях». (Неизменной здесь остается лишь формула: я съел (яства) аула... Отгадывающий может прибавлять к этому очень многое: стал князем, съел все лучшее, что у них есть и т. д., а загадка твоя вот что значит. Коль отгадывающий не может отгадать, то загадывающий говорит: дай мне аул, скажу. Тот дает один или несколько аулов. «Я съел и тот, и другой, и третий аул... А тебе пусть достанутся объедки (или что-нибудь в этом роде, что уязвит отгадывавшего — В. Т., Л. Т.), а загадка вот что значит».

Загадки требуют знания природы, хозяйственного уклада, быта народа. Аллегорическая форма их развивает мышление, заставляя сопоставить и сравнить явления, вещи, предметы.

Содержание загадок разнообразно и всегда связано с жизнью и бытом народа: «Белая курица без костей» (Сыр); «Один всадник тысячу всадников колотит» (Просорушка); «Глаза человека мы знаем, а что такое глазной человек?» (Отражение человека в глазном зрачке); «Железная шапочка из Крыма» (Наперсток); «Кто меня режет и рвет, тот мой друг» (Земля); «Целый день по полу гуляю, а вечером стою в углу» (Веник); «Из дупла тысяча овец со снятыми шкурами высыпается» (Просорушка и пшено); «Плеть князя в траве лежит» (Змея); «Когда в степь идут, они домой смотрят, а когда домой идут, они в степь смотрят» (Рога козла).

Загадки нашего времени отражают современную жизнь народа: «Я не ученый, но весь свой век пишу» (Перо); «Не живой, но бегаёт и летает» (Самолет); «Без керосина, без масла горит» (Электrolампочка).

* * *

Таким образом, в фольклоре народ воспел свои вековые мечты и надежды, своеобразно запечатлел свою историю, создал систему моральных и нравственных правил, воплотил в нем богатство и выразительность языка, запечатлел духовную и физическую мощь трудящихся.

Значение и роль фольклора в духовной жизни народа непреходящи. Художественно-эстетические ценности устного народного творчества активно участвуют, обогащая, в литературе, театре, музыке, хореографии — во всей духовной жизни народа.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Издана книга «Афористическая поэзия абазин». Знакомы вы с ней? Выпишите из нее понравившиеся вам пословицы, поговорки, загадки. Прокомментируйте их.
2. Чем абазинские пословицы, поговорки, загадки похожи на малые жанры других народов? Чем они отличаются?
3. Что надо знать, чтобы отгадать национальную загадку?

4. Какие загадки вы знаете? Выпишите их.
5. Какие жанровые особенности народной песни? Сравните известные вам народные песни с абазинскими. В чем они похожи и в чем разнятся? Докажите это на конкретных примерах.
6. Что утверждает народная песня? Приведите примеры из народных песен.
7. Покажите поэтические особенности народных песен. Какие из этих особенностей перешли в письменную литературу?
8. Какое значение имеют лирические песни в духовной жизни народа?
9. Напишите письменно свои размышления о народной песне.

ЛИТЕРАТУРА

Литература XIX — начала XX веков

Связи народов Северного Кавказа с Русью уходят в глубь веков. В русских летописях периода Киевской Руси упоминаются, например, косогадыги, обезы — абазины. Эти связи никогда не прерывались, а со временем еще больше крепили. С образованием централизованного государства Россия становится многонациональной державой.

В первой половине XIX века возникает и развивается так называемое северокавказское просветительство: представители горцев начинают писать художественные произведения на русском языке, печатать их в русских журналах. Позднее предпринимаются попытки создания алфавитов, букварей, изучения родного языка, сбора фольклорных материалов.

Главной целью северокавказского просветительского движения было стремление приобщить горцев к русской и европейской культуре, вывести их на путь мировой цивилизации. Пути и средства к достижению этой цели были самыми разнообразными.

В своем развитии северокавказское просветительство прошло три периода.

Первый охватывает 20—60-е годы XIX века. В этот период творили Шора Ногмов — автор первой «Истории адыгейского народа», трудов: «Начальные правила кабардинской грамматики», «Кабардино-русский словарь», стихотворения «Хох» («Здравница»), алфавита кабардинского языка и т. д. Султан Хан-Гирей — создатель «Записок о Черкесии», а также ряда художественных произведений. Султан Казы-Гирей — автор худо-

жественных произведений «Долина Ажитугай» и «Персидский анекдот», напечатанных в пушкинском «Современнике» за 1836 год, Султан Адиль-Гирей — автор рассказов «Сулейман Эфенди», «Жена черкеса», Умар Берсей — педагог, автодидакт и баснописец.

Второй период северокавказского просветительства охватывает 60—90-е годы XIX века. На это время приходится творческая деятельность Адиль-Гирея Кешева — автора рассказов «Два месяца в ауле», «Ученик джинов», «На холме», «Чучело», повести «Абреки», Султана Крым-Гирея — автора работ «Два слова о господстве турок на Кавказе», «Сафир-паша, князь Шапсутский» и др.

Третий период северокавказского просветительства падает на 90-е годы XIX — начало XX века. В это время на передний план выдвигается практическое просвещение, связанное с созданием алфавитов, школьных учебных пособий, с организацией сети учебных заведений, сбором фольклорных материалов и т. д. Этот период просветительства связан с именами Умара Микерова, Паго Тамбиева, Юрия Кази-Бека, Султана Сиюхова, Ислама Крымшамхалова, Абдул-Хамида Джанибекова и др.

Вершиной северокавказского просветительства XIX века принято считать творчество Адиль-Гирея Кешева.

О северокавказских просветителях

Вот явление, неожиданное в нашей литературе. Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей: черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно, живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке.

*А. С. Пушкин. Послесловие к повести С. Казы-Гирея
«Долина Ажитугай» («Современник», 1836).*

«Долина Ажитугай» примечательна как произведение черкеса Султана Казы-Гирея, который владеет языком лучше многих почетных наших литераторов.

*В. Г. Белинский. Несколько слов
о «Современнике» за 1836 год.*

Нет никакого сомнения, что если бы этот труд Хан-Гирея («Записки о Черкесии» — В. Т., Л. Т.) был в свое время напечатан, он занял бы выдающееся место в русской историко-этнографической литературе и остался бы и по сей час трудом своего рода классическим.

М. О. Косвен, доктор исторических наук, профессор.

...Воспитанник из почетных горцев Адиль-Гирей Кешев, родясь в сфере не только чуждой, но и противоположной нашему обществу, интересам, привычкам, образу жизни, — умел не только понять, но и почти верно оценить значение лучших типов нашей литературы и показать отношение их к действительной жизни, тем с большею признательностью отдаем заслуженную дань хвалы его сочинению, которое написано языком более чистым и правильным, нежели сочинения некоторых русских воспитанников старшего седьмого класса. Если мелькнет иногда у Адиль-Гирея Кешева не вполне русский оборот, зато правильность синтаксическая и грамматическая безукоризненна. Есть описки, но нет ошибок!

Из заключения педсовета Ставропольской гимназии
о конкурсном сочинении ученика 6 класса *А.-Г. Кешева*
«О характере героев в современных русских повестях
и романах», 1857 год.

Умар Микеров

В Бибердовском ауле Баталпашинского отдела 15 февраля в 2 часа ночи скончался от воспаления легких прапорщик милиции, народный кадий горского населения Большого и Малого Зеленчуков Умар Микеров. По своему происхождению покойный принадлежал к одной из лучших дворянских фамилий абазинского племени, добровольно вступивших в подданство России еще в начале текущего столетия, когда весь Закубанский край был занят полумиллионным и враждебным нам горским населением, кровопролитная война с которыми длилась более 60 лет.

Отец Умара Микерова тоже был народным кадием и, как полезный, доброжелательный человек, отличавшийся преданностью нашему правительству, всегда пользовался особым доверием и уважением местных начальников. Воспитанный на началах доброй нравственности и в духе своей религии, Умар Микеров пожелал последовать примеру своего отца и, будучи еще совсем молодым человеком, отправился в Константинополь и там основательно изучил арабский язык, Коран и правила мусульманской веры, служению которой он решил посвятить себя в родном краю. Вскоре по возвращению домой он был избран кадием и с этого времени начинается его многополезная общественная деятельность, могущая служить прекрасным и поучительным примером всех прочих просвещенных горцев, желающих быть действительно полезными своему народу и правительству. Умар Микеров устроил в своем ауле образцово поставленную школу с пансионом и вообще много способствовал распространению народного образования среди горцев.

Умный от природы, развитый и глубоко проникнутый стремлением просветить темную невежественную массу своих единоплеменников, он составил особую азбуку, приспособленную к местному наречию и посредством ее сам обучал детей в школе удобопонятным для них способом не только правилам религии, но и другим предметам. Результаты такого обучения не оставляли, конечно, желать ничего лучшего. Покойный сочинил и написал на арабском языке несколько стихов и молитв и составил даже учебник, который, кажется, так и оставался неизданным. Большую часть своих средств он тратил на народное образование и на пособие нуждающимся и вообще был в высшей степени мягкосердечным, доброжелательным и отзывчивым человеком. Немалую пользу оказал Умар Микеров и местным властям в осуществлении целого ряда правительственных мероприятий, клонившихся к благоустройству общественного и частного быта горского населения и водворению в них твердых начал гражданственности и порядка. Его бескорыстие, испытанная честность побуждений и преданности правительству известны были всем начальствующим лицам, которые поэтому относились к Умару Микерову с полным доверием, ценили его по заслугам и пользовались его разумными советами, когда в них встречалась надобность. Тело его погребено в родном ауле Бибердовском при многочисленном стечении народа, его друзей, знакомых и в присутствии нарочно прибывшего для этой цели атамана Баталпашинского отдела полковника И. Н. Браткова.

В частной своей жизни Умар Микеров был прекрасным, симпатичным человеком. Он умер в полном расцвете лет и сил, едва достигнув 44 лет. В лице его горцы потеряли лучшего и честнейшего своего представителя, которым они гордились.

Мир праху твоему, незабвенный проводник общечеловеческого добра и правды и полезнейший общественный деятель!

Кубанские ведомости, суббота,
9 марта 1891 года, часть неофициальная,
редактор Фелиции Е.

Адиль-Гирей Кешев (1837—1872)

Северокавказская просветительская литература достигла своего наивысшего развития в творчестве Адиль-Гирея Кучуковича Кешева, печатавшего свои произведения под псевдонимом «Каламбий» («Господин пера»).

А.-Г. Кешев (Каламбий) родился в 1837 году в родовом ауле Кечев Кубанской области Зеленчукского округа Верхнекубанского приставства в семье абазинского князя Кучука Кечева.

Исследование

Кечевы — древний абазинский княжеский род. Аул, в котором родился будущий писатель-просветитель, общественный деятель, публицист А.-Г. Кешев находился на правом берегу реки Мара, в нескольких километрах северо-восточнее нынешнего Карачаевска. Терперь этого аула нет: он несколько раз переселялся, а после смерти А.-Г. Кешева выселился в Турцию.

В 1850 году, тринадцати лет от роду, А.-Г. Кешев поступил в Ставропольскую гимназию — одно из лучших учебных заведений России. Выпускниками этой гимназии были: основоположник осетинской литературы Коста Хетагуров, кабардинский просветитель Кази Атажукин, осетинский поэт и публицист Иналуко Тхостов, балкарский скрипач Султан-Бек Абаев и многие другие.

В годы учебы А.-Г. Кешева директором гимназии был Я. М. Неверов — выдающийся педагог и организатор учебного процесса, впоследствии директор Лазаревского института восточных языков в Москве (ныне Институт востоковедения РАН).

А.-Г. Кешев был одаренным учеником. В гимназии ежегодно проводились конкурсы на лучшее сочинение. В 1857 году он представил сочинение «О характере героев в современных русских повестях и романах», а в 1858 — «Сатира во времена Петра, Екатерины и в наше время». Обе работы получили отличную оценку жюри. Сочинения А.-Г. Кешева заняли первое место в конкурсе.

В 1858 году А.-Г. Кешев с золотой медалью окончил гимназию. В том же году поступил в подготовительные классы гимназии, которые готовили учеников к поступлению в высшие учебные заведения России.

А.-Г. Кешев знал абазинский, русский, кабардино-черкесский, татарский, арабский и французский языки.

После окончания гимназии А.-Г. Кешев поступил на факультет восточных языков Петербургского университета (зачислен 1 августа 1860 года). Однако ему не удалось окончить это славное учебное заведение. Осенью 1861 года в Петербургском университете вспыхнули антиправительственные выступления студентов, в которых активное участие принял А.-Г. Кешев. Правительство прибегло к жестоким мерам по «искоренению вольнодумства»: в стенах университета были введены новые правила, насаждавшие казарменный режим, запрещены любые студенческие собрания, ношение национальной одежды и т. д.

Многие студенты, выражая протест против реакции, оставили университет. Среди них был и А.-Г. Кешев.

«Изгнанник науки» А.-Г. Кешев возвратился в Ставрополь. Некоторое время работает в канцелярии начальника Ставропольской губернии, преподавателем татарского языка в гимназии. Попытки Я. М. Неверова

восстановить А.-Г. Кешева в число студентов Петербургского университета ни к чему не привели.

В 1867 году А.-Г. Кешев переехал во Владикавказ и получил должность редактора газеты «Терские областные ведомости» — первой русской газеты в регионе. До самой смерти (1872) А.-Г. Кешев оставался на этой должности. В годы редакторства А.-Г. Кешева «Терские ведомости» пережили наивысший расцвет.

Умер А.-Г. Кешев в 1872 году в Пятигорске.

* * *

Литературным творчеством А.-Г. Кешев начал заниматься уже в гимназии. В 1860 году он опубликовал в журнале «Библиотека для чтения» рассказы «Два месяца в ауле», «Ученик джинов», «Чучело», а в «Русском вестнике» — повесть «Абреки», в 1861 — в том же журнале — рассказ «На холме». Все произведения были подписаны псевдонимом — Каламбий.

В своих произведениях А.-Г. Кешев всегда на стороне простого народа: ставит острые социальные вопросы, широко привлекает этнографические и фольклорные материалы.

Рассказы А.-Г. Кешева написаны в традициях русской «натуральной школы», они близки к «физиологическим очеркам».

В рассказе «Ученик джинов» он писал: «Я принимаюсь за перо с тем, чтобы передать бумаге разные любопытные черты нашей жизни. Материалов пропасть. Целое необработанное поле лежит передо мной. Нужно же когда-нибудь занять нам свой уголок в огромной семье человечества: нужно же нам знать, что мы такое, и нужно, чтобы и нас узнали»...

А.-Г. Кешев, реализуя поставленную программу, ставит и решает проблемы бесправного положения женщины-горянки (рассказы «Чучело», «Два месяца в ауле»), народа и интеллигенции (рассказы «Два месяца в ауле», «На холме»), исторических судеб горцев, Кавказа и России (рассказ «На холме», повесть «Абреки») и др.

Одним из лучших произведений А.-Г. Кешева является рассказ «На холме».

Рассказ воссоздает реалистическую картину жизни горцев в предреформенный период.

Холм «с плоской макушкой», расположенный недалеко от ворот аула, служит местом, где крестьяне собираются, «как говорят они, чтобы проветрить глаза». Завсегдатаи этого своеобразного «крестьянского клуба» получили название холмовников. С холма, — говорится в рассказе, — можно заглянуть во внутренность каждого крестьянского двора в ауле.

Здесь крестьяне обсуждают и решают свои повседневные дела, обмениваются мнениями, выносят приговор общественным и бытовым явлениям, оценивают достоинства и недостатки одноаульчан, философствуют, ссорятся, мирятся, шутят, иронизируют. Писатель набрасывает — и делает он это мастерски — социальный и психологический коллективный портрет холмовников: «Заседатели холма, состоящие исключительно из людей работающих, из крестьян и тех обедневших дворян, которым судьба вручила в руки лопату и топор... из людей, следовательно, более положительных, питают неодолимое отвращение к сословию праздных, занятых одними лошадьми и оружием дворян. И это весьма понятно. У заседателей холма свои особые наклонности, свой образ мыслей, свой взгляд на вещи, свои идеалы, прямо противоположные стремлениям, воззрениям и идеалам кунацкой (т. е. дворян — В. Т., Л. Т.). Это особенный мирок, мало в чем похожий на прочие классы аульного населения. Даже наружность холмовников отличается каким-то отпечатком: у них широкие плечи, короткие толстые шеи, ручищи, похожие на медвежьи лапы, крупные черты лица... О наряде нечего и говорить. Холмовники носят на ногах чувяки, или точнее сказать, что-то похожее на русские лапти из сыромятной кожи вверх шерстью. Черески у них, правда, бывают почти всегда новые, или по крайней мере целые, но такого странного покроя, что мешковато облегают их дюжие туловища...»

Холмовники наделены высоким чувством собственного достоинства, глубоко осознают свое место и роль в жизни общества. «Они не заискивают ничего расположения, ничьей благосклонности, даже своих господ, от которых зависит их жизнь, напротив, они всеми силами стараются высказать явное невнимание и самое убийственное равнодушие и к ласкам, и к угрозам. Вся желчная ирония их языка направлена исключительно на сословие, обитающее в кунацкой: на него они смотрят с пренебрежением, как на что-то весьма негодное и непрочное, чье существование находится в их мозолистых руках».

Мораль крестьян — мораль трудящегося человека. А трудящийся человек нравственно неизмеримо выше своего господина. Холмовники это понимают и без обиняков называют вещи своими именами. Их идеал — труд. Вот почему они верят, что «нет ничего соблазнительнее славы бочкаря Яхьи, арбяного мастера Чоры и неутомимого косца Хожи...»

Крепнущее мастерство писателя выражается и в том, что он в массе холмовников умеет выделить лицо каждого и подать его крупным планом, в результате чего перед читателем предстают индивидуализированные персонажи — каждый со своим характером, обусловленным социальным происхождением, имущественным положением или особенностями психики. Вот один из них Сольман — аульский «философ», прозванный односельчанами «глубокоумным». Это чрезвычайно любознательный

человек. Он хочет знать все. И в знаниях не ищет выгоды, а любопытствует «по требованию самой его природы». Видя в кунацкой книги рассказчика, он искренне восклицает: «Ах, как бы желал я знать все, что в них написано!» И желание свое он осуществляет доступным ему путем: просит хозяина прочесть что-нибудь из русских книг и перевести прочитанное на родной язык. Сольман обладает глубоким природным умом. «Я развернул басни Крылова и перевел как мог первую попавшуюся страницу: то была басня «Медведь и Пустынник», — говорит рассказчик и продолжает. — Я нарочно опустил моральную сентенцию басни, желая испытать, понял ли что-нибудь мой слушатель. «Эка, дурак какой! — сказал Сольман, когда я кончил, — вздумал же с кем подружиться! И поделом безмозглому! Молодец медведь!» С тех пор Сольман стал одним из усерднейших посетителей моей кунацкой. Он заметно пристрастился к потешным русским сказкам, в которых однако говорится дело... Постепенно я перевел ему чуть ли не всего Крылова».

Как указывал В. Г. Белинский, «Крылов выразил — и, надо сказать, выразил широко и полно, одну только сторону русского духа — его здравый, практический смысл, его опытную житейскую мудрость, его простодушную и злую иронию». Здравый, практический смысл, житейская мудрость, злая и простодушная ирония свойственны обычно всем крестьянам, в том числе горским, и потому Сольману, как и многим его односельчанам, басни близки и понятны, хотя, по мнению аульского философа, по форме своей они напоминали потешные сказки. Сольман становится невольным распространителем знаний: его рассказы о чудесах, узнанных из русских книг, привлекли в саклю героя-рассказчика многих аульчан. Понятно, что темные горцы не сразу постигают мудрость книг (слишком велико еще их невежество), но луч света постепенно пробивает себе дорогу. «Слушатели мои остаются очень довольны, хотя внутренне не одобряют многих вещей из того, что я передаю им. Они уже не так горячо оспаривают каждое мое слово, как бывало прежде, потому что начали хоть сколько-нибудь уважать меня», — свидетельствует рассказчик. Возможно, это один из путей к просвещению народа?

Вот еще одна яркая личность, Исмель. Он выделяется среди холмовников даже внешне: одет «в новую, желтого цвета черкеску; бешмет и рубашка его... вымыты очень чисто». Исмель — зажиточный крестьянин, который нажил свое состояние неустанным трудом. Он — враг пустословия, его религия — труд: «Через несколько лет усиленных, неохлаждаемых ничем трудов, он успел не только обзавестись новым хозяйством (после того, как стал вольноотпущенником — В. Т., Л. Т.), но и стал наравне с зажиточнейшими семействами аула». Поэтому он требует за все свои благодеяния (делаемые от чистого сердца или из тонкого расчета) «почтения к своей особе и к своему семейству».

Совершенно иной тип хозяина представлен образом Ильяса, по рождению принадлежавшему к дворянскому сословию, но которого «женитьба на любимой женщине без всяких средств к существованию вынудила... бросить поводья и взяться за ярмо». Это уравнило его с крестьянами и социально, и экономически. «Но мысль о дворянском происхождении ни на минуту не покидала его». И все его действия продиктованы этим. Одним-двумя штрихами выписаны запоминающиеся фигуры крестьянина по кличке Волк, бывшего охранника бахчей Худа по кличке Хантхупс, кузнеца Бечоры.

Последовательно противопоставляя крестьянство дворянству, А.-Г. Кешев решительно ставит первых во всех отношениях выше последних. Однако глубоко симпатизируя крестьянам, сочувствуя их нуждам и горестям, с любовью рисуя их облик, Кешев, тем не менее, не выступает против самого социального неравенства, не поднимается до понимания необходимости его уничтожения, а лишь негодует по поводу бездельности, деградации дворян, их злоупотреблений. В этом оказалась исторически обусловленная ограниченность мировоззрения писателя, не позволившая ему увидеть реальные причины тяжелого экономического положения и духовной неразвитости крестьян. Но сочувственное отношение к человеку труда, понимание его болей и надежд, стремление хоть как-то облегчить его участь ставит Кешева в ряды писателей-демократов прошлого века.

Таким образом, А.-Г. Кешев по своим творческим принципам стоял на позициях русского демократического просветительства как общественно-политического течения, которое, как говорит ученый П. Н. Берков, «видело единственно возможное средство улучшения жизни общества в распространении образования и пропаганде знаний и в вытекающих из этого постепенных изменениях, реформах всех сторон социально-экономического и государственно-правового уклада».

А.-Г. Кешев показал себя более зрелым мастером художественного слова, нежели его предшественники и современники из среды абазин и адыгов, писавших на русском языке. В его произведениях ощутимо творческое освоение принципов русской реалистической литературы и более органическое, мастерское использование фольклора, умелое введение в ткань произведения образных речений, пословиц и поговорок родного народа, помогающих передавать (насколько это возможно на русском языке) особенности образного мышления персонажей, придающих стилю писателя своеобразный горский колорит. В творчестве Кешева происходит осязаемая встреча двух стилей — русской литературы и национального фольклора и живой народной речи горцев, во многих случаях достаточно верно переданных на русском языке. Попробуем обосновать ска-

занное. Кешев владеет искусством психологического анализа (хотя и не в полной мере), портретной характеристики, пейзажной живописи, художественной детали, что, безусловно, шло от русской реалистической литературы, от органического усвоения ее опыта.

Вот, например, герой-рассказчик идет представляться князю Бей-Мурзе (рассказ «Два месяца в ауле»). Его сопровождает проводник. «То был мужчина высокого роста, лет тридцати восьми. Свежее продолговатое лицо, окаймленное рыжей бородой, придавало физиономии его нечто важное, а большие светло-голубые глаза искрились природным умом и неподдельной веселостью». Портрет здесь, живо напоминающий тургеневский, достаточно выпукл, но нейтрален. Однако Кешев умеет дать и психологический портрет. Хаджимет из рассказа «Ученик джинов» видится герою-рассказчику таким: «Когда ученик джинов (Хаджимет — В. Т., Л. Т.) встал из-за стола, я заметил, что он прихрамывал на правую ногу. Во весь вечер он не произнес ни слова, но мне казалось, что он деятельно участвует в разговоре — его глазки то и дело перебежали с одного гостя к другому. Никто не выдерживал долгого их взгляда».

В пейзажной живописи писателя просматривается движение от романтических красок к реалистическим. Вот два отрывка из рассказа «На холме»:

«Солнце исчезло. На противоположной стороне неба промелькнул летучей искрой умирающий свет и потух. Затем багровая полоса стремительно пробежала в вышине, золотя верхушки гор, и скрылась на запад. Как голодные волки на опустевшее поле битвы, набежали сумерки и охватили мигом всю окрестность; но они еще долго боролись с ясной синевой неба».

«Мало-помалу все кругом стихло. Поле опустело. Лишь две-три хромы коровы, отставшие от стада по недосмотру хозяев, плелись медленно и неохотно к воротам, подбирая на ходу измятую траву. Мрак плотно окутал собой небо и землю. Белые стены саклей превратились в длинный ряд черных точек. Только по временам мелькали вдоль и поперек улиц тоненькие полосы света, исчезающие тотчас, как затворялись двери саклей. Из близлежащих дворов доносились до меня то гневные повелительные, то ласковые увещательные обращения женщин к коровам, сопровождаемые шумом лившегося в ведра молока».

Каламбий.

На холме

(Печатается в сокращении)

Невдалеке от ворот нашего аула... возвышается небольшой холмик, с плоской макушкой и не совсем покатыми боками. С него можно видеть что делается далеко кругом, можно заглянуть во внутренность каждого двора в ауле. Со всех концов аула стекаются жители к холму. Одни затем,

чтоб участвовать в обсуждении разных насущных вопросов, высказать перед народом свои мысли и предположения, другие послушать, как будут говорить бойкие языки, и, наконец, большая часть без всякой определенной цели, а так, ради препровождения скучного времени. Я сам с большим вниманием слежу каждый вечер за шумным сборищем и с любопытством прислушиваюсь к его говору. Но пойти туда я не решался до тех пор, пока не подговорил меня на это известный всему аулу фильсуф¹ Сольман, по прозванию «глубокоумный».

Как человек, занятый преимущественно разного рода доморощенными метафизическими хитросплетениями, Сольман, с самого начала появления моего в ауле, начал ходить ко мне. Впрочем, не меня одного удостаивает он подобной чести. По всему аулу отыскивает он чуть не со свечой людей, способных вступать с ним в словопрения. Это составляет главное занятие и конечную цель его существования. Любопытству его решительно нет границ.

При довольно частых посещениях моей кунацкой, Сольман обращает внимание особенно на мои книги. «Ах, как бы желал я знать все, что в них написано!» — восклицает он каждый раз, вертя и перелистывая всякую книгу по очереди. Наученный прошлыми уроками, сначала я мало доверял искренности подобного желания, и потому пропускал его мимо ушей. Но мало-помалу я убедился, что Сольман никогда не высказывает того, чего не чувствует. Трудно отыскать человека более прямодушного в этом отношении. Раз он с особенной настойчивостью пристал ко мне: «Прочти что-нибудь, ради души отца твоего, — упрашивал он. — Покажи нам, как и что пишут русские в своих книгах. Ведь это ничего тебе не стоит». Я развернул басни Крылова и перевел, как мог, первую попавшуюся страницу: то была басня «Медведь и Пустынник». Сольман слушал с напряженным вниманием, боясь проронить слово. Он то поднимал глаза на меня, то опять опускал их вниз, раскачивал голову направо и налево, сжимал губы, прикладывал поминутно к ним пальцы правой руки, как бы крепче удерживая тем все слышанное, вообще обнаруживал сильное беспокойство, и с тем вместе удовольствие человека, пред которым вдруг яснее раскрывается давно знакомая мысль. Я нарочно опустил моральную сентенцию басни, желая испытать, понял ли что-нибудь мой слушатель. «Эка, дурак какой! — сказал Сольман, когда я кончил — вздумал же с кем подружиться! И поделом безмозглому! Молодец медведь!» С тех пор Сольман стал одним из усерднейших посетителей моей кунацкой. Он заметно пристрастился к «потешным русским сказкам, в которых, однако, говорится дело», и не без гордости рассказывает и до сих пор встречаемым и поперечным про глупого человека и умного медведя. Постепенно я перевел ему чуть ли не всего Крылова...

¹ Философ

Заседатели холма, состоящие исключительно из людей работающих, из крестьян и тех обедневших дворян, которым судьба всучила в руки лопату и топор... из людей, следовательно, более положительных, питают неодолимое отвращение к сословию праздных, занятых одними лошаадьми и оружием дворян. И это весьма понятно. У заседателей холма свои особенные наклонности, свой образ мыслей, свой взгляд на вещи, свои идеалы, прямо противоположные стремлениям, воззрениям и идеалам кунацкой. Это особенный мирок, мало в чем похожий на прочие классы аульского населения. Даже наружность холмовников отличается каким-то отпечатком: у них широкие плечи, короткие толстые шеи, ручищи, похожие на медвежьи лапы, крупные черты лица... О наряде нечего и говорить. Холмовники носят на ногах чувяки или, точнее сказать, что-то похожее на русские лапти из сыромятной кожи вверх шерстью. Черкески у них, правда, бывают почти всегда новые или, по крайней мере, целые, но такого странного покроя, что мешковато облегают их дюжие туловища. Газырей в патронниках всегда неполный комплект; обыкновенно торчат в них штуки две или три, без пороха и пуль, даже без тряпичных затычек, в остальные дыры патронников втыкаются палочки из соснового дерева, которые зажигаются при нужде хозяевами вместо свечек.

Пред подобными же им людьми у других народов, например, хоть перед русскими мужиками, даже мещанами, холмовники наши — джентльмены хоть куда. Нрав имеют они весьма суровый, не общительный, обдающий холодом всякого, кто подступает к ним из другой сферы. Они не словоохотливы и угрюмы, но если заговорят, то из уст их исходят слова, отравленные самой ядовитой желчью. Едкий сарказм их обладает необычной силой задевать за самые живые струны человеческой души: шутка их просто невыносима: она проникает до мозга костей.

Самая покорность и молчание дышат неумолимой критикой против тех, кому они покоряются и пред кем молчат. Подумаешь, что покорны они лишь из милости, а молчат потому, что не устаивают ответа. Они не заискивают ничьего расположения, ничьей благосклонности, даже своих господ, от которых зависит их жизнь, напротив, они всеми силами стараются выказать явное невнимание и самое убийственное равнодушие и к ласкам, и к угрозам. Вся желчная ирония их языка направлена исключительно на сословие, обитающее в кунацкой: на него они смотрят с пренебрежением, как на что-то весьма негодное и непрочное, чье существование находится в их мозолистых руках.

... — Исмель правду говорит, — отзывались со всех сторон. Трава уже стала высыхать, надо поторопиться снять ее с корня; да и скот вытоптал много покосов.

— Да и хлеб выждет много-много, если дней двадцать. Колосья совсем налились. Вчера я нарочно ходил поглядеть, и от радости чуть шапка не

слетела с головы. В жизнь не видывал я такого урожая. Валлахи, нам следовало бы целым аулом заколоть самого жирного быка в стаде и поблагодарить Аллаха...

— Уж ты бы лучше молчал, — перебил кто-то говорившего. — Чего раскаркался черным вороном? Того и смотри, что туча крылатых дьяволов взлетит.

— Правоверное собрание! Любимцы божьи! — возгласил вдруг тоненьким дискантом мужчина средних лет, небольшого роста, с необыкновенно-веселыми подвижными глазами, одетый в коротенький кобенек¹. Он вошел в круг, отчаянно размахивая руками, вероятно, чтобы придать себе больше храбрости. — Еще в прошлом году просил я вас поручить мне стеречь бахчи, и вы мне обещали. Не ищите же теперь, будьте так ласковы, другого; надеюсь, я успел заслужить ваше доверие...

— Не трать слов напрасно! — окатил вдруг кипятком вертлявого оратора один из холмовников. — Знаем мы, какой ты славный свинопас! По милости твоей, мы два года сряду не видали в глаза кукурузы. Какая чума велит нам выбрать тебя в третий раз? Благодарю бога и за то, что два раза удалось тебе надуть нас. Ведь и с овцы двух шкур не дерут.

— Да, ты чересчур уже был в дружбе с кабанами, — заметили многие из толпы...

Бедный молодой человек был так уничтожен и напуган, что совершенно лишился способности ворочать языком. Не полагаясь более на свое красноречие, он попытался, как-нибудь разжалобить сердца холмовников.

— Защитите, правоверные мужи, бедного человека от гнусной клеветы, — пропищал он чуть не со слезами. — Если я точно провинился в чем, накажите меня целым аулом, но не давайте веры моему недоброжелателю. Если же я невинен, не лишите меня своей милости. Ради самого Аллаха, судите меня по чистой совести.

Патетическое воззвание Хантхупса еще пуще раздражило Ильяса. Голос его загремел с новым жаром, возбуждая в толпе единодушный смех и одобрение. Ильяс и тут заявил себя горячим и ловким борцом. Он, как дважды два — четыре, доказал, что Хантхупс недобросовестно выполнял вверенную ему обязанность. Пользуясь отсутствием мужчин из аула, он преспокойно ночевал дома, только на рассвете возвращался к своему месту, и то затем, чтобы, сидя в шалаше, зевать на проезжих по большой дороге. Ильяс говорил, что хрюканье свиней нагоняло издали на Хантхупса смертельный страх. Один из толпы подтвердил неопровержимым свидетельством то, что Ильяс, по всем вероятностям, почерпал больше из своего

¹Род куртки из холста, употребляемый исключительно крестьянами.

воображения да из чужих только. Из этого видно, как твердо верил Ильяс в силу своей диалектики. Вообще, сколько я могу судить, это один из тех людей, которых природа наделила самой широкой гортанью и дерзкой, ни перед чем не робеющей, отвагой. Перекричать таких людей так же трудно, как уличить закоснелого сорванца в явном воровстве. Эти врожденные качества развились в нем еще более вследствие неблагоприятных обстоятельств. По рождению Ильяс принадлежал к дворянскому сословию. В молодости он находился по очереди при дворе нескольких князей в качестве спутника и присмотрщика за кунацкой и конюшной. Но женитьба на любимой женщине без всяких средств к существованию вынудила его бросить поводья и взяться за ярмо. После такого подвига Ильяс сравнялся во всем с крестьянами и вольноотпущенниками, работал, как и они, собственными руками для пропитания своей семьи. Но мысль о дворянском происхождении ни на минуту не покидала его. Поставленный обстоятельствами на одну доску с холмовниками, он, однако, бился из всех сил, чтоб отстоять свое дворянское достоинство и заставить окружающих уважать его...

Новый сторонник Ильяса окончательно поразил бедного Хантхупса. «Раз ночью, — рассказывал он, — шел я с покоса домой за пшеном. Поравнявшись с бахчами, слышу вдруг: хрю! хрю! Эге-ге, — подумал я, — это детки Хантхупса изволят потешаться; и я не ошибся. Целое стадо свиней с детенышами расхаживало по бахче, кувыряясь на грядках, рыло клыками землю. Кукуруза трещала на всю долину. Еле-еле выгнал я проклятых оттуда: знать, не впервой бывали они в гостях у Хантхупса, совсем не пугались моих криков, словно ручными сделались. Я мог бы ловить их за хвосты, если бы не боялся осквернить руки».

Разумеется, после обличений Ильяса и сторонника его, кредит бывшего оберегателя бахчей пал безвозвратно. У него не осталось ни одного шанса к удержанию за собой легкого и прибыльного занятия, которое избавляло его от неприятной необходимости набивать на руках мозоли да гнуть спину в три погибели. Каждый, имеющий бахчу, дает караульщику по копне сена да по мешку неочищенной кукурузы. А кто же в ауле не сеет кукурузы? Удар, кажется, был слишком чувствителен для сердца Хантхупса, потому что он попытался вознаградить себя за поражение на словах более ощутительной победой на деле и замахнулся с плеча палкой на высокого Ильяса. Но последний, видно, всем взял: и словом, и делом. Не имея у себя в руках палки, он вмиг выхватил ее у соседа и вlepил в самую середину вражьего лба такой почтенный щелчок, что Хантхупс выронил свою дубину и, закрыв обеими руками лицо, присел на корточки. «Вай, вай! — кричал он благим матом. — Убил, собака! Ей-богу, совсем убил, собачий сын!»

— Тсс! Тсс! — уговаривали его подоспевшие к нему на помощь. — Или ты баба? Разве можно мужчине так реветь? Мужчине не только палки, да и оружия приходится попробовать. Стыдись, Хантхупс! Ребята на смех подымут.

— Вай, вай, вай! — отвечал на эти увещания Хантхупс. — Убил, мошенник, убил, собачий сын!

— Эка старая баба! — с пренебрежением и досадой проговорил один из уговаривающих Хантхупса и потом скомандовал: — Стащите его к жене, пусть там плачут вместе.

Раненого рыцаря подхватили и повели под руки к воротам торжественной процессией, будто труп какого-нибудь храброго витязя, павшего с честью в битве...

Суматоха скоро утихла. Те, которые поднялись на ноги, чтобы разнять ссорившихся, снова заняли свои места. Обсуждение вопросов на время прекратилось. Все молчали. Одни строгаи свои вилы и лопаточки для точения кос, другие с ожесточением мяли в руках бычью кожу на лапти для предстоящего покоса, иные ковыряли концом своих палок землю или внимательно заглядывали в пушистую внутренность своих шапок, а остальные (в том числе и я) сидели, ничего не делая. Один Ильяс торчал над безмолвной толпой в величественной позе Аполлона Бельведерского, подставив под мышку дубину, между тем как хозяин ее, маленький человек, которому, по-видимому, очень не нравилось, что другой пожинал ею лавры победы, напрасно старался выдернуть палку из рук Ильаса. Ильяс, занятый какими-то соображениями, совсем не замечал присутствия маленького человека... Но вдруг смелый боец пошатнулся и стремглав полетел вниз по покатоcти холма, приплюснув на пути несколько совершенно безвинных заседателей к земле, да так крепко, что они не скоро могли потом приподняться и привести свои мысли в порядок. Длинная фигура Ильаса легла, распластавшись богатырски у подножья холма лицом к земле. Заседатели холма все без исключения вскочили в страшном изумлении, словно по команде. Разумеется, не мог усидеть и я при виде такого страшного оборота дела. «Что бы, однако, значило это?» — думал я, озираясь вокруг себя. Не успел я еще решить этот вопрос, как поверженный Геркулес очутился уже на ногах. Багровый румянец стыда, смешанного с гневом, до того исказил черты его лица, что трудно было узнать его. Секунду постоял он в недоумении, соображая, какой несчастный дерзнул поднять на него руку. Глаза его, несмотря на то, что еще не совсем прояснились от тумана, миготом отличили в густой толпе виновника. Он рванулся, но десять человек вцепились в него за пояс, плечи, руки, ноги и тяжелыми гириями повисли на нем.

— Ильяс, опомнись, ради бога! Ведь ты не ребенок: перестань, просим тебя! Зачем ссориться из-за пустяков? Уважь нас, — упрашивали его все хором.

— Пустите! — ревел он, словно раненый лев, бешено вырываясь из рук и влача за собой сердобольных посредников, которые упирались в землю ногами и руками, точно быки. Противник высокого Ильяс, воспользовавшись тем, что его никто не удерживал, прошелся раза два небольшой тростью по обнаженной, гладко выбритой голове его. Только после этой операции догадалась толпа, что и его ни в каком случае не следовало оставлять с свободными руками. Вцепились и в него.

— А! Так вы меня отдаете собаке на посмеяние, — кричал Ильяс, задыхаясь от гнева. — Не делайте этого, ради Аллаха... лучше завяжите мне глаза... и тогда пусть он хоть убьет меня. А не то, пустите меня... умоляю, дайте мне посмотреть, каков этот молодец спереди... а сзади он нападает хабро!

— Погоди ты еще у меня! Голову размозжу! — кричал со своей стороны и противник...

Как ни крепко держали холмовники свирепых бойцов, и как, по-видимому, усердно ни старались не допустить их до столкновения, однако, они нашли возможность несколько раз схватить друг друга за шиворот, причем посыпались с той и другой стороны на землю клочья волос из бороды, и у обоих разованы были ворота рубаш. Мне даже показалось, будто примирители сами незаметно подталкивали противников друг к другу. В тот же вечер догадку мою на этот счет подтвердил и приятель мой Сольман. «Это совсем не новость, — говорил он, — всегда бывает».

Разнимавшие Ильяс и его противника, полагая, что бойцы достаточно удовлетворились взаимными потасовками, растащили их в разные стороны и образовали между ними плотную стену из своих спин. Поднялся невообразимый гвалт. Толпа, как всегда бывает в подобных случаях, разделилась на два лагеря. Один громко упрекал высокого Ильяс за его буйный, навязчивый характер; другой нападал на незванного защитника Хантхупса, которого все признали виновным. Среди общего невнятного гула нельзя было ничего разобрать.

— Скажи, ради души отца, что все это значит? — спросил я одного чахлого старичка, который стоял поодаль от других, ограничиваясь, подобно мне, ролью простого наблюдателя.

— Дерутся, как видишь.

— Вижу, что дерутся, но за что?

— Разве не было тебя здесь, когда вон этот высокий ударил караульщика бахчей?

— Был.

— Ну, а этот молодец, что сбил с ног высокого, близкий сосед караульщика; сакли их под одной кровлей, так неловко, разиня рот, глядеть, как бьют соседа.

— Понимаю. Но чем кончится эта ссора? До оружия, пожалуй, дойдет.

— Нет, — хладнокровно отвечал мой собеседник. — Враги покосятся месяца два друг на друга, будут избегать встречи, а потом и помирятся сами собой, или люди заставят их ударить по рукам. Кто больше виноват, должен простить обиженного, бузу сварить для него и барана зарезать.

Я успокоился, получив такое удовлетворительное объяснение. На холме, значит, свои законы мести и примирения, не похожие на законы кунацкой.

Унялся мало-помалу и взволнованный кружок, накричавшись досыта. Сосед караульщика удалился по совету старейших с холма в приятном сознании, что он выполнил со славою долг всякого благородного адыга и обязанность хорошего соседа.

— Это тебе даром не пройдет, собачий сын! Ты у меня в долгу, не забудь! — кричал вслед ему Ильяс.

— Хорошо, — отвечал тот таким тоном, как будто ему сказали: приходи, брат, вечером покушать у меня горячей баранины!

— Вот как кончаются у нас всегда совещания о делах наших, — с большой горечью заметил старик Исмель. — Чума вас побери! Когда несем чепуху, никому и в голову не придет взяться за палку. А чуть коснешься настоящего дела, того и жди, что начнется потасовка.

— Что будешь делать? Такова, значит, воля божья, — отвечал с благоговением другой старик, погладив свою пепельного цвета бородку. — Не дано человеку силы побеждать судьбу.

— Судьба судьбой, а насчет покоса все-таки надо подумать, — заговорили с разных концов кружка. — Долго ждать невозможно, иначе останемся без соломинки на зиму.

На тот раз дело о покосе пошло удачнее. Кружок не так уже резко расходился в своих мнениях. Этому, конечно, немало содействовала недавняя схватка, которая дала уразуметь людям беспокойным, что с ними, чего доброго, может повториться то же, что и с высоким Ильясом, сидевшим теперь очень скромно в стороне. Можно бы подумать, что у высокого джигита отбили окончательно всякую охоту вмешиваться в прения, но думать так значило бы совсем не знать его. В то время, как говорил старик Исмель, Ильяс беспокойно подергивался. Он несколько раз порывался прервать речь старика, косвенно направленную против него; но умел обуздать свою неукротимую натуру, хотя, вероятно, это стоило ему немалых усилий. Ильяс отдыхал от усталости, набирался свежих сил, чтобы снова выступить на свое специальное поприще обличений и горячего протеста. Страстная природа этого человека не может ничего рассудить хладнокровно — это не ее дело. Она действует в каком-то чаду, под влиянием какого-то необъяснимого вдохновения. Потому что домашнее

хозяйство Ильяса находится в крайне плачевном состоянии. Он сам не умеет ничего исправить, ни починить арбы, ни приладить топорища... Половина аула в душе ненавидит Ильяса, хоть всякий, имея с кем-нибудь тяжбу, всеми силами склоняет его принять на себя должность адвоката перед народным судом. А какой, говорят, он славный адвокат! Сами враги не нахвоятся его блестящими дарованиями на этом поприще. По уменью вести самые многосложные, запутанные дела, по находчивости и способности ставить в невыгодное положение противника, имеющего гораздо более шансов на успех, наконец, по меткости и остроте слова, Ильяс не имеет ни одного соперника в нашем ауле, да едва ли и в целом околотке.

Явился новый кандидат на место отвергнутого Хантхупса. Против него не нашлось возражений, и он был выбран единодушно.

— А копны прошу заранее платить мне исправно, — выговорил он, утвердив за собой выгодную должность. — Нередко бывает так, что с иного без драки да суда не возьмешь и соломинки.

— Не прячься и ты от кабанов, как делал твой предшественник, — отвечали ему...

— Кажется, можно положиться на меня, — с уверенностью заметил новый караульщик.

— Положиться, конечно, не трудно... но кто знает, что может случиться? Неровен бывает час. Иной раз сон одолеет, а в другой захочется крепко взглянуть, что поделявает дома хозяйка... Бывает, наконец, и то, что темная ночь вгоняет в душу иному разные страхи, от которых и свист кузнечика в траве становится очень похож на лвиный рык. Обо всем этом не мешало бы поразмыслить сначала. Без кукурузы же, как ты сам ведаешь, мы люди пропащие. Пока не уберем проса, да не смолотим его, есть будет нечего.

— Даю вам слово, что пока я караулю, ни одна свинья не понюхает края ваших бахчей, — говорил будущий надсмотрщик кукурузы. — Я буду просить молодых людей, которые сидят без дела в ауле, пострелять по ночам кабанов, которым вздумается подойти к кукурузе. Дней через пять вы узнаете, как я буду исполнять свое дело, а если окажусь негодным, смените меня.

Заседатели холма одобрили план, по которому караульщик намеревался истребить кабаний род, и благословили его на успешное совершение такого великого дела. Затем был избран присмотрщик за просом и пшеницей, обязанность которого состоит в том, чтоб извещать, при первом появлении саранчи, разбросанный в разных местах по покосам народ. Оборона кукурузы от саранчи предоставляется на долю баб, девушек и детей. И надо сказать правду, они гораздо удачнее мужчин отгоняют саранчу при помощи тазов и других гремящих орудий. Начальство над

этим пестрым ополчением принадлежит по праву караульщику бахчей. Надзор за быками на покосе большинством голосов отдали Ильясу, из уважения к его одиночеству и не слишком блестящей способности владеть косой. Эта должность очень выгодна и не трудна; нужно только пасти волов днем по соседству с покосами, не допуская их вытаптывать траву, а по ночам загонять их в какую-нибудь тесную лошину, защищенную с трех сторон крутыми утесами и лечь самому преспокойно у узкого входа на роскошной пахучей постели... От Ильаса же не так-то будет легко вывернуться неисправным плательщикам копен.

Между тем как происходила раздача общественных должностей, несколько молодых, сильно растрепанных джигитов рассуждали между собой о предложении нового караульщика кукурузы пострелять свиней.

— Пойдем-ка завтра ночью поохотиться, — говорил один из них, живой скелет, которому, казалось, целый год не давали есть. — Убитого кабана потащим в пикет, к казакам, они дадут за него пороху.

— А как потащить такую скверную тварь? — заметил другой.

— Эка трудность какая! Поймать первую попавшуюся кобылу в степи да прицепить к ее хвосту, вот тебе и телега. Нет, ей-богу, пропасть пороху дадут. Ведь казаки от радости подбросят шапки. Ну, идем, что ли?

— Пожалуй, но пойдет ли впрок вырученный за свинью порох? Ведь это не чисто. Помню, мулла наш сказывал кому-то, что нельзя есть мясо оленя, если он застрелен пулей или порохом, выменянными на свинью.

— Ну вот, нашел грех! — вскричал скелет. — Коль слушать все, что говорит наш мулла, придется броситься в воду.

— Да я средство знаю против этого, — вмешался третий джигит. — Молитва такая есть, которую только стоит прочесть, всыпая порох в винтовку — и нечистота пропадет.

— Ну вот, видите, тут нет ничего грешного, — продолжал скелет. — Так идем? Я выпрошу у кого-нибудь заряда три: даст бог, ни одного из них не потратим даром. Только, чур, никому не говорить об этом, а то наберется много охотников и отобьют добычу. Согласны?

Джигиты предложили на следующий вечер пойти на помощь караульщику бахчей.

— Теперь есть у нас караульщики при кукурузе и просе, — заговорил опять Исмель. — Значит, с этой стороны нечего беспокоиться. Но главную-то беду мы совсем забыли. Не знаю, как у вас, а у меня осталось всего две мерки проса. Да и то я приказал приготовить для косарей. А дома хоть камень брось в котел.

— Будь у меня две мерки, я не знаю, как бы благодарил я Аллаха, — с унынием проговорил Хуца. — Вот уж целый месяц, как питаемся сыром да кислым молоком.

Тема о просе совершенно увлекла заседателей холма, заставив их надолго отложить в сторону покосы и другие интересы. Видно, пустота в желудке с ее чувствительными последствиями хорошо знакома этим людям по опыту. Необыкновенное ожесточение, с которым они бичевали самих себя, показывает ясно, что не раз они приходили путем тяжелых испытаний к грустному разочарованию в себе и к отрицанию тех начал житейской премудрости, которых держались их отцы. Все речи, касавшиеся недостатка проса, были проникнуты нестерпимой горечью... Не так говорят в кунацких, где благовоспитанные желудки красивых джигитов, туго и грациозно перетянутые ремнем, не смеют возвысить своих требований. Не найдется в нашем ауле ни одного молодого дворянина, который бы позволил себе намекнуть об ощущениях своего желудка. Боже сохрани от подобного неприличия! Такие прозаические рассуждения могут находить место и возбуждать всеобщее сочувствие только на холме. Там, как известно, одна хорошая спина из крепкого дерева ценится дороже всяких оружий с богатыми насечками, дороже самой изящной конской сбруи. Заседателям холма решительно нет никакого дела до тех идеалов, которые неотвязно преследуют сословие дворян, причиняя ему нередко большие неприятности. По их мнению, нет ничего соблазнительнее славы бочара Яхьи, арбяного мастера Чоры и неутомимого косца Хожи, на которых они взирают не без некоторой зависти и искреннего сожаления, зачем Аллах не дал им искусства этих достойных удивления мастеров. Но замечательнее всего, что темные ночи не производят на заседателей холма никакого воспламеняющего действия, не возбуждают в их груди беспокойного желания пошарить маленько вокруг себя. Эти почтенные люди предпочитают сидеть спокойно у домашнего очага, барски развалившись на разостланной у огня полости. Простая домашняя обстановка убаюкивает в них сильные искушения. Хозяйки их хлопочут об ужине, мешая беспрестанно в шумно-клокочущем котелке, который висит на железной цепи над ярким костром, и переливают из ведер в корыто только что надоенное парное молоко. Маленькие ребятишки ползают на четвереньках по полу и с криками протягивают ручонки, ловя за полы своих мам; а захлопотавшиеся мамы сердито прикрикивают на них, говоря: «Не до вас мне теперь, замарашки! Подите вон, к нему». Замечу мимоходом, что, несмотря на свое свободомыслие в деле разных этикетов, холмовники считают неприличным для себя пускаться в интимные беседы со своими дражайшими половинами. Они ограничиваются неопределенными, угрюмыми полужфразами, кидаемыми нехотя, через плечо, и очень похожими на мычание быка; а дражайшие половины никогда не дерзают называть их ни в глаза, ни за глаза собственными их именами. Разнежившийся холмовник кричит на своих детищ: «Цыц, собачьи дети! Видите, что она

занята. Подите сюда, ко мне... тью-тью-тью... я вам сейчас калача дам; вот он, вот». Дети таращат на него глаза, желая удостовериться, точно ли есть у него калач, или это только пустая приманка. «Подите же ко мне, я вам говорю! — грозно добавляет оскорбленный таким явным недоверием родитель. — Не то я впусти сейчас серого бирюка.. вот, вот, иду к двери!» Тут он показывает вид, будто хочет подняться с места. Ребятишки, смертельно перепуганные, кидаются под защиту матери, и только вцепившись крепко в ее кафтан, решаются боязливо оглянуться на отца, а потом и на дверь. «Что за охота тебе пугать их?» — говорит мать с нежным укором. «А зачем поросята не хотят идти ко мне?» — отвечает муж. Затем, весьма довольный своей остроумной шуткой и впечатлением, произведенным ею на детское воображение, степенный холмовник впадает мало-помалу под сладкий говор котелка в глубокие размышления о разных житейских нуждах и, между прочим, о том, какую бы пару быков запрячь утром в арбу. «Рыжий еще слишком молод, — думает он, — всего только два раза был под ярмом, пожалуй, не вынесет оводов и опрокинет арбу в ров, а у черного с лысиной шея очень потерлась, жаль бедняжку... Нужно непременно добыть новую ось, старая еле-еле держится, почти только силой моих молитв. Не попытать ли счастья у Чоры? Может, он даст свою арбу... я б ему после жатвы две мерки проса доставил на собственном плече... уаллахи, доставил бы... да нет, он ни за что не доверит. Это, это не человек, а свинья; никакой жалости нет. Дай, скажет, сейчас две мерки...» В эту минуту хозяйка ставит пред холмовником треножный столик с горячей кашей и с двумя бараньими ребрами, изжаренными на вертеле. Бычки рыжий и лысый вместе с Чорой исчезают мгновенно.

Человек, не предубежденный против заседателей холма, не решится осудить их за материальное направление мыслей и подобоострастное поклонение Мамону. К тому же, надо сказать правду, холмовники — народ, большей частью, положительный, хвастовство и ложь встречают у них несравненно менее почета, чем в кунацких. На холме строже соблюдается данное слово; лицемерие и ложный стыд совершенно изгнаны отсюда. Например, Хуца, нимало не стесняясь, высказывает без утайки сокровеннейшие ощущения своей души, и никто не думает издеваться над его откровенностью. «Без просяной каши я — пропащий человек, — говорит он, — и одного дня не выдержу. Даже пшеничный хлеб не помогает, особенно во время покоса».

— Дело известное, — отвечает его сосед. — В каше вся наша сила. Что твой хлеб! Только горло дерет: совсем не наша пища.

— Я думаю, вы теперь и от хлеба не отказались бы, — замечает им один из толпы. — Нет спора, каша лучше всего, а как нет ее, рад будешь и хлебу.

— Что и говорить! Тощий желудок заставит жевать и солому.

— Нет, как там хотите, а без проса невозможно братья за косу, — настаивает Хуца.

— Отчего же вы не сеете побольше проса, коли не можете обойтись без него? — спросил я ближайшего моего соседа. — Вам, я думаю, не первый год приходится терпеть недостаток в нем?

— Не такие мы люди, чтобы заглядывать вперед, — лаконично отвечал он, и еще яростнее плюнул направо.

— Что же ты плюешься, Махмуд? Ослеп ты или с ума сошел? — вскричал холмовник, сидевший вправо от нас, обтирая поспешно рукавом густую свою бороду.

— Чума тебя дернула залезть мне под черкеску! — сердито проворчал Махмуд. — Держался бы подальше.

— Ты спрашиваешь, почему мы не сеем побольше проса? — подступил ко мне Исмель, должно быть, прислушивавшийся к моим словам.

— Да, мне странно, что вы терпите ежегодно недостаток в просе, а не позаботитесь об нем заранее. Земли, кажется, у вас довольно.

— Гм! — значительно промычал Исмель, налегая с особенной силой на воткнутую в землю палку с острым железным концом. — Вижу, что ты мало нас знаешь. Впрочем, где гусь, где орел? Ты только со вчерашнего дня живешь между нами, потому нет ничего удивительного, если жите наше кажется тебе странным. Но что скажешь о тех молодцах, которые, сидя в своих кунацких, поедают даром хлеб, и удивляются, если не станет вдруг дома чего поесть?

— Ну, как там себе ни дивись, мой господин, — громко проговорил один из стоявших, перебивая моего собеседника, — а я до тех пор не стану ему косить, пока он не достанет мне проса...

— В таком случае, не видать тебе косы в нынешнем году, — заметили ему, — откуда, думаешь, господин твой достанет проса? Моли бога, чтоб он еще не потребовал его у тебя: амбар-то, надо быть, у него не через край.

— А мне что? — продолжал первый, уже приходя в азарт. — Хоть изпод земли выкопай, а давай мне провизию, иначе и щепотки не подыму. Виноват разве я, что в доме у него нет ни зерна, что его хозяйка принуждена полгода кормить его и его гостей за счет добрых соседей? А как у самих-то соседей ничего не останется — что тогда? Пояс туже подтяни и гляди на небо. Я каждый год высыпаю в его амбар половину собранного проса, — и больше ничего знать не хочу; хоть умирай он с голоду, хоть расступись под ним земля и проглоти его — мне все равно.

Всеобщий громкий хохот ободрил отважного раба, который, с своей стороны, остался чрезвычайно доволен сочувствием кружка.

— Уаллахи, не шутя говорю, — продолжал он. — Сами посудите, я

его раб, а он мой господин: не так ли? Я в точности исполняю все обязанности, положенные обычаем на раба; пусть же и он исполняет свои, если хочет быть хорошим господином, если желает, чтобы служили ему верно и беспрекословно. Вспахать поле — мое дело, семена и волю — его, выкосить сено — горе рук моих, а коса, просо и два барана — камень на его шее.

— Желал бы я, чтобы слова твои как-нибудь подслушал твой господин: что он ответил бы на них? — сказал лубяной мастер Чора, человек крайне угрюмого нрава, как вообще все важные особы нашего аула, обладающие каким-нибудь искусством, а потому проникнутые сознанием своего достоинства.

— Свидетель бог, что я больше тебя был бы рад этому, — отвечал разошедшийся не на шутку крестьянин. — И чтобы доказать тебе, что я ничуть не боюсь его, обещаю тебе пред этими людьми пять мерок проса, если ты вытащишь сюда моего господина. Я уже ходил к нему поутру, да не застал дома: ушел чуть свет бродить по кунацким. Однако подкараулю его непременно вечером и, если пожелаешь, приходи послушать, что я буду говорить ему.

— Мало, брат, ему нужды до твоих слов, — возражали ему. — Он себе весело проводит время между своими, знать не хочет ни о том, что хозяйка его чуть не милостыней пробавляется. Пока есть что кушать, он будет сидеть в своей кунацкой, угощать приятелей, а не останется ничего — оседлает коня, и ищи его, коли хочешь!

— А мне, если хотите знать, еще меньше печали — отвечал крестьянин, — что у него не будет сена на зиму, и лошадей нечем будет кормить. Вы думаете, я из жалости к нему убиваюсь над косой, порчу свою внутренность? Как бы не так! Первый раз в жизни помолюсь богу за него, если он забудет совсем о покосе. Для двух-трех коровушек своих я и руками нарву вдоволь травы. А молодец мой пошляется, пошляется, понюхает сакли всех своих приятелей, да, повеся нос, приплетется домой. Изволь, если можешь, не думать ни о чем!

— Из толков их ты не поймешь, отчего мы не сеем вдоволь проса, — шепнул мне вполголоса старик Исмель, кивнув с пренебрежением в ту сторону, где ораторствовал мятежный крестьянин. — Если ты вправду желаешь знать причину этого непонятного тебе дела, то я очень охотно объясню его.

Я поблагодарил доброго старика за его готовность услужить мне и заверил его, что лучшего учителя в этом деле не найти мне и со свечой. Старик принял мой отзыв с достоинством, подобающим авторитету. Затем он слегка прикоснулся к моему плечу и заговорил так:

— ...Мы не чужем беды, пока она не стукнет в лоб. В ту минуту, когда

скребу ногтями землю, желая выкопать из нее провизию для покоса, я проклиная себя, готов выщипать по волоску свою бороду. Зачем я, безумный, спрашиваю себя, не наполнил прошлый год своего амбара просом? Постой же, думаю, уж поумнее на будущий год непременно: не случится со мной такая глупость. И как ты думаешь, — поумнее ли я в самом деле? Нисколько. Выйдем опять в поле, вспашем по две полоски на быка; глядишь, там семян не достанет, там плуг нужно починить, у одного быки очень устали, а другой жалуется на нездоровье; вот и начинаем спрашивать один другого, не слишком ли много засеяно? Еще, бог знает, уцелеет ли оно от града, саранчи, засухи, скота, того, другого. Смотришь: соседние пахари собрались уже домой, с песнями да стрельбой в деревянного оленя, что торчит высоко на шесте, в передовой арбе. Ну, разумеется, при виде такого веселья, всякий спрашивает себя и других: неужели мы хуже своих соседей работали, что должны вернуться домой позади их? Нет, не бывать этому! Доканчивайте живее работу, запрягайте арбы, готовьте оленя, давайте сюда бузы, хлеба. А как навезут всего этого из аула, мы и потянемся домой, точно со свадьбы какой: и стар и млад выходят из себя, беснуются напропалую. Сам посуди, можно ли среди такого веселья вспоминать о том, что прошлый год каких-нибудь два-три месяца не брали в рот просяной каши?

— Пословица говорит: печали желудка легко забываются, а не скоро лишь муки сердечные, — добавил жиденский мужчина, сидевший сбоку Исмеля.

И в самом деле, пословица эта, ободрявшая, быть может, не одно поколение наших отцов, возымела и теперь свое благотворное влияние. Прошлогодние печали желудка и неприятное предчувствие скорого их повторения поуспокоились немного. «Будь что будет, — храбро провозгласили со всех сторон. — Жалобой делу не пособить, жалоба — бабье дело. Не в первый, да верно, и не в последний раз вздыхаем мы о просе. Предки наши не больше нас сеяли, однако, нам еще не приходилось слышать, чтобы хоть один из них умер с голоду; а голод посещал их частенько, да иногда такой страшный, что родители продавали детей за мерку проса, чтобы не замучить голодной смертью и себя, и их; когда миновала беда, выкупали их назад за двадцать и более туманов. От таких уроков они вовсе не думали быть осторожнее на будущее время.

— Да у нас по крайней мере есть одно утешение, какого не имели предки наши: у нас теперь соседи — дети иванычей, — заметил кто-то из толпы.

— Уаллахи, ты истину сказал, — поддакнули ему другие. — Без них что бы с нами было?

— Ну уж отыскивали сокровище, — нечего сказать! — возразил с горь-

кой иронией один из сидевших. — Отдаем его вам без зависти, будьте счастливы с своей находкой.

За сторонника иванычей выступил дюжий молодец в пестром бешмете, строгавший лопаточку для косы.

— Нет, ты этого не говори, — сказал он, обращаясь к тому, который не признавал силы новооткрытого утешения. — Русские во многом полезны нам. Что ни понадобится, бежим тотчас к ним. Бабы наши соберут десятка два яиц, масла, кур, — все это ведь деньги, чистые деньги. Да и сам хоть от скуки нарубишь воз дров и повезешь в станицу, или копну сена — вот и холст на рубаху, да мерка муки. Да что ни возьми — всему есть цена. Только не сиди, развеся уши. Конечно, на счет их веры и обычаев и говорить нечего. Непристойно мусульманину восхвалять их.

Против таких убедительных доводов не нашлось достаточно сильных возражений. Даже замечание одного почтенного белобородого старичка, — что, мол, бабы наши, с тех пор как русские подсушались, слишком пристрастились к пестрым тряпкам, чего не бывало в старину, прошло незамеченным. Партия приверженцев иванычей, оказывается, на холме гораздо многочисленнее и сильнее, нежели я предполагал. Впрочем, партия эта признает в русских только одну материальную пользу, не входят в разбор других сторон. Но заседатели холма, не исключая даже старичка, восхвалявшего старину, выпустили из виду самое важное, осязательное последствие близости иванычей. Может быть, они обошли его нарочно, потому что статья эта слишком щекотлива для самолюбия и чести супругов нашего аула и гласно признавать ее существование было бы неловко даже на холме. Дело идет о тех правах на господство над мужьями, которые прекрасный пол со дня на день все больше и прочнее забирает в свои руки. С тех пор как судьба позаботилась снабдить нас, дикарей, полезным соседством детей иванычей, золотоносные рудники, из которых черпали наши мужчины все нужное, вдруг иссякли; потребовалась необыкновенная ловкость и много смелости, чтобы вытянуть из них хоть что-нибудь. Зато на месте засорившихся колодцев открылись другие источники, но только не для одних мужчин, а также для их спутниц, которые во время оного занимались лишь приведением в порядок того, что приносили домой мужья, а сами ровно ничего не зарабатывали. Теперь же дело пошло несколько навыворот. Мужчины сибаритствуют, а жены неутомимо шьют, ткут домашние сукна, собирают припасы, отказывая в них себе и семейству, соперничают друг с другом, кто больше выручит русских монет. Вместе с тем, они незаметно проникаются сознанием своего достоинства, приобретают гибельную для мужей уверенность, что без жен они, чего доброго, остались бы на бобах. Удивительно ли после всего этого, что жены набираются разных либеральных идей, осмеливаются подвергать строгому

критическому разбору безусловную власть своих мужей и даже — ничто не ново под луной — бесстрашно ополчаются на них. А почтенные сожители между тем утешают себя мыслью, что, авось, никто из соседей не проведает их домашнего позора. Они скорее проглотят горячие уголья, чем сознаются кому бы то ни было, что вся одежда их, как верхняя, так и нижняя, заработана их женами. Впрочем, все это совершается пока только в кругу холмовников. У других классов нашего аула женщины не так еще деятельно подвизаются на поприще зарабатывания монет, а потому и не обнаруживают стремления накинуть шелковые уздечки на своих муженьков.

— Что это за арбы? — кричал один из толпы, поднявшись на ноги и показывая рукой на дорогу. — Важно что-то скрипят, должно быть, хорошо набиты.

— Это, верно, жнецы, что неделю назад отправились к русским заниматься, — отвечал другой, тоже поднимаясь с места.

— Из какого они аула?

— Не спрашивал.

— Так и есть. Арбы набиты снопами пшеницы, — вскричал долговязый юноша, становясь на цыпочки и внимательно глядя на дорогу.

— Пшеница, говоришь? — спросили вдруг несколько человек. — Что же я не вижу ее?

Глаза всех устремились на дорогу, по которой тянулась вдали длинная вереница арб. Глухой шум пискливых колес едва-едва достигал наших ушей. Те, которые обладали хорошим зрением, подтвердили донесение сухопарого молодца с журавлиной шеей...

— А мы вот сидим да толкуем, — с горечью проговорил пестрый бешмет с лопатой. — Догадайся мы немного раньше, и у нас была бы теперь провизия для покоса.

Поднялись снова толки да упреки, прекращенные на время пословицей о печалях желудка. Грустная песня холмовников, терзавшая несколько часов сряду непривычный мой слух, пробрала меня до костей: мне стало невыносимо тяжело. Я отошел к группе резвившихся ребяташек. «Это урус», — говорили некоторые из них при моем приближении, и десяток любопытных глаз остановились на мне. Мне вдруг припомнилось то время, когда я впервые увидел урусов, пришедших к нам в аул из ближайшей крепости выменивать кур, сало и т. п. Тогда мы жили далеко отсюда, и появление красных фуражек было чудом не для одних детей. Притаившись за толстым плетнем вместе с товарищами, я пожирал глазами невиданных дотоле людей, тщетно силился открыть позади их что-нибудь похожее на хвост, который приписывали им более взрослые из нас. Мы сопровождали их по целому аулу, держась от них на расстоянии почти

ружейного выстрела. Все попытки мои подойти к ним поближе были напрасны: у меня никак не хватало на это смелости. Я с завистью смотрел на тех храбрецов из нашего детского круга, которые дотрагивались до них руками и даже объяснялись с ними знаками. Мог ли я подозревать в то время мою будущую судьбу?

— Арбуз продай! Яблоко продай! — слышалось вдруг с поворота ближайшей к воротам улицы, и шумная ватага мальчишек, словно туча воробьев, спугнутая аульной бабой с просушиваемого на солнце пшена, пронеслась вихрем мимо заседателей холма, перегоняя и сваливая друг друга с ног. Они летели в ту улицу, откуда раздавался голос: «Арбуз продай! Яблоко продай!»

— Видишь, как беснуются, собачье отродье! — сердито ворчал мне господин, которого шалуны едва не сбили с ног.

— Что с ними случилось? — спросил я его.

— А чума их ведает! — сказал он. — Должно быть, почуяли, проклятые чертенята, русский запах. Эх, жаль мне, право, что русские не отрежут им ушей! Поверишь ли, что от этих ничтожных клопов русским просто нет проезду мимо аула. Чуть завидят они их издали, подымут такой гвалт, что ушам больно. Спасибо солдатам: они иногда попугивают их своими прикладами, но больше в шутку.

— Чего же хотят они от русских? — спросил я.

— Поди ты, спроси их, — отвечал сердитый холмовник. — Каменьями в них швыряют да дразнят. В один мешок посадить бы их всех, сколько ни есть, да в реку; вот чего им надо.

Долго еще бормотал в этом тоне неистощимый во гневе собеседник мой, обращаясь ко мне, хотя я и не выказывал ни малейшего расположения вести с ним дальнейшие рассуждения. Из открывшейся предо мной картины я очень легко мог и без его содействия вывести свои заключения. Из-за угла улицы показалась русская повозка, которую облегал непроницаемая масса оборванных, босоногих мальчишек. Между ними пестрело несколько женских платков. В передней части повозки сидел дюжий казак в толстой холщовой рубашке, перетянутой бечевкой; а подалее, в глубине повозки, помещалась краснощекая, миловидная казачка, со вздернутым кверху носиком и голубыми лукавыми глазенками, в каком-то неуклюжем балахоне из черного толстого сукна; голова ее была повязана клетчатым платочком. Казак неумоимо помахивал на все четыре стороны кнутом, желая удержать в почтительном от себя отдалении напиравшую толпу. Казачка заботливо накрывала своей полой кучи арбузов, дынь, яблок, огурцов и умирляла кур, которые, несмотря на то, что были накрепко спутаны веревками, все еще не покидали приятной надежды вырваться из мешков и потому очень усердно работали крыльями. Мена была

чрезвычайно оживлена. Молодые люди обоего пола стекались со всех концов аула к заманчивой телеге. Один нес кусок сала, другой пару яиц, третий горсть пшена в чашечке, четвертый мчал во весь дух опрокинутую вниз головой курицу, которая немилосердно кричала. Тех, у кого было что-нибудь в руках, казак благосклонно допускал к повозке и пускался с ним торговаться: но к пустым рукам он решительно не благоволил.

— Твой масло два яблок, — говорил он, протягивая руку к чашечке одной девочки.

— Нат, — отвечала та и показала, вместо двух, все пять пальцев. Казак накинул одно яблоко, и масло девочки пошло в горшок казачки; а девочка, весело подпрыгивая, пустилась домой. Кто не может объясняться с казаком, прибегает к помощи сведущих в русском языке. «Твой давай три арбуза, а мой давай курица!» — говорит оборванный малый.

— Ты сам не стоишь трех арбузов, — отвечает ему казак.

— Какой жирна! Харош! — заговаривает малый, щипля свою курицу за грудь, причем она издает отчаянный писк. «Чего пятишься? Отдай ее, — подталкивает товарищ обладателя курицы. — Или думаешь взять за нее весь воз?» «Маловато три арбуза» — говорит малый нерешительно. «Я тебе говорю, отдай! Не будешь каяться, — настаивает товарищ, — впрочем, если хочешь, я уломаю, пожалуй, гяура прибавить к трем арбузам пяток яблок, только смотри — пополам их». Обладатель курицы, подумав немного, соглашается на предложение приятеля. А приятель, как видно набивший руку в подобных делах, начинает переговоры с казаком, ловко умасливает его то лестью, то нежными упреками и добивается наконец своей цели...

Дело шло как нельзя лучше. Товар казака исчезал с необыкновенной быстротой из вместительной телеги, заменяясь в то же время курами, яйцами и прочей живностью. Охотников до арбузов и яблок прибывало все больше. Но вдруг завязался горячий спор между казаком и одним из многочисленных покупателей, стройным, высоким юношей в желтой, разорванной подмышками черкеске. Крик споривших становился все громче, зазорнее, и покрывал собой неясный гул обступившего народа. «Твоя дурак! — ревел высокий юноша, храбро подступая к казаку. — Я скажил шатыре арбуз за мой индук, а твоя давай три, как можно так сдело!» «Пошел прочь, татарская лопатка! — отвечал казак. — Рассуждать еще с тобой». «Ну давай мне мой индук и возьми арбуз», — сказал молодой человек.

— Пошел, тебе говорят! — повторил казак. — Не то, вот что я тебе дам!

Тут он поднял кверху свой кнут. При этом движении русского парня в толпе произошло вдруг такое грозное волнение, что он невольно опустил

свою руку. С высоким юношей едва не случился удар от страшного гнева. Он долго силился что-то проговорить, но звук замер в гортани. «А, русская собака... так я же тебе покажу», — прошипел он наконец с невероятным трудом уже по-черкесски и в два прыжка очутился возле соседнего плетня; выдернул из него огромный кол и устремился было на озадаченного казака, но благоразумные люди из толпы не допустили юношу выполнить его намерение. «Хоть он и гяур, но все же наш гость пока в ауле; разве можно бить его?» — говорили они взбешенному молодому человеку, вырывая из рук его дубину. Молодой человек не противился увещаниям старших и, казалось, решил снести терпеливо оскорбление казака. С минуту простоял он молча позади толпы, потом позвал к себе мальчишку лет тринадцати, вероятно брата, и отправил его вместе с вырученными за индюка тремя арбузами в аул, а сам протеснился к повозке и выхватил из нее самый большой арбуз. Казачка успела было поймать его за левый рукав, но он дернул и оставил у нее кусок сукна; затем обратно продрался сквозь толпу и не спеша направился по дороге к речке. Русский парень обратился сначала к присутствующим с воззванием о заступничестве. Толпа ничего на это не отвечала, вероятно, припомнив его недавнюю угрозу высокому юноше. Потом он назначил в премию один арбуз тому, кто поймает похитителя, но и эта приманка не имела силы. Тогда он обратился к народу, говоря: «Э, ваша яман, все ваша чушка», и, передав кнут своей спутнице, пустился сам в погоню. Высокий юноша продолжал идти шагом. Он вовсе не думал скрыться со своей добычей, что весьма нетрудно было сделать. Стоило ему лишь перескочить через любой плетень и засесть в гуще высокой кукурузы: целый аул не мог бы отыскать его там. Но молодец совсем другое имел в виду; он хотел посмеяться над врагом, да и других посмешить. Похищение арбуза было только средством, а не целью. Поэтому он нарочно останавливался, подпускал к себе преследователя шага на два и, когда тот собирался схватить его, кидался бежать. Так он довел русского парня до речки и повернул вдруг назад к толпе, толкнув его при этом слегка в бок. Несколько раз повторялась эта скачка взад и вперед, сопровождаемая громким смехом довольной толпы. Высокому юноше скачка ничего не стоила. Он бежал легко, свободно, не насилуя мускулов. Он подкидывал на бегу арбуз, ловил его снова, дразня тем врага, а русский парень, малый в косую сажень, представлял собой совершенно другую фигуру. Громадные сапоги его с голенищами выше колен, с толстыми гвоздями в пятках, производили невероятный топот, и лишали его всякой возможности легко передвигать ноги. Он напрягал все свои силы, лез почти из кожи. Горячий пот прошиб насквозь толстую его рубаху. Пар шел от него, словно от загнанной почтовой лошади. Задыхаясь от усталости, он сорвал с своей головы папаху. Густые длинные волосы рассыпались по его плечам и

совершенно заволокли глаза. Парень с досадой отряхивался и отбрасывал их поспешно на затылок... Наконец он догадался как вернее догнать быстрогого джигита. Вдруг с разбегу кинулся он наземь среди пыльной дороги, проворно стянул с ног тяжелые колоды и босой ударился снова за похитителем. Восторгу толпы не было конца. Многие взялись за животы и в истерике припали кто к чему мог, вероятно, из опасения, чтобы не лопнуть. Десятки мальчишек, с криками и свистом следовавшие за казаком, кинулись к его сапогам. Высокий джигит, вдоволь натешившись неуклюжим парнем и считая себя достаточно удовлетворенным за нанесенное ему оскорбление, перебежал по тонкому бревну через речку, оставив на берегу свою добычу. Казак послал за ним усталой рукой довольно большой камень, поднял затем свой арбуз и, облитый весь потом, покрытый пылью, с трудом переводя дыхание, повернул к своей повозке. Унижение несчастного парня этим не кончилось. Сапогами его завладели несколько шалунов, повесили их на кончик длинного шеста и умчали с песнями в поле. Казак пошел было за ними, но скоро раздумал, плюнул с негодованием, махнул рукой и молча сел на свою повозку. Тут только народ сжалился над ним. Посыпались со всех сторон жалобы и проклятия на необузданных ребятишек. Какой-то суровый холмовник отделился от массы и, обратившись к шумной процессии, над которой в виде знамени торчали на воздухе безобразные сапоги русского парня, крикнул громовым голосом: «Эй вы, скверные мальчуганы, выродки без стыда и страха! Бросьте сейчас же сапоги, не то шеи всем скручу!» Слова его сопровождалось такими телодвижениями, которые не оставляли ни малейшего сомнения, что они готовы перейти в дело. Шалуны, немедленно бросив шест с сапогами, разбежались. Суровый мужик сам понес отбитую добычу, держа ее, впрочем, из предосторожности за края голенищ двумя пальцами, и возвратил хозяину. Казалось, подобные неприятности должны были бы охладить ревность русского парня к спекулятивным предприятням. Ничего не бывало. Он преспокойно поворотил свою телегу в самую многолюдную улицу, выкрикивая еще сильнее прежнего: «Арбуз продай! Яблок, огурец продай!» Густая кучка народа шла торжественным ходом за его повозкой. Верно, не в первый раз приходилось парню видеть подобные сцены. Тем временем арбы со снопами пшеницы поравнялись с заседателями холма.

— Селям алейкум! — внятно произнес погонщик передовой арбы, привстав на вытянутые шеи своих волов.

— Алейкум селям! Добро пожаловать! — заговорили в один голос заседатели холма и дружно поднялись на ноги в знак своего уважения к прохожим незнакомцам. Затем Исмель вместе с другим стариком направились к передовой арбе, постукивая оземь своими палками и

откашливаясь с шумом. Передовой возница, вертлявый человек, в кучей рабочей черкеске, без газырей, с большими разноцветными заплатами на плечах и в иных местах, остановил своих быков, произнося в нос: «го! го!» и стукнул по их морде коротким хлыстом. С ним остановилась и вся длинная цепь плотно нагруженных арб.

Передовой возница проворно соскочил с ярма и сделал несколько шагов навстречу заседателям холма, в которых, разумеется, его опытный глаз тотчас же узнал людей одного с ним покроя. Проезжие, стоя на ярмах, попрощались с заседателями холма, благодарили их в отборнейших выражениях за предложенный им ночлег. Заседатели холма, со своей стороны, не хотели тоже уступить им в знании черкесских обычаев и упорно настаивали на своем.

— Смотрите, уже наступила ночь, — говорили они, — куда вы так торопитесь? Переночуйте у нас, ради бога.

— Пошли вам бог тысячелетнее довольство и столько же лет здоровья! — пели хором возницы, пока не отъехали от нас на ружейный выстрел. Когда они скрылись совершенно из виду, кружок обступил Исмеля с товарищем, а последние нарочно медлили открытием жадной толпе результатов своей беседы, желая придать еще более важности тому, что имели сообщить.

— Вот как порядочные люди умеют добывать провизию, — вымолвил наконец Исмель. — Не чета нам.

— Да откуда, чума их возьми, набрали они столько пшеницы? — спрашивали из толпы. — Не на краю же света достали они ее?

— Да, верно, и не с дороги подняли, — заметил Хуца, успевший наконец с горем пополам снабдить свою вилу рожками, — если бы пшеница росла по дороге, нам тужить бы не о чем...

Старик Исмель предложил почтенной компании, как единственное средство выйти из затруднительного положения, отправиться на неделю в одну из ближайших станиц, как это сделали проезжие. Он уверял, что до тех пор, бог даст, трава не совсем еще высохнет.

— А что, не спрашивали вы у проезжих насчет платы? — спросил кто-то из толпы.

— Как не спросить, спрашивали! — сказал товарищ Исмеля. — Говорят, русские дают с двадцати один сноп.

— Чего же нам больше желать? Отправимся завтра же, — поднялись со всех сторон голоса.

Затем все без исключения согласились приготовить за ночь все необходимое, а с зарею поехать отдельными артелями в станицу...

Между тем солнце незаметно доплыло до крайней черты горизонта и остановилось на минуту на остром шпиге одной из гор, как бы затем,

чтобы взглянуть оттуда еще раз на пройденное пространство и потонуть за длинным хребтом. Красноватые холодные лучи его робко трепетали на земле, вытесняемые постепенно черными полосками, которые начинали уже выбегать из горных теснин. Вечерняя прохлада заструилась в неподвижном воздухе. С реки потянуло чудной свежестью. Гладкое поле курилось душистыми испарениями: над ним носилась разноголосая музыка. Наступил один из тех вечеров, когда стесненная полуденным зноем грудь жадно захватывает в себя напитанный ароматами воздух, когда расслабленные члены получают снова бодрость и силу. В душу человека проникает тогда какое-то тихое, светлое, невыразимо-сладостное ощущение. Все, что таится в глубине сердца черного, эгоистического, желчь, накопленная рядом неудач, безысходная тоска праздной жизни, мрачное чувство несбывшихся надежд, — все это уносится на мгновение далеко-далеко. Беспокойные порывы мысли затихают, уступив место безмятежному созерцанию и спокойному мечтанию.

Солнце исчезло. На противоположной стороне неба промелькнул летучей искрой умирающий свет и потух. Затем багровая полоса стремительно пробежала в вышине, золотя верхушки гор, и скрылась на западе. Как голодные волки на опустевшее поле битвы, набежали сумерки и охватили мигом всю окрестность; но они еще долго боролись с ясной синевой неба.

Из широких труб саклей повалили серые клубы дыма и образовали над аулом темно-бурое облако. На нас несло запахом шашлыка и других приготовляемых к ужину яств. Некоторые из холмовников с приятными ужимками расширяли свои ноздри, стараясь втянуть в себя как можно больше ароматических частичек. Скотина с громким мычанием возвращалась с пастбища. Чабан, гнавший ее, неистово кричал во все горло: «Го-го-го! А чтобы падеж нагрянул на вас завтра же утром, чтобы проку от вас не было хозяину!» Слова эти сопровождались ударами тяжелой дубины да швырянием камней. Вместе с волами и коровами приближались к аулу овцы отдельными кучками. Впереди их выступали важно, подергивая кучьими хвостиками, бородатые козлы, игравшие роль колонновожатых. Молодые пастухи, желая похвастать своим искусством перед собравшимся на холме народом, наигрывали с ожесточением на камышовых свирелях известную между адыгами нескромную повесть о деяниях девицы Дженсарай.

На хриплое блеяние старых овец откликались нежные, чистые голоса курчавых барашков, которых разлучили поутру с любезными родительницами. Поэтому они беспокойно оборачивали головы в ту сторону, откуда доносились знакомые голоса, даже покушались не раз устремиться туда целой гурьбой. Но пастухи, нимало не тронувшись их

нежными чувствами, поспешили загнать их в середину обнесенного низеньким плетнем круга. Человек десять дойников в одних рубашках, с ведрами в руках, с засученными рукавами, а иные даже и без рубашек, стояли уже около другого плетневого круга, в который должна была вступить одна из приближавшихся овечьих кучек. Они звонили от нетерпения в свои ведра и махали шапками пастуху, побуждая его скорее гнать свое стадо. Из аульных ворот стали выходить женщины в пестрых тряпках. Размахивая тоненькими прутиками, они торопливо семенили навстречу стаду. Ни одна из них не прошла мимо холма, хотя это был кратчайший путь в поле, а все загибали довольно большой крюк, чтобы обойти как можно дальше мужскую компанию: они робко и стыдливо отворачивались в сторону, предоставляя заседателям холма любоваться их спинами. Предосторожность эта была, однако, совершенно лишняя, потому что между ними не было ни одного хорошенького личика, которое могло бы угрожать душевному спокойствию кого-либо из холмовников. Только шалуны-мальчишки, положившие себе за правило никого и ничего не пропускать мимо без того, чтобы не подразнить, преследовали их по пятам, забегали то спереди, то с боков, пока выведенные из терпения бабы не прибегали к помощи своих прутиков. Крестьянки более молодые и красивые не отваживались на смелое путешествие в виду мужской компании, среди которой, может быть, находились их мужья или кто-нибудь из родственников. Потому они дожидались своих коров у ворот, скрываясь от нас за толстой оградой. Мимо нас поминутно проносились стрелой молодые телята, выделявая на бегу такие удивительные атраша, каким позавидовали бы гениальнейшие танцмейстерские ноги. Угнаться за ними могли бы разве только неутомонные аульные мальчишки, для которых, кажется, нет ничего невозможного на свете, и они действительно успевали ловить их за хвосты, хотя при этом получали сильные толчки в грудь, а нередко и в лоб. Степенные заседатели холма начали один за другим покидать место своей сходимки. Потягиваясь да зевая, шли они в поле справиться за светом — все ли быки и коровы их вернулись с пастбища, а если нет, то распечь хорошенько чабана. Около меня осталось всего человек пять, и как нарочно самых необщительных и угрюмых. Все их внимание было обращено на смешанные группы людей, рогатого скота, овец и лошадей, которыми усеялась вся окрестность. Они лишь изредка обменивались между собой замечаниями, которые по своей специальности были совершенно недоступны мне. Таким образом перебирали они достоинства и недостатки проходивших мимо быков, сообщали при этом несколько биографических данных о времени их рождения, первого посвящения под ярмо и особенно замечательных подвигах, совершенных когда-то и там-то...

— Что вы там караулите, точно вороны падаль? — заметил нам проходивший мимо человек. — Не видите, что ли, что через вас бабы не могут выйти в поле, небось молока-то им не пошлете, коли теленок высосет корову.

— Ах мы, слепцы этакие! — всполошились мои собеседники от такого замечания и поспешили пересечь на другое место, подальше от ворот. Я отделился от них, чтобы наедине наблюдать за оживленной картиной. Нескончаемой нитью тянулись к воротам сытые коровы, с полными сосками чуть не до земли. Молодые бычки, не изведавшие еще тяжести ярма, задорно мычали, рыли рогами землю и набирали на свои головы кучи сору и пыли. Натешившись вдоволь подобными занятиями, они принимались довольно неучтиво бодать друг друга. Впрочем, говоря беспристрастно, они соблюдали при этом некоторые правила честного поединка (как видно, и скоты не вовсе лишены понятий о чести и благородстве). Так, бойцы, обнюхавши предварительно друг друга, вероятно, желая узнать — каких правил держится каждый из них в подобных случаях, пятились потом медленно назад, наклоняли с угрозующим видом рога, издавали в одно время глухое рычание, как бы говоря: «держись!» и вдруг, лягнув задними ногами высоко вверх, устремлялись один на другого. Завязывался отчаянный бой. Сцепившись рогами, бычки упорно отстаивали каждый свою позицию: то один подавался вперед, проводя по отвердевшей земле глубокие следы своими острыми копытами, то другой. Возня продолжалась до тех пор, пока другие бычки, наблюдавшие за ними все время в качестве секундантов, не разгоняли их в разные стороны толчками в бока. Совсем иначе выказывали себя толстенные низенькие бугайчики с коротенькими рожками, но зато с чрезвычайно толстыми шеями. Джентльмены эти обнаруживали несравненно более нежные, эротические наклонности, чем сверстники их, юные бычки. Они настойчиво увивались за молодыми особами прекрасного пола и в пылу увлечения доходили до самого унижительного подбострастия. Впрочем, все старания их были напрасны, потому что те, перед которыми они рассыпались в любезностях, в невинной простоте души употребляли все меры, чтоб улизнуть как-нибудь от излишних ласк.

Мало-помалу все кругом стихло. Поле опустело. Лишь две-три хромые коровы, оставшие от стада по недосмотру хозяев, плелись медленно и неохотно к воротам, подбирая на ходу измятую траву. Мрак плотно окутал собой небо и землю. Белые стены саклей превратились в длинный ряд черных точек. Только по временам мельками вдоль и поперек улиц тоненькие полосы света, исчезающие тотчас, как затворялись двери саклей. Из ближайших дворов доносились до меня то гневные повелительные, то ласковые увещательные обращения женщин к коровам, сопровождаемые шумом лившегося в ведра молока. Наконец, по всему аулу пошел стук от

заколачиваемых ворот, дверей, хлевов и конюшен. Стук этот означал, что жители, окончив дневные хлопоты, уселись спокойно у своих очагов в ожидании ужина, а потом и ложась спать. Затем наступило совершенное безмолвие, среди которого раздавался иногда протяжный оклик караульщика овец. В виде напутствия на сон грядущий зазвенел с минарета плавный, величественный голос нашего муллы, и звуки божественных слов тихо-тихо потонули во мгле. Не думаю, чтобы нашлось много охотников пойти на его зов, за исключением пяти-шести старичков, которых близкое веянье сырой могилы сделало поневоле набожными.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что такое просветительство? Найдите его определение в «Словаре литературоведческих терминов».
2. Когда возникло северокавказское просветительство? Какие этапы оно прошло?
3. Имена каких северокавказских просветителей вы знаете? Назовите их главные сочинения.
4. Расскажите о жизни и деятельности Адиль-Гирея Кешева (Каламбия).
5. Какие просветительские проблемы он ставил и решал в своих произведениях?
6. Попытайтесь объяснить, подтверждает ли рассказ «На холме» демократические взгляды писателя? Если это так, подкрепите ваши суждения текстом рассказа.
7. Что вы можете сказать о языке и стиле произведений А.-Г. Кешева?
8. Какое значение имеет наследие писателей-просветителей в духовной жизни северокавказских народов и в развитии их художественной культуры?

Абазинская литература (1917—1957)

Литература на абазинском языке возникла в 30-х годах нашего столетия. В 20-х годах в стране начинается фронтальное культурное строительство: разрабатываются и вводятся в практику национальные алфавиты, издаются буквари и другие учебные пособия, разворачивается сеть школ и средних специальных учебных заведений, основываются первые национальные газеты, налаживается издательское дело, закладываются основы научного изучения этносов и т. д. Работа продолжается и в 30-е годы. В этой обстановке рождаются первые ростки национальных литератур, в том числе и абазинской.

Первые произведения молодых национальных авторов появились на страницах периодической печати и школьных учебников. Лишь затем стали издаваться отдельные книги художественной литературы.

Важнейшую роль в зарождении и становлении черкесской и абазинской национальных литератур сыграл видный просветитель Татлустан Закиреевич Табулов (1879—1956). В историю народов Карачаево-Черкесии

он вошел как выдающийся педагог, автор первых черкесского и абазинского алфавитов, школьных учебников, зачинатель черкесской и основоположник абазинской литературы, собиратель и издатель фольклора, автор лингвистических и этнографических работ.

Родился Т. З. Табулов в 1879 году в ауле Бибердовский (ныне Эльбурган) Верхнекубанского приставства Баталпашинского отдела (ныне Хабезский район КЧР). Учился в Бибердовской школе (был учеником известного просветителя Умара Микерова), в Ардонской духовной семинарии (не окончил ее). В 1914 году назначен учителем Бибердовской школы, но вскоре отстранен от работы, ибо не «укладывался» в правила официального просвещения (проповедывал передовые для своего времени идеи, занимался разработкой национального алфавита и т. д.).

С 1922 года Т. З. Табулов — вновь учитель. Вскоре он выдвигается в число самых ярких пионеров национальной культуры.

В 1924 году вводится в практику черкесская национальная письменность на арабской графической основе. Автором алфавита был Т. З. Табулов. С этого года Т. З. Табулов активно сотрудничает в периодической печати, участвует в налаживании издательского дела, преподает, пишет первые школьные учебники и учебные пособия. Особенно велик вклад Т. З. Табулова в создание школьных учебников (этим он занимался до конца жизни). В 20-30-е годы он написал и издал целую библиотеку школьной учебно-методической литературы (некоторые в соавторстве). По его учебникам обучалось не одно поколение черкесских и абазинских школьников. В начале 30-х годов журнал «На подъеме» писал: «Большую работу провел учитель Табулов. Он издал букварь, по которому сейчас обучается грамоте вся Черкесия. В букваре большинство примеров к рисункам, мелких заметок, бытовых очерков и небольших рассказов написано Табуловым из жизни черкесских аулов. Это делает букварь близким каждому черкесу и в значительной степени способствует изучению грамоты. Сейчас в издательство поступают многочисленные положительные отзывы о букваре со стороны учителей и учащихся».

Это сказано о букваре — не самой сложной книге. Что говорить о других, более сложных учебниках и учебных пособиях.

Т. З. Табулов в первом же букваре печатает собственные произведения. Эту традицию он продолжит и в последующие годы.

В 1926—1931 годах Т. З. Табулов издает рассказы «Джалдуз», «Прошлое абазинского аула», заканчивает рукопись пьесы «Зули» (издана в 1929 году), публикует пьесу «Зарыля», инсценировки «Рабочий и крестьянин», «Старая и новая жизнь», большое количество разнообразных стихотворений, коротких рассказов: «День», «Фрукты», «Кошка», «Лампа», «Слово крестьянина», «Юноши», «Черное золото», «На горных

выпасах», «Весна», «Без соли», «Встанем на ноги», «Красноармеец», «Колхозная песня», «Зима», «Маша», «Осенью», «Слово насекомых», «Сельские часы» и др. Эти произведения заложили прочные основы черкесской и абазинской литератур.

Остановимся на некоторых наиболее значительных произведениях Т. З. Табулова.

Пьеса «Зули» вышла в свет в 1929 году. В центре ее — судьба семнадцатилетней девушки Зули. Она — дочь крестьянина-бедняка Мазана. Вся жизнь крестьянской семьи в хлопотах о хлебе насущном. И вот красавица Зули приглянулась богатому человеку по имени Али, и он решает «приобрести ее», как красивую вещь. Мазан не против: за дочь можно получить приличный калым, ведь старик так беден... Али женится на Зули. Вернее, ее продали за калым, не посчитавшись с ее чувствами. Однако жизнь, как и следовало ожидать, не заладилась. Богач Али, «воспитанный горожанин», вскоре выгоняет Зули из дома. Его не останавливает даже то, что Зули ждет ребенка. Зули возвращается в дом родителей. Нищета... Попреки... Она теперь и отцу не нужна. Он старается сбить ее с рук. Подвернулся новый жених — купец Хапат. Зули вторично продают. За калым. Не повезло Зули и во втором «замужестве»: Хапат выбросил ее на улицу. Отец не пускает в дом. «Тебе нет пути к моему дому... Лучше б я родил собаку, а не тебя: она лаяла бы хоть», — говорит он дочери.

Но настали новые времена. «Идем, Зули, — говорит комсомолец Джамбот, — со мной, идем в женотдел... Там обиженным дают работу, наказывают по закону виновных, там тебя устроят и в деле твоём разберутся».

Так открывается новая судьба бедной горянки.

Писатель более всего сосредоточивает свое внимание на воссоздании картин быта нищей патриархальной семьи. И быт этот потрясает, вызывая чувства активного протеста и желание бороться против зла, унижающего человеческое достоинство, низводящего его до положения раба.

Пьеса «Зули» (как и «Зарыля») — небольшая по объему: она предназначалась для массовой сельской сцены. Высокие художественные достоинства произведения, яркость персонажей, образность языка, близость содержания к жизни народа сделали «Зули» очень популярной пьесой. Ее ставили (и продолжают ставить) на всех сельских сценах Черкесии. Получила она высокую оценку и в печати. В 1929 году в журнале «Революция и горец» была напечатана рецензия, в которой, в частности, говорилось: «Зули»... больше двух лет, как... появилась на свет, но о ее существовании почти никто не знает, может быть, потому что у нее двойная судьба. Одна — это судьба семнадцатилетней девушки-горянки... Другая... — это судьба... пьесы «Зули»...

Несколько раз переписывалась «Зули», претерпевая каждый раз изменения и поправки и, наконец, летом 1927 года она была закончена... Пьеса является одной из самых ярких сюжетов положения... горской женщины... и является очень ценным литературным трудом, ее следовало бы перевести на русский язык — для полного ознакомления широких... масс с вопиющим положением горской женщины».

«Зули» — социально-бытовая драма. «Зарыля» — сатирическая комедия, написанная по мотивам фольклора.

В «Зарыле» писатель ставит задачу разоблачения заправил горского дореволюционного села — старшину, купца, князя. В образе молодой крестьянки Зарыли, полемически противопоставленной «хозяевам», писатель возвеличивает нравственную красоту людей труда. В пьесе «Зарыля» Т. Табулов показывает нам свободную горянку, не униженную домостроевскими обычаями.

Фольклорная основа пьесы обогащена реалистическим жизненным содержанием. Красавице Зарыле 20 лет. Она замужем. И в замужестве счастлива. Молодая женщина приглянулась и князю, и старшине, и купцу. Каждый из них старается добиться ее расположения. Зарыля сообщает об этом мужу. Супруги договариваются опозорить аульных ловеласов в глазах народа, высмеяв их. Им это блестяще удастся. Традиционный фольклорный мотив приобретает у писателя острое социальное звучание.

Создавая «Зарылю», Т. Табулов следует традиции художественного мышления народа, традиции, как говорил один из отечественных критиков, которой свойственна «активность в восприятии как прекрасного, так и уродливого в жизни, четко выраженная неприкрытая заинтересованность, определенность эстетических оценок. Изображение людей, событий, явлений действительности неотделимо здесь от борьбы за воплощение идеала, как его понимает трудящийся человек».

Инсценировки Т. Табулова наполнены гротескными образами-идеями, броскими лозунгами-плакатами. Персонажи инсценировок — Крестьянин, Рабочий, Ведущий, Слепой, Вор, Пьяница, Царь, Генерал, Землевладелец, Соввласть, Старая жизнь, Красноармеец, Новая жизнь, Высокое знание, Язык, Документ, Справедливость.

Инсценировки Табулова — это агитационно-пропагандистские произведения. Они утверждают идеи союза рабочего класса и крестьянства, города и деревни, новых форм общественной жизни и морали.

Осваивая жанровое богатство реалистической литературы (стихотворение, поэма, рассказ, драма, инсценировка, песня) Т. Табулов во всех своих произведениях реализует просветительские идеи.

В 1932 году разработан алфавит абазинского языка. С 1933 года абазинский язык становится языком школьного обучения. На нем начинает

создаваться и издаваться разнообразная литература. Эту работу начинает и продолжает Т. Табулов. Он составляет учебники и хрестоматии, пишет новые художественные произведения, записывает и публикует фольклорные памятники, преподает. В учебники Т. Табулов помещает свои произведения: «Песня» (1933), «Что творили в нашем ауле беляки» (1933), рассказы «Домашняя шапка и степная шапка» (1933), «Фатимат» (1933), «Батага у Эльбурмана» (1934), «Гука» (1934) и др., фольклорные тексты — сказки «Лиса» (1933), «Коza старика и старухи» (1933).

В 1934 году в коллективном сборнике писателей Черкесии «Идем на пробу» напечатаны рассказ Н. Озова «Сверкающий», и его очерк «Соцсоревнование в ауле».

Во второй половине 30-х годов в абазинской литературе дебютирует группа молодых авторов: И. Табулов, Д. Озов, А. Магажиков, П. Цеков, М. Малхозов, С. Дармилов, Х. Жиров и др. И. Табулов, Х. Жиров, П. Цеков впоследствии стали известными писателями.

Таким образом, Т. Табулов — автор первых художественных произведений на абазинском языке.

Тематика стихов и прозы перечисленных выше молодых авторов-абазин (первое стихотворение напечатано в 1936 году) порождена самой жизнью (противопоставление прошлого и настоящего, общественно-социальная новь и т. д.). Слабые в художественном отношении стихи И. Табулова, М. Малхозова, П. Цекова и др. были проникнуты искренностью романтического порыва к светлomu. Этим они и ценны (и как первые опыты национальной литературы).

В 30-х годах серьезное внимание обращается на национальный фольклор: записываются и печатаются тексты всех жанров устного народного творчества (как правило, в литературной обработке), на их основе создаются оригинальные художественные произведения.

Плодотворным был подход к фольклору Т. Табулова. Он никогда не относился к фольклорным произведениям, как к ценностям музейным. Для него устное народное творчество было живой эстетической реальностью, имеющей непреходящее идейно-нравственное значение. Поэтому его творческое «вмешательство» в фольклор было различным и зависело от жанра.

В 1941 году Т. Табулов опубликовал «Сосруко и слепой циклоп», «Сосруко и шесть мужчин», «Сосруко и Сотраш», «Сосруко и Сосранпа». Все эти произведения — на сюжеты героического народного эпоса «Нарты». Первое — рассказ, остальные — поэмы. Однако во всех случаях писатель щепетильно сохраняет сюжет народного сказания, его образную систему. Строго говоря, это — стихотворные или прозаические переложения известных нартских сюжетов. Единственно, что писатель

позволяет себе, это — рельефнее выявить идейно-эстетические потенции, заложенные в народном сюжете, передать его в талантливом литературном исполнении. Т. Табулов прекрасно понимал, что «вольное» обращение с древним героическим памятником, оказавшим громадное влияние на духовную жизнь народа, сказания которого были известны и сказителям и слушателям в кононизированной форме, не корректно, эстетически не оправдано. Вероятно, поэтому «нартские» поэмы и рассказы Т. Табулова воспринимаются читателями как высокохудожественные произведения устного народного творчества и часто печатаются как таковые, хотя они — авторские создания.

Иначе подходил Т. Табулов к сказочному эпосу. В 1947 году он издает сборник «Абазинские сказки». Вошедшие в него тексты преимущественно авторские работы. Например, «Сказка о табунщике Мидпа и о морском жеребце», «Сказка о пастухе Бате и его дочери — пастушке Зач» — это фольклорные повести, а «Сказка о Ктыме, Ктыше и Какане», как и опубликованная годом позже «Сказка о Дадыре и ста семействах» — стихотворные поэмы, т. е. оригинальные художественные произведения по мотивам и сюжетам устного народного творчества. В них писатель дает волю творческому воображению, смело развивая сюжет, вводя в него эпизоды, диктуемые развитием действия, необходимостью более глубокого выявления идеи и т. д. Другими словами, в них Табулов следует творческой традиции А. С. Пушкина («Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о царе Салтане»... и др.), оставаясь в рамках фольклорных принципов обобщения действительности и создания характеров.

Из разнообразия фольклорных памятников Табулов чаще всего выбирает героические мотивы и богатырские образы, ибо в них воплотились народные представления о герое и героическом, народное понимание жизни, морали, этики, идеи справедливости и гуманизма, самоутверждения человека труда, народности, патриотизма, отрицания и осуждения морального зла и т. д.

...Наметившееся плодотворное развитие молодой абазинской литературы было прервано нападением фашистской Германии на Советский Союз. Почти все молодые авторы ушли на фронт, многие погибли. Литература практически прекратила развитие. Она как бы сызнова начинается в послевоенные годы.

* * *

Война нанесла тяжелый урон экономике и культуре Карачаево-Черкесии. Понадобилось значительное время, чтобы вновь наладить издательское дело, собрать молодые литературные силы. С фронта

вернулись Исмаил Табулов и Хамид Жиров. Они-то и продолжают прерванный войной литературный процесс. Вокруг них группируются начинающие авторы — П. Цеков, К. Джегутанов, Д. Лагучев, Б. Тхайцухов, Ш. Физиков и др. Активно работает над новыми учебными пособиями для школ Т. Табулов. Литература как бы заново проходит путь становления. Движение идет трудно, с идейно-эстетическими издержками: как раз в эти годы расцветает «теория бесконфликтности». Но все же литература медленно и мучительно набирает опыт. Уже в начале 50-х годов появляются в печати поэмы Пасарби Цекова «Сухая балка цветет» и «Подвиг комсомольца», Бемурзы Тхайцухова «В родной семье» и «Мир станет ясным», повесть Хамида Жирова «Верным путем». Исмаил Табулов завершает работу над романом «Азамат» и т. д. В большинстве произведений разрабатываются темы исторических путей народа, прошедшей войны и созидательного труда. В поэме «Подвиг комсомольца» П. Цеков выводит образ юного труженика животноводства комсомольца Умара, все силы отдающего беззаветному труду. Поэту удастся создать динамичную картину. Вот злая непогода погнала скот к пропасти. Умар бросается спасти стадо:

Скосила молния полнеба,
И гром ударил, точно взрыв,
И стадо понесло под ветер
С безумным ревом...
«Там — обрыв!»
И на какое-то мгновенье
Перед Умаром, как во сне,
Встал гуртоправ,
Что перед всеми
Сказал:
«Ведь он еще юнец».
«Юнец!» —
Умар к луке склонился...
«Юнец!» —
Скорее бы, скорей,
Скорей до пропасти домчаться
И стать решительно над ней!

Событиям прошедшей войны посвящена поэма Б. Тхайцухова «В родной семье». В ней рассказана история юноши Назира, прошедшего тяжелый ратный путь.

В повести «Верным путем» Х. Жиров пытается осмыслить путь, пройденный народом от предреволюционных до первых лет советской власти. В повести еще нет значительных художественных обобщений. В ней

лишь последовательно излагаются те или иные события, имевшие место в жизни, но важным ее достоинством является то, что она построена на реальной исторической основе: в ней наметилась тенденция к созданию типического характера и типических обстоятельств. Она как бы косвенно подготавливает роман «Пробуждение гор», изданный Х. Жировым в начале 60-х годов.

Развитие литературы в послевоенные годы логично вело к появлению эпического реалистического произведения. Как сказано выше, в начале 50-х годов Исмаил Табулов создает роман «Азамат», правда, изданный в начале 60-х годов.

В центре романа И. Табулова человек, который проходит путь от покорного батрака до сознательного борца за свои права. Такой герой весьма характерен для всех литератур Северного Кавказа.

Рассказывая о годах, непосредственно предшествующих Октябрю, писатель внимательно следит, как назревают в народе чувства социального протеста — сначала стихийного, но затем и осознанного, организованного. Сюжет романа не выходит за пределы одного аула: этим писатель желает подчеркнуть, что революционные идеи проникают в самые отдаленные уголки страны, они не остановимы, ибо объективны. Обоснованию этого тезиса и служит жизненный путь Азамата.

За свою недолгую жизнь Азамат сталкивается с разными людьми, наблюдает жизнь разных социальных слоев общества, оказывается втянутым в сложные драматические события. Поначалу он не понимает, почему так несправедливо устроен мир, и если порой и «взрывается», то протест его направлен не против существующих порядков, а исключительно против конкретного человека — хозяина. Только тогда, когда умирает мать и Азамат вынужден обратиться к служителям религии с просьбой похоронить покойницу по обряду, и те ему, по причине его бедности, отказывают, ибо он не сможет заплатить им «за труды», юноша глубоко задумывается над жизнью. Вот, оказывается, какие, — рассуждает он, — «слуги Аллаха», которые даже из человеческого горя могут извлекать себе выгоду.

Становление Азамата-гражданина — трудное становление человека из социальных низов. И даже тогда, когда ему на помощь приходят русские люди, он еще не осознает социальную правду века. Эту правду он должен «пропустить» через свою судьбу. И постепенно он начинает понимать, что люди делятся по социальному положению, а не по национальностям. Эти уроки ему преподает Сергей — русский революционер-подпольщик. И его правоту подтверждает сама жизнь. События развивались так, Азамат нанялся батрачить к богачу Якубу. Юноша заслужил даже некоторое уважение хозяина. Но однажды Азамат столкнулся с Рашидом — сыном

местного богатея. Батраку грозит ссылка в Сибирь или тюрьма (богатый всегда прав!). Якуб собирается к атаману отдела: якобы спасти своего батрака от каторги. Но выясняется нечто совершенно неожиданное: Якуб вовсе не печется о своем батраке, а хочет донести атаману на русских подпольщиков. Он берет с собой Азамата, ибо ему нужен переводчик (Якуб не владеет русским языком). Уже в пути все начинает выясняться. «Что тебе этот Сергей говорит? — спрашивает Якуб у своего батрака. — Наверное, убеждает, что всех богатых надо истребить, да?»

Так Азамат получает еще один предметный урок на тему: кто друг, а кто враг? Урок продолжается у атамана. Писателю удалось объемно огранить образы персонажей, Якуб предстает перед читателем как человек, не брезгующий никакими средствами для достижения своих целей, а атаман отдела как типичный представитель тупой чиновничьей бюрократии. Образы обоих «героев» сатирически заострены. В этом отношении любопытен диалог между Якубом, не говорящим по-русски, и атаманом отдела, не знающим языка «туземцев». Вот Якуб и Азамат приехали в город. «Азамат удивленно смотрел на высокие двухэтажные дома, церковь, магазины... Якуб с гордым видом вошел в открытую дверь большого белого дома. Азамат остался с лошадьми.

— Привяжи лошадей и заходи! — крикнул Якуб, выйдя на крыльцо. Азамат привязал лошадей к коновязи и вошел в дом.

— Атаман не понимает меня. Скажи ему по-русски, что Сергей паршавик (большевик — В. Т., Л. Т.), — сказал Якуб.

— Что говорит твой хозяин? — спросил Азамата краснолицый бородатый мужчина средних лет.

— У нас в ауле жил один русский по имени Сергей. Мой хозяин спрашивает, кто он? — сказал Азамат, решив обмануть обоих и спасти Сергея.

— Откуда я знаю, кто такой Сергей?! Много разных Сергеев ходит по миру! Откуда мне знать, кто они такие?! Твой хозяин, видно, спятил! — загрохотал атаман.

— Что он сказал? — спросил Якуб.

— Сказал, что он, и кому еще надо, знают, кто такой Сергей, — ответил Азамат.

— Спасибо, господин, — поклонился Якуб атаману.

— Почему он благодарит меня? — спросил атаман.

— Тот Сергей, который жил в нашем ауле, давно уехал. Мой хозяин думает, что его выгнали вы. Горцы не любят русских. Поэтому мой хозяин и говорит «спасибо», — уже совсем невпопад соврал Азамат, но никто этого не заметил.

— А-а, вот почему он говорил «паршивый»! Теперь понял, — сказал атаман и так расхохотался, что стены, казалось, задрожали.

— Скажи ему, что я верный слуга царю, и что извещу его, атамана, если у нас в ауле появится еще паршавик, — сказал Якуб.

— Господин атаман, мой хозяин просит вас, чтобы вы не пускали в наш аул русских, — вновь слукавил Азамат.

— Дурак твой господин! — побагровел атаман. — Куда только не доходят всякие сапожники, жестянщики, печники! Их руками Россия помогает горцам. Понимаешь: Рос-сия! Ве-ли-кая Ро-с-сия! — завопил атаман...

— Спасибо, господин, — сказал Якуб. — До свидания!

— До свидания! — сказал атаман, не приподнявшись даже».

Путь Азамата — это путь самого народа к постижению правды жизни. В конце концов он делает самый важный шаг в своей жизни: присоединяется к борьбе за права угнетенных.

Роман И. Табулова — реалистическое произведение, стремящееся к глубокому исследованию народной жизни в ее конкретных социально-бытовых проявлениях. Писатель старается показать характер человека в широких социальных связях. Растущее мастерство писателя проявляется и в описании деталей быта, обстановки, которая окружает героя. Иные детали перерастают у И. Табулова в символы, как, например, следующая. Жена бедняка Асхада Аминат, поднявшись поутру, хотела развести огонь в очаге, но в золе не осталось горящих угольков. Тогда она пошла к соседям. «И на ржавом куске жести принесла три полупотухших уголька». В системе романа образ-деталь трех полупотухших угольков приобретает символическое значение. Жизнь бедняков была подобна полупотухшим уголькам: она тлела, а не горела! И жизнь старика Асхада, типичнейшего представителя бедняцкой массы, удивительно гармонирует с этим образом. Она может, подобно уголькам, угаснуть, если не помочь ей, и может разгореться и дать начало новой силе, если найдется ветерок, который способен оживить тлеющее существование, превратить его в полноценную жизнь.

И. Табулов добивается более органичной многогеройности, чем его предшественники. Выпукло в романе обрисованы образы крестьян-бедняков Асхада, Асламбека, Мухарбия, богачей Якуба, Салиха. Писатель старается охватить больше социальных типов. Он пытается войти в социальные глубины народа. И. Табулов не только показывает жизнь бедняков, но и вникает, как «дело» порождает эгоистические чувства. Писатель, подобно многим авторам 30-х годов, не прибегает к гиперболическим преувеличениям, рисуя взаимоотношения бедняков и богачей. В его романе, к примеру, не секут бедняков. И. Табулов старается обособить психологическую характеристику национального типа социально-исторической аргументацией. Национальный характер — категория историческая, социально определенная. Ф. Энгельс, анализируя драмы Иб-

сена, писал: «Норвежский крестьянин никогда не был крепостным, и это придает всему развитию... совсем другой фон. Норвежский мелкий буржуа — сын свободного крестьянина, и вследствие этого он — настоящий человек по сравнению с вырождающимся немецким мещанином... И каковы бы, например, ни были недостатки драм Ибсена, эти драмы, хотя и отображают нам мир мелкой и средней буржуазии, но мир совершенно отличный от немецкого, — мир, в котором люди обладают характером и инициативой и действует самостоятельно, хотя еще подчас, по понятиям иностранцев, довольно странно». Не следует, конечно, переносить высказывание Энгельса на роман И. Табулова, но следует подчеркнуть, что в этой связи становится понятным, почему батрак Азамат может избить богача Рашида, хотя ему за это грозит ссылка в Сибирь, почему горские бедняки не боятся смело говорить со своими хозяевами, обнаруживая при этом высокое чувство собственного достоинства. Горский крестьянин никогда не потерпит, чтобы его секли. (Об этом писал еще А.-Г. Кешев). Он предпочтет смерть позору экзекуции. Исторические, социальные, нравственные условия существования сделали его человеком, обладающим сильным характером и уважением к самому себе. Ни Якуб, ни Салих не секут своих «холопов» не потому, что они лучше русского помещика-самодура. Напротив. В романе И. Табулова есть многозначительная сцена, подтверждающая эту мысль. Старик Асхад надумал построить хатку-мазанку. Для этого ему нужен лес. Он нарочно поджидает богача — владельца леса, когда тот идет в мечеть. Здравается с ним и хочет попросить разрешить нарубить в его лесу немного кольев и хвороста. Но богач не отвечает даже на приветствие бедняка, «не отдает салама», хотя это, по уверениям самих же сильных мира сего, слово божье (вот и вся цена хождению в мечеть!).

И. Табулов в своем романе показал, как в недрах народных масс назревает протест против неправого миропорядка, и протест этот выливается в конкретное действие.

Активную деятельность продолжает в 50-е годы Т. Табулов. В 1954 году он печатает значительное количество пословиц, поговорок и загадок с параллельным русским переводом, публикует лингвистическую работу «Об абазинских диалектах», входит в число составителей русско-абазинского словаря. В 1951 году он выступает со стихотворением «Наши женщины», а в 1952 — «Пионеры».

Таким образом, послевоенные годы ознаменовались появлением первого реалистического романа — «Азамат» И. Табулова.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Когда и как возникла абазинская национальная литература? Сравните пути возникновения и развития национальных литератур Карачаево-Черкесии. Какие общие черты вы отметите?

2. Проследите творческий путь Т. Табулова. Жизнь и творчество Т. Табулова — явление типичное для национальных литератур. В чем вы видите эту типичность?
3. Каковы особенности послевоенного литературного процесса?
4. Охарактеризуйте роман И. Табулова «Азамат». Какие, похожие на него, произведения вы знаете?

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА КАРАЧАЕВЦЕВ

ФОЛЬКЛОР

Карачаево-балкарский эпос «Нарты»

Карачаевцы и балкарцы за свою многовековую историю создали огромное количество самых разнообразных произведений словесного искусства, составивших общий для этих двух народов художественный фонд.

Центральное место в их устной поэзии занимает героический эпос «Нарты», который является одной из национальных версий общекавказской Нартиады. По мнению ученых, нартский эпос зародился в недрах первобытнообщинного строя. И если читать нартские сказания, снимая позднейшие наслоения и обнажая тем самым ядро (но далеко не исходное) эпоса, то можно обнаружить в нем отражение первобытного мышления, а именно: языческие представления народа, мифологизацию явлений природы и общества.

Так, в сказаниях, связанных с именем центральной героини эпоса Сатанай, обильно представлены полумифические существа различного происхождения, например, суу джелимаууз — дракон, выступающий в роли враждебного нарта владыки вод и морей; суу анасы — мать воды, владычица рек; алмасты — злые и коварные обольстительницы, обитающие в лесах, но чаще в различных хозяйственных помещениях; агъач киши — лесной человек; обур — вампир, оборотень и др.

Божественно происхождение Сатанай — она дочь Солнца и Луны, но похищенная драконом, она вынуждена поклоняться богу земли — Джер Тейри. Рождение героев эпоса Сосурки и Шауая также чудесно, необыкновенно, связано с фантастическими и сверхъестественными существами: матерью Карашауая является людоедка-великан, из племени эмегенов, а отец — доблестный нарт Алауган. Сам Карашауай вскормлен

дикими зверями в расщелине ледника. Сосурка рожден из камня, младенца извлекает из камня мудрая Сатанай с помощью шестидесяти молодых нартвов-молотобойцев¹.

Как правило, происхождение нартских героев, не только Сосурки, Шауая, Сатанай, но и многих других не только результат каких-то чудесных явлений; один из родителей нарта — всегда или божественное или сверхъестественное существо. И герой-нарт, с одной стороны, связаны с миром людей, с реальным миром и бытом нартвов, а с другой — соотнесен с миром сверхъестественным — богами, эмегенами и т. д. Это явление объяснимо. Народу со всеми его большими, а чаще мелкими (с точки зрения богов) заботами необходим был посредник, кровно с ним связанный, но в то же время имеющий возможность говорить с богами, благодаря своей полубожественной сущности. Этим его двойственным происхождением объясняются и выделенность его среди других нартвов, его особые качества: непобедимость, неуязвимость, ловкость, исключительная отвага.

Но есть герой эпоса, происхождение которого божественно полностью. Это нартский кузнец Дебет. Отец его — бог огня (От Тейриси), а мать — богиня земли — (Джер Тейриси). Примечательно, что в этом сказании эпоса даются конкретные указания на историческую эпоху, когда происходили события, описанные в нем: «Давным-давно, когда люди жили в каменных пещерах, пользовались каменными корытами, деревянным ситом» (значит, до появления в быту железа).

¹Приводим рассказ об этом из сказания «Сосурук»: «Жил некогда пастух по имени Соджук. Однажды он пас овец на берегу реки Адиль (Волга — А. К.) и увидел на противоположном берегу, прямо перед собой красавицу — княжну Сатанай. Она стирала. Соджук восхитился ослепительной белизной ее рук, улегся на плоский камень и стал, не мигая, смотреть на нее — задрожал, запыхал. Наверное, эта мудрая женщина угадала состояние пастуха. Долго или не долго смотрел он на нее, однако, удалился вслед за своими овцами. Соджук ушел, а в том камне стал развиваться ребенок. Вещая Сатанай узнала об этом и, поскольку была бездетной, очень обрадовалась. Стала считать дни, когда настанет время камню родить человека.

Сатанай заказала нартскому кузнецу Дебету шестьдесят молотов. Наступил день, когда из чрева камня должно было появиться на свет дитя. В этот день она пригласила с собой шестьдесят юношей, отправилась с ними к богатырскому камню (Сослан таш), где было уже приготовлено ею обильное угощение...

Сильные юноши тут же берутся за дело. С четырех сторон они бережно обтесывают камень. Они не знают, для чего это делают. Когда Сатанай увидела, что оболочка камня источилась и что молоты юношей могут уже коснуться дитяти, она приглашает их подкрепиться, попить и поесть. Буза была свежая и хмельная, пища сытная, юноши опьянели и заснули. Тогда Сатанай взяла в руки молоток, неслышно приблизилась к камню, наклонилась над ним, проделала отверстие в его оболочке и достала из чрева камня новорожденного. Это был мальчик с сохолом на голове, похожим на петушинный гребень, а ножки у него были тоненькие, как веретена...» — «Карачаево-балкарские нартские сказания», Нальчик, 1966, с. 76. — На карачаево-балкарском языке.

Героев нартского эпоса можно условно разделить на группы по их происхождению и их соотносению с нартами. Первая группа едва намечена, но ощутима — это боги, которые стоят над нартами, помогают им или равнодушны к ним, указывают верный путь. Например, «над богами великий Тейри грозноликий... богов повелитель», создавший первого нарта, златоликого Дебета, а вместе с ним и человека. Вторая группа — это тоже боги по происхождению (Дебет, Сатанай), но гораздо более близкие нартам: они живут среди них и помогают им не как высшие существа, а как равные равным (Дебет — первый нартский кузнец, впервые из руды раздобыл железо, в кольчуги людей одевал, ковал оружие и стрелы, научил потомков кузнечному ремеслу, влил железную силу в тело нартвов). Третья группа — это полубоги по своему происхождению, как уже говорилось выше о Сосурке. И четвертая группа — просто нарты, происхождение которых вполне земное и человеческое. Особое место занимает Шауай — сын нарта и эмегены.

Эти образы возникли в глубокой древности, но со временем мифологическая их основа претерпевает значительные изменения. Нартские герои Сосурка, Ерюзмек теряют в народном истолковании черты мифические, становятся носителями идеалов народа, борцами за его освобождение от внешних и внутренних поработителей. А в образах мифических великанов, злобных и безобразных, нашли отражение реально существовавшие враги трудового народа — национальные и социальные.

Эпос насквозь пронизан мотивами борьбы нартвов с извечными врагами нартского племени — эмегенами, обладающими громадной физической силой, но отличающимися от хитроумных нартвов своей глупостью, неповоротливостью, что и приводит их к поражению каждый раз в непрекращающейся вражде с нартами. Многоголовые эмегены-людоеды так рисуются в сказаниях: «Глазам его представилась громадной величины женщина, «эмегена», с откинутыми назад через плечо персями; она зачинала трещины земли при помощи иглы, которая была величиной с хорошее бревно, а нитки, как аркан»; герой решил «потихоньку подойти к ней сзади и тотчас взять ее перси себе в рот, и, таким образом, сразу стать ее молочным сыном». Дочь эмегены тоже громадная и уродливая, «зубы у ней так велики, что нижние клыки доставали до носа, а верхние спускались ниже подбородка; увидев детей, эмегена их тут же принялась глотать». Живут эмегены в безлюдных местах.

Эпос, кроме гиперболизированных образов врагов, дает и более реальные, хотя и не лишённые фантастической оболочки. Они дают возможность находить им аналогии в истории народа, в его перемещениях и столкновениях с другими народами. Интересен в этом смысле образ красноликого, рыжебородого (букв. «красящего бороду хной») Фука, как

конкретное олицетворение чужеземного поработителя, истязającego народ непосильной данью и поборами.

Нартские богатыри, борющиеся за свободу нартского племени, наделены в эпосе физической силой, могучим духом, высокими моральными качествами: привязанностью к родной земле, верностью в дружбе. Таким предстает один из центральных героев эпоса — Ёрюзмек, сын Схуртука, вышедшего из простого сословия. Действия и поступки его исполнены рыцарской самоотверженности и благородства. Жизнь воина протекает в жестоких битвах с насильниками и угнетателями, образами которых народ придал фантастические черты чудовищ-эмегенов. Соплеменники называют Ёрюзмек отцом нартского войска, а его жену и помощницу Сатанай — матерью нартвов. Ёрюзмек, «не знавший ни единого слова неправды», вырос в окружении нартских героев, предрекавших ему славу доблестного и отважного богатыря. Еще ребенком, он, возмущенный покорностью нартвов, плативших непосильную дань «краснобородому, трусливому князю Фуку», дает себе клятву освободить от него нартвов. Получив совет от Сатанай, он убивает князя Фука в его стеклянном дворце на небе. После этого семь недель, не переставая, лил кровавый дождь и на земле наступил «берекет» (довольство — А. К.). За свой подвиг Ёрюзмек был выбран главою нартвов. Ёрюзмек — самый искусный среди нартвов стрелок из лука, нет ему равных в нартских играх. Мощь его тела, богатырская сила признаны не только нартами, но и их врагами — эмегенами.

Сосурка — второй по значительности герой эпоса. С его образом связан мотив чудесного рождения нарта — общий для всех национальных версий эпоса. Став совершеннолетним, он спасает от смерти нарта Ёрюзмек, избавляет народ от пятиголового эмегена, который «объедал» карачаевцев. Сосурка побеждает эмегена не столько своей богатырской силой, сколько превосходством ума и хитростью. Сказание о борьбе Сосурки с эмегенами заканчивается словами: «Так Сосурка освободил карачаевский народ от эмегена». И в сказании об Ёрюзмек, и в сказании о Сосурке мы видим эволюцию образов эпоса. Они конкретизируются, наполняются реальным содержанием, теряя в некоторой степени свою условность. Ведущим мотивом в этих сказаниях является борьба нартвов против врагов, готовность героев эпоса бороться во имя счастья народа, хотя бы борьба и вела их к гибели.

Знаменательно, что герои карачаево-балкарских нартских сказаний позднейшего цикла — люди незнатного происхождения: Ёрюзмек — из простого сословия, Шауай — неимущий, хотя и участвует в нартских состязаниях. В сказании о Шауае нарты теряют облик богатырей. Они хвастливы, алчны, трусливы, лживы и жадки. Шауай презрительно

называет их «чванливыми нартами», которые ничего не поняв, так и будут думать, что все дается им их счастьем, славой и силой. Он решает сделать так, чтобы они признали его силу и убедились в своем ничтожестве. Чудесный конь Гемуда помогает Шауаю доказать нартам превосходство над ними их шапы (слуги).

Исторические мотивы и реалистические тенденции, наметившиеся в нартском эпосе, получают дальнейшее свое развитие и в других жанрах народного творчества, главным образом, в историко-героических песнях, параллельно и в тесном взаимодействии с которыми развивался героический эпос в позднейшей своей стадии.

Сказки

В сказках, наряду с элементами фантастики и отголосками древнейшего мирозерцания, нашли отражение реальный быт и нравы, отдельные исторические события. Это широко распространенный жанр фольклора, в котором легко обнаружить традиции восточных сказок в образах, сюжетах, в элементах сказочной фантастики. В волшебных сказках, наряду с анимистическими, тотемистическими верованиями, сказалось поклонение покровителю охоты Апсаты, покровителю домашних животных Аймушу («Зынгырдаук», «Аймуш»), связанное с самыми существенными сторонами жизни горцев — охотой и скотоводством. Этот вид сказок иногда бывает связан с сюжетами и героями сказаний о нартах и представляет собой как бы новую форму, в которой живет и, может быть, сохраняется эпос¹.

Сказки о животных в большинстве случаев имеют назидательный характер. В их аллегориях легко угадываются этические нормы народа. Наиболее интересны бытовые сказки. Они очень реалистичны, выражают всю остроту народного протеста против баев, биев, судей, клеймят их сатирой («Эфенди и могила шейха», «Три брата» и др.). Характерен образ Кёсе, как воплощение жестокости, хитрости, алчности, торгашеского духа. В нем народ выразил свой протест против зарождающихся капиталистических отношений. Наиболее распространенный мотив бытовых сказок — мотив мести батрака жестокому и алчному хозяину. Образ батрака, где силой, где хитростью одерживающего победу, наиболее популярный образ. Именно он является носителем веры в победу народа.

¹Примером своеобразной формы, в которой бытуют мотивы нартского эпоса, может служить сказка «Ёрюзмек». В ней переплелись мотивы сказки бытовой и волшебной о борьбе с эмегенами, вставлен самостоятельный сказочный сюжет о «Бычьей лопатке», и этот комбинированный сюжет прикреплен к имени нартского героя Ёрюзмека.

Бытовая сказка сильна и своей антиклерикальной направленностью («Эфенди и могила шейха»). Обличаются мздоимство и несправедный суд в сказках о чиновниках-судьях и писарях. Сюжет «Бедняка и судьи» напоминает русские сказки о Шемякином суде.

К сатирическим бытовым сказкам примыкают анекдоты о Насра Ходже, герой которого олицетворяет оптимизм народа и веру его в свои силы. Почетное место в сказках занимает образ женщины, чью положительную роль характеризует пословица «Женщина — крылья мужчины». В сказках «Как горец путешествовал», «Овчар» она предстает как мудрая и верная подруга героя во всех его испытаниях.

Широко представлены в карачаевском сказочном эпосе и сюжеты развлекательные, полные юмора, иронии в изображении жизненных явлений. В них повествуется о человеческих слабостях и недостатках, о неловких и недогадливых людях, подвергаются скрытой насмешке зависть и скупость. Например, в сказке «Скупой» гость остроумно обличает хозяина, который нарушил обычаи гостеприимства: завидя гостя, он поторопился скрыть приготовления к ужину: «Я чту тебя, как отца, а поэтому вернулся рассказать тебе историю, которая приключилась со мной в дороге: по дороге наткнулся я на змею. Голова этой змеи была величиной с баранью голову, что лежит под тобой. Когда я убил змею, вывалились ее внутренности, подобные потрохам, на которых сидит твоя жена. Если вру, пусть меня постигнет участь гуся, спрятанного под твоей дочерью».

При трех разнообразных функциях, которые нес фольклор в повседневной жизни народа, он был призван, прежде всего, воспитывать, учить и по-своему выполнял это назначение не только образами богатырского или сказочного эпоса, но и разнообразными дидактическими жанрами — нарт сёзле (букв.: слова нартов), пословицами и поговорками, элберле (загадками), алгышами (благопожеланиями).

Пословицы, поговорки, загадки.

В нарт сёзле, т. е. в пословицах и поговорках отразился многовековой опыт народа, его мудрость и наблюдательность, его неписанный моральный кодекс. Они говорят о любви к Родине, о мужестве, трудолюбии, тяге к знаниям, о миролюбии и непримиримости ко всякому злу, учат гостеприимству, дружелюбию, щедрости, клеймят человеческие пороки — предательство, трусость, лень, злоязычие, жадность и т. д. Здесь также проявляются мотивы социального, антиклерикального протеста. Форма этих «слов» обычно афористична, образные параллелизмы связаны со скотоводческим бытом народа и условиями жизни в горах. Национальный колорит языка в них ошутим с особенной силой.

С трудом, жизнью, хозяйством горца связано содержание загадок. Этот жанр носит название «элберле» или «эл берген джомакъла» (досл. «сказки, за которые отдают села»). Загадывание их составляет своеобразную игру-соревнование. Участник игры задает загадку и после неё добавляет формулу: «Не дашь тысячу аулов — не скажу». Отгадавший загадку получает право задать вопрос следующему участнику игры. Если же тот, кому загадана загадка, не может ее отгадать, он дает «эль»; то есть аул, выкупает отгадку. Получающий аул произносит формулу: «То, что есть хорошего в ауле, пусть будет моим; то, что есть плохого, пусть принадлежит камням, горам, пусть будет подальше от меня» и, по правилам игры, получает право вновь задать загадку.

Тематика загадок разнообразна. Природа и ее явления, растительный мир, человек, орудия труда и др., становясь предметом описания, передаются в конкретных образах, взятых из мира вещей, окружающих горца, направляют внимание на предметы и явления реальной жизни: «Один всадник, а у него сто плетей» (солнце и его лучи); «Над крышей дома пестреет войлок» (звезды); «На нагорье режут овцу, кровь ее течет сюда» (огонь); «Мясо у нее жирное, костей нет; кожа тонкая, шерсти нет» (картофель); «На одной поляне тысяча овец, все котные; не дашь тысячу аулов — не скажу» (подсолнухи); «Треск, треск, треск... трескучка, в нем кто-то мяукает, у него два кожаных мешка пищи, а под низом у него костяной колышек» (ребенок в колыбели); «Что мне сказать, что мне сказать. Дай-ка я сяду на серого жеребенка, да погоню большой табун» (бритье головы); «Я повесил котел, положил в него курдюк, котел расплавился, курдюк остался» (нога и чуваки); «Мать — черная зубриха, и у нее тысяча детей» (кош и поперечные балки) и т. д. В образных иносказаниях этих загадок, приведенных в качестве примеров из наиболее разработанных и популярных тематических групп загадок, представлен вещный мир горца — скотовода и пастуха. Такая образность характерна в целом для всего фольклора карачаевцев.

Поэтическим сводом правил поведения в быту и в коллективе, утверждающим этический идеал народа, можно назвать своеобразный жанр дидактической поэзии алгыш (благопожелание; отчасти соответствует русским величальным — А. К.). Возник он, очевидно, еще в языческой древности как гимн верховному богу Тейри, о чем говорит сохраняющаяся в тексте его архаическая формула заклинания:

«Да подаст это благо Тейри». Со временем алгыш стал частью свадебного обряда «открывания лица невесты» в присутствии свекра и свекрови, сопровождал застолье при знаменательных, торжественных случаях.

Из традиционного свадебного алгыша встает идеальный, в со-

ответствии с требованиями семейной морали, образ женщины-невестки, жены, матери, хозяйки, которому должна невестка подражать.

От пришедшей невесты,
От щек ее пусть исходит тепло;
Пусть любовь излучают ее глаза,
Пусть будут ласковыми ее слова.
Пусть, смеясь и улыбаясь, войдет,
Пусть с любовью в этот дом войдет,
Пусть лестницей будет для стариков,
Пусть жизни обильной будет ключом.
Пусть будет ярка, как звезда,
Пусть блестит, как мех бобра,
Пусть с мужем сживется,
Как мясо и кожа.

Перевод *А. Караевой.*

Народные песни

Наиболее любимым и распространенным видом художественного творчества народа является песня во всех ее разновидностях — трудовые, историко-героические, любовные, песни-плачи, песни-страдания, шуточные песни и др. В народной классификации все они объединяются под общим названием — джыр (песня).

Трудовые песни являются наиболее ранними по своему возникновению. Из них до нас дошли немногие. Наибольший интерес в этой группе песен представляет песня «Долай», которую пели при сбивании масла. Эта песня возникла в условиях горного скотоводства. Большие стада паслись на высокогорных пастбищах. Пасли эти стада пастухи, заготавливающие впрок молочные продукты. В большом бурдюке, раскачивая его, сбивали они масло. Нелегкий и долгий труд этот сопровождался песней, ритм которой помогал соразмерять усилия и такт движений работавших. В песне возникает образ веселого божества Долая, который так таинственно превращает сметану в масло. Имя его основано на звукоподражании. «Дой-дой-дол», — как будто говорит бурдюк. Этому Долаю можно и польстить, и улестить его, и пригрозить ему:

Ой, Долай, ты такой масляный бурдюк!
Ты бурдюк без изъяна,
В тебе больше масла, чем айрана.

...На звуки нашей песни пришли дорогие гости,
Ой, если можешь, будь же ты в бурдюке!..

Если же не получаешься, развязывают бучхак, обрезают ухо.

...Пусть ветер тыкыр-мыкыр¹ тебе сделает...
Коль не получаешься — пусть крутит у тебя в животе.
Ой, Долай, ты такой былкында².

В этом олицетворении — конкретные детали трудового процесса и связанных с ним вещей. Своеобразие семейных отношений в среде скотоводов раскрывается в развернутых антитезах:

Ой, на берегу заиграет гусь,
В камышах закричит цапля.
Ой, юноша дорвется до девушки:
Ой, юноша заиграет, девушка засмеется.
Кто узнает, что в душе у них обоих?
Ой, на берегу два гуся,
Один пестрый, другой серый.
Оставь пестрого, возьми серого:
По матери бери дочь.
Материнское — у дочери,
Отцовское — у сына.
Коль родится хороший сын у отца,
Он поставит загон в пустыне
И заполнит его скотом,
Осмыслив мир, построит свою жизнь.
Родится плохой сын у отца —
Отцовское большое стадо промотает,
Позволит женщинам причесывать свой чуб.

Народная мудрость отразилась в поговорках типа «по матери бери дочь», в интерпретации пословиц «Добра не оставляй: сын плох, так прахом все пойдет, а сын хорош — так, видит бог, и сам он наживет». В песне нет прямых жалоб на тяжелый труд, на зависимое положение, но в том, как страстно противопоставляется хорошая хозяйка плохой, чувствуется, как несладко жилось пастухам: хозяйке, плохо относящейся к пастухам, песня желает саван из грубой ткани; хорошей хозяйке — дорогой платок и косы до пят, чтоб окружали ее чернобровые невестки, чтобы была счастливой ее жизнь. А после смерти — саван из чистого шелка.

¹ Тыкыр-мыкыр — подражание звуку, возникающему при ударах кома масла о стенки бурдюка.

² Былкында — звукоподражание, в буквальном переводе «плескун».

В песне находят отражение конкретные предметы, процессы, условия жизни народа. Так, например, мы узнаем, что пастухи выбирали «кош тамаду» (старшего в коше), ответственного и за людей, и за дело:

Ой, получим мы чаши масла,
Поставим их перед тамадой,
Тамада даст попробовать каждому
И заставит меня быстро выполнить его поручение,
А если я не буду расторопен,
Вытянет меня по ногам гибкой лозой.

Перевод Д. Каравевой.

Охотничья песня. В прошлом у карачаевцев, как и у других народов Кавказа, существенным источником жизни была охота. И в их языческом пантеоне почетное место занимало божество охоты Апсаты. Этому божеству посвящена песня — моление об удачной охоте «Апсаты-ны джыры». Божество Апсаты предстало перед людьми в образе козла, чаще в образе мифического оленя с двумя острыми рогами и тремя ногами. У Апсаты были дочери. Старшую звали Фатимой (позднее мусульманское имя). Охотники, страшась гнева Апсаты, старались снискать его расположение, умиловать его молитвами и жертвоприношениями. С песней-просьбой обращались перед началом охоты к Фатиме:

Ой, княгиня Фатима!
Дай нам лежащего на белом снегу,
Дай нам пасущегося на высотах гор,
Дай нам пребывающих в глубоких балках!
Ой, дай обросшую шерстью ушастую лань
И большого жирного кабана,
Дай оголенного оленя.
Кому не везло на охоте,
Пусть тоже убивает;
И пусть бог милостивый
Отовсюду счастье несет.
О, всемилостивейшая богиня Фатима!
Награди нас от своего добра,
Дай нам благополучный путь,
Как даешь любимым людям;
Не убавь своей милости;
Не гневайся на нас несчастных,
Милостиво прими нашу молитву,
Радостными возвращай нас с охоты...

К самому Апсаты обращались со следующей песней-молитвой:

...У Апсаты в горах есть много добра,
Дай нам потешиться мясом
Большого и желтого козла.
Орайда, мы идем в горы!
Если идем, так одари нас:
Дай нам в жертву старого козла.
У Апсаты есть красавицы с большими бровями,
На белых горах их значатся следы.
Кто славит Апсаты, тому он счастье дает,
Дай боже, такого, чтобы он был годен для копчения.
Самцов Апсаты гостям отдает,
Маток для размножения оставляет.
Прими нас, как добрых гостей.
Орайда, если пришли, угости-ка нас,
Несчастных, добычею одари.
Предназначенное счастье не удержи,
Дай, добрый наш Апсаты!
Дай, что избрал, что решил дать —
Коз, козлят-близнецов,
Если сегодня не решил нас обидеть.

Апсаты и его дети в гневе могли не только ничего не дать, но и погубить охотника.

Как говорит легенда, так случилось со знаменитым охотником Бийнегером, трагическая гибель которого воспета в песне-легенде «Бийнегер», представляющей образец художественного творчества народа.

Полный драматизма сюжет разворачивается в рассказах героя и автора, перемежающихся диалогами между героем и другими действующими лицами. Рассказ от первого лица и диалог придают большую динамичность и драматизм описываемым событиям; конкретные повествовательные и описательные элементы органично переплетаются с изображением душевного состояния героя и преобладают над внесюжетными лирическими комментариями к происходящему.

И тут пришла печаль к сыну Гезоха.

— Посмотрев на четыре стороны, не увидел я оленя своего...

Тут объял меня с четырех сторон густой туман, словно черный дым,
Белый марал пропал, исчез из виду.

Пораженный, пробыл я некоторое время.

Стремление к конкретности, живости повествования отразилось и в яркости, образности языка, система изобразительных средств которого связана с бытом горцев. Например, богиня Фатима — легендарное, фантастическое существо — предстает в образе белого оленя; возлюбленная уподобляется всаднику. Лаконично и мастерски развивается сюжет: экспозиция изображает обстоятельства, вынудившие Бийнегера отправиться на поиски белого оленя (он должен достать лекарство для умирающего брата — молоко белого оленя); завязка легенды — встреча героя с богиней Фатимой в облике трехногого белого оленя; трудная опасная погоня за ней завершается кульминацией — проклятьем, произнесенным богиней; перипетии изображают осуществление проклятья, попытки спасти Бийнегера; развязка — смерть Бийнегера — дается очень скупыми и выразительными средствами:

Упал перед ней клочок волос с головы Бийнегера...

Упал оттуда, разбившись, словно ком начинки хычына.

Эпилог заключен в двух последних строках:

Высоко оказался дворец дочери Апсаты.

Так случилось с джигитом — сыном Гезоха.

Таким образом, сюжет легенды строится на столкновении страстного охотника Бийнегера с дочерью бога — покровителя оленей Апсаты — Фатимой, на столкновении человека со сверхъестественным существом, олицетворяющим все опасности охотничьего промысла в горах и неписанный закон разумного, а не хищнического пользования богатствами природы.

Конфликт носит своеобразный характер: обе сталкивающиеся стороны правы по-своему; ни одно слово в легенде не дает основания судить о преимущественной правоте той или другой стороны.

Фантастичен образ белого трехногого оленя, говорящего человеческим языком, но описывающий его Бийнегер стремится рассказать о богине словами из народного обихода:

И кончики копыт острые, словно шило.

Рога же острые, как вертел.

Гневные интонации характеризуют ее монолог-проклятье. Приподнятость и риторичность монолога обуславливаются тем, что он начинается ответами на вопросы Бийнегера, образующими своеобразный лексический повтор; пятикратное повторение императивных форм в каждой из пяти строк проклятья (да будет, пусть будет, да не смогут) снова создает однообразие интонации, звучащей заклинанием, и, наконец, в

последующих строках — рассказе Бийнегера об осуществлении проклятья — еще раз в несколько инверсированном виде повторяются слова богини. Такое композиционное и синтаксическое построение монолога богини так же, как и «чудеса», происходящие по ее воле, осуществление проклятья, — все создает возвышенный образ существа необыкновенного, с которым не под силу справиться смертному. «Высоко оказался дворец дочери Апсаты», — это единственная фраза, оброненная автором в эпиллоге; ни гнева, ни осуждения в ней нет. С большим сочувствием изображает автор Бийнегера — страстного охотника, убившего много оленей и тем навлекшего на себя гнев богини:

... — Ешь, пьешь — и не насытишься ты нашим мясом,
Преследуешь ты нас по уступам скал.

Это искусный стрелок («золотое ружье»), неутомимый и настойчивый в погоне за животными, находчивый в тяжелых условиях («Охотничий башлык комками снега набил я, эти комки снега вбивая, начал возводить лестницу. Взорбался по этой лестнице снежной на верхушку отвесной скалы».) Это преданный брат, страстный влюбленный. Попавший в беду охотник «ест мясо рук своих», кормит «мясом икр» собаку — верного помощника и друга. Это очень характерная деталь, она ярко раскрывает благородство героя, его способность к самопожертвованию. С тонкостью передана любовь охотника к жизни. Автор избегает ложной героизации. Все человечно в Бийнегере: его любовь ко всем радостям земным, его нежелание расставаться и с этим небом, и с этими скалами, и со своей любимой. Он не хочет умирать, даже страшится смерти и, не скрывая, говорит: «Не могу расстаться с жизнью».

Перипетии сюжета строятся на возрастающей градации различных попыток спасти Бийнегера («уловки и хитрости» людей из окрестных сел, уговоры и нарочитые угрозы брата), и, наконец, в ответ на мольбы возлюбленной он находит в себе силы броситься со скалы, предпочитая мгновенную смерть медленному и страшному умиранию, на которое обрекла его богиня. Мужество возлюбленной придает ему отваги, сила любви заставляет броситься в объятия смерти, ибо это раскрывает ему объятия его любимая.

Любовь побеждает страх перед смертью. Колебания Бийнегера, его боязнь самоубийства и победа над самим собой делают его образ глубоко человеческим, прибавляют неповторимые индивидуальные черты его характеру. Родившийся джигитом, в жизни и в гибели остается им Бийнегер.

Подстать ему его возлюбленная — самый близкий и дорогой ему человек: «Если она велит, прыгну со скалы». Развернутое красочное сравнение бегущей женщины с всадником передает ее мужественный и страстный характер.

В таком же духе выдержан и ее монолог (обращение к Бийнегеру), построенный на повелительных интонациях строк с повторяющейся глагольной рифмой (не задерживай-ка, не терзай-ка, завяжи-ка, швырни-ка, прыгни-ка). Но ее монологу побудительная частица «ка» придает разговорно-бытовую стилистическую окраску, смягчающую повелительные интонации, придающую что-то трогательно-молящее тону беззаветно любящей женщины, зовущей милого на смерть и поклявшейся умереть вместе с ним. Ей страшна возможность мучительно медленной смерти его, смерти без погребения, смерти, отдающей тело на растерзание воронам.

Героиня предстает перед нами как воплощение народного идеала женщины, предельно лаконично выраженного в поговорке: «Женщина — крылья мужчины». Достоинства ее — это прежде всего высокие душевные качества, делающие ее верной и мужественной подругой мужчины.

Брат Бийнегера — Умар, горцы из соседних селений — все эти люди сочувствуют Бийнегеру, пытаются помочь ему всеми средствами. Их всех объединяет чувство человеческой солидарности, они выступают как коллектив, чья общность возникает в совместной борьбе людей с силами суровой горной природы.

Едва ощутимые, но уже намечаются элементы протеста против воли сверхъестественных сил: воля людей и сила их чувств еще не могут одолеть силу божества, но люди пытаются сделать все, чтоб проклятье богини не сбылось. И оно действительно осуществляется не полностью: Бийнегер умирает мгновенной смертью, а не медленной, мучительной и позорной, как того хотела богиня.

Кроме отражения борьбы человека с силами природы в фольклоре развивается тема национально-освободительной и социальной борьбы — с наибольшей полнотой в историко-героических песнях. В них отразились и горечь судьбы маленького народа, с иронией замечавшего о своей малочисленности и беззащитности: «Помыслы наши выше Эльбруса, а сила наша и былинку не ломит», и мужество его несломленной души. Так звучат песни о борьбе с произволом крымских ханов («Ачей улу Ачезез»), о борьбе с горскими феодалами («Кара Мусса») и др. Самую большую группу песен, которую объединяет тема, характер конфликта, приемы разработки героического характера, составляют так называемые песни о набегах. Это старинные песни «Татаркан», «Джандар», «Ильяс», «Батыр Басханук», «Заурбек», «Салимгерий», «Сарыбий и Карабий», «Кайсынла» и др. В этих песнях предметом воспевания становятся сила и храбрость, доблестное поведение героя в бою за интересы рода, племени, селения, в бою за интересы обиженного против обидчика. В своих нравственных оценках песня никогда не снижается до оправдания набегов

на соседей, если даже они предпринимаются «своим» феодалом, либо просто своим соплеменником. Как справедливое возмездие за попытку взять пленников для продажи в рабство, угнать скот у соседей рисуют песни «Июерди», «Чёпеллеу», «Ильяс» и др. бесславную гибель тех, о ком сложены эти песни.

Образцом песни, воздающей хвалу уму и отваге простого горца служит песня «Татаркан» из этого цикла. Татаркан из фамилии Богатыревых, уроженец селения Учкулан не был дома, когда на его соплеменников напали кызылбеки¹, взяли в плен его людей, среди них и молочную мать Татаркана, угнали скот. Татаркан узнав об этом, собирает людей, бросается в погоню. Настиг он врагов на другом берегу реки Дуут. Татаркан проявляет здесь выдержку и находчивость. Молочная мать Татаркана дает ему понять, что кызылбеков несметное количество, указывая на волосы на своей голове. В ответ на это Татаркан показывает на свои волосы и на бороду: нас, мол, еще больше. Татаркан укрепляет на голове чырак (букв. свеча, лучина) и в ночной темноте переплывает реку, чтобы укрепить на противоположном берегу второй конец аркана, сплетенного из множества джантау (ремень из сыромятной кожи — А. К.), чтобы помочь переправиться своим воинам; он подает условные сигналы, подражая сорочьему крику.

Застав врагов врасплох. Татаркан освобождает людей, отбивает скот. Песня прославляет богатырскую силу, храбрость и мужество Татаркана и осуждает трусость и предательство князя Иммолата, который оставил Татаркана и повернул назад с половины дороги. Песня очень конкретна в названиях мест, где произошли эти события, в стремлении сохранить имена действующих лиц, окружить их бытовыми деталями и приметами, характерными для жизни беспокойной, полной тревоги за завтрашний день — жизни людей в условиях племенных и феодальных распрей. Песня, например, называет высоту Нахыт, где установлены «три шеста» — сигнал бедствия, тревоги; реку Дуут, местность Схауат; называются друзья, боевые помощники Татаркана — Байчагар, сын Мука и др. Нелестными эпитетами награждаются в песне представители знати: Иммолат — «красноштаный», «выряженный»; под ним и конь пал, на ногах у него и чарыки порвались, такой он князь! Отличность Татаркана подчеркивается набором бытовых деталей: он узнает о вражеском нападении по бараньей лопатке; он не любит медлить, не теряет времени, когда надо постоять за соплеменников — поэтому, не в пример князю Иммолату, мнет кожу и шьет себе чабыры в пути, не прерывая погони, и многое другое. Песня, таким образом, создавая героический образ, в то же время окружает его неповторимыми деталями, создает исторически конкретный фон. Эта песня свидетельствует о незаурядном таланте ее создателей.

В песнях более позднего происхождения звучит протест против всей системы национального и социального гнета («Кара-Мусса», «Канамат»).

¹ Так называли карачаевцы одно из соседних племен.

Царская администрация поддерживает горских князей, удовлетворяет их искания, а для народа царизм «горы в стальные кандалы скрутил», преследует ставших на защиту свободы и человеческого достоинства мятежных абреков, вынуждает их «ночью волками, днем собаками бродить».

Ждут бедняки дня, когда «дни насилия царизма отойдут», когда настанет время «закона, правого суда».

Из глубины сердца идут слова народного героя Канамата, ставшего жертвой царской администрации:

Ах, увидеть бы жизнь свободную,
Вырвавшись из-под насилия царя,
Ах, увидеть бы нам жизнь с законом, либо с правым судом.

«Песня о Канамате» — это плач народный по невинному человеку, погибшему из-за произвола царской администрации и корыстолюбия ее продажных слуг — аульных старшин и писарей.

В центре песни — рассказ о Канамате, которого схватили как абрека и бросили в тюрьму. Бежав из тюрьмы, он с товарищами скитался в горах. Надеясь доказать свою невинность, Канамат возвратился в аул, чтобы написать и подать прошение, но был выдан предателем, жаждавшим получить награду, деньги, — и убит.

Рассказ автора перемежается здесь прямой речью Канамата, Касбота, Хубиева, Гюлиева что вносит элемент драматизма. Вещий сон Канамата сбывается в конце песни и представляет своеобразную развязку.

...Касбот, брат мой, видел я сон, предвещающий смерть нам...
Ой, Касбот, вещим оказался сон мой...

Сюжет обрамлен лирическим монологом-плачем, прославляющим героя, проклинаящим его убийц, изливающим скорбь народа. Звучат здесь традиционные причитания:

Есть ли кто на свете несчастнее тебя?
Нет сестры — закрыть глаза твои,
Нет матери — оплакать тело твое,
Нет отца — поминки справить по тебе.

Конкретность фактического материала подчеркивается названиями места действия и именами. Излагается материал лаконично; сюжет развивается без отступлений; вся система изобразительных средств свидетельствует о страстной, непримиримой ненависти народа к угнетателям и предателям, продающим свою совесть («женокподобный» Гюлиев, «разодетый, как кукла», «ластится, как лиса»; «Кочкаров, убив

Канамата, получил чины, жалованье, за кровопийство навешивает медали»; они сотворили «собачье дело».

Здесь нет сознания необходимости активной социальной борьбы. Протест способен выразиться лишь в беспощадном нравственном осуждении или в личной мести.

В бытовых песнях — любовных, колыбельных и других отразились различные стороны народной жизни. О взглядах на семью, любовь, человеческие взаимоотношения говорят такие песни, как «Акбийче и Рамазан», «Белая Батай». Они воспевают верность в любви, силу чувств. Драматизмом окрашены мотивы социального неравенства в любовной песне. Изобразительные средства — простые и яркие, эмоционально насыщены. Здесь есть и лирика, и патетика, и сатира, и юмор...

Между фольклором и письменной литературой стоит творчество талантливых индивидуальных творцов, поэтов, таких как Касбот Кочкаров (Багыр улу), Аппа Джанибеков, которые в своих песнях осуждали несправедливость, защищали интересы простого горца. Если Кочкаров дает развернутое описание взаимоотношений угнетающего и угнетаемого человека («Гапалау», «Джандар», «Дебош»), то Джанибеков отражает эти же взаимоотношения в сатирическом плане, создает песни-эпиграммы, подвергая осмеянию и осуждению социальное зло, пороки и недостатки людей («Джёрме», «Къош нёгерле»).

Касбот Кочкаров (1834—1940)

Творчество старейшего джырчи, народного поэта Карачая Касбота Кочкарова приходится на вторую половину XIX и первую — XX вв.

Родился Касбот в а. Учкулан в бедной крестьянской семье. С семи лет посещал школу, где учили читать коран. С ранних лет проникся любовью к устным народным произведениям, знал множество народных песен и мастерски исполнял их. С двенадцати лет начал сам слагать стихи, песни. К числу лирических произведений К. Кочкарова относятся «Песня табунщика», поэмы «Хорасан» и «Айджаяк», инары «Хочу стать зятем», «Это ли предлагаешь ты мне?»

Айджаяк¹

Айджаяк! Этот пестрый платок,
Лебединую шею обвив,
Твою грудь превращает в цветок
И пьянит ароматом любви.

¹ Айджаяк (карач.) — Лунолика.

Если мать табуна не поймать —
Это рода высокого знак.
Я знавал твою гордую мать —
Краше всех своих сверстниц она.

Неужель ты, лошадка моя,
Стройной ножкой минуешь тузак¹?
Мне бы крылья, и я Айджаяк
Увлеку, куда смотрят глаза!

Ойра, все допекают меня:
— Истрепал ты свой верный аркан!
— Истошил ты лихого коня!
Ойра, жизнь! Ты не так уж легка...

Жеребята резвятся в горах,
И ничто не уймет их игру.
Твоя мать стала б тещей вчера,
Если б недруги смолкли вокруг.

Знаю, ищешь ты сердце и дом,
Это все ты найдешь у меня.
А отвергнешь — тоскуя потом,
На себя, дорогая, пеняй.

В ночь весеннюю мать табуна
Жеребенка-красавца родит.
Красивей Айджаяк, что у нас,
В целом мире, попробуй, найди!

Нет длинней и волнистее кос
Черноокой моей Аджаяк.
Всех других обгоняют легко
Молодые ее сыновья.

Айджаяк! От коварных людей,
От тревожных, нерадостных дум

¹ Тузак — плен, путы.

Мы с тобой не спасемся нигде,
Не вернувшись к себе в Теберду.

Там, на горке, за шумной рекой,
Синекрыший я выстроил дом.
В нем, поверь, и уют, и покой,
И счастливую жизнь мы найдем.

Мне бы лестницу в небо — и я
Злую тучу в клочки б растерзал!
Мне бы крылья, — и я Айджаяк
Увлеку, куда смотрят глаза!

О тебе я мечтаю всегда.
Я от жизни спокойной отвык,
Но умчать на руках тебя в даль —
Сил моих не хватает, увы!

— Ой, Касбот! Ты всех нас не глупей,
Скакунов твоих вихрем зовут,
Твоей шубы добротен курпей,
Да влюбился, чудак, во вдову!..

Зной пылает в моей голове,
Одолел мое сердце недуг.
Ветер! Свежестью мысли обвей!
Воды! Смойте с земли Теберду!

Даже в спящем ущелье дичь
Чутко дремлет в ночной тишине.
Пусть колотится сердце в груди, —
Ты не станешь женой моей, нет!..

Износился твой пестрый платок,
Стынет желтым листом на груди
Жалок стан, как увядший цветок,
Мое сердце «люблю» не твердит.

Из карачаево-балкарских нартских сказаний¹

Как Ёрюзмек стал вожаком нарттов

Нарты были богатырями, меткими лучниками, зоркими охотниками и выносливыми пастухами. Каждый нарт был равен другому нарту, они жили единым обществом и не признавали над собой ничьей власти.

У нарта Схуртука был сын, тоже Схуртук, и у этого еще не старого воина был мальчик по имени Ёрюзмек. С детских лет Ёрюзмек стал вожаком своих сверстников. Во всех играх, забавах и состязаниях он оказывался самым ловким и сильным. Взрослые люди о нем говорили: «Настоящий нарт получится из этого мальчугана!».

Однажды, когда дети играли посреди селения, увидел мальчик Ёрюзмек, что все жители направляются куда-то в одну и ту же сторону. Один ведет барана, другой несет половину копченой бычьей туши, третий — кувшин с буюю. Женщина с изможденным лицом держала что-то съестное в шербатой посуде, а за ней бежали ее дети, мал мала меньше, и кричали: «Есть хотим, дай нам чего-нибудь, о мать!».

Ёрюзмек удивился: «Есть у этой женщины еда, а дети ее голодные. Дурная она мать, что ли?»

Ёрюзмек оставил своих сверстников и побежал за толпою, догнал ее и пристал к людям с вопросами. Белобородый старик, державший в руке большой ломоть сыра, сказал мальчику:

— Разве ты не знаешь, Ёрюзмек, что пришла пора платить дань рыжебородому, красноликому Фуку. Этот жестокий, криводушный бог живет на небе, но любит дары нашей земли.

Ёрюзмек опечалился недетской печалью. Несправедливость обожгла его сердце. Он покинул игры, он удалился от сверстников. Дети и подростки бегали взапуски, метали камни, играли в альчики, боролись, состязались в ловкости и силе, а Ёрюзмек бродил по нартскому селению, погруженный в невеселые думы.

— О чем ты думаешь, Ёрюзмек, о чем печалишься? — спросили его старики. И услышали ответ:

— Почему, храбрые нартты, непобедимые богатыри, не признающие над собой ничьей власти, с трепетом и унижением платят дань

¹ Нартские сказания даны в переводе Сергея Липкина.

красноликому Фуку, богу с трусливой душою и козлиной рыжей бородой? Я не успокоюсь до тех пор, покуда не сделаю нартвов свободными, а если не сделаю, то значит, я — не нарт Ёрюзмек!

Родители и родичи со слезами на глазах уговаривали мальчика выкинуть из головы опасные мысли. «Если Фук узнает о том, что ты ему враг, он сотрет всех с лица земли», — говорили они в страхе.

Но мальчик стоял на своем:

— Не буду я сыном нартского рода, если не обезглавлю трусливого, красноликого, рыжебородого Фука!

Слова мальчика пристыдили нартвов. Они собрались на свой богатырский сход, на ныгышы, и порешили:

— Не будем больше платить Фуку дань, унижающую душу нартвов!

А надо сказать, что в тот день, когда полагалось нести дань криводушному богу, рыжебородый Фук опускал в установленном месте с вечно синего неба огромные котлы на железных цепях и нартвы наполняли котлы мясом, зерном, сырами, бузой. На этот раз они наполнили котлы камнями.

Грохоча, опустились котлы на небесную твердь, и рыжебородый Фук увидел вместо вкусной еды холодные камни нартских гор.

* * *

Заскрипел он зубами, обидой объятый,
Борода его рыжая стала лохматой,
Он сказал: «Обреку непокорных страданию,
Обложу вас невиданной, тяжкою данью.
Мне теперь не сыры, не копченые туши, —
Принесете живые и юные души:
Я джигитов потребую, силой известных,
Я потребую девушек самых прелестных!

От меня вы дождетесь неслыханной кары:
Уничтожу я бурей ваши амбары,
На поля я низвергну губительный град,
От жары все отважные нартвы сгорят.
В негасимом огне я сожгу каждый дом,
Затоплю вашу землю кровавым дождем.
Иссушу нартский род зноем долгим и жгучим,
Всё, что дышит, цветет, — станет пеплом летучим!»

Услыхав те угрозы, собрался на сход,
На великий ныгыш нартов доблестный род.
Были нарты в печали, понять не умея:
Кто защитой станет от бога-злодея?
Порешили: «На сход Сатанай позовем:
Эта девушка ясным сверкает умом!»

Сатанай на ныгыш прибежала бегом:
«Пред каким вы трепещете грозным врагом?»
К старикам обратилась: «Откуда тревога?»
Говорят старики: «От жестокого бога.
Хочет Фук истребить нартский род, нартский край.
Ты умна, Сатанай. Дай совет, Сатанай!»

Сатанай — им в ответ: «Вот хороший совет.
Пусть и панцирь, и меч изготовит Дебет,
Чтобы меч не сумел их рассечь, а стрела
Чтобы эти доспехи пробить не смогла.
Пусть отравой змеиной он стрелы отравит,
И тогда-то их в цель меткий лучник направит.
Нартский меч пусть любого врага обезглавит,
А стрела пусть гранитный утес окровавит.
Соберитесь вы в Нижнем Селении вкруг.
Из земли извлеките воздушный бурдюк,
И в гнездо, где находится Фук криводушный,
Ёрюзмека доставит бурдюк тот воздушный,
И увидев его, и узнав о беде,
Фук, живущий на небе в орлином гнезде,
Заскрежещет клыками, как вепрь туполобый,
И мешки под глазами разбухнут от злобы,
Вспыхнут искры от скрежета этих клыков,
Хлынут слезы из этих набухших мешков.

Вступят воин и бог в поединок смертельный.
Рухнет крепость-гнездо в синеве беспредельной.
Загорится от взмахов мечей небосвод,
Гордой удалью нартский прославится род.
«Меч бессилён, — подумает Фук в содроганье. —
Не вонзить ли мне в недруга зубы кабаньи?»
Но тогда пусть придет супостату конец
От меча, что сработал для нартов кузнец:
Ёрюзмок обезглавит жестокого бога,
И покинет селения нартов тревога».

Златоликий Дебет, чтоб врага превозмочь,
В горской кузне оружие готовил всю ночь,
А потом напоил его ядом змеиным.
Нарты двинулись в путь с устремленьем единым,
Землю вырыли воины в Нижнем Селенье, —
И воздушный бурдюк извлекли в удивленье.
Ёрюзмек на воздушный уселся бурдюк,
Полетел к облакам, где свирепствовал Фук.

Наконец он увидел орлинную крепость,
Где таилась жестокого бога свирепость.
Меткий лучник стрелу выпускает из лука,
Пробивает стрела крепость злобного Фука.
Фук из крепости вылез, почуяв испуг.
Человека на небе увидел он вдруг!

«Я зовусь Ёрюзмеком. На небо я прибыл
Ради схватки смертельной, тебе на погибель.
Будет ныне за нартские слезы расплата:
Я тебя обезглавлю сегодня, проклятый!
Хошечь — стрелы теперь станут нашим оружием.
Хочешь — силу и ярость мечей обнаружим.
Но воителям храбрым не надобны стрелы:
Лишь мечом побеждает могучий и смелый».

Два меча заблестали — две молнии жгучих.
Стала крепость шататься в испуганных тучах.
Удлинявшийся меч Ёрюзмек с размаха
Твердь небесную делал добычею праха.
Долго бился с отважным противником Фук, —
Выпал меч у жестокого бога из рук.
Он подумал: «Зубами его загрызу,
И мне станут покорны людишки внизу».
Но его обезглавил мечом Ёрюзмек.
Ярость злобного бога погасла навек.

* * *

О гибели бога, враждебного людям,
Есть еще одна быль, — и ее не забудем.

Как Ёрюзмек убил красноликого рыжебородого Фука

Ёрюзмек, сын Схуртука, — всех нартвов глава.
Обладал он отвагой и силою льва.
Был он рода простого, но, правдой ведом,
С детских лет он становится нартским вождем.
Большеглазый, с усами, что цвета каштана,
Верный слову и враг лицемерья, обмана, —
Вот каков Ёрюзмек, этот нартский уздень!¹
В детстве много невзгод он терпел каждый день,
И он понял, что самая тяжкая мука —
Безграничная власть красноликого Фука,
Что для нартвов страшней притеснителя нет!
Стал он с Фуком бороться с двенадцати лет,
А с двенадцати лет мальчик стал чабаном.

Фук приехал на пастбище, вспомнив о нем.
«Дай баранов!» — потребовал у мальчугана.
Ёрюзмек ему выбрал худого барана.
Поднялась красноликого Фука рука,
Дважды плетью своей он огрел смельчака,
И увел он двенадцать баранов из стада,
И решил мальчуган: «Отомстить ему надо!»
Глубоко, до поры, он таил свою месть,
И росли его сила, бесстрашие и честь.
Сатанай многомудрую выбрал он в жены,
Рассказал ей однажды, врагом возмущенный:

«Фук приехал, внезапно и злобно нагрянув,
У меня он потребовал много баранов.
Я и выбрал худого, притом — одного,
Отказался жестокий мой враг от него,
По спине отхлестал меня плетью сердитой,
А на пастбище прибыл он с дьявольской свитой,
Был я молод, ему я казался в забаву,
Учинил надо мной, над мальчишкой, расправу,
Он двенадцать баранов увел у меня, —

¹ Уздень — вольный крестьянин.

Не забуду я этого черного дня!
И язвит он, и жалит меня, краснолик,
И насмешками жарит меня, как шашлык.
Не прошу красноликому Фуку обиду, —
С нартской местью на битву с противником выйду!
Скачет Фук на свирепом и сильном драконе,
А его не догонят ни ветры, ни кони:
Как рассердится, пламя взметнется в глазах,
Как встряхнется, — обрушит утесы в горах!»

Ёрюзмеку совет подала Сатанай:
«Чтобы месть совершить, в камыши ты ступай.
Там живет алмосту¹, безобразна лицом,
Каждый день она зайца съедает живьем.
Яму вырой глубокую в тех камышах,
Вслед за зайцем направь свой внимательный шаг,
И поймав, привяжи возле ямы косога.
В той же яме ты спрячься до часа ночного.
Как придет алмосту, — ты ее задуши,
И чудовища шкуру надень ты в тиши,
И ступай к завидущему Фуку в сарай,
Там его ты схвати, там его покарай!»

Принял этот совет Ёрюзмек и в тиши
Осторожно отправился в те камыши.
Там он выкопал яму, — упорный, упрямый,
Там и зайца поймал, привязал возле ямы
Да и спрыгнул, и спрятался в яме глубокой.
Стал высматривать чудище нарт сильноокий.

Всюду рыскало чудище сквозь темноту, —
Запах зайца почуяла вдруг алмосту,
И на зайца набросилась, жадная, сдуру, —
Тут возник Ёрюзмек и содрал с нее шкуру!

Облачившись в ту шкуру, пошел он в сарай,
Поступил, как велела ему Сатанай.
Он в сарае засел, у врага во дворе.
В свой сарай понаведался Фук на заре, —
Тут схватил его нарт, полон силы великой,

¹ Алмосту — мифическое существо в образе уродливой женщины.

И утратил сознание Фук красноликий,
В прах зарылось багряного цвета лицо.
Золотое, с печатью, носил он кольцо, —
Ёрюзмек снял кольцо, что так ярко лучилось,
Рассказал Сатанай обо всем, что случилось...

Вместе с джинами¹ двигался Фук красноликий,
С нартов дань собирал он по праву владыки:
Каждый год шестьдесят изобильных столов,
Столько ж валухов, столько ж коров и волов.
Ёрюзмек, рассердившись, затеял с ним спор:
«Тяжкой дани от нас не возьмешь с этих пор.
Много нартам принес ты невзгод и страданий,
Нартской клятвой клянусь: не получишь ты дани!»

Ёрюзмек был могуч, хоть незнатной породы.
Перед ним, красноликий и рыжебородый, —
Перед гневом его грозный Фук трепетал.
Коль хотел Ёрюзмек, то по небу летал,
Разгонял, словно ветер, небесные тучи,
Рассекал он булатом гранитные кручи,
В сердце скал прорубал он ворота с размаху.
Фук не выдержал, скрылся на небе со страху,
В жажде мести раскрыл он со злобою рот,
Проклиная весь нартский воинственный род:
«Пусть не выпадет с неба ни капли воды,
Пусть сожжет солнце мира поля и сады!»

Как сказал — так свершилось. Горела земля.
От жары высыхали сады и поля.
Без воды на лугах погибали стада,
Перестало живое родиться тогда,
От беременных женщин, кобыл и овец
Ничего не рождалось. Иль скоро конец?

Нарты думают думу: «Как биться со злом?
Ёрюзмек, — решили, — мы к Фуку пошлем».

.....
.....
.....

¹Джины — духи, в данном случае — злые.

И взлетел Ёрюзмек на заоблачный свод.
В то гнездо, где — он знал — красноликий живет.
Он воскликнул: «Твой день да прибудет благим!
Слушай, Фук, помириться с тобой мы хотим.
Как покинул ты нас, — солнце землю спалило,
Ни одна жеребиться не хочет кобыла,
Ничего не растет, — ни цветок и ни колос,
И в селеньях младенца не слышится голос:
Перестали-то женщины наши рожать!
Долго ль будешь ты нартский народ обижать?
Да, не знаешь ты горя, однако, взгляни,
Как страдает народ в эти трудные дни!»

Фук отвечал нарту: «Будь проклят вовек.
О, пусть день твой пребудет плохим, Ёрюзмек!
О, на трупе твоём пусть воссядут орлы!
Я бежал от тебя до заоблачной мглы,
Ты не дал мне приюта на тверди земной,
Ты не дал мне господства над нартской страной!»

Так ответив, на землю глаза он уставил.
Вынул меч Ёрюзмек и его обезглавил.
И тогда супостат покорился безглавый,
До полудня в тот день лился ливень кровавый,
Но полился потом чистый дождь, свежий дождь, —
В сердце нарта умножил он радость и мощь.
Стала ярче земля, плодороднее, чище.
Ёрюзмек находился в небесном жилище,
Но воздушному, преданному скакуну
Сатанай приказала взлететь в вышину.

Гром гремит — Ёрюзмек на воздушном коне
Приближается к нартской желанной стране.
От насилия Фука людей он избавил,
И его нартский род благодарно восславил.
Он боролся со злом на просторе земном,
Нарты песню такую сложили о нем:

«Ёрюзмек был свободный уздень,
Он трудом начинал каждый день,
Ни пред кем не склонялся вовек...

Кто же все-таки был Ёрюзмек?
Он родился в горах среди скал,
На равнине он рос и мужал,

Супостатов рубил, полон сил, —
Так рубил, будто сено косил!
Карглаз, а усы — что каштан.
Богатырский у всадника стан
И каракуля брови черней.
Был он в клятве — гранита прочней.
Враждовал с хитрецом и лгуном,
Волчья шуба в накидку на нем.
Нужно ль место почета ему?
Там сидеть неохота ему!

Если пуля иль сабля сверкнет,
Он и глазом тогда не моргнет.
Незнаком он с двуличием был,
А знаком он с величием был.
Был прославлен коня его бег...
Кем же все-таки был Ёрюзмек?

В удалом нартском войске густом
Он казался железным шестом.
Каждый сказ о нем птицей парил, —
Был он сам, как орел, мощнокрыл,
Был он молниевидным огнем, —
Богатырь на коне вороном!»

Ёрюзмек и старый эмеген

Однажды нарты, собравшись на свой богатырский сход, заметили, что Ёрюзмек печален. Сидит, потупив седеющую голову, молчит. Хотели нарты спросить его о причине печали, да не решались, ибо уважали гордого богатыря, своего предводителя. Наконец Сибилчи, брат Сосурука, осмелился обратиться к Ёрюзмеку с вопросом:

— Почему ты печален, богатырь, почему хмуришься? Что тревожит тебя? Не заболел ли ты?

Ёрюзмек сказал:

— Давно уже гостит у меня старость, приближается день моей смерти. Но покуда я живой, а не мертвый, хочу, как в былые счастливые времена,

отправиться в путешествие, посмотреть на бесконечный мир. А печален я потому, что и странствий я жажду, и умереть на чужбине боюсь, вдали от нартов.

На другой день Ёрюзмек повеселел. «Хотя я стар, но я — нарт», — подумал он. Эта дума дала ему силу жизни, он оседлал коня, отправился странствовать. Долго ли, коротко ли скакал он по дорогам земли, а встретился однажды с одноглазым эмегеном, самым старшим из рода одноглазых. Эмеген пас на лугу козье стадо. Недобрым светом мерцало его око посередине лба. Ёрюзмек приветствовал эмегена так:

— Добрый день, сырой живот!

Эмеген, не обидевшись, спросил:

— Эй, хитрец из рода людей, чего ты бродишь по свету, для чего путешествуешь?

— Я из рода людей, но я не хитрец, — возразил Ёрюзмек. — Не опасайся меня.

Тогда эмеген кликнул самую старую козу, велел ей пасти стадо и вечером пригнать его в пещеру, а сам он повел всадника из рода людей в эту пещеру, в свое жилище.

Два дня угощал эмеген Ёрюзмек сырым, тухлым мясом. Всё время он проводил с гостем, только раз в сутки на луг наведывался, проверял, хорошо ли коза пасет стадо.

На третий день, возвратясь с пастбища, увидел эмеген, что погас в очаге огонь. Он сказал Ёрюзмеку:

— Вы, хитрецы из рода человеческого, находчивы. Разведи огонь, на это вы, люди, мастера.

— Когда я был молодым, — сказал Ёрюзмек, — а очаг, бывало, погаснет, мы разводили огонь так. С корнем вырывали из земли сосну, ставили ствол под солнце полудня, вспыхивала искра, и ее-то мы и превращали в пламя. А то поступали и так. Из лука пускали в небо стрелу, стрела вонзалась в звезду, та падала на землю, разбрасывая искры, — и мы добывали огонь для очага. Теперь я состарился, такие дела мне не под силу, придумаю что-нибудь другое, полегче.

— Придумай, придумай, хитрец из рода людей, — взмолился одноглазый. — Если не придумаешь, то как я буду жить без огня?

Рядом с пещерой стояла скала. Ёрюзмек ударил ее топором и оторвал от скалы осколок. Затем он вышел из пещеры, но быстро вернулся с ворохом веток и сухих листьев. Сложил он листья и ветки возле скалы, а потом ударил скалу осколком с такой силой, что посыпались искры. Одни искры улетели на небо и превратились в звезды, другие упали на ворох сухих листьев и веток. Вспыхнул огонь.

— Хитер ты, человек, — обрадовался эмеген. — Теперь будет огонь в очаге, мясо сварим. А не сварить ли и тебя заодно?

Ёрюзмек не ответил на эти слова. Он спокойно развел огонь, повесил чугунок, варить стал мясо. В это время старая коза привела стадо в пещеру. Ёрюзмек сказал эмегену:

— Пока мясо варится, расскажи, как живут эмегены.

— Почему не рассказать? — согласился старший эмеген. — Слушай же. Мы не похожи на вас, на людей, нам не нужна одежда, нас греет собственная шерсть. И дома нам не нужны, мы живем в пещерах. И кровати нам не нужны, трава — наша подстилка, камень — подушка. Если заболит эмеген, то мы поим его горячей человеческой кровью: это наилучшее для нас лекарство. Хорош и густой навар человечины. Раньше нам жилось легко, привольно. Но с тех пор, как вы, людишки, научились владеть мечом и метать стрелы, житья нам от вас не стало. Многих из нас вы уничтожили, и во всем нашем эмегеновом роду, чья жизнь долга, самым старшим оказался я.

— Сколько же лет живут эмегены? — спросил Ёрюзмек.

— Триста лет — срок эмегеновой жизни, — отвечал одноглазый. — Но многие не дожили до своего срока, поубивали их нарты, кто мечом, кто стрелой, кто хитростью, а возглавил нартов один человек по имени Ёрюзмек. И вот я оказался самым старшим из эмегенов, а ведь мне еще и двухсот лет не исполнилось.

— Вправду ли Ёрюзмек так силен и отважен, как о нем говорят люди? — спросил Ёрюзмек.

— И силы в нем немного, и не храбрее он других. Только хитер этот враг эмегенов, хитер, человек двухглазый!

Мясо сварилось. Жадный эмеген сам съел все мясо и, насытившись, уснул. Ёрюзмек решил остаток сырого мяса на вертеле зажарить. Посмотрел он на спящего эмегена и увидел, что единственный глаз чудовища не смыкается, налился красной кровью. Ёрюзмек схватил горячий вертел и вонзил его в красный глаз эмегена. Эмеген взвыл от боли: он ослеп. В ярости стал он шарить лапами, искать в пещере среди своих коз Ёрюзмек, но тот притаился в дальнем углу пещеры, не дышал. Тогда лишенный единственного глаза эмеген крикнул голосом бессильной злобы:

— Так я и думал с самого начала, что ты — Ёрюзмек! Но ты отнял у меня единственный глаз, а я отниму у тебя жизнь. Поймаю тебя, сварю, а наваром буду лечить ослепший глаз, исцелит меня твоя жаркая кровь!

Эмеген, прислонясь к входу в пещеру, слегка раздвинул свои поросшие лохматой шерстью ноги и стал выпускать на волю коз, прижимая их на мгновение коленями и ощупывая их головы. Но разум человека был выше хитрости чудовища. Ёрюзмек быстро потащил в дальний угол старую козу,

содрал с нее бесшумно шкуру, влез в эту шкуру и прошел между коленями эмегена. Ощупал эмеген козу, выпустил ее. Поняв, что коза — последняя, эмеген завалил вход в пещеру огромной скалой и стал шарить по земле лапами, искать Ёрюзмек: разве знал он, что Ёрюзмок уже на воле? И вдруг снаружи донесся до эмегена голос человека:

— Не ищи меня, старший из эмегенов, в пещере, ищи меня на воле!

Эмеген отвалил от входа в пещеру скалу, вышел. Давно рассвело, но для него кругом была кромешная ночь. Он сказал тоскливо:

— Ты ослепил меня. Что дальше думаешь делать?

— Я хочу истребить всех эмегенов, — сказал старый нарт. — Ты — враг людей, но скажи прямо, кто сильнее: мы, людишки, наделенные умом и душой, или вы, эмегены, наделенные алчностью и глупой силой?

— Вы, людишки, сильнее, — услышал Ёрюзмок ответ слепого эмегена. — Но если ты наделен умом и душой, то сделай так, чтобы и я дожил до предела эмегеновой жизни, и чтобы ты стал еще сильнее. Есть в моем стаде черная коза. Зарежь ее и намажь свои глаза кровью ее сердца. Если ты это сделаешь, то твоим глазам откроются все недра, все сокровища земли. А потом вытащи желчный пузырь козы и положи его на козью шкуру. Я намажу свой глаз козьей желчью и прозрею.

Но человек хитрее эмегена. Не кровью козы, а ее желчью намазал Ёрюзмок свои глаза, глянул на землю, — и глубины ее открылись его взору. А желчный пузырь козы он наполнил ее кровью и положил пузырь на черную козью шкуру. Эмеген нащупал мохнатыми лапами козью шкуру, нашел желчный пузырь и кровью из пузыря намазал свой единственный незрячий глаз. Страшную боль почувствовал эмеген, он стал кричать, метаться, биться лбом о скалу у входа в пещеру. Потом, немного успокоившись, сказал:

— Ты перехитрил меня, хитрец из рода людей, храбрый нарт Ёрюзмок. Если даже ты не убьешь меня теперь, то я все равно умру, не достигну предела эмегеновой жизни. Но смотри, каков я, заплачу тебе добром за зло. Вытащи кишки из чрева тобою зарезанной козы. Один конец кишок привяжи к себе, другой — к рогам черной козы. Тогда все козы моего стада пойдут за тобой.

Ёрюзмок привязал один конец кишок к рогам мертвой козы, а другой не к себе, а к дереву. Дерево начало скрипеть, и эмеген захохотал, стал бить себя по мохнатым бедрам, он решил, что не дерево скрипит, а храбрый нарт ноет, плачет, жалобно вздыхает. От этой злобной радости эмеген даже запрыгал, — забыл, что он слеп, — и сорвался со скалы в пропасть, разбился насмерть.

Так самый храбрый из богатырей уничтожил самого старшего из эмегенов, а его козье стадо погнал в селение нартвов.

Сосурук и Сибилчи

Однажды Сибилчи, младший брат Сосурука, сказал ему:

— Хотя бы раз взял ты меня с собою в поход! Я ничего не боюсь, а ты научишь меня стойкости и разуму.

— Хорошее желание, — похвалил брата Сосурук. — Хорошо, что ты ничего не боишься. Отправимся в поход.

Вот и поехали: Сосурук, его младший брат Сибилчи и еще воины, а всего девять нартвов. Ехали долго. Миновали дремучие леса, переплыли через бурные реки, одолели скалистые горы, спустились в долину. Увидели черный холм, от которого несло зловонием. Сосурук во главе отряда подъехал к черному холму. Оказалось, что это был эмеген, отдыхал он в долине. Волосы на спине и на груди — словно колючки на стволе терновника; усы — как кусты шиповника; над носом — два глаза, но смотрят на мир они попеременно: один видит все только днем, другой видит все только ночью; длина рта — в пять обхватов; зубы — как ломы железные; изо рта вырывается зловонное дыхание, которое гнет деревья к земле.

— Салам, — сказал Сосурук эмегену.

Эмеген посмотрел на него своим дневным глазом, ответил на приветствие и пригласил нарттов к себе в гости. Из долины, следуя за эмегеном, попали нарты в ущелье, где было жилище эмегенов — пещера. Эмеген повесил возле пещеры над огнем девять котлов, в каждый котел положил угощение: мясо черного зубра, огромного, как курган в степи. Когда мясо сварилось, вернулись с охоты другие эмегены. На их мохнатых плечах были туши убитых ими туров, зубров, маралов. Эмегены обратились к нартам с надлежащим приветствием, сели за трапезу. Присели и нарты.

Девять дней угощались нарты, девять дней длились повести о необычайных делах, — то нарты рассказывали, то эмегены. На десятую ночь старший из эмегенов сказал:

— Теперь, сыны нарттов, настала ваша очередь нас угощать.

Сосурук ответил:

— Если бы мы были у себя, в родном селении, то устроили бы пир в вашу честь, зарезали бы скот, угостили бы вас, эмегенов, на славу. А здесь что зарежем?

— Лошадей ваших, — предложил старший эмеген. — Мы любим конину.

Понял Сосурук, что с эмегенами спорить сейчас не приходится. Стали нарты резать и свежевать коней. Когда всех коней съели, Сосурук крепко призадумался. А эмегены:

— Почему сидите, сложа руки? Настало время ужина.

— Всех лошадей съели, а другого скота у нас нет, — напомнил Сосурук.

Старший эмеген ответил:

— Не беда. Нет скота — есть люди. Мы и человечину едим, нет мяса вкуснее человеческого. самого младшего и зарежем для начала, — и эмеген показал на Сибилчи.

Старший эмеген, весело мурлыча, словно кот какой, пошел в пещеру и принес оттуда нож из красной меди, длиною в пять вершков, шириною в три вершка, и стал его точить на точильном камне. Рядом с точильным был камень, на котором свежевали скот. Туда-то и потащили Сибилчи два эмегена, связав руки и ноги молодого нарта веревками, свитыми из шкуры зубра. Сосурук краем глаза поглядывал на несчастного Сибилчи: не поддается ли страху младший брат? Он сказал ему на языке нартов:

— Успокойся, Сибилчи, не дрожи, не надо бояться.

А Сибилчи:

— Как тут не бояться, когда тебя съест хотят, когда тебе связали руки и ноги, когда тебя бросили на камень, на котором тебя зарежут?

— Вот и не говори впредь, что ничего не боишься, — поучал младшего брата Сосурук. — Много на свете может внушить страх богатырю.

Старший эмеген, наточив нож, приблизился к жертве, к дрожащему Сибилчи, но Сосурук остановил его:

— Не спешите, почтенные эмегены. Ножи у вас длинные, котлы у вас отменные, мясо сварится, успеете поесть. А у меня к вам слово. Говорят нарты, что вы, эмегены, — самые умные из земных существ, самые знающие, а особенно вы сильны в счете. Вот и послали нас нарты к вам с великой просьбой, чтобы вы, мудрые, и рассудили, кто из нас прав, кто ошибается. До сих пор вы нас не спрашивали, — мы и разговора не затевали.

Тут эмегены заспорили. Одни говорили, что нартов и слушать не надо, а покончить с Сибилчи; другие возражали; съедим, мол, сперва молодого нарта, а потом и просьбу выслушать можно; третьи, польщенные хвалебными словами Сосурука, требовали, что сперва надо нартам ответ дать, а потом уже съесть Сибилчи. В конце концов третьи-то и победили в споре, но порешили эмегены, что разговор поведут в пещере, а чтобы нарты не убежали, выход завалили огромным камнем.

Как решили, так и сделали, и Сосурук начал:

«Был у нартов пастух. Он пас на склонах горы Минги-Тау¹ овец всего селения, а число овец составляло три тысячи. Однажды, когда пастух со своей отарой был в горах, черные тучи закрыли все небо. Молния, как меч, рассекала вершины скал, гром потрясал горы и доли. Из туч прорывался дождь вместе с крупным градом. Земля в страхе затрепетала. Пастух, чтобы спасти овец от гибели, загнал всю отару под бороду козла-вожака и сам туда же забрался.

¹ Минги-тау — карачаево-балкарское название Эльбруса.

А был поблизости в тех местах бугай, и такой большой, что воду он пил из расселин скал на вершине горы, а хвостом отгонял оводов и мух в жаркой степи. Телу его было тесно в ущелье. Когда этот бугай, расположившись у подножья Минги-тау, жевал траву предгорья, прилетел гриф, схватил бугая, поднял его ввысь, а потом пожелал на земле найти такое местечко, где мог бы спокойно насладиться своей добычей, — и опустился на рога того козла-вожака, под бородой которого укрылся от дождя и града нартский пастух со своей трехтысячной отарой.

Услышав шум, пастух подумал: «Неужели градины все падают и падают?» — и выглянул из-под бороды козла. Но едва его взгляд встретился со взглядом солнышка, которое успело к тому времени взойти, как в глаза пастуха попала пылинка. Вечером пастух пригнал отару в селение, пошел к матери и сказал:

— Матушка, в глаз мне попала пылинка. Проведи по глазу своим языком, — извлечешь пылинку.

А мать в ответ:

— Нельзя мне в вечернюю пору касаться языком твоего глаза: это дурная примета. Лучше сходи к нашей знахарке Сандырак, она что-нибудь придумает: искусство ее всем нартам известно.

Явился пастух к знахарке. Прославленная целительница увидела в его глазу нечто белое, словно хребты Куфских гор, словно степь в снегу. По просьбе искусной Сандырак, девяносто девять нартов, кто с лопатой, кто с железным ломом, кто с деревянным, а кто с метлой, вошли в глаз пастуха. Все вместе, долго-трудясь, выгребли, как снег, пылинку и ушли, оставив на улице одну лопату.

Рано утром какой-то мальчуган, выгоняя телят, наткнулся на лопату, поднял ее и отбросил подальше в сторону, чтобы прохожим не мешала. Прошло много лет, на лопате осела пыль, образовался на ней толстый слой земли, покрытый дерном. Облюбовав это место, люди там поселились.

Шли годы, и жители спокойно жили, не зная тревог. Но как-то заметили поселившиеся на лопате, что каждое утро их окна и двери смотрят не в ту сторону. Страх охватил все селение. Одни говорили, что всему виной вы, эмегены, другие утверждали, что скоро землетрясение начнется. Наконец решили выставить дозорных — метких лучников.

В одну из ночей дозорные заметили, что некая рыжая лиса грызла на краю селения, на обрыве горы, белый камень. Дозорные метнули стрелы и убили рыжую лису. Собравшись всем селением, люди содрали с нее шкуру с одного боку. Хотели содрать и с другого боку, но, как ни старались, не сумели повернуть мертвую лису на другой бок. Так и осталась на лисе половина шкуры. А другую половину шкуры разделили поровну, и каждый мужчина селения получил по куску меха на шапку и на воротник для шубы.

В один из дней женщина из соседнего селения, крутя на пути веретено, гнала телят на выпас и наткнулась на мертвую лису, с которой была снята половина шкуры. «Очень хотелось бы мне узнать, — подумала женщина, — почему не тронута шкура на другой стороне?» С помощью ручки веретена она легко перевернула лису на другой бок, сняла оставшуюся половину шкуры, сказав:

— Быть может, хватит меха на шапку для моего озорника-сына.

Придя домой, женщина принялась квасить и мять шкуру. Окончив свою скорняжную работу, увидела она, что половины лисьей шкуры не хватит для шапки ее мальчика.

С тех пор мы и спорим: то ли бугай, то ли грифон, то ли бородатый козел-вожак, то ли рыжая лиса, то ли женщина с веретеном, то ли сын женщины больше всех? И почему половины лисьей шкуры хватило на шапки и воротники для мужчин всего селения, но не хватило лишь на одну шапку для одного мальчика? Споры пошли жаркие, перешли в драку, драка — в побоище. В конце концов нарты разделились на две враждующие стороны и началась между ними война.

Старейшины нартов, видя, что богатыри истребляют друг друга, собрались на совет и решили отправить нас как послов к вам, ибо умнее эмегенов нет на земле существ, а также нет сильнее вас в свете. Только вы одни сумеете разрешить наш спор. Не наша вина, многочисимые эмегены, что вы нас ни о чем не спросили, а мы не ответили».

Сосурук замолк. Эмегены, насупив брови, посмотрели друг на друга. Им очень понравилось, что люди наконец-то признали их ум и сметку, но и задача казалась им нелегкой. Один говорит: «Козел больше всех». Другой: «Нет, больше всех — лиса!» А третий: «Мальчик — вот кто больше всех!»

Спор ожесточился. Распалась, эмегены бросились друг на друга с криками, пошла потасовка. Когда потасовка перешла в настоящее побоище, когда эмегены сцепились друг с другом, кто-то из них задел огромный камень, которым они завалили вход в пещеру. Камень откатился от пещеры, эмегены за ним. Выбежали из пещеры и нарты, взяв на руки связанного Сибилчи. Эмегены, ничего не замечая, охваченные пылом побоища, вырывали деревья из земли, стали наносить друг другу страшные удары. Опять кто-то из них нечаянно задел ногой камень, камень двинулся на эмегенов, отбросил их к краю пропасти, низверг всех эмегенов в бездну и сам рухнул вслед за ними. Эмегены обрели гибель на дне пропасти, раздавленные сорвавшимся огромным камнем.

А нарты развязали Сибилчи и, захватив добро эмегенов, которым была полна пещера, направились пешим ходом в свое селение.

Сосурук и железное колесо

Не давала нартам покоя слава Сосурука. «И роста он небольшого, — говорили завистники, — и не сильнее ни одного из нас, и никто не знает, от какого отца он рожден из камня, почему же только о нем и слышны повсюду речи, только ему гремит хвала, только его ловкость и находчивость славят?» И зложелатели решили погубить Сосурука. Они объявили, что у подножья Голой горы, где происходят поединки нартов, начнется игра с колесом.

А игра была такой: с вершины Голой горы пускали вниз железное колесо, чей поперечник был равен расстоянию, на котором слышен человеческий крик. Не было у нартов веревки такой длины, чтобы обхватила бы это колесо. Когда его пускали с вершины Голой горы, богатырь, стоя у подножья горы, должен был толкнуть бешено катившееся колесо сначала лбом, затем рукой, затем грудью, — толкнуть с такой силой, чтобы колесо покатилося назад, вверх.

Началась игра. Никто из молодых нартов не решался вступить в состязание первым: страшно им было. Один Сосурук спокойно выступил вперед. Зложелатели, замыслившие погубить рожденного из гранита, поднялись на вершину Голой горы с железным колесом. Сосурук, упираясь крепкими ногами о землю, стал у подножья горы, приготовился ударить колесо лбом.

Колесо покатилося с вершины горы так быстро, как стрела, пущенная из лука. На своем пути оно рассыпало искры, рассекало скалы. Великая тяжесть его, соединенная с великой скоростью, превращала горные камни в пыль. Вот уже достигло колесо подножья горы, но Сосурук ударил его булатным лбом и легко отбросил назад, на вершину.

Снова покатилося колесо вниз, заставляя дрожать и стонать землю, и снова вернул его Сосурук вверх ударом руки. В третий раз низринули нарты колесо с вершины горы, но Сосурук его встретил булатной грудью, заставил колесо в третий раз взметнуться наверх.

Зложелатели-нарты были потрясены булатной силой Сосурука, потрясены и подавлены. Они разошлись в унынии, в бессильной злобе. Отправился домой и Сосурук. На дороге что-то блеснуло. Сосурук наклонился и увидел золотое колечко, увидел, да не заметил, что недобрым блеском оно блестело. Молодой нарт поднял колечко и спрятал его в карман.

Вернувшись, он рассказал матери, как победил в состязании-игре, и при этом добавил:

— Хорошо, что колесо не задело случайно мои колени, тогда я бы погиб.

Только промолвил эти слова, как вспомнил о находке. Он сказал:

— Взгляни, мать, какое красивое золотое колечко я нашел.

— Не колечко, а погибель свою ты нашел, — сказала мудрая Сатанай. — А ну-ка, покажи находку.

Сосурук запустил руку в карман, но колечка там не было. Мог ли догадаться Сосурук, что злая колдунья, по наущению завистников, превратилась в золотое колечко, чтобы вывести тайну молодого богатыря? Сатанай сказала своему сыну, рожденному из гранита:

— Если тебе еще раз придется толкнуть колесо, то оно отрежет тебе обе ноги. Страшись зложелателей и завистников.

— Мне страх неведом, — ответил Сосурук. — Если я отступлю перед опасностью, то я утрачу доброе имя нарта. Послушать тебя, так нам, нартам, остается только одно: выходить на улицу, покрыв голову женским платком...

Когда духи наших гор закаляли маленького Сосурука, тело его превратилось в булат. Но держали они в это время мальчика за колени, и остались колени незакаленными, уязвимыми. Об этом-то и узнала злая колдунья от неосторожного Сосурука и сообщила его недругам.

— Только его колени уязвимы, — поучала злая колдунья завистников. — Пустите колесо так, чтобы его удар пришелся по коленям этого ублюдка, ибо все другие части его тела превратились в булат.

Нарты снова объявили игру-состязание, но условия игры были новые: теперь нужно было возвратить колесо наверх ударом колен.

Сосурук пришел на состязание к подножью Голой горы: не мог же он утратить доброе имя нарта, уклониться от вызова завистников. А те низринули колесо с вершины, крикнули:

— Сосурук, ударь его коленями!

Колесо покатилося, превращая на своем пути горные камни в пыль, разрушая скалы. Оно ударилося о незакаленные колени Сосурука — и отрезало ему обе ноги. Нарты-завистники, довольные и веселые, спустились с горы, разошлись по домам. А внизу, у подножья горы, лежал истекающий кровью Сосурук.

Прилетел орел. Сосурук попросил его:

— Полети, могучий орел, к моей матери, мудрой Сатанай, и скажи ей, что колесом отрезаны обе мои ноги, что я здесь лежу, истекаю кровью. Если исполнишь мою просьбу, то великодушные нарты до скончания дней твоих будут заботиться о тебе, кормить тебя любимыми твоими кушаньями.

— Нет, не полечу, — ответил орел. — Разве ты забыл, джигит, что после охоты в лесу ты уносил всю убитую тобою дичь, мне ничего не оставляя? Теперь умри здесь, и ты будешь моей пищей.

Прискакал косоглазый заяц. Сосурук обратился к нему с той же просьбой:

— Заяц, бедняга ты мой, всегда-то ты всех боишься, ты способен понять страдания раненого существа. Побеги, Расскажи великодушным, мудрым нартам, что я здесь лежу, обезноженный. Помоги мне, и я впредь не дам тебя в обиду зверям, буду твоей защитой.

— Нет, не побегу, — отказался заяц. — Догонит волк и съест меня.

Прилетел голубь. Сосурук сказал ему:

— Голубь мой, брат мой, самый добрый из крылатых, полети к моей матери Сатанай, самой умной из женщин, поведай матери, что обе ноги мои отрезаны колесом, что я здесь лежу, истекая кровью.

— Я знаю тебя, — ответил голубь. — Ты нарт Сосурук, ты человек, рожденный из камня, часто я садился на дерево перед твоим отчим домом. На дереве росли золотые яблоки, я стряхивал их на землю, но ты не сердился на меня, ты ни разу не пустил в меня стрелу. Я полечу к мудрой Сатанай.

Голубь расправил сизые крылья, полетел к Сатанай и сказал:

— Твой сын лежит, истекая кровью, и кровью его насыщаются птицы и звери, ее пьет трава у подножия горы.

Мудрая колдунья Сатанай побежала к сыну, припала к его коленям, коснулась их своими вещими устами и от прикосновения материнских уст кости срослись. Сатанай взяла сына на руки, понесла его домой, лечила снадобьями, и крепче прежнего стали колени нарта, рожденного из гранита.

* * *

А когда, по происшествии многих лет, пришло время Сосуруку покинуть этот мир, то не умер он, как другие люди, а, рожденный из гранита, снова стал гранитом. Он превратился в скалу. Если вы поднимитесь на плечи Кавказа, то встретитесь глазами с глазами высокой скалы: это смотрит на нас нарт Сосурук. Он смотрит на нас, живущих и сказывающих сказание о нартах и о нем, о рожденном из гранита.

Про первого нарта

Над богами владыка, Тейри грозноликий
Так промолвил, весь мир озирая великий:
«Я дыханием уст сотворил небосвод.
Облака? Это дым моей трубки плывет.
Звезды? Искры, которые высек кресалом,
А земля — то, что жизни пребудет началом.
Беспредельное море я создал навеки,
Повелел — заблестели и хлынули реки
По земле, мною созданной в полдень погожий
Превратил я в нее лоскуток моей кожи.

Из хрящей моих создал высокие горы,
И сквозь них сотни рек прорвались на просторы.
Из волос моих создал деревья и травы,
Запестрели сады, зашумели дубравы,
Свищут птицы в лесах, рыщут звери на воле, —
Этот мир эмегенам достанется, что ли?
Иль чудовищам все я отдам однооком,
Что возникли из желчи моей ненароком?
Мне назло, ради зла, помышляя о зле,
Расплодились они на цветущей земле!»

Так, подумав, промолвил богов повелитель,
Озирая с тоскою земную обитель.
И тогда в сердце бога, познавшем страданье,
Родилось неизвестное прежде создание:
Это был первый нарт, это был человек.
Для него часть души всемогущий отсек,
Чтоб сиял изнутри разумения светом,
И назвал он его Златоликим Дебетом.
Молвил первому нарту, исполнен любви:
«У подножья горы Минги-тау живи».

Обучил его хитрому делу творец:
Первый нарт нам известен как первый кузнец.
Он железо добыл — и свой труд он прославил:
На земле он впервые железо расплавил.
Стал он уголь сжигать, он из стали впервые
Стал ковать и щиты, и мечи боевые.
Он кольчугу на диво сработал, затем
Изготовил неслыханной крепости шлем,
Меч, в огне закаленный, назвал он Сырпыном...
Шлем надев, станет страшен боец исполином,
В той кольчуге и трус не подвластен испугу,
Рвется к бою, как только наденет кольчугу.
А мечом я, незрячий старик, на скаку
Минги-тау, вершину вершин, рассеку.

* * *

Но порой о Дебете в народе у нас
По-иному ведется старинный рассказ.

Нартский кузнец

Это было в давнишнее время седое.
Обитало в пещерах все племя людское.
В те года, когда каменным было корыто
И повсюду из дерева делалось сито,
Бог огня стал супругом богини земли.
Загремело вблизи, загремело вдали, —
И земля зачала. Становясь все круглей,
Ожидала дитя девять лет, девять дней.
Вот разверзлась земля и родился Дебет,
И богиня воды искупала чуть свет,
Напоила водой родниковою, звонкой,
И кормить, и воспитывать стала ребенка,
И учила его, и следила сама,
Чтобы нартского мальчик набрался ума.

У Дебета в груди ярко пламя горело,
Было крепким и твердым железное тело,
И растягивались, точно лук, сухожилья,
И при этом сжиматься могли без усилия,
А сустав его каждый, круглясь и играя,
Разгибался легко, точно петля дверная.
Были кровь и душа у него из огня.
Как рукою дотронется он до кремня, —
Раскален докрасна, расплавляется камень:
Сочетались в Дебете железо и пламень.
Бог огня научил его пламенной речи,
Бог земли научил его каменной речи,
Бог воды ему пищу давал и питье,
И открыл он Дебету наречье свое.
Вот, взобравшись однажды на горный хребет,
Там беседовать начал с камнями Дебет,
Он узнал их совет, услышал наставленье,
И набрал он камней, и спустился в селенье.

В душу каждого камня он чудно проник,
Потому что камней понимал он язык.
Как лепешкой ячменной, камнями питался
И камней существо он постигнуть пытался.
Бог огня помогал ему, полон веселья,

Из камней всевозможные делать изделия,
А железо, как тесто, покорно, любовно
Подчинялось могучему беспрекословно.

Говорил он с огнем, говорил он с водой,
И наречье земли понял нарт молодой.
Он впервые постиг кузнеца ремесло.
Все, что в камне таилось, Дебета влекло,
Извлекал из камней все, что людям потребно,
Ибо в их естество проникал он волшебю.
Он из камня щиты мастерил и кольчуги,
Он искусством прославился в нартской округе,
И такого умения даже достиг,
Что из гладких камней жарил вкусный шашлык!

На скалистой вершине он кузню поставил.
На земле он впервые железо расплавил,
Он впервые стал каменный уголь сжигать.
Сделал кожаный мех, людям стал помогать.
Добывал он руду, прорубая скалу,
И растягивал, точно густую смолу,
Он железо своими большими руками,
И, чтоб нарти расправились быстро с врагами,
Делал стрелы, в кольчуги людей одевал,
Днем и ночью для войска оружие ковал.
Смельчаки восхваляли его мастерство,
И такая гремела молва про него:
Есть в мечах его сила! Возьми что попало, —
Все разрежут они, как курдючное сало!
Метким стрелам его не преграда — скала,
Не пройдут сквозь кольчугу ни меч, ни стрела!
Он готовил на северном склоне оружие,
Потрясая и громом, и звоном окружье.
А потом, протянув через горы, на юге
Закалял в Черном море мечи и кольчуги.
Не пугала стрелу безграничная даль,
Превращал он железо обычное в сталь.
Для воителей много он выковал стрел,
Скакуна Гемуду он в кольчугу одел,
И кольчугу чудесную эту рассечь
Не могли ни стрела супостата, ни меч,

Ну, а стрелы, которые делал Дебет,
Пробивали насквозь даже горный хребет,
И надменно, с громадою каменной споря,
Достигали просторного Черного моря.
От кузнечного, нужного всем ремесла
Сила нартского войска росла и росла.
Чем хитрее кузнец, тем храбрее боец.
Вот каков был Дебет, первый нартский кузнец:
Он деянья помог совершить боевые,
Из руды раздобыл он железо впервые,
Он железную силу дал нашему телу,
Научил он потомков кузнечному делу.

Из народных песен

Долай

Ой, Долай, Долай, масленный Долай!
Ой, Долай, ты такой масленный бурдюк,
Ты бурдюк без изъяна,
В тебе больше масла, чем айрана.
Ой, получим мы чаши масла,
Поставим их перед тамадой,
Тамада даст каждому попробовать
И заставит меня быстро выполнить поручение.
А если не буду расторопен,
Вытянет меня по ногам гибкой лозой.
Ой, Долай, ты такой масленный Долай!
На звуки нашей песни пришли дорогие гости,
Ой, душа моя, ждут не дождуться они тебя,
Ой, если можешь, будь же ты в бурдюке!
Пусть ветер тыкыр-мыкыр тебе сделает,
Пусть достанутся сытные доли пастухам,
Коль не получаешься, пусть крутит у тебя в животе.
Ой, Долай, ты такой былкында.
В тебе (в бурдюке) масло черной коровы,
Ты же — шкура жёлтой козы.
Ой, Долай, Долай, масленный Долай.
Ой, на берегу заиграет гусь,

В камышах закричит цапля.
Ой, юноша дорвется до девушки,
Ой, юноша заиграет, девушка засмеется.
Кто узнает, что в душе у них обоих?
Об этом знают ребенок в колыбели, молодые,
Старики, сидящие на ныгыше.
Ой, на берегу два гуся,
Один пестрый, другой — серый.
Оставь пестрого, возьми серого:
По матери бери дочь.
Материнское — у дочери,
Отцовское — у сына.
Коль родится хороший сын у отца,
Он поставит загон в пустыне
И заполнит его скотом,
Осмыслив мир, построит свою жизнь.
Родится плохой сын у отца —
Отцовское большое стадо промотает,
Позволит женщинам причесывать свой чуб.
Пусть плохой смертью умрет
Хозяйка, плохо относящаяся к пастухам,
Пусть будет саваном ей сванетский кендир¹.
У хозяйки, хорошо относящейся к пастухам,
Пусть дорогой платок будет доставать до пят.
Пусть будет здоров ее любимый,
Пусть шнур косы² ее достанет до пят,
Пусть окружают ее чернобровые невестки,
Пусть будет счастливым век ее,
Пусть будет из чистого шелка ее саван.

Бийнёгер¹

Сын Гезоха, отважный Бийнёгер!
Старший брат твой Умар тяжело заболел.
Если он болен, чем же лечить его? Чем исцелить?
Исцелить его может молоко белой лани,
Поймает ту лань только гончая твоего дяди.
— Я ходил и просил у братьев матери собаку,

¹ Кендир (кар.) — конопля; здесь в значении саван из конопляной ткани.

² Шнур косы — украшение для волос, вплетавшееся в косы.

Они мне не дали и щенка,
Племяннику родному не одолжили собаку.
Потом пошел я к Кубадиевым просить собаку.
Они меня приняли и почтили как гостя,
Дали на выбор двух борзых.
С борзыми отправился я на охоту,
Взобрался на горы Большого Баксана.
Устал я, бродя по вершинам гор и скал.
Внезапно появился передо мной трехногий олень.
Пусть настанет такой день для моих кровников и недругов!
Появился трехногий олень.
Третья нога гораздо выше двух других ног,
И кончики копыт острые, словно шило,
Рога же его, как вертела, острые и тонкие.
Как только увидел его, выстрелил, взяв на прицел.
Пулю нашел вошедшей в землю, хотя стрелял я в цель.
Далеко он уходил, маня, не останавливаясь, все выше к скале.
И начал я гнаться — гнаться за этим оленем,
Но обессилел и в раздумье присел на миг:
Охотничий башлык комками снега набил я,
Эти комки снега вбивая, начал возводить лестницу.
Взобрался по этим ступеням снежной лестницы на вершину отвесной скалы
И тут пришла печаль к сыну Гезоха.
Я огляделся и не увидел оленя,
Но, пройдя немного дальше, заметил его:
На вершине скалы стоял мой олень.
Тут объял меня с четырех сторон густой туман,
Словно черный дым.
Белый марал пропал, исчез как призрак.
Я растерялся, но придя в себя, просил:
Если ты олень, дай прицелиться в тебя и выстрелить,
Если же ты дойная лань, дай подоить тебя.
Не скрывай, скажи: ты шайтан (дьявол) или джин (дух)?
— Я не дьявол и не джин,
Не олень я, чтобы целиться и стрелять в меня,
Не дойная лань, чтобы доить меня,
Я не олень. Я красивая дочь Апсаты².
Да не возвратиться тебе живым назад, коли не даешь мне покоя.
Ел, пил и не насытился нашим мясом,
Преследуешь ты нас по уступам скал,
Но все-таки выскажу тебе хорошее пожелание:

Пусть под тобою море будет, бурное будет,
Над тобой пусть высь будет, небо будет.
Обе стороны пусть будут неприступны даже для шайтана,
И да будут долгими дни твоей жизни на этой скале,
Да не смогут подойти к тебе люди, коли не даешь нам жизни.
— Встретил я оленя, подобного шайтану.

Как проклял он,
Так мгновенно внизу появилась пропасть глубокая,
А надо мною небо и я на скале такой высокой.
Обе стороны стали неприступны даже для шайтана.
Пятнадцать дней на уступе скалы я прожил,
Мясо плеч своих я ел.
Когда гончая, глядя на меня, выла,
Долгим воем отзывалось эхо.
Я охотничьей собаке,
Отрезав от икр, мясо дал есть.
Пятнадцать дней мясом тела своего дал ей жить.

Брата его Умара разбудил страшный сон,
Приснилось: будто одинок и гол где-то блуждал он!
Умар почувствовал недоброе, оседлал коня.
Долго искал Бийнёгера.
Вещим оказался сон его брата, Умара!
На шестнадцатый день набрел он на него.
Долго упрашивал Бийнёгера: «Сойди»!
Не мог докричаться до него от земли.
Не найдя выхода, кинулся он в Холам.
Холам, Безенги, Чегем, Бахсан³ — все пришли до единого,
Увидели Бийнёгера не уступе скалы.
Прибегли к хитростям и уловкам,
Не найдя выхода, вернулись обратно.
Лишь брат его Умар не уходит, не сводит глаз с Бийнёгера.
Бийнёгер же не слушает его советов.
Умар ему: «Коль не сойдешь, обещаю я тебе, — говорит, —
Старшую дочь твою на Восток продам,
Младшую дочь твою на Запад отдам,
Красавицу жену твою прижму к своей груди».
— Знаю я, бесполезны твои речи.
Не уговаривай теперь меня:
Не нахожу дороги той, по которой я сюда взобрался.
Люблю душу свою, не брошусь со скалы.
В Бабугее⁴ есть у меня возлюбленная,
Хотел бы о многом ей сказать.
Дайте знать ей, сделаю, как она скажет.

Если она велит, прыгну со скалы.
Брат Умар решил выполнить его просьбу,
Явился и дал ей знать:
«Невестка моя, живущая в Кабарде. вставай!
Брат мой приготовился ко встрече с тобой».
Возлюбленная до утра готовила еду в дорогу,
Поклялась: «Умру там, где умрет Бийнёгер».
Вышла в путь она, ноги свои превратив в коня,
Густые волосы свои превратив в бурку,
Слезам омочив грудь своей рубашки,
Обе руки свои для ног превратив в плети.
Бегом, вскачь примчалась она к Бийнёгеру.
— Если бы могла дотянуться, достала бы тебя моя рука, — сказала она.
— Да исполнится сегодняшняя моя мольба.
Если можешь сойди, а не сойдешь,
Тело твое на скале черные орлы уничтожат,
Твои друзья будут жить, терзаясь;
Прыгай, свое тело на уступе скалы не задерживай-ка.
Родственников, друзей без нужды не терзай-ка,
Белой рубашкой, сшитой мною, глаза завяжи-ка,
Золотое (ружье — А. К.), ухватив за конец, швырни-ка,
На белую грудь, которую ты любил ласкать, прыгни-ка».
Завязал глаза белой рубашкой.
Золотое, ухватив за конец, швырнул!
Упал перед ней клочок волос с головы Бийнёгера,
С этого дня кончилась охотничья удача Бийнёгера!
Поднялся отсюда, цепляясь, словно железный крючок.
Упал оттуда, разбившись, словно ком начинки хычына!⁵
Только хохолок упал перед твоей женой.
Взяв ножницы, вонзила несчастная их себе в живот.

Высоко оказался дворец дочери Апсаты,
Так случилось с джигитом — сыном Гезоха.

Подстрочный перевод А. Каравей.

¹Бийнёгер — легендарный охотник.

²Апсаты — божество и покровитель диких зверей.

³Холам, Безенги, Чегем, Бахсан — названия ущелий.

⁴Бабугей — селение в Кабарде.

⁵Хычын — пирог с начинкой.

Канамат

Родившийся джигитом, Эбзеев Канамат!
Из глаз твоих, омывая тебя, капает кровь.
Сразился бы ты, будь свободны твои руки, ноги,
С теми, кто поразил тебя.
Яркая звезда за горою заходит,
Ой, в Учкулане тело мертвого героя лежит!
Ушел ты из селения Сынты абреком,
Семь лет стерег ты истоки Амгаты,
Ходил ты ночью волком, днем — собакой,
Одежда твоя завшивела.
Семь лет стерег ты истоки Амгаты,
Убивая оленей, мясо вялил ты в горах.
— Касбот, брат мой, видел я сон, предвещающий смерть нам,
Увидел себя я одиноким, нагим.
— Не страшись, Канамат, все может случиться с человеком,
Да еще с такими мужами, как мы.

— Так, Касбот, не будем сидеть,
Живее идем в Карачай —
Гостеприимством Хубиева воспользуемся.
Пошли мы в гости к Абдул-Кериму,
Он не почтил нас, как гостей,
Но, не почтив, не выдал нас псам.
Целый день укрывал он нас в комнате для гостей,
На другой — проводил с добрым напутствием:
«Чиновники не благоволят ко мне.
Ответов на прошения не дают;
А в Гюллиеве Хаджи-Бекире они души не чают,
На просьбы его обращают должное внимание»,
Пошли мы в гости в Учкулан,
Остановились у женоподобного Гюллиева.
«Добро пожаловать, Канамат», — сказал, ластился, как лиса;
Тотчас отвел нас в комнату для гостей,
Хитростью выманил оружие из наших рук,
Ночью вкусно нас накормил,
Днем же дал нас разделать, как черную овцу.
«Я пойду бумагу, перо возьму,
Тебе, Канамат, хорошее прошение напишу,
Спрячу вас хорошо, чтоб никто не видел,

Паспорта возьму — провожу к падишаху...»
Сказав, ушел, оставив нас,
И двери снаружи засовом задвинул.
Немедля явился он к старшине Ачауовичу,
«Поймал оленей», — сообщил с радостью.
Старшина подкрепление большое взял из аула,
Дом, где был Канамат, окружил конвой.
Услышав шум, Канамат приложил голову к окну.
«Касбот, — сказал, — что должно случиться, то случилось,
Вокруг черным-черно от вороньей стаи,
Ой, Касбот, вещим оказался сон мой.
Плохими оказались дела наши в гостях».
Девять пуль пронзили твою голову, Канамат,
Черные дни пришли для храброго сына Алиа.
Что стало с твоим черным кинжалом у пояса?
Мозг твой брызнул на дверное полотно.
Твой протокол твоею кровью пишут,
Ставят черный столб у твоей могилы.
Родившийся джигитом Эбзеев Канамат,
Есть у тебя лишнее ребро¹,
Отомстит за твою кровь этим собакам
Оставшийся после тебя единственный сын.
Вскрывшие твоё тело доктора гладят тебя по голове,
Рыдают женщины, глядя в твоё лицо.
Столько лет жил ты на Амгате,
Сделав кош из оленьих, турьих шкур.
Зачем же понадеялся ты на Гюллиева!
Доверившись, позабыл ты об осторожности.
Умер, ушел Эбзеев Канамат,
Геройство твоё не спасло тебя в последний день.
Есть ли кто на свете несчастней тебя?
Нет сестры — закрыть глаза тебе,
Нет матери — оплакать твоё тело,
Нет отца — справить поминки по тебе,
Братья твои — не способны на месть.
Вот видите, какое собачье дело сотворил Хаджибекир — сын Гюллю.

Перевод А. Караевой.

¹Есть народное поверье, что люди, особенно мощного телосложения, рождаются с лишним ребром.

1. Сравнить героев нартского эпоса с героями древнегреческой мифологии:
 - а) Дебет — Гефест
 - б) Сосурук — Ахилл
 - в) Одноглазый эмеген — циклоп ПолифемЧто у них общего и в чем различие?
2. Сравните описание чудесного рождения Сосурука в карачаево-балкарском и Сосруко в абазинском и адыгском вариантах эпоса «Нарты». В чем сходство и в чем различие? Чем они обусловлены по вашему мнению?
3. Дайте жанровую характеристику народных песен. К какому жанру вы отнесете песню «Бийнегер»?
4. Каковы взаимоотношения природы и человека в этой песне?
5. Кто побеждает в этой песне? Боги или герой?
6. Ощущаете ли вы присутствие автора в этой песне?
7. Какой этический идеал народа вырисовывается из алгыша, песни «Долай», а также песен историко-героических («Татаркан», «Канамат» и др.)?

ЛИТЕРАТУРА

Литература конца XIX — начала XX веков

ПРОСВЕТИТЕЛИ

В конце XIX — начале XX в.в. из среды карачаевцев, получивших образование и тесно соприкасавшихся с прогрессивной русской культурой, выдвинулись деятели, которые внесли большой вклад в дело просвещения родного народа. Это первые учителя — Ильяс Байрамуков, Хызыр и Саид Халиловы, Тохтар Биджиев, Иммолат Хубиев.

Первая светская школа в Карачае была открыта в 1878 году в селении Учкулан, а через год и следующая — в селении Теберда. Строительство школ, содержание их и учителей осуществлялось на общественные средства. При Учкуланской школе был интернат, где жили ученики из соседних селений. Основными предметами в начальной школе были закон божий (Коран), русский язык (чтение с объяснением), чистописание, понятие о земле и краткий очерк географии России. Дети поступали, не

зная русского языка, поэтому начинали с ознакомления с окружающими предметами, а во втором полугодии уже осваивали устную русскую речь. Со второго года обучались читать и писать по-русски. В 1885 году были открыты одноклассные школы в Карт-Джурте, Хурзуке, Маре и Джегуте, но и они были переполнены: так велика была тяга к знаниям. И как результат, согласно переписи 1897 года, в Карачае было 535 грамотных.

Естественно, дети из княжеских горских семей имели возможность продолжать образование. Им было дано право поступления в кадетские корпуса, где они получали светское образование. Правда, затем это право было отменено, но горцам было разрешено служить в конвое его величества лейб-гвардии Горском полужескадроне. В этот полужескадрон и был принят в 16 лет Ислам-бий Крымшамхалов. Находясь на службе в Петербурге в течение трех лет, он в совершенстве изучил русский язык, овладел основами ряда наук, обнаружил талант художника.

Ислам Крымшамхалов (Тебердичи)

Поэт, художник, общественный деятель, первый карачаевский просветитель, родился в 1864 году в селении Карт-Джурт, в княжеской семье. Рано лишившись отца и матери, он воспитывался в семье своего дяди, известного балкарского просветителя — Исмаила Урусбиева. Здесь он усвоил русскую и арабскую грамоты. В период пребывания в Петербурге формируется мировоззрение Ислама.

Деятели русской культуры, с которыми общался Ислам и со многими из которых он сдружился, оказали большое влияние на его творческую судьбу. Среди них — художник Н. Ярошенко и осетинский поэт и художник Коста Хетагуров. По их совету Крымшамхалов поступил в Московскую художественную школу, но, заболев туберкулезом, был вынужден прервать учёбу, вернуться в Карачай и поселиться в Теберде.

Тебердинский период (1894—1910) был наиболее плодотворным в его общественной деятельности. Свои просветительские и творческие идеалы он выразил в очерках, опубликованных в газете «Северный Кавказ» (1896) и в журнале «Мусульманин»¹ (1910). Он считал необходимым развивать культуру и экономику.

¹Ж. «Мусульманин» издавался в Париже на русском и татаро-тюркском языках с 5 июля 1903 по 1912 г. два раза в месяц (15 и 30 числа каждого месяца). Редактор-издатель Магомет-Бек Хаджет-Лаше (черкес). От Карачая и Балкарии в журнале сотрудничали Ислам Крымшамхалов, Мисост Абаев, Фатима Абаева, Ислам Хубиев (Карачайлы), Иммолат Хубиев и др. Цель журнала — объединиться на «почве прогресса, любви и труда и приобщиться к цивилизованным народам». Эта цель — просветительское направление — находит развернутое выражение в предисловии к I номеру (30 янв.) за 1910 год: «...Мы, сплоченные единой высокой целью, пойдем с нашими друзьями к тому яркому солнцу, лучи которого давно согрели наших соседей... Только свет науки, только стремление к прогрессу, вынесут наших братьев на истинный путь. Вне этого — мрак и гибель...»

Общественные взгляды И. Крымшамхалова соответствовали главной идее просветительства — «примирить социальное и естественное», «природу» и «цивилизацию». Исходя из мысли о том, что в обществе, если оно разумно устроено, «естественный» человек становится одновременно и цивилизованным, и считая, что для изменения общества достаточно изменить сознание людей, он видел главное средство достижения общественного блага в просвещении горцев.

Иначе говоря, Крымшамхалов рассматривал истинную цивилизованность как синтез научного знания и нравственной культуры. Отмечая высокий уровень нравственного развития, традиционно существующий у горцев, он считал их подготовленными к восприятию научных знаний, необходимых для обретения подлинной народной культуры, для равноправного существования и развития в русле мировой культуры. Он писал: «Если у наших горцев отсутствуют знания чисто научные, то зато у них развит в высшей степени культ воспитания, между тем как к этому важнейшему вопросу лишь приближается наикультурнейшая Европа...». И далее: «...Не все хорошо, что носит европейскую печать, есть много хорошего в былой жизни горцев, могущих быть истинным украшением короны европейской цивилизации».

Идеи, провозглашенные Крымшамхаловым в его публицистических произведениях, находят специфическое выражение в эстетике его художественных произведений: в стихотворениях «Из альбома», адресованном племяннице Фатиме; «Оживляя холодный камень», «На берегу моря» и др. и в цикле басен (например, «Волк и кот»), в портретной и пейзажной живописи (картины «Женщина с ребенком», «Сказитель», «Старик-карачаевец», «Аманауз», «Уборка сена», «Чертов замок», «Домбай-Ёльген», «Джамагатская долина», «Бадукские озера», «Кара-Кель», «Березовая роща» и др.).

И. Крымшамхалов подчеркивал необходимость гармонии поступков и общественных идеалов для достижения этих идеалов, говорил о необходимости обретения своих последователей и приверженцев. «В душе у горцев, — пишет он, — сидит основательно и верно очерченный облик хорошего человека, которому он поклоняется... и вот лишь из рук носителя этих принципов горец с радостью примет факел просвещения. Если бы каким-нибудь способом было бы возможно показать горцу на экране внутренний и внешний облик людей — представителей истинно интеллигентного, добавлю, культурного класса Европы, то горец заключил бы их в свои объятия и сказал бы громко: «Я поклоняюсь тому, чему поклоняетесь вы, я буду верен вам, как вы верны свету и правде». На протяжении своей короткой, но плодотворной жизни И. Крымшамхалов следовал принципам соответствия внутреннего и общественного, провозглашаемых идеалов и поступков, стремился всем своим творчеством

и деятельностью служить социально-экономическому и культурному развитию родного края. Конкретную программу такой деятельности он частично изложил в статьях, опубликованных в периодической печати. В статье «Новое богатство Карачая» он писал, например, о богатстве недр Карачая, о скрытых в них полезных ископаемых и о необходимости их использования. Он первым обратил внимание на возможность промышленной разработки местного мрамора, отмечал уникальность природных и климатических условий Карачая и поставил задачу создания курорта в Теберде.

Крымшамхалов принял активное участие в организации и проведении геологических исследований на территории Карачая в составе экспедиции профессора Мушкетова в 1895 году, а затем и в написании книги «Геологический очерк Теберды и Чхалты», которую снабдили «великолепными рисунками» (И. В. Мушкетов).

В течение многих лет Крымшамхалов работал в Карачаевском лесничестве и последовательно осуществлял принцип правильной эксплуатации природных богатств, охраны леса. Им были построены небольшой лесопильный завод, электростанция. Будучи доверенным лицом карачаевцев, он заботился о строительстве дорог, мостов и школ. Он создал первое опытно-показательное хозяйство, приложил много сил, чтобы поднять культуру земледелия, занимался селекционной работой.

Ислам Крымшамхалов вместе с другими прогрессивными общественными деятелями способствовал открытию в Карачае светских школ, введению преподавания в них русского и родного языков. В 1908—1910 годах он составил азбуку карачаевского языка на основе латинского алфавита, поскольку считал, что «арабский алфавит тормозит дело распространения грамотности». Он стал, по существу, одним из зачинателей карачаевской письменной литературы. Некоторые его стихи были включены в книгу «Родная речь» («Ана тили») И. Акбаева, изданную в 1915 году и предназначенную для учащихся светских школ.

Дом Ислама Крымшамхалова в Теберде был культурным центром, благодаря которому передовая интеллигенция Карачая все крепче связывалась с демократической культурой России. В доме Ислама гостили его друзья и коллеги — художник Н. Я. Ярошенко, поэт К. И. Хетагуров, геолог И. В. Мушкетов, инженер Кондратьев, композитор Алябьев, артист Чупринников и другие.

Обаяние творческой личности Крымшамхалова, плодотворность и универсальность его общественной деятельности, цельность его натуры способствовали объединению вокруг него целой группы горской интеллигенции — будущих учителей, врачей, таких, как Тохтар Биджиев, Ильяс Байрамуков, Иммолат Хубиев, Хызыр Халилов, Б. Чеккуев,

К. Т. Боташев, И. Х. Токов, М. Х. Кочкаров и многих других. Писал он одинаково хорошо и на карачаевском, и на русском языках.

Огромное напряжение физических и духовных сил подорвали здоровье этого незаурядного человека. Он умер в расцвете творческих сил от туберкулеза в Ялте 3 декабря 1940 года.

Письмо редактору ж. «Мусульманин»

Многоуважаемый Магомет-Бек!

Приехав во Владикавказ, я остановился у своего родственника, ротного командира при кадетском корпусе и нашел случайно на его столе декабрьскую книжку «Мусульманский отдел», что было для меня приятнейшей находкой. Я прочел ее с лихорадочной радостью.

Читая эту книжку, я испытывал то чувство, которое должен испытывать человек, заброшенный судьбою на долгие годы в чуждый для него край, при неожиданной встрече со своими близкими.

Не могу, однако, не высказать своего суждения по поводу двух писем, помещенных в вашей статье и характеризующих современное положение мусульманских народностей, главным образом Северного Кавказа, по отношению их к культуре и цивилизации.

Прежде всего, я далек от мысли критиковать современное направление или искать во всем дурное, наоборот, в этих письмах я слышу вопль страданий из-за любимых; и трудно сказать, кто из авторов этих писем меньше или больше любит свой народ. Несомненно, они оба жаждут правды и хотят поставить вернейший диагноз дорогому, близкому пациенту: да простится им их ошибка.

Соглашаюсь вполне с тем, что мы, кавказские горцы (мусульмане в особенности), отстали в отношении цивилизации, как принято это понимать, но в то же время скажу с уверенностью, мы еще легко можем наверстать упущенное при наличии тех особенностей элементов, коими обуславливается древо горцев. Я хочу сказать несколько слов главным образом о причинах медленного привития образования у нас, думая, что именно с этой стороны надо подходить к важному для нас вопросу о просвещении наших отставших единоверцев. Конечно, исчерпать все причины, служащие тормозом в этом деле, я не берусь, но укажу из них, по моему мнению, на главные.

Прежде всего, не следует горцев Северного Кавказа ставить на один уровень с некультурными классами других народностей. Если у наших горцев отсутствуют знания чисто научные, то зато у них развит в высшей

степени культ воспитания, между тем как к этому важнейшему вопросу лишь приближается наикультурнейшая Европа. Все несчастье заключается в том, что нас не понимают представители современной цивилизации (наоборот): и в том еще, что нас не удовлетворяет та культура, которую они преподносят нам в виде собственных особ. Одна лишь внешняя, так сказать, материальная сторона подобной культуры могла бы заманить к ней, но это не есть главное для горца, и ему нужно еще многое.

И в самом деле, что из себя представляет значительная часть, именуемая цивилизованным обществом, в смысле светского, хорошего или полезного! К сожалению, нам, горцам, приходится сталкиваться постоянно с этой частью общества, через которую и проникают к нам лучи просвещения. И что может горец, с его характерным мирозерцанием, найти для себя привлекательного в этой среде, которая старается предложить ему свою культуру, иными словами — уподобиться ей... Может ли воспринять такую гнилую культуру горец, ставящий доверие, душевную теплоту высоко; горец, воспитанный в принципах скромности, воздержания и почитания возраста, положения и т. д. и т. п.

Не подумайте, однако, что я хочу идеализировать горца, сказать, что все только хорошее присуще одному ему, или что все горцы одинаково обладают хорошими качествами души и натуры; да они и не нуждаются в этом; люди — везде люди. Но скажу с твердой убежденностью, что в душе горца сидит основательно и верно очерченный облик человека, которому он поклоняется. И является ли это плодом его сознания или навязано ему заветами его предков, несомненно одно: облик этот вошел в его натуру или, вернее, запечатлелся в нем, сделался его богом. И вот лишь из рук носителя этих принципов горец с радостью примет факел просвещения. Если бы каким-либо способом было бы возможно показать горцу на экране внутренний и внешний облик людей — истинного, интеллигентного, добавлю, культурного класса Европы, то горец заключил бы их в свои объятия и сказал бы громко: «Я поклоняюсь тому, чему поклоняетесь вы, я буду верен вам, как вы верны свету и правде...»

Не могу умолчать и о том, что во многом виновны наши собратья, получившие европейское образование, в деле отталкивания от последнего, но сохрани меня, Аллах, от упреков и раздражения.

Кто знаком с условиями, среди которых протекает современная жизнь горцев, тот простит им всем, что есть нехорошего в их настоящем прозябании. Удивляюсь, как при таких обстоятельствах каким-то чудом еще уцелело много былого, хорошего у нас, а потому высшее признание наших образованных братьев должны заключаться прежде всего в понимании былого хорошего у нас, в оценке и любви их к нему. Нужно сделаться научно просвещенным человеком, но безусловно и обязательно

оставаться горцем, и по воспитанию, и по духовному складу; стать естественным продолжателем древа горцев, не отрываясь от него и не чуждаясь благодарных, хотя и наивных, быть может, сородичей.

Поверьте, что лишь при таких условиях мы, образованные горцы, станем действительно соединительным звеном современной культурной жизни с жизнью наших, пока темных собратьев. И это — самое главное и трудноустраняемое препятствие из всех, лежащих на пути прозвещения горцев-мусульман.

Чтобы не быть ложно понятым, поясню точнее. Я вовсе не хочу именем древа выращивать особое растение, я хочу лишь сказать, что не все хорошо, что носит европейскую печать; много хорошего в бывшей жизни горцев, могущих быть истинным украшением короны европейской цивилизации. В этом мое глубокое убеждение.

Простите, дорогой Магомет-Бек, что я, быть может, не совсем ясно выразил свою мысль, но думаю, что вы поймете, и что я хотел сказать, для вас совершенно понятно.

*Ислам Абдул-Керимович
Хубиев (Карачайлы)
(1896—1938)*

Почти одновременно с Исламом Крымшамхаловым на страницах журнала «Мусульманин» выступал Ислам Абдул-Керимович Хубиев, тогда еще пятнадцатилетний гимназист. В годы советской власти был широко известен как активный общественный деятель и журналист. Он писал свои произведения и на русском, и на карачаевском языках. В 20-е годы был редактором областных газет, членом редколлегии и ответственным секретарем журнала «Революция и горец». Его перу принадлежит более 200 очерков, статей и корреспонденций, напечатанных в центральных и северокавказских газетах («Известия», «Молот», «Советский юг», «Советский Северный Кавказ» и др. и журналах «Жизнь национальностей», «Революция и горец», «Революция и письменность», «На подъеме» и др.).

Ислам Хубиев (Карачайлы) родился в ауле Карт Джурт, в семье крестьянина. После окончания четырехклассной школы поступил в Ставропольскую мужскую гимназию и успешно закончил ее в 1918 году.

Первые его еще юношеские выступления в печати (1911—1912 гг.) носили преимущественно просветительский характер.

В статье «Сословные недоразумения в Карачае», например, он призывал предпринять «ряд мер, разумно и умело направленных к тому,

чтобы упразднить вредные традиции, предрассудки и обычаи, ибо все гнилое и вредное должно уступать свое место новому, полезному». Одной из таких вредных традиций он называл сословную рознь в карачаевском обществе, особенно тяжело сказывающуюся на положении женщин...

Анализ социальных проблем, предпринятый в названной выше статье, был продолжен автором в статье «Положение женщины в Карачае». И. Карачайлы говорит о бесправии женщины в карачаевской семье и в обществе и считает его следствием невежества и безграмотности. Обучение арабской грамоте, по его убеждению, не могло образовать ее умственно и нравственно. Выход из создавшегося положения Хубиев видит в светском образовании женщины, в приобщении ее к русской грамоте. Главное препятствие этому он видит в сопротивлении духовенства, влияние которого на горцев было значительным. Вместе с тем, И. Карачайлы рассматривает это духовенство дифференцированно, выделяя сторонников и активных проводников светского образования, таких, как просвещенные и влиятельные эфенди Исмаил Акбаев, Джагафар Хачиров, Хусейн и Хамзат Урусовы и др. Хубиев призывал этих прогрессивно мыслящих и образованных людей «своим авторитетом помочь делу образования и улучшения наших несчастных, обездоленных сестер».

Интересы Хубиева обращены на самые актуальные вопросы общественной жизни народа. В поисках их решения он стоит на путях либерального просветительства.

В своей литературно-публицистической и общественно-преобразовательной деятельности Ислам Крымшамхалов и следовавший за ним Ислам Хубиев ориентировались на русскую культуру, в связях с нею они видели возможность культурного возрождения карачаевцев, как и других народов Кавказа.

Эта ориентация, разделяемая большинством образованных горцев, оказала сильнейшее влияние на формирование группы единомышленников И. Крымшамхалова и И. Хубиева.

Представляя всю сложность задач, стоявших перед местной интеллигенцией, карачаевские просветители считали необходимым сплочение всех культурных сил, всех образованных людей, в том числе и получивших мусульманское образование и в силу этого ориентированных на культуру Востока.

К числу первых опытов по созданию в дореволюционное время литературы на родном языке относятся и переводы популярных на Востоке классических поэм «Тахир и Зухра», «Лейли и Меджнун», «Хосров и Ширин» и др. Популярность этой литературы среди карачаевцев в дооктябрьский период подтверждают обнаруженные недавно книги, например, поэма «Тахир и Зухра», изданная в Темирхан-Шуре (Дагестан)

в 1915 году (1338 год указан на титульном листе — по мусульманскому летоисчислению), поэма «Сахиб Джамал и Бузджигит». Фрагменты этих произведений и поныне бытуют в народе.

Творческая деятельность всех этих различных по своему художественному значению и ориентации групп интеллигенции и отдельных личностей была направлена к одной цели — просвещению и развитию культуры народа. В дооктябрьский период под воздействием передовой русской культуры происходил исторически необходимый процесс накопления и осмысления собственного культурного наследия и определения путей развития. Процесс этот получил блестящее развитие, когда были созданы социально-экономические предпосылки для расцвета национальной культуры, литературы, искусства. Доказательством тому — деятельность поколения интеллигенции, вступившей на путь общественно-литературной деятельности в начале XX века (Ислам Хубиев, Ислам Акбаев и др.)

Ислам Къарачайлы

«Неисторические» национальности и М. Горький

Жизнь Максима Горького богата различного рода переживаниями и испытаниями. Эта жизнь принадлежит к разряду тех, которые справедливо называть «жизнью-поэмой». Ведь дело в том, что Алексей Максимович, основательно знакомый с житейским «дном», благодаря особенностям своего характера, своей пытливой природе, вечно стремящийся ввысь, не остается внизу, «на дне» жизни, а поднимается на ее вершины. Но жизнь Горького представляет собой совершенно исключительный интерес для людей, так сказать, его ремесла, как образец удивительного сочетания благородства и трезвого реализма. Алексей Максимович, поднявшись на вершину мировой славы из глубочайших низов, не перестает напоминать своим корреспондентам и пишущей братии о том, чтобы они, достигнув «степеней известных» и даже великих, не зазнавались, не проникались самодовольством, не занимались самовосхвалением (отношение к лефтовцам), а неустанно работали над тем, чтобы поднимать свой культурный, литературный и... человеческий уровень, чтобы быть более достойными уважения.

Но если все эти стороны личности и творчества Алексея Максимовича нашли свое отражение в той большой литературе, которая о нем уже

составилась, то у Горького в его писательском облике, есть одна сторона, которая для Алексея Максимовича не менее дорога и значительна — мы берем на себя смелость это утверждать — чем любая из сторон этой богато-одаренной и благородной натуры.

Мы позволяем себе остановиться здесь на этой стороне его писательского облика, прежде всего, в силу особого значения его для читателей нашего журнала, а затем — в силу ее культурно-воспитательного характера.

Мы здесь имеем в виду отношение Максима Горького к нерусским национальностям Советского Союза, в частности к тем, которые прежде третировались, как «безъязычные», т. е. бесписьменные, неисторические.

Ну, что это еще за новый вопрос? — могут нам возразить. Не один только Горький, но все советское писательство, вплоть до попутчиков, признает, что в Советском Союзе все народы — братья, все трудящиеся разных национальностей — полноправные граждане Союза!

Ставить вопрос таким образом, значит, не понимать значения вопроса во всем громадном его объеме, особенно в такой многонациональной стране, как Советский Союз, и особенно в переживаемый нами момент, когда во всю широту ставится вопрос об интернациональном воспитании трудящихся угнетенных масс различных национальностей, об интернациональном воспитании молодежи и о том, чтобы всю нашу работу пропитать идеями солидарности и братства трудящихся всех национальностей...

Малым народностям Союза недостаточно, что их «признают», считают «братьями», «полноправными гражданами», когда в то же время писатели не замечают их общественных недугов, страданий, нужд, столь живучих остатков угнетения, когда все это в их творчестве не находит никакого, даже слабого отражения. Такому «признанию» цена небольшая.

Можно их признать сколько угодно и как угодно одновременно бесконечно чуждым им, интересам их культурного и национального возрождения, обучения их простой грамоте, преодоления ими элементов старого уклада, оковы которого они рвут. Нет, от писателя будем требовать гораздо больше.

Мы знаем, что жизнь наших национальностей, их успехи, их борьба за свое и всех трудящихся счастливое будущее, преодолеваемые ими трудности на путях политического, культурного, национального возрождения интересуют писателя.

Горький много читает о Кавказе, о различных многонациональных углах Союза, ведет переписку со своими корреспондентами, которые пересылают ему выходящую у нас литературу, информируют писателя по интересующим его вопросам. В частности, он интересуется литературой горской и литературой о горцах.

Для него, как для всякого человека действительно большого сердца, нет «ни эллина, ни иудея», не существует так называемого «национального признака».

Разумеется, его симпатии, его лучшие чувства принадлежат тем, кто из глубочайших низов пробивался к свету, кто был наиболее угнетен в прошлом, кто в силу своей роли не паразита, а творца, хотя бы и маленького, заслуживает лучшей доли.

Вспомним наиболее памятные выступления Горького. Тот, кого принято у нас в обиходе называть националом, не избалованный в прошлом хорошим отношением к себе, в каждом из них найдет нечто значительное, дорогое для себя, волнующее, нечто такое, от чего испытывает большое нравственное удовлетворение, говорящее о большой чуткости и отзывчивости писателя...

В памятной статье, кажется в «Правде», по случаю 10-летия Октябрьской революции, Алексей Максимович не позабыл дать необходимую оценку и «пожать руку» тому серому, незаметному, но в то же время незаменимому, бесконечно нужному «маленькому» работнику-массовику, который занят великой работой, который занят, так сказать, черновой работой по строительству социализма и в горах Кавказа, в его заброшенных аулах и ущельях.

Вспомним его нашумевшую в свое время статью в «Читателе и писателе» — «О пользе грамотности», где, между прочим, отмечая промахи и ошибки нашей «критики», писатель бичует недопустимое, нетактичное подчеркивание в рецензии об одной книге инородческого происхождения ее автора.

Вспомним его прошлогоднее, столь же нашумевшее в СССР и за рубежом, письмо к Ромену Роллану, где он особо с удовлетворением отмечает, как факт большого значения, зарождение и развитие литературы у народов Кавказа, у черкесов, чеченцев и других, которые еще недавно не имели никакой письменности и литературы и, выражаясь фигурально, были немymi, безъязычными.

Нельзя, наконец, пройти мимо той статьи в журнале «Наши достижения», отрывки из которой по «Союзу Советов» недавно обошли нашу печать.

Для тех товарищей, которым не довелось прочесть эту статью от начала до конца, мы позволим себе привести одно место из нее, наиболее выразительное, заражающее читателя тем волнением, от которого несомненно учащенно билось сердце в груди автора:

«Дважды я был потрясен, — пишет Алексей Максимович, — до глубины души зрелищем энтузиазма людей, разбуженных к новой жизни, зрелищем их пламенного восторга: первый раз — на московских «Брат-

ских курсах», где сто сорок батраков, кончив общеобразовательные курсы и разъезжаясь по деревням, пропели «Интернационал» с такой изумительной силой, какой я не чувствовал никогда еще, хотя и слышал как «Интернационал» пели тысячи, — прекрасно пели, но это было пение верующих давно и крепко, а сто сорок батраков спели символ веры борцов, как люди только что и всем сердцем принявшие новую веру, и поразительной мощью звучал гимн ста сорока сердец, впервые объединенных в одно. Но еще более, неизмеримо более глубокое впечатление пережил я на культурном празднике тюрков в Баку — они праздновали шестилетнюю годовщину латинского алфавита. Это было в зале «Дворца культуры», в тесно набитом людьми зале, где температура достигала, вероятно, градусов 50, если не выше, и люди как бы таяли. Изумительный старец Самед-Агамали-Оглы, президент республики тюрков, инициатор замены арабского алфавита латинским, говорил пламенные речи, как юноша. С законной гордостью он вспоминал, как Владимир Ильич сказал ему:

«Латинский алфавит — первый шаг, которым вы начинаете культурную революцию среди тюрков».

Правда, все, что мы говорим здесь о выступлениях Горького, «мелочи». Но какое безмерно большое нравственное удовлетворение дает нам каждая из этих «мелочей», как она трогает «иностранца» в многонациональной стране.

Для полного понимания значения этих «пустяков», нужно самому быть немного «иностранцем».

Еще два слова.

Среди многочисленных сознательных революционеров-горцев, имевших отношение к литературе, особняком стоит чеченец Асланбек Шерипов, молодой писатель и историк горцев, богато одаренный природой человек, организатор и вождь пролетариата г. Грозного. Не даром рабочие горняки г. Грозного поставили ему памятник — в четвертую, кажется, годовщину его смерти. Это — удел, который очень редко приходится на долю сына такой «неисторической» народности, как чеченцы.

Алексей Максимович был самым любимым писателем молодого Асланбека, сыграл огромную роль в его развитии, в направлении его психики. А «Песнь о Соколе» Горького, которую он знал хорошо и любил часто читать наизусть, была любимым произведением Шерипова.

«Безумству храбрых поем мы славу.

Безумство храбрых — вот мудрость жизни», —

любил повторять Асланбек, сам самозабвенно-храбрый, павший от пули палачей в момент решительной схватки в сентябре 1919 года.

Не правы те, кто считает «счастье битвы» и «безумство храбрости», присущие Соколу, только «борьбой ради борьбы», только «порывом

мятежного индивидуалиста» порывом общественно-бесцельным и бесплодным».

Асланбек Шерипов, горячий поклонник Горького, своей жизнью, борьбой и гибелью за великое дело доказал, что он до конца понимал эту Горьковскую мудрость, которая в эпоху безвременья зажигала и возвышала для борьбы наиболее чуткие сердца.

Среди русских писателей Алексей Максимович Пешков один из немногих, чьи имена можно перечислить по пальцам одной руки, был и остается самым близким и самым симпатичным «неисторическим» национальностям Советского Союза, ныне проснувшимся для великого строительства.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Назовите имена просветителей конца XIX — начала XX веков. Почему мы называем их просветителями?

2. Как вы считаете, в чем заключается значение русской культуры для просветительства на Северном Кавказе?

3. Вы прочитали «Письмо редактору журнала «Мусульманин» Ислама Крымшамхалова. Как, по-вашему, актуальны ли сегодня некоторые положения этого письма? Если да, то какие и для кого?

4. Почему И. Крымшамхалов называет культуру «значительной части общества», именуемой «цивилизованным обществом», «гнилой»?

5. Мысли Ислама Крымшамхалова о духовной, нравственной культуре горцев — процитируйте их из его «Письма...»

6. «Истинная цивилизованность», «истинно цивилизованный человек» — идеал И. Крымшамхалова. Какое содержание он вкладывает в эти понятия?

7. Воспользуйтесь философским энциклопедическим словарем и прочитайте статью «Цивилизация».

Карачаевская литература (1917—1943)

✓ Дореволюционные усилия первых карачаевских просветителей распространить грамоту среди родного народа, разработать карачаевскую письменность подготовили почву для осуществления этих замыслов в дальнейшем.

Их начинания не были забыты, когда возникли реальные возможности для развития карачаевской литературы. В 20-е годы решалась задача развить прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительские учреждения на родном языке. В 30-е годы, когда уже появились национальные кадры интеллигенции, работа активизируется.

В 1928 году арабский алфавит был заменен латинским (русская графика была введена позже, в 1938 году). Тем самым был сделан

значительный шаг в деле ликвидации неграмотности, упорядочения книгоиздательского дела на родном языке. К 1930 году все дети обучались на родном языке. Педтехникумы, педрабфак, затем учительский и педагогический институты готовят кадры карачаевской интеллигенции, группируют вокруг себя творческие силы.

Первые литературные опыты связаны с возникновением периодической печати. В газетах на русском языке «Горская беднота» (1922), «Горская жизнь» (1924), а потом на карачаевском языке «Таулу Джапшау» (1924), «Таулу Джарлыла» (1928) публикуются стихи, фельетоны, рассказы, пьесы начинающих карачаевских поэтов, прозаиков, драматургов — Иссы Каракотова, Абидат Боташевой, Азрета Уртеннова, Даута Байкулова и др. Вслед за газетами появляются книги на карачаево-балкарском языке — буквари, книги для чтения.

Составители пишут и включают в учебники стихи, рассказы, делают художественные переводы, обрабатывают сказки, загадки, песни и тем самым становятся участниками литературного процесса. Народные певцы отражают новые явления, вносят в молодую литературу богатство изобразительных средств народной словесности. Формируются жанры письменной литературы.

Драматургия

Большой вклад в развитие литературы внесла литературная самодеятельность кружков, учебных заведений, агитколлективов, карачаевского ансамбля песни и танца, где создаются рассказы, пьесы, сценки. Особую роль сыграл их репертуар в зарождении и развитии драматургии.

В начале самодеятельность сильно напоминает форму народных представлений, называемых «теке» («козел»). В них преобладает элемент импровизации и тесное взаимодействие с аудиторией. Репертуар самодеятельного театра складывается из переводных пьес и пьес карачаевских авторов. Наиболее плодотворной была деятельность Геммы Гебеннова, автора, постановщика ряда пьес и исполнителя ведущих ролей. Актуальна была проблематика молодой драматургии. Она разрабатывала темы гражданской войны, коллективизации, борьбы с косными обычаями и религиозными предрассудками, с невежеством, с угнетением и бесправием женщины. Наметилось и жанровое разнообразие: агитационно-публицистическая героическая пьеса, героико-комическая пьеса, социально-психологическая и историческая драма.

Попытки создать идеальный, героический характер защитника интересов трудового народа, родственник сказочным и песенным героям,

прослеживается в пьесах А. Коркмазова «Красный командир в плену у кадетов» (1929), А. К. Батчаева «Ахмат-Батыр» (1933), посвященных теме гражданской войны в Карачае.

Пьеса Шахарбия Эбзеева «Огурлу» (1931) — это социально-бытовая комедия, в центре которой образ батрака, такого плутоватого простака, одерживающего победу над богатыми и власть имущими. Пьеса была создана в 1931 году, шесть лет она бытовала в рукописи, ставилась на сцене, была показана на олимпиаде горских народов Северного Кавказа в Ростове-на-Дону (1931). И только в 1937 году пьеса была опубликована в окончательном варианте. Так шлифовалось произведение в процессе его сценического воплощения по мере роста идейно-художественной зрелости автора.

Поэзия

К первому поколению карачаевских поэтов принадлежат Исса Каракотов, Азрет Уртенев, Даут Байкулов.

Исса Заурбекович Каракотов (1900—1942) родился в карачаевском ауле Джёгетей. Сначала он учился в школе при мечети, а затем окончил русскую сельскую школу. В 20-е годы окончил университет трудящихся Востока в Москве. Первую небольшую книгу стихов «Новые песни» опубликовал в 1924 году в Москве. Произведения этого сборника обличали прошлое, направлены были против духовенства, призывали к раскрепощению женщины, строительству новой жизни, овладению новой культурой.

По возвращении из Москвы Исса Каракотов активно включается в советскую работу. Поэтическое творчество его оказалось тесно связанным с газетой, с журналистами и поэтами, тоже делавшими свои первые шаги в литературе (А. Уртенев, А.-К. Батчаев). Написал он немного — всего около трех десятков стихотворений. Итогом творческой деятельности поэта стал сборник стихов «Революционные песни» (1931 г.). В него вошли произведения, написанные в 1926—1931 гг.

Первые поэтические мотивы и образы были навеяны Иссе Каракотову родной природой. Величавые горные цепи, вознесшие над собой двуглавую вершину Эльбруса, выступают в его поэзии как символы мощи и неиссякаемых богатств Родины. Стихия грозowych туч, туманов, бурных рек, лесных завалов окрашивают его поэзию в яркие романтические тона.

В стихотворении «Кавказ» (1928 г.) Каракотов слагает вдохновенный гимн своей родине:

Гордый Кавказ, «Салам!» — говорю я тебе,
Высоким прекрасным горам,
На плечи которых стаями опускаются сизые тучи,
Прилетающие в гости из далеких краев.

Поэтические ассоциации, возникающие у Иссы Каракотова, естественны и просты, связаны с привычными представлениями горцев об окружающей их природе и быте. Поэт пишет, что облака, сплетаясь друг с другом, сворачиваются, словно клубки шерсти.

Прекрасные, журавлиноглазые горы меняют свой вид,
Надолго смежают ресницы свои.
Укрывшись фатой от дурного глаза,
Высокие горы повиты туманами,
Прекрасные долины покрыты зеленой муравой.

В центре стихотворения слово Эльбруса, обращенное к Казбеку. В нем выражено страстное желание могучих гор раскрыть и отдать свои сокровища миру, помочь мужественному и трудолюбивому народу своих ущелий построить новую жизнь:

Неисчерпаемы богатства мои:
Тенисты склоны, сочны травы на пастбищах;
Золото, серебро хранят мои горы:
Шумят воды,
Утоляющие жажду, орошающие землю,
Излечивающие болезни.

Человек представляется поэту неотъемлемой частью горной природы. Она не подавляет его своей грандиозностью. Человек живет и действует в ней как ее полноправный хозяин.

Пейзаж подвижен, динамичен. Изображаемые поэтом ущелья и вершины наполнены жизнью, населены людьми, художник воссоздает в воображении читателя резвящихся животных, звенящие голоса птиц, шум реки, запахи трав, шелест лесов.

В широте мысли поэта, стремящегося охватить и красоту природы и жизнь горцев, в живописности стиха, в патетике интонаций чувствуется подлинный гуманист, человек, наделенный пылким воображением, большим человеческим достоинством.

Осознавая индустриализацию прежде всего как пафос преобразования мира, овладения стихиями природы, Исса Каракотов посвящает этой теме

целый ряд стихов. Поэта волнует жизнь народа, он воспекает его успехи, достижения («Городу Баку — матери нефти», «Сельмаш», «Рассказ пастуха», «Дар свободы»).

Стихотворение «Городу Баку — матери нефти», написанное после открытия нефтепровода Баку—Грозный—Туапсе (1929), по своей художественной изобразительности напоминает гравюру: «Лоно земли включает в свои объятия черные вышки, словно башни», «бьет, рассекая землю, нефть — черная кровь», «выскальзывая из недр, подобно змее, фонтаном она взматывается к небу, уподобляясь черной туче», «распустив черные пряди, клубясь, вновь падает наземь... и мчится по трубам к Черному морю».

В стихотворении «Сельмаш» поэт воспринимает этот гигант сельскохозяйственного машиностроения как огромное живое существо и вступает с ним в разговор. В патетическом монологе завода раскрывается его роль в жизни страны, в жизни горцев, а также международное значение промышленного строительства в СССР.

В поэме «Спор комсомольца с муллой», форма которой навеяна антирелигиозными диспутами конца 20-х годов, поэт противопоставляет идеологию передового горца-материалиста идеологии эфенди — носителя догм мусульманства.

Исса Каракотов явился зачинателем пейзажной лирики, революционной песни, стихотворного диспута, лирической поэмы. В творчестве Каракотова впервые отразилось самое главное и новое, по сравнению с фольклором, — ощущение того, что перед раскрепощенным человеком распахнулся огромный мир, а сердцем и разумом его овладела идея социального переустройства жизни всего человечества.

Исса Каракотов героически погиб в танковом бою в 1942 году.

Азрет Локманович Уртенев (1907—1937) — один из зачинателей карачаевской поэзии. Родился в Большом Карачае в ауле Карт-Джурт, поэтому и выступал под псевдонимом Азрет Картджуртлу (Азрет из Карт-Джурта).

В Карт-Джурте Уртенев закончил мусульманскую школу (медресе), а затем начальную школу на русском языке в 1924 году. Далее учеба в городе Симферополе, в Крымско-Татарском педагогическом техникуме, который он окончил в 1926 году. В эти годы он много читал на арабском, русском и таких тюркских языках, как кумыкский, крымско-татарский.

Был связан с оживленной литературной жизнью Крыма начала 20-х годов. Литературно-художественное окружение молодого Уртенева немало способствовало развитию его таланта и настойчивому стремлению овладеть поэтическим мастерством. Вместе с Уртеновым в техникуме учились его земляки: балкарский поэт Саид Шахмурзаев и карачаевский

поэт Хасан Бостанов. Дружбу с ними Азрет Уртенев пронес через всю жизнь. В сферу творческих интересов Уртенева входила и деятельность многочисленных литературно-художественных кружков Крыма. В автобиографическом стихотворении «Крым» он так пишет об этой поре своей жизни:

Мне ясно: молодость моего сердца прошла там.
И тот свет знаний, который проник в него,
Проник там...
Где Бахчисарай поведал мне впервые свои легенды.

Азрет Уртенев был поэтом-агитатором в лучшем смысле этого слова. В его творчестве звучат мотивы, характерные для всей карачаевской поэзии 20—30-х годов. Темы революции, социальных преобразований, формирования нового человека дополняются у него темой поэта и поэзии («Я начал», «Перу и тетради» и др.), стихами для детей... Первый сборник стихов Уртенева «Новые песни» (1927) разрабатывает эти темы. В нем ясно ощутимо формальное влияние восточной поэтики, сказывающееся в строфике его стихов, в пристрастии к развернутым периодам и перифразам, в обилии арабизмов.

Влияние арабской литературы — явление исторически неизбежное: мусульманское вероисповедание порождало в быту, нравах, в социальных взаимоотношениях ряд моментов, родственных народам Востока. Немногочисленная интеллигенция, из которой вышли зачинатели карачаевской литературы, самым образованием была приобщена к арабской культуре и пользовалась арабским языком. Творчество Уртенева наиболее показательное в этом отношении: его поэзия развивается в привычных нормах восточных традиций, благодаря чему даже ранние его стихи приобретают стилевую законченность, композиционную стройность; этим путем он совершенствует свое мастерство, овладевает профессиональными навыками.

Каждый раз, как вскипят, волнуясь,
Бурлящие в юном сердце волны,
Каждый раз, как берут у жизни песни и мелодии
Струны, поющие волнам,

Льются на твои страницы, тетрадь моя,
Самые горестные из моих песен,
Капают на них по одной
Горьких песен моих капли.

Ты, мое беспощадное перо,
Избери дорогу правды и справедливости,
Не позволяй богачу терзать бессильный народ,
Будь враждебно и нетерпимо к насилию.

Буду творить, как сказал.

Эта вода (чернила — А. К.) не пресытит меня, не набьет оскомину.
Не уставай, мой вправленный в камышовую ручку,
Пишущий железный калам...¹

Перевод А. Караевой.

Здесь присутствует образ поэта — народного заступника, стилизованный в духе восточных традиций.

Второй и третий сборники Уртенкова «Искры свободы» (1929), «Стихи и поэмы» (1934) свидетельствуют об учебе Уртенкова у русской советской поэзии 20—30-х годов. Вначале это было влияние пролеткультовской поэзии, как и у Каракотова. Здесь и поэтизация революционных преобразований и социальный пафос, символичность и абстрактный коллективизм, та же образная система, те же интонации гимна, марша, лозунга, та же четкость, энергия ритмов, которыми пролетарские поэты пытались передать «железную поступь миллионов» («Тринадцать», «Железный век», «Сон кузнеца»). Для этих сборников характерен революционный аскетизм и во взгляде автора на действительность, и на личность; отсутствует интимная лирика, центральное место отводится общественной проблематике, лирический характер суров и схематичен.

Новые интонации, новые ритмы Маяковского поэт воспринимает вначале поверхностно, с чисто формальной стороны, но затем проникает в сущность поэтики Маяковского и ломает традиционный силлабический стих народной поэзии, расширяя его интонационные возможности. Усиливается роль рифмы в стихе. Все это делает карачаевский стих гибче, эмоционально богаче, действенное.

Уртенков учится строить сюжет, давать яркие и лаконичные жанровые зарисовки, легко очерчивать живые характеры («Нищая», «Карачаевский той», «Наш дед», «Я помню», «Охотники» и т. д.).

Уртенков интенсивно разрабатывает жанр лиро-эпической поэмы. На поэмах «Учти!», «Бай и батрак», «Мулла и смерть» можно проследить обогащение карачаевской поэзии. Это — сближение поэта с жизнью народа, с образом его мышления, активная общественная деятельность поэта и сознательное обращение к традициям фольклора. В поэме «Мулла и смерть» поэту удалось создать типичный и узнаваемый образ эфенди.

¹Калам (араб.) — перо.

Идейная зрелость поэзии Уртенкова отразилась в поэме «Письмо Сулемена к Сурат». С нею впервые в карачаевскую литературу вошла тема любви. Удачно была найдена эпистолярная форма как средство психологической характеристики героя. Поэт проявил себя мастером композиции и сюжетостроения, достиг убедительной образности поэтической речи. В поэме творчески использованы традиции восточной поэзии в изображении Сурат, в обращении к форме восточной притчи.

Лиро-эпическая поэма «Сафият», посвященная трагической судьбе женщины-горянки в патриархальном обществе, явилась как бы итогом поэтической деятельности Уртенкова. В ней сконцентрированы лучшие стороны его таланта; яркие реалистические картины быта и нравов сочетаются с изображением типических характеров в их эволюции, с непринужденно-эмоциональным раскрытием характера лирического героя. Творчество Уртенкова отразило ряд существенных черт развивающейся карачаевской литературы; ее сближение с реально-исторической жизнью народа, расширение идейно-тематического диапазона, путь к реализму, углубляющийся психологизм. Уртенков целеустремленно овладевал художественным мастерством, учась у родного фольклора, у восточной поэзии, у русской поэзии 20-х годов, у Маяковского.

Карачаевская поэзия в творчестве Уртенкова обретает свою исторически обусловленную национальную форму. Он стал учителем талантливой молодежи, шедшей на смену первому поколению писателей. Кроме того, он был талантливым переводчиком, перу которого принадлежат переводы сказок Пушкина («Сказка о царе Салтане...», «Сказка о попе и работнике его Балде», «Сказка о рыбаке и рыбке» — 1937; переводы из творчества известного осетинского драматурга Д. Кусова и др.). А. Уртенков был и опытным журналистом, проявившим себя в сатире и публицистике. Большую роль сыграл в организации литературной деятельности карачаевских писателей и сам стал одним из первых членов Союза советских писателей (1934 г.).

Азрет Уртенков

Я начал

В небо, скованное
Грозными черными тучами,
Ударил железная пята,
И пролился свет на землю.
В этот день птица,

Избавившаяся от хищного орла,
Сказав: «Будь свободен!» —
Протянула мне дар.
Взял я этот дар;
Весь я заблистал, засверкал
И от великой радости
Начал петь песни.

Перевод *А. Караевой*.

Железный век

Наш век — железный век,
Мы железные богатыри века.
Век вдохнул в нас стальную душу,
Мы стальные частицы века,
Железо создало этот век,
Этот век породил железо.
Это железо пережёвывает
Уголь, оставшийся от века «нартов»...
Мы — железная армия века,
Мы стремимся к твердому единству,
Мы любим и одобряем
Сталь, железо в убеждениях.
Век стал великим просеиванием,
Он отбрасывает сор и грязь,
Век вырывает корни насилия,
Льёт сияние Плеяд на землю.
Наш век — железный век,
Этот век выше всех веков,
Только в этот век мы увидели
Железных людей.

Перевод *П. Балтина*.

Даут Пагоевич Байкулов (1902—1942) — родился в ауле Верхняя Мара. Учился в сельской школе. В 1925 году закончил учительские курсы, стал работать учителем в школе и селькором в газете «Таулу Джашау». В 1929 году — он слушатель отделения журналистики Ростовского комвуза. После окончания учебы работал в редакции газеты «Къызыл Къарачай». Связь с газетой не прерывалась на протяжении всей

его жизни. Собратьям по газете он посвятил свои стихи «Друзьям-корреспондентам», «Моей газете «Таулу джарлыла» (1933 г.). В 1942 году Даут Байкулов — корреспондент фронтовой газеты — погиб на фронте.

Первое произведение его — рассказ «Жизнь Бекмурзы» (1931). В том же году вышел первый его сборник «Стихи за новую жизнь», с дополнениями переиздавался в 1933 и 1937 годах. Жанр поэмы, до этого разрабатываемый Азретом Урtenовым и Иссой Каракотовым в творчестве Даута Байкулова получает дальнейшее развитие: «Марьям и эфенди» (1932), «Шамай прежде и теперь» (1934), «Залихат» (1935). В том же году издан сборник «Стихи».

Даут Байкулов известен и как талантливый переводчик. Так, широко известны его переводы из Пушкина: «Бахчисарайский фонтан», «Братья-разбойники», «Сестра и братья», «К Чаадаеву», «В Сибирь», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Соловей».

Заметное влияние на творчество Байкулова оказали сюжеты и общий жизнеутверждающий дух родного фольклора. В сборнике «Песни и сказки» (1940) были опубликованы сказки в стихах «Медведь и старик», «Кто больше?», «Неродившийся мальчик», «Судья и бедняк».

Проза

Карачаевский прозаик Хасан Аппаев (1904—1938) родился в ауле Карт-Джурт. Учился в Новочеркасском политехническом институте. В 1936—37 гг. работал первым секретарем ОК КПСС Карачая. В 20-х — начале 30-х годов публиковал систематически на страницах газеты «Таулу джарлыла» статьи на общественно-политические темы, отражавшие его идейные позиции и взгляды. В 1935 году выходит в свет первая книга романа Хасана Аппаева «Черный сундук», в 1936 году — вторая. Жанр романа был совершенно новым для карачаевской литературы. В его становлении определенную роль сыграли опыты в прозе и Азрета Урtenова («Рассказы Насра Ходжи»), и Даута Байкулова (рассказ «Жизнь Бекмурзы»), а также художественная и публицистическая проза Ислама Карачайлы. Но именно Хасану Аппаеву удастся создать первый карачаевский роман со всеми присущими этому жанру чертами.

Тема романа — дореволюционное прошлое Карачая. Он повествует о событиях конца 90-х — начала 900-х годов, предшествовавших первой русской революции. Автор не задавался целью написать исторический роман. Для него было важно показать жизнь горской бедноты, стихийный протест и освобождение их от власти религиозных и националистических предрассудков. И это ему удалось, хотя конкретные формы влияния

освободительного движения в России в действительности были несколько иными. Название романа «Черный сундук» связано с фольклором и имеет обобщенно-символический характер.

В основе романа лежит конфликт между народом и парализирующей верхушкой. Он определяет композицию произведения, многоплановость его сюжета, систему образов и принцип их типизации. Завязка романа — столкновение мужественного, непримиримого к несправедливости юноша-батрака Канамата с аульной властью. Кульминация — выступление русского рабочего Семени и группы его товарищей-горцев против богачей и духовенства, пытающихся предотвратить религиозными «чудесами» вспышку народного недовольства. Во второй части романа сюжет разветвляется, автор на судьбах различных героев из народа показывает, что гнет, насилие, произвол и преступления власть имущих становятся все нестерпимей (история с пастухом Хамидом, с Файруз, с Джантемиром и Тауджан и т. д.), вызывая рост недовольства масс. Хотя «смутьяны» арестованы и вынуждены скрываться, их идеи становятся достоянием бедноты, поднимают ее на борьбу. В эпилоге рабочий-революционер Семен собирается на север, в Россию, откуда придет к горцам освобождение. Автор поставил своей целью изобразить различные стадии и формы борьбы карачаевской бедноты против угнетателей — от стихийного протеста одиночек до первых массовых выступлений, принимающих организованный характер.

Трудный и стремительный рост сознания масс, ранее находившихся под властью невежества, предрассудков, национального, социального и политического гнета, должен был отразить сюжет романа.

В характеристике персонажей Х. Аппаев мастерски использует различные и многообразные изобразительные средства: интерьер, портрет, прямую речь, взаимохарактеристики, авторскую характеристику, прием «двойника», вставные новеллы-хапары, этнографические детали, народные песни, пейзаж. Большую идейную нагрузку несут в романе массовые сцены, изображенные реалистически и ярко. На массовых сценах можно проследить эволюцию народного сознания: если в начале романа дан внешний облик толпы, соответствующий пассивности массы (сцена тоя), то в конце романа автор не только подчеркивает ее внешнюю активность, но и стремится раскрыть внутренний мир человека из толпы, общее настроение, общий ход мыслей, как результат сплочения в борьбе за общие интересы тружеников (эпизоды, изображающие тяжбу крестьян с бием Каншаубием). Благодаря этому читатель видит, как идеи активных борцов-одиночек становятся достоянием масс. Это и придает развязке романа перспективность, подлинный оптимизм, хотя внешне события развиваются неблагоприятно для народа и его лучших сыновей.

Роман Аппаева интересен богатством своей стилистической фактуры. Основная реалистическая манера повествования сплетается с элементами романтического стиля, идущего от традиций фольклора (сюжетная линия, связанная с образом Канамата), с элементами сатиры, в которых ощутима связь не только с антиклерикальными мотивами фольклора, но и с восточной плутовской новеллой (Абдул-Кадыр), и публицистичности, характерной для русского социального романа (Образ Семена).

Мастерство автора сказывается не только в жанровых и бытовых зарисовках, в психологических характеристиках, но и в многочисленных пейзажах. Пейзаж играет существенную роль в произведении: он способствует раскрытию его идеи, иногда это пейзаж — символическое предварение или заключение событий. Часто пейзаж является средством характеристики героев, он то контрастирует с их переживаниями, то сливается с ними. В целом пейзаж у Аппаева — средство поэтизации народной жизни и образа человека-труженика. Подобная социально-психологическая функция пейзажа — явление новое по сравнению с фольклором. Оно связано с ростом художественности карачаевской литературы.

Своеобразие социально-психологической проблематики романа, широкое и мастерское изображение быта, нравов различных слоев, характеров, типичных именно для дореволюционного Карачая, и оригинальный язык, образность которого связана с привычным кругом народных представлений, — все это придает ярко выраженный национальный характер роману Аппаеву.

Хасан Аппаев

Черный сундук

Роман

Глава II

Тысячелетиями вырываются из-под вечных снегов на вершинах освобожденные горные воды, вечно торопясь, будто спотыкаясь и обгоняя друг друга, со свистом ветра они падают вниз, сливаются в глубокой теснине ущелья и стремительно несутся к морю, чтобы влиться в него.

Как только вступишь в аул, ухо твое слышит прежде всего гул Кубани и шум сосен, колеблемых ветром. И как бы ни был тонок и чуток твой слух, ни за что не сможешь отделить одно от другого.

Посмотришь сверху на аул и кажется, что широкие, раскрытые небу дымари на земляных крышах, как жерла пушек, извергающих дымящиеся ядра. Видно, нынче умер какой-то богач, потому что муэдзин с высокого минарета, не щадя себя, долго тянет на все стороны Салах¹. Услышав его, женщина, идущая по дороге, забывает о привычной сдержанности, поневоле выдает свою любовь к сыну: она оглядывается по сторонам, поднимает пыльную железную подкову и, зажав ее в зубах, протягивает ко рту ребенка. Заметив это, и другие женщины сзывают детей по дворам, чтоб сунуть им в рот железо и тем уберечь их от смерти. Здесь, в горных селениях, при звуке салаха — этом вестнике человеческой смерти — сначала людей пробирает дрожь. Потом начинают сетовать: «бренная жизнь», «суета сует», «всех нас ожидает то же», поминают дела усопшего; но если, по милости аллаха, вблизи не окажется родственников покойного, все согласно приходит к выводу: «Неважный был человек, да расплатится он за свои грехи на том свете».

И еще не кончились пересуды об умершем, а уж заядлые сплетницы — та едва успев сунуть ноги в стоптанные чупяки, другая — поправляя сползающий платок, третья с развязавшейся чох¹ — спешат разнести последние хапар по аулу. Ведь как бы ни было, а благодаря их стараниям всю подноготную о покойнике узнают скоро и в соседних аулах. Вот почему и говорят, что хапар долетает с быстротой ружейного выстрела.

Человеку, попавшему сюда впервые, кажется, что он очутился в каменном мешке: небольшая долина с четырех сторон окружена высокими горами. Стоит только людям, здесь родившимся и прожившим жизнь, выехать из аула, как чудится им, что уехали они за тридевять земель и вряд ли смогут вернуться обратно. Наверно, поэтому многие тут состарились и умрут, ничего не повидав за пределами своего ущелья.

Вот закончился очередной намаз: народ валит со двора мечети. Слово вожак бараньего стада, впереди не идет, а плывет эфенди, слева от него — старшина аула. Эфенди в зеленой-презеленой аба идет, перебирая в пальцах коричневые четки и опустив к земле полузакрытые веки. Но, не беспокойтесь, даже глядя в землю, он видит все получше тех, кто смотрит во все глаза: заметив ладную женщину, что проходит мимо, ведя за ручку малыша, он, обернувшись, якобы затем, чтоб позвать муэздина, провожает ее долгим, пронизывающим взглядом. Знай, ничто не скроется от потупленных глаз эфенди!

Кажется, рассказывает что-то интересное, потому что эфенди кивает каждый раз, когда тот, увлекшись, начинает размахивать руками. А что

Салах — молитва, возвещающая о смерти правоверного с приглашением на похороны.

Чох — здесь: форма ношения головного платка.

этот короткобородый, идущий слева от эфенди, — старшина или еще какой аульный чин, всякий раз угадает, не спрашивая. Достаточно взглянуть на черную-пречерную бухарскую шапку, на позолоченные ножны сабли, на золотые газыри, на ослепительно блестящие погоны, на медали, увешивающие грудь, — они звенят, раскачиваясь, будто маятник часов, невольно подумаешь: и как только умещается на этом худеньком старичке столько драгоценностей? Словно угадав мысли людей, старшина отцепил саблю и отдал ее идущему сзади слуге. Тот, держа золоченую саблю двумя руками, словно она была из фарфора и могла разбиться, верным псом шел за хозяином, не отставая ни на шаг, пока они не скрылись за углом.

Народ, против обыкновения, не расходился по домам, а спускался вниз, к правлению. Женщины собирались кучками на углах, размахивая руками, галдели.

— Приехал...

— Пристав...

— Со стражниками...

— Кыямыту, видно, придется ответ держать...

— Что ему? — Он один стоит всего аула...

Большой двор правления набит до отказа, посредине стоит стол с хлебом-солью. Угодливо бегают мыртазаки. Лениво и презрительно просматривают вокруг из-под козырьков всадники с саблями на боку.

Разбив толпу на две половины, мыртазаки встали по сторонам дверей правления с саблями наголо.

Оттуда выкатился, как бочка, усатый толстяк в фуражке. Грудь его увешана медалями и крестами; за ним вышли старшина Биймырза, старший эфенди Муххамад-Амин и первый богач в ауле — Кыямыт.

Пристав, сев со старшиной в свой фаэтон, покотил к Кыямыту. За ним — остальные. Издавна так повелось в ауле: если приезжает начальство, оно останавливается у Кыямыта.

Расходясь от правления, в толпе судачили:

— С трудом от одного избавились — так другой появился, живот такой, что годовалый бычок уместится!

— Клянусь Тейри, прижмет он нас налогом! Круто берется!

— Говорит, что расправится с семьями хаджиретов, если не вернутся сегодня же ночью...

— Э, брось, не видели мы что ли таких, как он...

Какому-то в бухарской шапке и с золоченым кинжалом на боку, видно, не по душе пришлись эти слова: он нахмурил брови, невольно выражая свое недовольство, но... промолчал. Вскоре послышался «харс» со стороны Кыямытова двора. Кому не хочется побывать на тое? — Вот и валит народ на звуки «харса». Тут и столетние старики, и женщины с деть-

ми на руках, подбирающие полы на бегу; бритоголовые парни в серых черкесках и белых рубашках, только что спустившиеся с кошей. Стоит посмотреть, как они поправляют пояса, встряхивают барашковые шапки, — и нет сомнений, что идут они на той!

Старики не принимают участия в веселье, зато они, сидя на крыше и глядя на той, вспоминают свою молодость, рассказывают о том, что повидали на веку, и кровь быстрее бежит по их жилам, разгоняя скуку. Что ни говори, а любят старые, собравшись, поболтать!

Молодые держатся тут по-другому. Большинство из них (кроме бездельников — завсегдатаи на тоях) пробыли на кошу по нескольку лет и теперь надеются здесь высмотреть себе невесту. Правда, бывает, что выберет девушку и полюбит ее, да отцу с матерью она не понравится, куда уж тогда жениться — не видать ее, как своего затылка. Ведь у каждого свой вкус: парню понравится хорошенькая, стройная, воспитанная. А отца и мать прежде всего беспокоит, из какого она рода, много ли приданого, будет ли покорна? Но все равно тянет-тянет парней на той, как пчел к цветам. Вот и сегодня идут — прихоращиваются. И как не всматривайся в их лица сегодня — не прочтешь на них истинных дум и тревог.

Глава III

С давних пор заведено у Кыямыта, что в гостиную (сам он называет ее отоу), кроме гостей, он никого не пускает и, замкнув ее, носит ключи на поясе, рядом с четками. Воздух в комнате застоявшийся, поэтому и Апанас, войдя, не отнимает от носа надушенного платка.

Русские чиновные гости не отводят глаз от одной из стен. И в самом деле, чего там только нет! Различной формы кинжалы в раззолоченных ножнах, серебром и золотом отделанные большие сабли, старинные горские ружья с золотой насечкой по слоновой кости, роги для пороха, волчьи и беличьи шубы. Длинные полки уставлены фарфоровой посудой.

На другой стене — парчовые платья, золотые кямары, тьюме, кафтаны, украшенные галунами и золотым шитьем.

Немалое богатство скопил для своей семьи Кыямыт. Да и как не скопить, если аульным старшиной он был лет пятнадцать, да доверенным прослужил девять—десять лет, часто обирая людей до последнего барашка. Как не скопить, если столько батраков, умножавших его стада на кошах, выгнал Кыямыт, не заплатив ни гроша!

Ударит Кыямыт палкой об землю, решив какое-либо дело, — и никто ему перечить не посмеет, ничего, что стар стал: там, где есть что урвать, он метет как хорошая метла.

Пока Кыямыт был в комнате, чиновники сдерживались, но как только закрылась за ним дверь, один из них (видно, подчиненный Апанаса) — худосочный, сутулый, лысый, в пенсне, которое соскакивало с носа, горбатого и тонкого, как острие секиры, — разразился:

— И как только вы терпите, Федор Иванович? Я не выдержал бы и недели, а если б не барашка ихняя, — и не заглянул бы в эту дыру!

При слове «барашка» Апанас зажмурился и задвигал челюстями: видно, почуял запах жаркого, представил вкус мяса — и слюнки потекли.

— Если приготовить баранину с капустой, да к ним тузлук, да перед этим рюмочку — расчудесно. Есть у них ещё такой... ариян...

От нетерпения Апанас подбежал к окну, но так как угощения видно не было, а доносился лишь дразнящий запах, он махнул рукой, подозвал приятеля и, отвернувшись, стал рассматривать оружие на стене.

В это время дверь приоткрылась и показался край подноса, заметив это, оба умолкли и, потирая руки, снова принялись шагать из угла в угол.

Слуги Кыямыта мигом устали стол напитками и едой. Батареей выстроились винные и водочные бутылки. Приятель Апанаса, краем глаза поглядывая на стол, замурлыкал какую-то мелодию.

Вслед за последним подносом с хычинами вошел Биймурза с мыртазаками.

Увидев, что все готово, чиновники сели за стол, не дожидаясь приглашения, и вооружились ножами.

После первых рюмок, выпитых за здоровье батюшки-царя и присутствующих гостей, языки у всех развязались.

Апанас, чьи губы и нос уже лоснились, стал похож на кота, слизавшего с супа жир; набивая за обе щеки, он приговаривал:

— Во многих местах я бывал, но ничего лучшего не едал, чем барашка Кыямыта. Выпьем за здоровье барашки! — с этими словами он взял за талию цапленую рюмку. Когда рюмки были поставлены на стол вверх дном (в знак того, что выпито достаточно); взгляд Кыямыта упал на одного из мыртазаков, стоявшего у двери. Бедняга, он, видно, любил выпить, да никто не догадался поднести ему, а сам он, наверное, попросить стеснялся и только жадно провожал глазами каждую рюмку. Заметив это, Кыямыт улыбнулся в бороду и подозвал его:

— Держи, парень! Кто б ты ни был, налей того, простого, и пей, — сказал он, протягивая на закуску полпирого.

— Эй, рожденный от невоспитанного! Когда угощает старший, надо обеими руками брать! — прикрикнул Биймурза, грозя пальцем.

Кыямыт — человек необразованный, но нет среди богачей аула никого хитрее, изворотливее, чем он. Он никогда нос свой совать не станет туда, где выгодой не пахнет, головой не кивнет в ответ на приветствие,

если нечего с человека взять. Скуп и прижимист невероятно. Одна овца падет из двух-трех тысяч — батракам — скормит, а прирезанную вовремя — на базаре продаст. На кошу заночует — так, скупясь на муку, не велит гырджины печь, а прикажет похлебку мучную сварить. Людей наймет овец стричь и договорится шерстью расплатиться, — при расчете обязательно вместо хорошей шерсти очесы подсунет. Кто жил у Кыямыта в батраках, — в один голос твердят: хоть и тьма своего скота на пастбищах — у других воровать велит, чтобы наполнить вечерний казан. А теперь ему хочется и из приезда пристава для себя пользу извлечь.

Уж с каких пор ненавидит он соседа своего — батрака Канамата. За многое ненавидит: за то, что при встречах не жмет тот, как другие, ему руку обеими руками, справляясь о здоровье, о благополучии; за то что Канамат бросился с вилами на его младшего сына и силой угнал къунаджин, когда тот удержал из его осеннего заработка десять рублей. А совсем на днях внука Кыямыта избил Канамат за сынишку Темурки! Все это камнем давило душу Кыямыта. Нет, теперь, раз представился случай отомстить, — он не упустит его. И хоть был Кыямыт сейчас малость хмелен, но, представив себе, как после доноса приставу схватят Канамата, руки-ноги закуют в кандалы, как стражники сабли обнажат и погонят парня перед собой под причитания родственников, заранее ликовал Кыямыт; трижды погладил бороду свою, откашлялся и, потянувшись, поцеловал Апанаса в плечо.

— Да стану я твоей жертвой, дорогой ты мой гость! Отец мой долгое время верой и правдой служил русскому царю, и я, пока не умру, буду жертвой следу его!

Глава IV

— Вставай, милый! Вставай, Ибрагим! Пока не погас огонь, подбрось поленьев: Байдымат воду будет греть, чтобы голову помыть.

— Если ей надо мыть голову, пусть сама встает и подбрасывает!

— Глупый ты, кто же так делает? Ведь сестра на той пойдет завтра!

Не хотелось Ибрагиму вставать, но все-таки поднялся, принес со двора охапку сосновых поленьев и, морщась, бросил перед очагом.

Мелехан заметила, что он сморщился и, обеспокоенная, спросила:

— Что случилось, сынок? Что ты морщишься?

Ибрагим не ответил, опустил голову, но Мелехан уже заметила при свете огня следы крови на поленьях. Взглянула на ладони сына: одна была в синяках, на другой кровоточили две ранки. Едва мать начала разглядывать руку, у мальчика навернулись слезы. Байдымат, увидев ранки на ладошке любимого братишки, заплакала и с криком выбежала во двор.

Мать и так догадывалась, чьих это рук дело, но все же спросила:

— Кто это тебя?

Эфенди Муххамат-Амин, обучавший мальчика, несколько раз говорил ей без стеснения:

— Сын ваш, закончив аптиек, перешел к корану — вы должны прийти с подношением, иначе ребенок коран не осилит.

Мелехан и не против бы, только не было у неё таких денег, чтобы поднести эфенди пироги на подносе, халву и ягненка. Оттягивала она со дня на день, в надежде, что придет Темурка и можно будет, урвав от себя, сделать подношение Муххамат-Амину. Все глаза проглядела в ожидании Темурки, а его все нет и нет. Гадала у всех, сама раскидывала и, наконец, потеряв терпение, разуверившись в предсказаниях, — выбросила камешки, перестала высматривать не идет ли муж.

Обозленный тем, что не несут подношения, эфенди давно точил зубы на Ибрагима.

Однажды, когда ребяташки, жужжа, словно пчелы, перед мечетью заучивали урок, Мухаммад-Амин подошел и остановился, наблюдая. Стоял он возле Ибрагима, прислонившись к столбу, играя линейкой в руках.

Мальчик, заметивший приближение эфенди, особенно старательно вычитывал черные строчки, водя палочкой справа налево.

— Сколько раз говорил я тебе, чтоб ты читал коран, держа его выше пояса, — эфенди, защемив пальцами ухо мальчика, поднял его с земли.

— Дай руку, — сказал он, размахнулся, чтобы ударить и... — со всего маху огрел себя по коленке! — потому что Ибрагим успел отдернуть ладонь. Озверев так, что глаза его налились кровью, эфенди вскочил, велел старшим ученикам держать Ибрагима и бил его по ладошкам до тех пор, пока кровь ребенка не брызнула на его белый кафтан.

Одна рука мальчика кровоточила, другую жгло как огнем, но он изо всех сил сдерживал слезы, пока не скрылся за углом. Эфенди вошел в мечеть, чтобы совершить джума-намаз¹. После джума-намаза, взяв в руки коран, эфенди начал проповедь:

— О всемогуществе Аллаха можно судить по чудесам: когда пророк Дауд не мог перейти через море, то по желанию Аллаха он бросил палку, и тогда разверзлись воды, открылась дорога и прошел пророк со своим войском по дну, как по суку. Коран учит не вредить чужому достоянию, не воровать. Не завидуйте тому, у кого много скота. Аллах, создав людей, написал на лбу каждого, какое достояние ему отпускает, и больше отпущенного Аллахом никто не добьется. Не жалуйтесь же на свою участь

¹Джума-намаз — намаз в пятницу.

— не гневите Аллаха! Бая баем делает сам всемогущий, а бедняки должны бескорыстно служить богачам. Да не простится желание вредить достоинству другого!!!

Муэдзин, проходя мимо эфенди и заметив на груди его белого кафтана капельки крови, шепнул:

— Эфенди, ты делаешь намаз и проповедуешь, не свершив омовения: что это за кровь на кафтане у тебя?

— Оставь, беспонятный ты человек! — Кровь сегодня у меня из носа шла, — эфенди поскреб пятнышко, но, словно уличая его в жестокости, кровь не счищалась, а еще больше размазывалась на белой ткани.

Глава V

Насвистывая, идет по солнечному склону за овцами пастух. Козы, все время двигаясь, перескакивая с камня на камень, будоражат овец, которые, стараясь не отстать и толкая друг друга, бредут за ними; то собьются в кучу, то разбредутся — не дают покоя пастуху. А не держать в отаре козлов-вожаков — нельзя: потому что сами бараны через мосты, через реки не пойдут.

Пока пастух, тихо насвистывая и пошвыривая камешками в отбившихся от стада овец, дошел до впадины с обильной зеленью, солнце взошло из-за гор и начало пригревать спины людей, спины животных.

Стоит только в горах после утреннего холодка пригреть солнышку, как и людям и скотине хочется подремать, растянувшись на земле. Овцы, насытившись сочной травой, разлеглись повсюду черными кучками. Только один серенький ягненок не улегся, как остальные: то щипал траву в сторонке, то подбегал к матери. Заигрывая, он тыкался мордочкой ей в живот; но старая ярка была сыта, пригелась на солнышке и как ни толкал ее ягненок, так и не встала. Серенький ягненок будто обидевшись на мать, завернул к большому камню. Пастух в это время крепко спал, подставив лицо солнечным лучам. Громадный стервятник, заведя в ущелье отару, решил, что тут будет пожива, и уселся на камне, не отрывая глаз от овец.

Проснулся пастух от шума ветра; овцы уходили кем-то вспугнутые... Протирая глаза, пастух заметил впереди громадную, стремительно уносящуюся тень.

— Когда я лежал, туч не было... откуда же тень? — подумал он, привстал и увидел, что это громадный желтый орел набирает высоту, держа ягненка в когтях.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Назовите первую книгу на карачаевском языке и ее автора. Какой алфавит был использован в ней?

2. Как вы думаете, почему именно драматургия, как жанр литературы, получила особенное развитие в эти годы?

3. Какие темы получили отражение в драматических произведениях тех лет?
4. Расскажите об истории создания пьесы «Огъурлу».
5. Если кто-то из вас видел современную постановку этой пьесы, поделитесь своими впечатлениями с товарищами.
6. С постановками каких пьес современных карачаевских драматургов вы знакомы?
7. Назовите карачаевских поэтов первого поколения, основные темы их поэзии и жанры.
8. Что означает рисунок на обложке стихов сборника И. Каракотова «Революционные песни» (1931)?
9. Как вы думаете, почему русская пролетарская поэзия 20-х годов оказалась близка И. Каракотову, А. Уртену? Зачинателями каких поэтических жанров они явились?
10. Влияние каких поэтических традиций прослеживается в творчестве А. Уртену? Прочитайте стихотворение «Тринадцать». Обратите внимание на его поэтику; произведения какого советского поэта оно вам напоминает и чем?
11. Какой поэтический жанр получил особенное развитие в творчестве и Каракотова, и Уртену, и Байкулова?
12. К кому из классиков русской поэзии чаще всего обращались эти поэты в своих переводах на карачаевский язык?
13. Какова тема романа «Черный сундук»? О каком времени повествуется в романе?
14. Расскажите о композиционной структуре романа.
15. Вы прочитали небольшие отрывки из этого романа. Какие картины жизни и быта горного селения вы видите в них?
16. Какие из следующих изобразительных средств использует автор для характеристики персонажей в данных отрывках: интерьер, портрет, прямая речь, взаимохарактеристики, авторская характеристика, этнографические детали, народные песни и др.?
17. Как, по-вашему, какую роль играет пейзаж в произведении?
18. Хотелось бы вам прочитать этот роман полностью? Если да, то напишите эссе на тему: «Почему мне захотелось прочитать роман Аппаева «Черный сундук»?»

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НОГАЙЦЕВ

ФОЛЬКЛОР

Ногайцы (самоназвание *ногай*) — один из тюркоязычных народов, в основном населяют Нефтекумский район Ставропольского края, Ногайский, Тарумовский, Кизлярский, Бабаюртовский районы республики Дагестан, Шелковской район Чечни-Ичкерии, Адыге-Хабльский, Хабезский, Прикубанский районы Карачаево-Черкесской республики.

Численность *ногайцев*, по переписи 1989 года, 75,6 тыс. человек. Из них около 13 тыс. проживает в Карачаево-Черкесии. За рубежом *ногайцы* также представлены в Румынии и Турции.

Некогда могущественный народ, *ногайцы* имели древнюю культуру и древнюю письменность. «Ногайские племена, выделившиеся из общей массы тюркских племен в начале XIV в., получили в наследство от своих предков сравнительно высокую культуру», — пишет известный *ногаевед* А. И.-М. Сикалиев.

* * *

Фольклор *ногайцев* — это непреходящая культурная ценность и своеобразная летопись жизни народа. В фольклоре — народная мечта о лучшей жизни, неистребимое стремление избавиться от социального зла. Избавитель предстает в образе сына народа, честного и справедливого.

В фольклоре *ногайцев*, как и в фольклоре любого другого народа, явна тенденция к изображению народной жизни в ее движении. В нем — народные идеалы и стремления. Это составляет глубинную основу устно-поэтического творчества.

Идейно-эстетическую основу жанров исторического эпоса — исторических песен, преданий, лирических *дестанов* и т. д. — составили

события реальной жизни народа. Труд и быт ногойцев нашел выражение в календарных и обрядовых песнях, в песнях трудовых. Мораль, философия, этика находят яркое воплощение в афористических жанрах фольклора — пословицах и поговорках.

Все жанры образуют единую идейно-эстетическую систему. И эту систему следует рассматривать в исторической изменчивости. Наглядно это прослеживается в жанрах сказочного и былевого эпоса. В них нашли отражение мотивы борьбы добра и зла, конфликты между бедняками и баями. Примером тому сказки «Старик и Мать воды», «Албаслы и девочка», «Как еж выдумал серп», «Змея», «Коза и заяц», «Наглый петух», «Змея, ласточка и комар», «Шестиногий конь», «Прекрасный юноша в змеиной шкуре» и другие.

Даже в древней сказке «Старик и Мать воды» социальный мотив отчетливо просматривается. Герой сказки вознаграждается за то, что он не алчный, а скромный в своих желаниях и поступках человек.

Сказочный эпос ногойцев богат не только многообразием образов, конфликтов, но и своей выразительностью. Богат арсенал приемов выразительных средств сказки. Поэтика ногойских сказок национально самобытна, богата нюансами, насыщена деталями, с помощью которых выражены те или иные идеи. Несмотря на распространенность некоторых сказочных сюжетов и в фольклоре других народов, они осмысливаются в ногойской сказке художественно своеобразно и самобытно.

Так, например, в сказке «Царь Сулейман и сова» жена царя захотела построить дом из птичьих костей. «Любя свою жену и желая ей выздоровления», царь созвал к себе во дворец весь пернатый мир. Лишь сова не повиновалась, осталась в лесу, хотя царь трижды посылал за ней гонца. Мудрая сова каждый раз убедительно мотивировала свой отказ. В этих мотивировках обнаруживаются древние представления о суше, о жизни и смерти, о глупости и мудрости.

В ответ на упрек царя, почему сова не прилетала, хотя трижды за ней посылали, она мудро отвечает:

— Я думу думала, о царь мой, — смиренно поклонилась сова.

— Какую же ты думу думала? — Я думала, царь, о том, кого больше на свете: живых или мертвых? — И додумалась? — Додумалась. Все живое умирает в свой черед. Стало быть, мертвых больше, чем живых. — А во второй раз какая дума тебя задержала? — Захотелось мне разгадать: чего на свете больше — воды или земли? — И разгадала? — Разгадала, о царь мой! Где бы ни копнули мы землю, рано или поздно потечет из нее вода. Стало быть, воды больше!

— Верно. Ну, а на третий зов почему не пришла? — Думы мои были глубокими. Размышляла я о том, кого больше на свете — мужчин или

женщин?.. Женщин больше, чем мужчин. К женщинам я причислила всех мужчин, исполняющих глупые прихоти жен, — ответила сова.

Сказка заканчивается торжеством справедливости, победой разумного начала: «Услышал мудрый царь Сулейман такой ответ совы и стыдно стало, что хотел исполнить безумную прихоть жены, и отпустил он всех птиц на волю невредимыми».

Главным героем ногойской сказки, как и сказочного эпоса других народов, является бедняк, превосходящий по всем моральным, физическим, умственным качествам своего хана.

Об остро-социальной направленности сказочного эпоса свидетельствует и сказка «Солнце — брат Луны», конфликт которой базируется на столкновении бая и батрака. Бай характеризуется в сказке постоянным эпитетом «жадный».

В сказках жадны шахи и падишахи. Их жадность не знает границ.

Социальная направленность антимульских, антишахских сказок выражается всей системой поэтических средств сказочного и былевого эпоса ногойцев.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие жанры образуют ногойский фольклор? Перечислите их.
2. Какими особенностями характеризуются жанры ногойского фольклора?

Из ногойских народных сказок

Как еж выдумал серп

В давние времена люди, как и звери, ели траву. Травы становилось все меньше и меньше, и однажды звери собрались и решили: «Хватит нам голодать! Отныне люди не должны есть траву».

И вот люди обработали землю и посеяли просо, пшеницу и ячмень. Все уродилось на славу, но как собрать богатый урожай? Этого люди не знали.

Тогда хан собрал в своем дворце всех людей, зверей и птиц и обратился к ним с такими словами:

— Пришла пора собирать урожай, а мы не знаем, как это сделать. Может, кто-нибудь из вас скажет, как собрать просо, пшеницу и ячмень?

Но все люди, звери и птицы молчали. Лишь один старик выступил и сказал хану:

— Мы все собрались по твоему зову. Среди нас нет только ежа. А уж он-то наверняка дал бы дельный совет. Но не забудьте, что еж очень обидчивый. Если вы станете смеяться над ним, он рассердится и мы останемся ни с чем.

Хан приказал послать за ежом. Посланный разыскал ежа и повел его к хану. По дороге он рассказал ежу, в чем дело.

Придя на собрание, еж свернулся в клубок и стал слушать. Но тут люди заметили его и окружили со всех сторон. Старики стоят спокойно, а молодежь никак не может сдержать смех. Смеются все громче и громче.

Рассердился еж. Значит, люди позвали его, чтобы потешиться?! Не долго думая, еж ушел из дворца.

Спохватились люди, но поздно. Тогда тот самый старик, который предложил послать за ежом, сказал:

— Дело можно поправить. Когда еж сердится, он обычно разговаривает сам с собой. Давайте пошлем за ним потихоньку кого-нибудь, пусть послушает, что бормочет еж.

— Пошлите меня, — попросила кошка. — Лучше меня вряд ли кто-нибудь это сделает.

Хан приказал кошке потихоньку следовать за ежом. И вот она незаметно подкралась сзади и слышит:

— Ох уж этот хан! До чего бестолковый! А уж чего проще: взять кусок железа в виде горбушки и бить молотком до тех пор, пока он не станет похож на молодой месяц. Затем вырезать зубцы — и серп готов.

Кошка запомнила слова ежа и побежала обратно во дворец. Там она рассказала хану все, что слышала, и хан приказал сделать все, как говорил еж. Люди понаделали серпов и быстро убрали урожай.

Сирота и лиса¹

Давно-давно на свете жил сирота. Был он совсем один, и жилось ему трудно. Однажды пошел он в лес за дровами и встретил там лису. Сирота подружился с лисой и остался у нее жить. Однажды они нашли в лесу золото и серебро. Тут лиса и говорит сироте:

— Я сосватаю тебе дочь хана. — Прибежала лиса к хану и говорит:

— Дай мне весы.

Хан дал лисе весы, а когда она возвращала их обратно, то бросила в чашку весов кусочек золота.

— Чье это золото? — спрашивает хан.

— Это золото моего хана. Он очень богат. Возьми этот кусочек себе, — говорит лиса.

С тех пор лиса подружилась с ханом. Однажды она приходит к нему и говорит:

— Сын моего хана хочет жениться на твоей дочери.

¹ Здесь и далее перевод А. Найманова.

Хан согласился и договорился с лисой о дне свадьбы.

Лиса вернулась к своему другу и говорит ему:

— Идем на базар. Нам нужно украсть мешок шапок. — Они пошли на базар и украли там мешок шапок.

Потом лиса говорит юноше:

— Я побегу к хану, а ты жди меня на берегу моря. Когда увидишь, что я подхожу к ханскому дворцу, кидай шапки по одной в море.

Прибежала лиса к хану и говорит:

— Все наши сваты утонули в море. Помогите нам.

Хан послал на помощь свое войско и сам пошел. Пришли они к морю и видят: на воде шапки плавают. «И правда, все сваты утонули», — думает хан. Откуда ему знать, что у жениха, кроме лисы, никого нет?! Надели на юношу богатые одежды и привели во дворец.

После свадьбы жених должен вести молодую жену к себе домой, а везти-то некуда! Но лиса и тут не растерялась. Когда молодые со свитой и войском выехали из дворца, лиса побежала вперед. Не пропустила ни одного пастуха, ни одного табунщика, каждому наказывала:

— Если спросят, чьи табуны, чьи стада, отвечайте так: «Это все принадлежит хану, богатства которого неисчислимы».

Бежит лиса дальше и видит красивый дворец. В том дворце жил великан. Прибежала к нему лиса и говорит:

— Видишь, сюда идет войско? Тебя хотят убить.

Великан испугался, бросил все и убежал.

Между тем в сопровождении самого хана и его свиты едут вперед. По дороге хан видит табуны лошадей, отары овец, стада коров.

— Чьи это табуны, чьи стада? — спрашивает хан.

— Это все принадлежит хану, богатства которого неисчислимы, — отвечают ему.

«Да, я выдал свою дочь за богатого человека!» — радуется хан.

Вот приехал хан с женой во дворец молодых. Тут его встречает лиса и говорит:

— Все, что тебе по нраву, забирай.

— Да у меня всего довольно, — отвечает хан.

Погостив у молодых, хан со свитой вернулся домой. И тут лиса решила испытать своего друга. Она притворилась больной и улеглась во дворе. Жена юноши увидела ее и говорит:

— Твоя лиса заболела, надо бы ее полечить.

— Зачем повязывать здоровую голову?¹ Зачем нам, здоровым, больные? Пусть сбросят ее подальше отсюда, она и сдохнет, — отвечает юноша.

¹Ногайская пословица.

Услышав это, лиса поднялась и говорит своему бывшему другу:

— В трудные дни я стала тебе другом, сделала тебе столько добра, а ты отплатил мне злом. Вместо того, чтобы вылечить меня, ты приказал выбросить твоего старого друга. Нет, больше я тебе не друг!

С этими словами лиса ушла и больше никогда не появлялась среди людей. С тех пор лисы сторонятся человека.

Старик и Мать воды

Однажды некий старик отправился в лес за дровами. На пути к лесу протекала бурная река. Старик ступил на шаткий мостик и нечаянно выронил топор. Перейдя через реку, старик сел у берега и стал плакать. Ведь в его бедном хозяйстве был единственный топор!

Тут из реки вышла Мать воды и спрашивает:

— Что ты плачешь?

— Да вот, уронил в реку свой единственный топор. — Тут Мать воды достала со дна реки золотой топор, протянула старику и говорит:

— Твой топор?

— Нет, — отвечает старик.

Она достала другой топор, на этот раз серебряный, и спрашивает:

— Может, это твой топор?

— Да нет, — отвечает старик.

Тогда Мать воды протянула старику третий топор, совсем простой.

— Твой?

— Вот этот мой! — обрадовался старик.

За его честность Мать воды отдала старику все три топора: золотой, серебряный и простой.

Старик нарубил дров и вернулся домой. Его богатый сосед увидел у старика золотой и серебряный топоры и спрашивает:

— Откуда это у тебя такое богатство?

Старик все ему рассказал. Тогда богач поскорее схватил свой топор и побежал к реке. Он бросил топор в воду, а потом сел на берегу и стал плакать.

Мать воды вышла из реки и спрашивает:

— Что ты плачешь?

— Уронил свой топор в воду.

Мать воды нагнулась и достала со дна золотой топор.

— Это твой топор?

— Да-да, мой! — отвечает тот.

Тут Мать воды и говорит:

— Раз ты обманул меня, не будет тебе ни золотого топора, ни простого. И с этими словами она скрылась в реке.

Исмаил-богатырь

Жил когда-то хан с женой. Детей у них не было, но хан и не тужил об этом. Дни и ночи он проводил на охоте.

Однажды, когда хан со свитой собирался на охоту, сын одного из ханских слуг попросил отца:

— Попроси хана, чтобы он разрешил мне поехать с вами на охоту.

Слуга долго колебался, передать хану просьбу сына или нет: он боялся вызвать гнев своего господина. Но в конце концов он все же попросил хана взять мальчика на охоту.

— Ну что ж, пусть едет, — согласился хан.

В то время была зима. Землю покрыл толстый слой снега. Охотники долгое время были в пути, и хан ехал с почетом в окружении своей свиты. Вдруг навстречу выскочила лиса. Люди стали стрелять, но не попали и помчались в погоню. А лиса скрылась в норе на крутом склоне горы. Хан с отцом мальчика бросились следом, но их кони поскользнулись на крутизне, упали и подмяли под себя всадников.

Мальчик увидел, что его отец попал в беду, и бросился к нему на помощь.

— Теперь помоги хану, — говорит ему отец.

Мальчик и хана вызволил из беды.

Глядя на сына своего слуги, хан в первый раз пожалел о том, что у него нет детей. «Моя жизнь пройдет впустую!» — подумал он. Грустные мысли овладели ханом, он не стал продолжать охоту и вернулся домой.

Дома он сидел хмурый и не дотрагивался до еды.

— Что с тобой? — спрашивает жена.

— Да вот, думаю, кому достанется все наше богатство. Ведь детей у нас нет, а тебе уже сорок лет.

— Оставь свою печаль и поезжай в Карамырзай к твоей сестре. Поговори с ней, она успокоит тебя.

Хан отправился в путь. Он ехал, понуро опустив голову, и не смотрел по сторонам. Через некоторое время ему захотелось пить. Хан огляделся и заметил родник. Он спешился, напился, ополоснул лицо и тут увидел, что к нему подошел человек.

— Такого грустного лица я еще не видел, — обратился к хану человек.

— Скажи мне, что тебя печалит?

Хан поведал встречному свое горе. Тогда тот дал хану два яблока и сказал:

— Одно из этих яблок ты поделишь с женой, а другое дашь кобылице и жеребцу. Кобылица подарит тебе жеребенка, а твоя жена родит сына. Он вырастет и станет настоящим джигитом. Только ты не должен нарекать его без меня.

Хан радостный вернулся домой и съел одно яблоко пополам с женой. На следующий день он разыскал в табуне кобылу, которая давала приплод, отвел ее к жеребцу и скормил им другое яблоко.

Прошло положенное время, и кобылица принесла жеребенка, а жена родила сына. Мальчика отправили к кормилице в соседний аул. Ханский сын рос и достиг семнадцати лет, но имени у него не было. Наконец, когда юноше пошел восемнадцатый год, он попросил передать отцу, что просит наречь его.

— Хорошо, — согласился хан. — Пусть прибудет сюда завтра в сопровождении трех друзей, а я приготовлю все, что надо.

На следующий день у ханского двора собрался народ. Вскоре пришел и сын хана со своими друзьями. Внезапно среди собравшихся появился тот самый человек, который дал когда-то хану два яблока.

— Вы уже дали имя юноше? — сразу спросил он.

— Нет еще, — ответили ему.

— Его имя — Исмаил. Жеребенка же кличут Мюсир. — Сказав так, человек ушел.

Как-то раз Исмаил и три его друга отправились на охоту. Долго они скакали по лесу, но не увидели даже воробья. Вечером они заночевали у подножия горы, а наутро Исмаил говорит:

— Надо узнать, кто виноват в нашей неудаче. Нас четверо. Разойдемся в разные стороны. Я пойду на юг.

С этими словами Исмаил поднялся на вершину горы, откуда был виден весь лес. Вдалеке он заметил белых лебедей и решил отправиться туда и пострелять птиц. Когда Исмаил подъехал к тому месту, он увидел, что это вовсе не лебеди. Перед ним стояло десять белых юрт. Исмаил спешился и привязал коня у самой красивой юрты. В той юрте жила девушка со своими родителями, и мать послала ее посмотреть, кто пришел. Когда девушка предстала перед Исмаилом, он лишился чувств — так она была прекрасна!

Когда Исмаил пришел в себя, девушка спрашивает его:

— Что с тобой было, джигит?

— Твоя красота лишила меня чувств, — ответил юноша.

Исмаил и прекрасная девушка воспылали любовью друг к другу, и юноша решил взять девушку в жены.

— Я единственное дитя у родителей, — сказала девушка. — Отец так просто не расстанется со мной. Поезжай домой и пришли к нам своего

отца. Может, они договорятся между собой. Если же мой отец не согласится выдать меня за тебя, тогда я убегу с тобой.

С этими словами девушка сняла с рук браслеты и отдала их Исмаилу в знак своей верности. Исмаил вернулся домой. Не в силах забыть прекрасную девушку, он тосковал и не притрагивался к еде.

— Что с тобой случилось? — спрашивали его отец с матерью.

Но юноша стеснялся поведать родителям о своих чувствах и молчал.

Между тем друзья юноши тоже вернулись с охоты. Одному из них Исмаил раскрыл тайну и попросил его рассказать обо всем своему отцу.

Хан, узнав о любви своего сына, обрадовался, заложил лошадей и отправился в путь.

А девушка, полюбившая Исмаила, тоже не находила себе места. Наконец она решила рассказать обо всем матери.

— Согласны вы или нет — я все равно стану женой Исмаила! — говорит девушка.

Мать передала слова девушки мужу, и они стали думать, как быть. Наконец отец девушки решил:

— Я не знаю, богат жених или беден, поэтому не выдам за него дочь.

Чтобы девушка не сбежала, родители ночью свернули юрту и уехали подальше от тех мест.

Наутро отец Исмаила приехал туда, где прежде стояла юрта, но нашел только дымящийся очаг. Пришлось ему возвратиться ни с чем.

Узнав обо всем, Исмаил вскочил на своего коня Мюсира и отправился на поиски девушки.

— Я разыщу ее, где бы она ни была! — воскликнул он.

Исмаил снова поднялся на гору и стал пристально вглядываться в даль. Наконец он увидел след кибитки, который вел на юг. Юноша поехал по следу и оказался у какого-то дома. На двери его висел огромный замок. Исмаил обошел дом кругом, но больше дверей не было. Тогда он прицелился и выстрелил в замок. Замок разлетелся на куски, и юноша вошел в дом. Здесь он услышал, как кто-то плачет. Исмаил открыл одну дверь — никого нет, открыл другую и видит плачущую девушку с распущенными волосами.

— Отчего ты плачешь? — спрашивает он.

— Как же мне не плакать! — отвечает девушка. — У меня семеро братьев. Мы жили в мире и покое, но однажды к нам пришел див и попросил братьев отдать меня ему в жены. Братья отказались и вот теперь дивы воюют с ними. А сегодня ночью мне приснилось, что див убил моего младшего брата. Вот поэтому я и плачу.

— Я пойду и убью этого дива! — сказал Исмаил.

— Нет, нет! — испугалась девушка. — Братья очень строги со мной и,

если узнают, что ты был здесь, заподозрят дурное и обезглавят тебя. Лучше оставь мне что-нибудь на память о себе.

Тогда Исмаил выхватил саблю и разрубил надвое огромный камень.

— Покажешь это своим братьям, — сказал он, вскочил на коня и ускакал.

Вот едет Исмаил и видит: братья девушки сражаются с дивами. Тогда он врезался в самую гущу сражающихся и вместе с братьями перебил всех дивов. Окончив битву, Исмаил поехал своей дорогой, а братья направились к дому. Тут младший из братьев говорит остальным:

— За добро надо платить добром. Этот незнакомец перебил всех дивов и спас нас от верной смерти, а мы его даже в гости не позвали.

Братья повернули коней и нагнали отважного джигита. Они пригласили его домой и в благодарность решили выдать за него сестру.

Узнав об этом, Исмаил сказал:

— Я не против, но сначала надо получить согласие девушки.

Привели девушку и спрашивают: согласна ли она стать женой Исмаила?

— Согласна, — отвечает девушка.

На следующий день Исмаил говорит братьям и девушке:

— Сейчас я должен уехать, а на обратном пути заеду за своей женой. С этими словами Исмаил вскочил на коня и отправился на поиски девушки из белой юрты.

Едет он едет и приезжает в страну арабского богатыря. Этот богатырь был очень сильный и всех убивал. Увидев, что к нему явился Исмаил, арабский богатырь взял оружие и вышел к нему.

— До сих пор никто не осмеливался вступить в мои земли. Я убью тебя! — сказал арабский богатырь.

— Убивай, я пришел умереть, — ответил Исмаил.

— Рубиться будем или бороться? — спросил богатырь.

— Бороться, — ответил Исмаил.

Первым нанес удар арабский богатырь, и Исмаил еле пришел в себя. Затем ударил Исмаил, и арабский богатырь упал. Когда он падал, шапка соскочила с его головы, и Исмаил увидел, что перед ним — женщина.

Поднявшись, женщина сказала:

— До сих пор я не встречала такого джигита, как ты. Возьми меня в жены, не пожалеешь.

Исмаил взял ее в жены и вместе с ней отправился на поиски девушки из белой юрты. Ехали он ехали и достигли аула. Они подъехали к самому бедному дому, спешили и вошли. В этом доме жили старик со старухой. Они были очень бедны и не могли достойно принять гостей. Их мучила совесть, но Исмаил с женой успокоили стариков:

— Вы не беспокойтесь. Нам ничего не надо. Мы только переночуем и завтра же продолжим свой путь.

Затем Исмаил с женой расспросили стариков о новостях, и старуха сказала им:

— Недавно в нашем ауле поселился приезжий хан. У него есть дочь-красавица. На ней хочет жениться наш хан. Сегодня ночью невесту повезут в дом жениха. Если хотите посмотреть, я провожу вас.

— Нет, мы не пойдем, вы идите сами. — С этими словами жена Исмаила дала старушке пригоршню золота в подарок невесте, а Исмаил надел ей на руки браслеты, которые ему подарила девушка из белой юрты, и сказал: — На свадьбе поздравайся со всеми за руку.

Старушка обрадовалась, что принесет невесте такие богатые подарки, и поспешила на торжество. Она поздоровалась со всеми за руку, как наказывал ей Исмаил, и все гости не могли оторвать глаз от ее браслетов. Когда же старушка поздоровалась с невестой, та увидев браслеты, увела старушку в комнату, где никого не было, и сказала ей:

— Тому, кто украсил твои руки браслетами, скажи: пусть придет сюда вечером.

Старушка возвратилась домой и передала слова девушки Исмаилу. После этого Исмаил с женой отправились на свадьбу. Навстречу им выбежали дети. Жена Исмаила взяла горсть монет и бросила их детям. Тут и стар, и млад — все, кто был на свадьбе, кинулись собирать монеты, а Исмаил с женой тем временем похитили невесту, посадили ее на коня и усаkali прочь.

Через некоторое время хан хватился невесты, понял, что ее похитили, и послал влогонку свое войско.

Завидев погоню, жена Исмаила повернула коня навстречу войску и стала храбро сражаться, спасая Исмаила и девушку из белой юрты. Вскоре войско хана дрогнуло и стало спасаться бегством. А Исмаил с женой и девушкой продолжали свой путь.

Ехали они ехали и достигли владений жены Исмаила. Здесь Исмаил хотел оставить свою жену, но та стала просить, чтобы он взял ее с собой.

— Если твои родители согласны, я возьму тебя, — отвечает Исмаил.

Те согласились, и они втроем отправились дальше. Наконец они приехали в дом братьев и их сестры. Там они забрали с собой девушку и отправились дальше.

И вот Исмаил с тремя женами достиг родных мест. Они поставили юрту и стали жить в довольстве и счастье. Все, кто видел юрту, удивлялись: чья же это юрта?

Один из джигитов отправился узнать, кто живет в юрте. Он вошел и сразу узнал Исмаила. Исмаил попросил джигита передать отцу, что он

вернулся. Отец обрадовался доброй вести и захотел, чтобы Исмаил с женами жил у него.

Тогда арабская девушка говорит ему:

— Ты поезжай домой, а нас увези пока в другое место. Пройдет время, и мы снова будем вместе.

Муж послушался совета и отвез своих жен в другое место. Однажды мать Исмаила захотела познакомиться с невестками. Она поехала к ним и вернулась довольная: все три жены сына пришлись ей по душе. Потом она наказала мужу, чтобы он привез невесток в их дом. Хан поехал, увидел их и потерял голову от любви. Он решил избавиться от Исмаила и сказал слугам:

— Тот, кто убьет моего сына, получит от меня скот и много добра.

Но никто из слуг не согласился убить ханского сына.

Тогда хан призвал Исмаила к себе. Арабская девушка предупредила Исмаила, что отец зовет его с дурными намерениями, но Исмаил не поверил ей.

Когда Исмаил пришел к отцу, тот сказал ему:

— Говорят, что ты настоящий джигит. Посмотрим, так ли это на самом деле. Я обяжу тебя семь раз веревкой, а ты попробуй разорвать ее.

С этими словами хан крепко связал сына. Исмаил легко разорвал пути и сказал:

— Не только веревку, но и семь витков цепи я разорву так же свободно.

Опять стал думать отец, как избавиться от Исмаила. Наконец он надумал вырыть на его пути глубокую яму. «Исмаил провалится в яму и умрет там», — решил он.

И вот хан вырыл яму и снова призвал к себе сына. Узнав об этом, арабская девушка дала Исмаилу маленькую собачку и сказала:

— Ступай только там, где пробежит собачка.

Исмаил так и сделал. Он пустил собачку вперед, а сам пошел следом. Собачка скачет по камням, а он — за ней. Тут юноша увидел на своем пути свежеврытую яму и понял все.

Придя к отцу, Исмаил говорит ему с улыбкой:

— Ты не сможешь меня погубить. Я не могу разорвать только тетиву от своего лука, а все остальное меня не страшит.

Через некоторое время хан послал слугу украсть лук Исмаила. Тот выполнил поручение. Тогда хан опять призвал к себе сына. Арабская девушка стала предостерегать Исмаила, но он не послушался и пошел к отцу. Тот связал его тетивой, развел в лесу огромный костер, накалил на огне железный прут и приказал слугам выколоть Исмаилу глаза. Затем хан завел своего слепого сына в горы и бросил его там, а сам поспешил к женам сына.

Но арабская девушка поняла, что с Исмаилом приключилась беда. Она взяла свое оружие и вышла во двор. Смотрит: к дому подходит отец юноши.

— Войдешь — умрешь! — крикнула ему девушка.

Хан вернулся домой и послал к дому войско. Арабская девушка стала биться с воинами хана.

Между тем слепой Исмаил набрел на родник. В это время к роднику прилетели два голубя. Они пили воду и разговаривали между собой.

— Какой красивый юноша, жаль только, что слепой. Сейчас мы улетим, но оставим два перышка. Если он обмакнет их в родник и поднесет к глазам, то станет зрячим.

Голуби улетели, а Исмаил принялся шарить по земле. Он нащупал перышки, обмакнул их в родник и приложил к глазам. Тотчас он прозрел, только теперь глаза его были не черными, как прежде, а серо-голубыми, как голуби.

В оборванной одежде юноша пришел в дом отца. Серо-голубые глаза настолько изменили облик Исмаила, что отец не узнал его. Услышав шум битвы, Исмаил сказал своему отцу:

— Прикажи накормить меня и одеть, и я один справлюсь с этой арабской девушкой.

Хан так и сделал да еще дал Исмаилу оружие.

— Бороться или стреляться? — крикнул Исмаил арабской девушке. Девушка узнала его голос и спросила:

— Ты Исмаил?

Так они узнали друг друга, и юноша сказал арабской девушке:

— У меня не поднимается рука на отца. Ты сама должна убить его.

Потом Исмаил крикнул хану:

— Твоего врага я одолел! Ты сам убьешь девушку или мне ее убить?

— Сам убью! — ответил хан и подбежал к арабской девушке. Тут арабская девушка схватила саблю и зарубила хана.

Тогда Исмаил обратился к народу и говорит:

— А теперь рассудите, кто виноват: я или отец?

И люди ответили:

— Тот, кто способен поступить так с единственным сыном, заслуживает смерти.

С тех пор Исмаил стал ханом тех мест.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ:

1. Еще какие ногойские сказки вы читали?
2. Чем отличаются ногойские сказки от сказок других народов Карачаево-Черкесии? Приведите примеры. Какие сходства вы находите? Чем они близки?
3. Какие ногойские сказки вам понравились и почему?
4. Как вы думаете, на какую тему больше сказок и почему?

5. Кого народ в сказках боготворит?

6. Какие поэтические особенности ногайских сказок вы заметили?

Приведите примеры.

Малые жанры ногайского фольклора

Пословицы и поговорки

Пословицы и поговорки — являются неотъемлемой частью фольклора ногайцев. Возникнув на основе трудового и жизненного опыта людей в разные исторические эпохи, они выражают мировоззрение народа, его этические представления.

Пословицы и поговорки отличаются от других жанров фольклора предельной краткостью, образностью. Основные средства их выразительности — образный параллелизм, метафора, метонимия.

Многие пословицы и поговорки ногайцев связаны с трудовой деятельностью народа. Труд выступает в них источником жизни. Пословицы утверждают: «Кто не сеет, тот и не жнет»; «Если сорок лет пахешь землю, твой плуг в один год коснется золота»; «Если руки будут шевелиться, зашевелится и рот»; «Кто любит рыбу, тот подол замочит»; «Кто не умеет шить, у того всегда виноваты иголка с ниткой»; «Летние дни — дни забот»; «Кто не знает мозоли, с того толк не выйдет» и др.

Значительная часть пословиц и поговорок связана со скотоводством, коневодством. Так как ногайцы были в основном кочевым народом, много пословиц именно о лошади: «Красота коня — от его головы, красота девушки — от ее бровей»; «Дряная лошадь следует за жеребенком»; «Мерин погибнет в упряжке, а аргамак — в скачке»; «Быстроногого коня собака не любит»; «Аргамак любит, когда его хвалят, а мерин — когда его гладят»; «Хотя тулпар и пасется, как все кони, но отдыхает по-своему».

В пословицах и поговорках осуждается лень, безделье, тунеядство: «Тот, который не заставлял летом кипеть свою голову, тот не сможет зимой заставить кипеть свой котел»; «Бедняк умрет, когда ляжет, а богач — когда он побежит».

В пословицах и поговорках говорится о любви к родной земле, о дружбе, товариществе: «Не копай другому яму, попадешь (в нее) сам»; «Друг смотрит в лицо (на голову), а враг на ноги»; «Что стряслось с твоим другом, то стряслось и с тобой»; «Если объединиться — успехи будут большими».

Народ пословицами и поговорками возвеличивает идеи патриотизма, любви к Родине, родному очагу, презирает трусость.

«У кого земля богатая, — у того и народ богатый; «Чем быть падишахом в Египте, лучше быть чабаном на родине»; «Земля родины — рай, а ее вода — шербет»; «Мужчина привязан к земле родной, а собака — к месту, где ей сытно»; «Родина — золотая колыбель»; «Не охаивай всю страну»; «Мужчину победить можно, а народ — невозможно»; «У труса в глазах двоится», «Трус умирает тысячу раз, а батыр — только раз» и др.

Большое место занимают пословицы и поговорки об учении, науке, достоинстве, уме человека его мудрости, наблюдательности.

«Ум ищет и находит, а язык говорит», «Ум не в возрасте, а голове»; «Стать человеком труднее, чем стать ученым»; «У кого своя голова, у того и свой ум»; «У кого много силы в руках, тот свалит одного, у кого много знаний, тот свалит тысячи»; «Кому суждено стать человеком, тот и в десять лет уже не ребёнок. Кому не суждено стать человеком, тот и в двадцать пять лет молодой»; «Учеба — пища знаний».

С древних времен у ногайцев высок авторитет печатного слова, и это нашло отражение в пословицах и поговорках. Например: «У мужчины есть два искусства: одно — убить врага, другое — открыть и прочитать книгу»; «У кого много силы в руках, тот свалит одного, у кого много знаний, тот свалит тысячи»; «Ум не в возрасте, а в голове»; «Смышленный человек замечен еще ребенком, а породистый скот — еще телкой»; «У кого своя голова, у того и свой ум».

В пословицах и поговорках выражается мудрость народа, его талант.

В фольклоре ногайцев широко представлены и загадки (южаклар). Загадки — это игра-состязание, упражнение на сообразительность и находчивость. Загадки развивают память, расширяют кругозор. Как и у других народов, кто не отгадает загадку, по условиям игры, он — откупается, т. е. дает село или город. Эти игры — состязания могут проводиться в любое время: в домашней обстановке, в классе, среди друзей.

Загадки тесно связаны с трудовой деятельностью человека. В них обыгрываются предметы обихода, обычаи, явления природы: «У меня есть один сын, на нем сорок шуб» (лук); «К стенке дома не приставишь, на арбу не погрузишь» (дорога); «В темном сарае сидят белые куры» (зубы); «Живот сзади, спина спереди» (голень); «Слоями-слоями матрац, если кто его не знает, тот осел» (книга); «Там, где лежал красный буйвол, там шерсть не растет» (огонь); «Вдоль дороги казан кипит» (огонь); «Камень камня поднимает, камень отца поднимает, отец своего дитя поднимает, дитя шапку поднимает» (печь, плита, казан, крышка).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие пословицы вы еще знаете?
2. О чем говорят приведенные здесь пословицы?
3. Приведите из фольклора других народов Карачаево-Черкесии аналогичные пословицы и поговорки. Сравните их с ногайскими.

Песни ногойцев

Большое место в ногойском фольклоре занимают различные песни.

Большой популярностью у ногойцев пользуются казацкие песни — казак йыры. Тема их — жизнь богатырей, ушедших «казаковать», искать свое счастье. Казаки не мирились с баями, власть имущими, а также с их притеснениями. Идеал главного героя в казацких песнях — мужество и нестигаемая воля: «Вышел герой сражаться с бедой, а трус в кибитке жиреет», — поется в одной из казацких песен. Песни эти носят острый социальный характер. В них выражена полная уверенность в том, что бедняки займут подобающее место в обществе и станут богатыми.

Исторический оптимизм народа, его вера в победу является сквозным мотивом песенно-эпического творчества ногойцев.

Из ногойских народных песен

Песня о невернувшемся казаке

Расступитесь вы, тучи мгlistые,
Чтоб нам свет увидеть дневной,
Пронеситесь вы, кони быстрые,
Чтоб нам край обскакать родной.

Ой, не скот ли это пылит,
Не народ ли это валит?
Нет, не стадо тысячеголовое —
По дороге пылит народ,
И красавица крутобровая
В этой пестрой толпе идет.

...Пусть на степи падет сухие
Много снега в урочный час,
Пусть красавицы молодые
Не утешатся после нас.
Пусть не пляшут они, не поют,
В память нашу пусть слезы льют.

Конь у берега спотыкается,
Всадник стремя поймать пытается,
Да шатается, хоть не пьян,

Кровь багровая растекается,
Красит черный его кафтан.
Смыть водой он ее старается,
Трет соломой — не оттирается.

Степи, степи чужие, дальние
Белой пылью занесены.
Ой, слова казака прощальные
Не дойдут до его жены.
Конь пугливый, с дороги сбившийся,
Лезет в Волгу, плывет, храпит.
Прошлым летом с женой простившийся,
Не вернется домой джигит.

Плачет, плачет красавица белая.
Косы падают на подол.
Из волос она ложе сделает,
Только муж бы ее пришел.

Что, бессильная, неумелая,
Станет делать она одна?
И опустятся руки белые,
И согнется ее спина.

Перевод Н. Гребнева.

Певец и волк

Как-то раз осенним днем
Я верхом пустился в путь,
Загадал, что, может быть,
Свадьбу встречу где-нибудь.

Рад бы дома я сидеть,
Да жена корит меня:
«Нет ни масла, ни муки, —
Оседлал бы ты коня!»...

Ночь на свадьбе песни пел,
Утром еду я домой,
И рысцой коня гоню:
Возвращаюсь не пустой!

Вижу — бледная, в слезах,
Мне бежит навстречу дочь:
— Ой, отец, У нас козу
Волк зарезал в эту ночь!..

А богач Кок-Коз-Ажи 1
На все стойбище орал:
«Волк, ей-богу, молодец,
Что козу у них задрал!»

Спрыгнул в ярости с коня.
— Слушай, глупый ты богач!
Хоть певец, а не пророк, —
Смех твой обратится в плач!»...

Дочку ж я утешил так:
«Пусть смеется на беду.
Я его развеселю,
С волком дружбу заведу!»

И певец отыскал волка и сказал:
«Эх, беспамятный ты зверь!
Стыд и совесть потерял!
Мало у князей отар,
Что на мой ты кош напал?

Помнишь, я подпаском был,
Пас хозяйские стада, —
Так пока играл я в мяч,
Ты ягнят губил тогда...

Что же, всадника с ружьем
Я хоть раз навел на след?
Что же, баю за ягнят
На тебя донес я? Нет!

А теперь в мой бедный кош
За единственной козой,
Нашу дружбу позабыв,
Лезть... Да это же разбой!

Ишь, разлегся, как купец!
Слопал белую козу...
Погоди, вот по бокам
Плетью я тебя свезу!»

Тогда волк ответил:
«Экий грех!.. Прости, певец!
Я не знал ведь, чья коза...
Пусть мне ворон, если вру,
Тут же выключет глаза!

Мимо коша твоего
Сроду близко не пройду,
Или пусть волчонок мой
Нынче ж попадет в беду!»

Певец

Чтоб он завтра околел,
Твой волчонок озорной,
И чтоб до смерти ты сам
Болью мучился зубной!

Волк

Плетка у тебя в руках,
Замахнулся — бей, певец!
Но клянусь, разбоям я
Положу теперь конец!

Певец

Ладно, серый! Ты прощен!..
Одного теперь хочу.
Помоги мне отплатить
За обиду богачу.

Знаешь ты Кок-Коз-Ажи?
Всполоши его стада.
Постарайся за меня,
Натвори ему вреда!

А пока «Кабыл-мултык»
Он заставит говорить, —
Ты успеешь без помех
Быстрый Терек переплыть!

Перевод Н. Капиевой.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие темы поднимаются в казачьих песнях?
2. Какие поэтические средства используются для передачи душевного состояния героя? Выпишите их.
3. Как строится песня? Почему диалог—излюбленный поэтический прием в ногойских песнях?

Лиро-эпические поэмы ногойцев

Большое место в ногойском фольклоре занимают лиро-эпические поэмы («Карайдар и Кызыл-Гуль», «Козы-Корпеш и Баян-Слу», «Боз-йигит» и другие).

Герой поэмы Карайдар появляется в момент, когда его любимую Кызыл-Гуль насильственно замуж выдают за другого. Он поет песню, посредством которой извещает любимую о своем появлении. В песне поэтический образ Кызыл-Гуль (что значит «Красная роза»). Сравнение в песне соответствует представлениям ногойцев о красоте девушки:

Бел зимою белый снег —
Кызыл-Гуль того белей;
Поздним летом ал гранат —
Губы Кызыл-Гуль алей,
Словно мед ее слова —
Слаще всех других сластей...

Перевод Н. Капиевой.

Высокой поэтичностью наделил народ бедняка Карайдара.

Несмотря на безысходность и всевозможные преграды, герой убеждает всех, что пронесет свое чувство через всю жизнь.

«Эй, ровесники мои,
Кызыл-Гуль нельзя забыть!

Обезумев от любви,
Мук сердечных не избыть,
Мне бы слово, мне бы весть
О возлюбленной добыть,
Я б на крыльях полетел,
Чтобы с нею вместе быть!»

Перевод Н. Капиевой.

Так охарактеризовал народ богатство души простого бедняка рассказал не только о драматической любви, но и поднялся до понимания причин, породивших трагедию.

Ногайский историко-героический эпос

Монументальный жанр ногайского фольклора — историко-героический эпос, представленный циклом эпических и лиро-эпических поэм о героях-богатырях: «Эдиге», «Амет, сын Айсыла», «Мамай», «Шора-батыр», «Эр-Касай», «Мусевке», «Адиль-Солтан», «Эр-Таргыл», «Копланы-батыр», «Казы-Туган» и т. д.

В исторических песнях ногайцев отражены события XIV—XIX вв.

Содержание большинства поэм хронологически можно отнести к эпохе существования Золотой Орды. Этим объясняются преобладание описаний событий и эпизодов периода правления Тимура, мурзы Мамай и хана Тохтамыша и др.

Историко-героические песни ногайцев многозвучны по интонациям, в них зачастую заметно стремление передать психологическое состояние героев. Народ в поэмах воспекает героев-батыров, смелых и отважных борцов за социальную справедливость.

В ряду таких произведений стоит поэма о храбром Амите, сыне Айсыла, народном заступнике, который восстал против Джанибек-хана. Он не был ни знатен, ни богат, но стоял перед ханом, как равный, и хан возненавидел его за это.

Чтобы спастись от ханского гнева, Айсыл, покинув жену и маленького сына, ушел в леса.

В поэме основной упор сделан на мысли о том, что семья Амита «долгие годы провела в скитаниях, так как хан копил ненависть на отца Амита — Айсыла», преследовал его.

Несмирение перед господином, нежелание подчиниться ему, стремление утвердить свое человеческое достоинство составляют основную идею образа Айсыла и наследника его борьбы — сына Амита. Несмотря на реальную причину борьбы против реального врага, в поэме использованы чисто сказочные приемы обрисовки поступков героев и событий. Так, когда народ Айсыла оказывается в беде, таинственный, всемогущий конь, привязанный Айсылом к коновязи сына, подсказывает Амиту, что к нему в горы явился батыр-герой.

Эпическое начало реализуется с помощью гипербол, которые использованы при обрисовке оружия батыра: «Разреши мне, гость, испытать твое оружие!» — попросил Амит и, получив позволение, далеко послал звонкую стрелу из лука, которого еще никто не поднимал, кроме самого Айсыла. Понял тут счастливый отец, что будет сын его великим батыром, и открыл свое имя».

Амит, сын Айсыла, честный смелый воин.

В противоположность честному и смелому Амиту, Джанибек-хан наделен характерными для правителя чертами. Он коварен и хитер, искреннюю любовь Амита к своей дочери Шеербек использует в корыстных целях. Чтобы привлечь на свою сторону храброго воина, обещает Амиту в жены Шеербек, если Амит одержит победу над врагами. Хан втайне надеется на гибель Амита. Но Амит возвращается с победой и надеется обручиться с Шеербек. Но хан обманул храбреца: пытается выдать дочь за богача.

Вторая часть поэмы описывает побег Амита и его возлюбленной, говорит о готовности героя продолжать начатую борьбу.

«А батыр ушел с Шеербек в горы и вскоре стали собираться вокруг него люди, измученные жестокостью Джанибек-хана и свирепой жестокостью баев», — комментирует в заключение певец.

Айсыл возвращается в родные места лишь в трудный для народа час: «В тот трудный для народа час, — воскликнул Айсыл, — я выступлю на войну вместе с вами!»

Подстать Айсылу и его сын Амит, который после смерти отца отправляется воевать один. В бою он превосходит самого хана, чье войско дрогнуло перед врагом и обратилось в бегство.

Героические поступки богатырей воссозданы в поэмах средствами эпической идеализации. Они поданы укрупненно, масштабно. Действия богатырей, осознание ими собственной силы обретают большую значимость на фоне социального конфликта, движущего их поступками. Гуманизм героев-богатырей, их доброта и благородство ярче вырисовываются на фоне резко отрицательных характеристик представителей господствующих классов. Вот, к примеру, как представлен Джанибек-хан:

Жил-был некогда Сыгай-хан.
Сыгай-хан был лют, но лютей
Джанибек оказался злодей,
Морит он людей, как собак.
Наложил тяжелый ясак.¹
Извести задумал народ:
Всех подряд на войну берет!
Сын подрос — тянут сына прочь!
Дочь растет — надо прятать дочь!

Композиционной особенностью ногайского историко-героического эпоса является сочетание стихотворных и прозаических частей. Прозаические части поэмы, вплетаясь в стихотворную, расширяют, дополняют повествование, а также связывают поэтическую ткань.

Стихотворные части, исполненные высокой поэзии и тонкого лиризма, наиболее отчетливо характеризуют своеобразие художественного мышления народа. Здесь и меткие сравнения, живописующие образ всадника-воина:

Я, сын Айсыла, Амит, как сел на коня,
Спину медной серьгой над седлом не клоня,
Средь прямых в бою — был самый прямой.
Я с победой вернулся домой.

Перевод Н. Капиевой.

Здесь и оценка народа подлости и обману хана, подарившего дочь Шeerбек байскому сыну, тем самым нарушив прежнее обещание:

Что подарено раз — вторично нельзя дарить!
Нет позора черней, чем слово свое преступить.

Личная обида, выражена в гневных интонациях, в прямой угрозе героя:

Что ж! Клянусь, я дорогу чести тебе укажу.
На тебя, двуличный, узду наложу.
Я на месте сына твоего уложу,
Куцым сделаю твой род...

Перевод Н. Капиевой.

¹ Я с а к — подать, которую ханы взимали с народа натурой.

Важным мотивом поэмы является единство героя и простых людей, оказывающих ему всяческие услуги. Так например, один из героев поэмы, Алав, заявляет: «Я не хочу тебе зла! Я гнался за вами, чтоб обмануть хана... Славный батыр, ты прав во всем, что совершил».

Основную идейную нагрузку несут в поэмах образы народных богатырей. Но не только богатыри действуют в них. Эпос собрал самых различных героев-представителей народа. В поэмах описываются мудрецы-аксакалы, которые в трудную минуту духовно поддерживают народ советом и действием; это и юные девушки — дочери народа, поднимающиеся в минуту опасности на огромную нравственную высоту, выполняя свой долг перед родиной наравне с мужчинами; это и женщины-матери, олицетворяющие лучшие нравственные традиции своего народа. Одной из таких ярких песен является «Отважная Ян-Бикеш».

Из ногайского историко-героического эпоса

Отважная Ян-Бикеш

Хан — хоть тот, хоть этот — хан!
Жил-был некогда Сыгай-хан...
Сыгай-хан был лют, но лютей
Джанибек оказался злодей.
Морит он людей, как собак,
Наложил тяжелый ясак.
Извести задумал народ:
Всех подряд на войну берет!
Сын подрос — тянут сына прочь!
Дочь растет — надо прятать дочь!
Если нет молодых в доме —
Старику идти самому...
Кто ж остался, скажите мне,
В горемычной этой стране?
А остался старый Янай
И корит жену то и знай:
«Не под силу нам ханский указ,
Нет батыра-сына у нас.
Не сумела сынов нарожать —
Завтра мертвому мне лежать...»

Как поднимет старуха крик:
«Ах, трусливый, слезливый старик!
Чуть услышал он ханский приказ,
Помирать собрался сейчас!..
Не жалея сил молодых,
Я на сливках вскормила одних.
Ян-Бикеш — мою белую дочь.
Вот кто сможет тебе помочь!»

Шапку на брови, щит на ремне —
Дочь Яная сидит на коне.
Почитая отца седину,
Ян-Бикеш идет на войну,
И колчан и кедровый лук
Из родительских приняв рук,
Говорит: «Объеду я мир,
И хоть сам Ель-Кильдек-Батыр
Повстречается мне, о мать,
Кто я есть — не стану скрывать!»

Перевод Н. Капиевой.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему Ян-Бикеш уходит на войну?
2. Найдите в тексте слова матери. О чем они говорят?

Былина

О том, как Батыр Амит, сын Айсыла, восстал против Джанибек-хана

Жил некогда батыр Айсыл — воин Джанибек-хана. Не был он ни знатен, ни богат, но стоял перед ханом, как равный, и хан возненавидел его за это.

Чтобы спастись от ханского гнева, Айсыл, покинув жену и малого сына Амита, ушел в леса.

Долгие годы провел он в скитаниях, а хан все помнил о нем, копил ненависть, и вот, наконец, послал войско: отыскать и убить Айсыла.

Айсыл не вступил в бой, но и не отступил, когда воины Джанибека нашли его... Он разделил с ними трапезу, во время которой, гадая по

бараньей лопатке, предсказал, что вскоре прольются реки крови, ибо враг уже идет войной на становья ногайцев. «В этот трудный для народа час, — воскликнул Айсыл, — я выступлю на войну вместе с вами!..

И Айсыл вернулся домой. Сын его, Амит, отсутствовал в ту пору. Приехав, увидел юноша у коновязи чалого могучего коня и понял, что гостит у них некий батыр. Войдя, он больше, чем на Айсыла, смотрел на его огромный лук и колчан со стрелами. — «Разреши мне, гость, испытать твое оружие!» — попросил Амит и, получив позволение, далеко послал звонкую стрелу из лука, которого никто еще никогда не поднимал, кроме самого Айсыла. Понял тут счастливый отец, что будет сын его великим батыром, и открыл ему свое имя...

Но вскоре захворал Айсыл тяжело и умер.

На войну отправился Амит один, без отца. И случилось так, что войска Джанибек-хана дрогнули перед врагом и повернули вспять. Сам хан едва не попал в плен. Тогда отдал ему Амит своего, от Айсылы полученного чалого могучего коня, и хан, на радостях пообещав за это батыру в жены свою красавицу дочь — Шеербек, спасся бегством, оставив Амита военачальником.

По пути остановился Джанибек-хан со свитой отдохнуть у богатого бая Бугалы. Бай дал пир в честь знатного гостя, а Джанибек, решив, что Амит все равно погибнет в неравном бою, теперь обещал свою дочь сыну Бугалы — Темиру...

Вскоре после того бай и его сын с драгоценными дарами для невесты явились к хану, и начались при дворе пиры.

А в это время возвратился домой Амит, одержав трудную победу над врагом.

Он услышал, что Шеербек, которую он издавна любил, отдают другому, и прискакал во дворец.

Смутясь, хан поднес тогда батыру чашу кумыса.

Амит взяв чашу и запел:

Волга в бурю шумит грозна —

И не скоро утихнет она!

Сокол буре навстречу путь ведет

И не скоро прервет полет!...

Я, сын Айсыла Амит, как сел на коня,

Спину медной серьгой над седлом

не клоня.

Средь прямых в бою — был самый прямой.

Я с победой вернулся домой!

Скакуна не треножат шелком-сырцом!..

Ты с каким же, эй, хан Джанибек, лицом
Дочь свою, что в жены мне обещал,
Байскому сыну теперь отдал?
Что подарено раз — вторично нельзя
дарить!
Нет позора черней, чем слово свое
преступить!
Что ж! Клянусь, я дорогу чести тебе
укажу.

На тебя, двуличный, узду наложу:
Я на месте сынка твоего уложу,
Куцым сделаю я твой род.
Против тебя подниму народ!
Как отару гонит чабана рука,
Так твои разгоню войска!
Если ж клятву нарушу себе на беду,
Если до цели я не дойду, —
Я, Амит, сын Айсыла, батыром зовусь:
Пусть сквозь землю тогда провалюсь!..

И, бросив под ноги хану чашу с кумысом, Амит покинул дворец.
Почернел от гнева Джанибек и велел умертвить батыра, но
придворные советники убедили его отменить приказ: «Это опасно: за него
народ, — сказал один, самый лукавый из них.

Заставь лучше Амита сыграть с Темиром в шахматы. Он — воин, и
наверяд ли искусен в этой игре... А так как он проиграет — ты отдашь дочь
за Темира!»

Только начали соперники игру, Шеербек, чтоб испытать их, прислала
со служанкой обоим по одинаковому шелковому поясу, Амит крепко
опоясал подарком свой стан... Темир с поклоном положил пояс себе на
голову.

«Байский сын — лстец! Амит — смел и прям, как настоящий батыр!..
Только ему я и буду женой!» — решила про себя Шеербек, глядя из окна, и
когда увидела, что Амит начинает проигрывать, в тревоге запела:

«Кто слона ударит слоном,
А коня побьет конем —
Тот ханскую дочь Шеербек
Женою введет в свой дом»!

Услышал Амит ее песню и выиграл игру...

Но лживый Джанибек-хан и тогда не захотел отдать гордому батыру свою дочь.

И, поняв, что добром спор не решить, Амит сговорился с Шеербек, взял на ханской конюшне своего чалого могучего коня и увез возлюбленную.

В ту же ночь узнал об их побеге хан и послал за ними большой отряд во главе с сильным Алав-батыром...

Вот все ближе и ближе топот погони. Слышит это Шеербек и начинает горько плакать.

Тогда, чтоб успокоить ее, Амит поет:

Ты не плачь, подруга, не плачь!
Чалый конь мой несется вскачь:
Может щеки тебе на ветру опалить слеза,
Могут красными стать от слез глаза.

И ответила ему так Шеербек:

Как же мне не плакать, скажи,
Как же бедной мне не тужить,
Если, левой рукою лук зажав,
Держит в правой стрелу Алав,
И, чтоб смерть нам вослед послать,
Только руки он должен поднять.
Конь твой чалый, как шалая птица летит,
Но, когда стрела мою грудь пронзит,
И я на дорожную пыль
Упаду, как смятый ковыль,
Пощадит ли погоня, Айсыла сын,
Нас, плененных, лишенных сил?

Тогда в ответ ей Амит поет:

Ты не плачь, подруга моя, не плачь!
Чалый конь, не слабея, несется вскачь.
На ветру опалит тебе щеки слеза...
Пусть, левою крепко лук зажав,
Держит в правой стрелу Алав,—
Мы с тобой от него далеки,
И в тебя стрелять ему не с руки,
И, не зная усталости, чалый конь
Унесет нас от ста погонь!

Тогда ответила ему Шеербек:

Как же бедной мне не тужить,
Как же мне не плакать, скажи,
Если, левой рукою лук зажав,
Держит в правой стрелу Алав,
Если он, пуская коня в намет,
Уже по пятам за нами идет!..
Ты великий батыр, от батыра ты был
рожден,
Но, когда Алава стрелой пронзен,
Ты с седла упадешь в пути, —
От смертного часа и тебе не уйти...
И повезут меня, пленную, со стыдом
Обратно в постылый отцовский дом!

Тогда в ответ ей Амит поет:

Ты не плачь, подруга моя, не плачь!
Чалый конь ведь несется вскачь.
На ветру обожгла тебе щеки слеза,
Стали красными, джан, от слез глаза...
Пусть Алав, скакуна пуская в намет,
По пятам за нами идет,
Пусть, левой рукою лук зажав,
В правой держит стрелу Алав, —
Слаба у него рука и не зорек глаз;
На охоту с Алавом ходил я не раз:
Когда я стрелял, я оленя бил наповал,
Когда он стрелял — олененка лишь
подбивал...
Не дрожи! От батыра я был рожден,
Удержусь я в седле, стрелою пронзен!
Ты тех битв не видала, что я знавал.
Тех врагов не знавала, что я убивал.
Сам отец твой, завидев, как я сражаться
могу,
Толстые пятки показывал мне на бегу!
И дивились испытанные войска
Тому, как сила моя велика...

Так утешал он Шеербек, а в это время батыр Алав далеко опередил своих воинов, и настиг-таки беглецов, потому что хоть и могуч был под

ними чалый конь — трудно было коню нести двоих... Но, приближаясь, Алав опустил лук и крикнул Амину: — «Я не хочу тебе зла! Я гнался за вами, чтоб обмануть хана... Славный батыр, ты прав во всем, что совершил. Стреляй в мой средний палец!» — и он подставил под стрелу свой средний палец и Амит изранил его.

Тогда вернулся Алав к своему отряду и, подняв руку в крови, сказал: — «Невозможно нам бороться с Амитом... Смотрите, он ранил уже меня! Вернемся, пока живы, домой!»...

И воины, любившие Амата, повернули молча коней.

А батыр ушел с Шеербек в горы и вскоре стали собираться вокруг него люди, измученные жестокостью Джанибек-хана и свирепой жадностью баяв.

Вот в те-то давние, дальние времена и родилась эта песня о славном сыне Айсыла — Амите. Он был родом из простых людей. Он не боялся принять вражду против могущественного и злобного хана...

Перевод *Н. Капиевой.*

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как вы думаете, почему сын Айсыла восстал против Джанибек хана?
2. Какие изобразительно-выразительные средства былины вы бы отметили?
3. Кто из героев историко-героических песен вам понравился и почему? Как вы думаете, чем отличаются ногайские историко-героические песни от песен народов Карачаево-Черкесии?
4. Какой исторический период жизни ногайцев отображен в песне «Амит, сын Айсыла»?
5. Как описана богатырская сила Амата? Найдите это описание в тексте.
6. Каким образом Шеербек помогла выиграть в шахматы Амит-батыру?
7. Как Амит-батыр защитил свою честь?
8. Дайте характеристику Амит-батыру и Шеербек.
9. Как народ относится к герою песни? Подтвердите текстом.
10. Как показан в песне Джанибек-хан?
11. В чем главный смысл поэмы?

Историческая поэма «Эдиге»

Создание этой поэмы датируется XIV веком. В ней рассказывается о распри между феодалами и о дворцовой борьбе в период правления могущественного хана Золотой Орды Тохтамыша.

События распада Золотой Орды в конце XVI — нач. XV века и образования ногайского государства легли в основу многих исторических легенд и преданий ногайцев, в том числе и эпоса «Эдиге». Личность Эдиге, предводителя ногайских племен, основателя Ногайской Орды, позднее —

всесильного временщика Золотой Орды, более чем двадцать лет (1396—1420 г.г.) полностью распоряжавшегося ханским престолом, в истории достаточно известна.

Золотоордынский хан Токтамыс, рассказывается в поэме, является единственным обладателем пары необыкновенных охотничьих соколов. Храбрый Кутлы-Кая — сокольничий хана, должен с особым пристрастием следить за тем, чтобы эта необыкновенная порода соколов не стала достоянием другого хана.

Но Кутлы-Кая соблазняется подарками соседнего хана, и он тайно посылает ему соколиное яйцо. Об этом узнает Токтамыс. Это и становится поводом для конфликта. Хан отдает приказ прогнать его из ханства. Однако, Эдиге, сын Кутлы-Кая, спасен его молочным братом.

Дальнейшие события — это месть Эдиге и его сына Нурадина Токтамысу.

В повествование вводятся песни и объясняется, кто их спел и при каких обстоятельствах, к кому они обращены или кому посвящены.

Таковы некоторые композиционные приемы, использованные в поэме. Они характерны для многих поэм героического цикла.

Эдиге

Ногайская народная поэма

В те стародавние времена правил землей ногайцев могущественный хан Токтамыс. Тучные стада верблюдиц, табуны породистых лошадей паслись на его богатых пастбищах и зеленых лугах, сильны и ловки были воины в его несметной орде. Но не только ими был славен Токтамыс-хан. Не было равных его соколам, когда окрестные правители выходили на соколиную охоту. Хромой Шах-Тимур давно мечтал завладеть потомством соколов Токтамыс-хана. Он послал своих людей к Кутлы-Кая, славному сокольничему хана. Кутлы-Кая исполнил просьбу Шах-Тимура и тайно передал ему соколиное яйцо.

Вот вышли оба хана на охоту. Молодой сокол Шах-Тимура быстрее взял добычу, и тогда в сердце Токтамыс-хана закралось сомнение в честности сокольничего Кутлы-Кая. Люто возненавидел его хан и приказал прогнать его из ханства.

Кутлы-Кая, опасаясь гнева хана, ушел в глухие леса. Так он и жил один, пока не повстречался с лесной женщиной.

Решился Кутлы-Кая жениться на ней. Лесная женщина согласилась

жить с ним, но предупредила: «Ты никогда не должен смотреть на мои ребра». Кутлы-Кая поклялся ей в этом.

Однажды, когда женщина купалась, взгляд Кутлы-Кая нечаянно упал на ее ребра. И увидел он, что тело женщины прозрачно. Женщина поймала его взгляд, взвилась над землей и со словами: «Э-э, сын человеческий, не сумел ты сдержать данную клятву. Я не смогу теперь жить с тобой. Оставайся с добром и спасибо тебе за все. Но скоро родится у меня твой сын, я принесу и положу его на твоём пути», — исчезла.

Много дней прошло с тех пор, как покинул Кутлы-Кая владения Токтамыс-хана. «Может, хан забыл обо мне...» — подумал сокольничий и решил вернуться к людям. Поселился он в одном из дальних аулов.

По весне люди аула вышли в поле на праздник первой борозды. Они пели и веселились, просили у всевышнего щедрого урожая. В самый разгар веселья люди увидели что-то и с криком ужаса бросились бежать. Кутлы-Кая узнал лесную женщину и остался. Она положила перед ним на землю узелок и, промолвив слово «Эдиге», исчезла. Не удивился Кутлы-Кая, помня о ее словах, взял в руки узелок и увидел там новорожденного ребенка. Это был его сын. Обрадованный, вернулся Кутлы-Кая в аул, но не долгой была его радость. Кормить ребенка было некому. Маленький сын плакал, и Кутлы-Кая загоревал, не зная, как ему быть. Встретилась ему старая ошенившаяся собака, и Кутлы-Кая стал кормить сына ее молоком.

Мальчика он назвал Эдиге — такое слово произнесла лесная женщина, положив узелок на землю. И сын стал быстро расти и крепнуть.

«Весть не лежит на земле», — говорят ногойцы. Хан узнал, что Кутлы-Кая, его неверный сокольничий, вернулся в ханство, и послал людей, чтобы они убили его. Убийцы выполнили веление хана. Маленький Эдиге остался жить у своего аталыка¹ Эсенбия. Люди хана пришли и к Эсенбию, чтобы убить мальчика. У аталыка был сын, ровесник Эдиге. Когда ханские посланники пришли к аталыку, то он спрятал Эдиге в сапог. Палачи, увидев сына Эсенбия, подумали, что это Эдиге, и убили его. Так аталык пожертвовал родным сыном ради спасения приемыша. Он дал Эдиге другое имя — Кубы-ул², чтобы никогда Токтамыс-хан не догадался, чей он сын.

Эдиге вырос умным, смелым и красивым джигитом.

Как-то поспорили два хозяина из-за верблюжонка. У обоих были верблюдицы, и вот одна из них разрешилась от бремени. Оба хозяина считали верблюжонка своим. Разрешить этот спор взялся случайно проходивший мимо Эдиге. Юноша повел обеих верблюдиц к реке, а верблюжонка посадил в лодку и отправил ее по течению реки. Тогда одна

¹ Аталык — названный отец, воспитатель.

² Кубы-ул — сын рода.

из верблюдиц с ревом бросилась в реку и пошла за лодкой. Так Эдиге рассудил двух хозяев.

Прослышав об уме и смекалке юноши, хан взял его к себе табунщиком. Когда Эдиге случайно оказывался в орде, Токтамыс-хан, сам того не замечая, приподнимался и первым приветствовал юношу. Ханша заметила это и сказала хану. Токтамыс-хан не поверил ее словам. Тогда ханша пришила полы его халата к подушке. Когда Эдиге вновь появился в орде, хан первым привстал вместе с подушкой. Тут и понял он, что боится табунщика, и возненавидел его.

Был у Токтамыс-хана лстивый и коварный визирь Ямбай. Хан во всем прислушивался к его советам. Вот Ямбай и подговорил хана подать табуннику отравленный юрт.¹ Взял Эдиге чашу с юртом, но не стал из нее пить, а ножом разрезал ее содержимое на множество частей. Хан удивился этому. Визирь Ямбай пояснил хану: «Великий хан, он догадался, что ты хотел убить его. В отместку табунщик пригрозил разделить твою орду на множество мелких частей!»

В старину ханы приглашали врагов своих на пир и там убивали их. Ямбай напомнил Токтамыс-хану этот древний обычай. Хан согласился. Пригласил он на пир много йырау², богатых родственников, седовласых старцев и самого Эдиге. У Эдиге было девять друзей, настоящих воинов-батыров. Друзья узнали о замысле коварного хана и заранее приготовились к побегу. Они оседлали своих коней, а подруги коней царской охраны подрезали.

Токтамыс-хан начал пиршество и попросил собравшихся певцов рассказать о родословной Эдиге, но ни один из йырау не смог разгадать тайны табунщика. Тогда Токтамыс-хану напомнили, что жив еще трехсотсосьмидесятилетний Сыбыра-йырау и только он сможет рассказать о родославной Эдиге.

Стар и древен был Сыбыра-йырау, так стар, что не мог уже ногами по земле ступать, и пришлось людям хана привезти его на фазтоне.

Обратился Токтамыс-хан с просьбой:
Певец наш древний, Сыбыра-йырау,
Ты прожил триста восемьдесят лет
И много видел, очень много знаешь,
И только ты сумеешь рассказать,
Кто он на самом деле, Кубы-ул?

На пиру Эдиге сильно напоили, и он уже не слушал своих друзей, которые предупреждали его об опасности.

¹ Юрт — ногойское кушанье из кислого молока.

² Йырау — певец, сказитель, поэт.

Решил славный Сыбыра-йырау без утайки рассказать Токтамыс-хану о родословной Эдиге. Зная, что в народе Эдиге прозвали Кубы-улом, он в своей песне называет оба имени Эдиге:

Славен хан Токтамыс
Своим сильным, отчаянным войском,
Славен хан Токтамыс
Своей щедрой богатой землею,
Славен хан Токтамыс
Своим людом, привыкшим к работе,
Среди этого люда
И вырос батыр Кубы-ул.
Сын народа, так люди
Его и прозвали, любя.
Много дней и ночей
Ты проводишь без сна, о мой хан!
Ты снедаем тревогой,
Ты полон сомнений и страха.
Оттого ты, мой хан,
Кобылиц крутогрудых зарезал
И наполнил нам чаши
Пьянящим, искрящимся медом.
Ты на пир пригласил
Всех друзей и всех родичей славных,
Ты украсил шатер свой
Коврами из мягкого ворса
И на тор¹ посадил
Седовласых почетнейших старцев.
Не забыл и меня ты,
Седого певца Сыбыра.
Да, я сед и беззуб,
И истлела на мне вся одежда.
Уж четыре столетья,
Как я появился на свет.
Да, я сед и беззуб,
И давно не от мира сего.
Что ты хочешь, мой хан,
От безумного старца услышать?

¹ Тор — самое почетное место в доме.

Рассказать бы я рад,
Только как языку повернуться?
А смолчать не позволит
Моя седовласая совесть.
Я — засохший ковыль,
Нет в стеблях моих терпкого сока.
Я — усохшая кость,
Нет во мне вожделенного мозга,
Я безумный старик.
От меня что ты хочешь услышать?

Молча ждали гости Токтамыс-хана, да и сам хан, что же поведает им древний певец Сыбыра.

И Сыбыра-йырау продолжал:

И в этот день ты чашу мне наполнил
Пьянящим медом, чтобы я сказал,
Зачем в наш мир явился Эдиге
И чей он сын — так я тебе отвечу:
Я видел многих наших сыновей,
Своею силой и смекалкой славных.
Но Кубы-ул и силой, и умом
Их всех, мой хан, намного превосходит.
Большую бочку — сорока обхватов
Наполни медом — выпьет без труда он.
Закрой все окна, двери на запор —
Он в дымоход трубы сбежать способен...

Услышав пророческие слова сказителя, Эдиге сразу протрезвел. Вместе с девятью друзьями-батырами ему удалось бежать из ханского дворца.

Велика земля ногайцев
И достойна удивленья —
И владеть такой землею
Сможет только Кубы-ул.
Изогнется диким волком,
Львом голодным зарычит он,
И его услышит голос
Вся ногайская земля.
Даже девять твоих предков
И несметные владенья
Не спасут тебя от мести,

Кровной мести Кубы-ула.
Он лишит тебя престола,
Он лишит тебя владений
И с родной земли прогонит
Кубы-ул, тебя, о хан!

Испугался Токтамыс-хан вещих слов старого Сыбыра и обратился к девяти своим наместникам:

Девять мужей моих, девять мужей,
В бой снаряжайтесь, девять мужей.
Войско готовьте, девять мужей,
В путь отправляйтесь, девять мужей.
В путь отправляйтесь и догоните,
Силой, обманом ли — но, как хотите,
Или верните сюда Эдиге
Или табунщику шею сверните!

Девять наместников Токтамыс-хана собрали войско и во главе с визирем Ямбаем отправились в погоню. Много дней и ночей скакали они без усталости, стараясь догнать мятежного Эдиге.

Они настигли Эдиге, когда он с девятью батырами переплыл через реку Эдиль.¹ Посланники Токтамыс-хана остановились, не решаясь переправиться на тот берег реки. Тогда визирь Ямбай обратился к Эдиге с такими словами:

— Вернись, одинокий, вернись!
Вернись в родной приют.
В шатрах высоких хан-отец
Тебя с поклоном ждет.
Он в тонкой чаше мед подаст —
Испей его до дна.
В конюшне ждет тебя скакун,
Ему и равных нет.
Я знаю, власти хочешь ты —
И власть тебя найдет.
Хан эту власть тебе дает —
Будь славен, Эдиге! —
Услышав эти слова, Эдиге ответил:

¹ Эдиль — Волга.

— Нет, не вернусь я, не вернусь!
Не перейду Эдиль.
В шатрах высоких не отдам
Хозяину поклон.
Да и хвалиться не хочу,
Но коли хочешь ты,
Я похвалюсь: да, равен я
Чингизу одному.
Двенадцати обхватов лук
В одной руке держу,
Взлетевший в небо карагай¹ —
Его я перерос.
Над головой промчится смерч —
Не колыхнет меня.
А вы, достойные мужи,
Токтамыс-хана тыл,
Один щелчок моей камчи
Вас всех прижмет к земле.
И войско ваше разнесу
Одним ударом я!
Не в ваших силах совладать
С игрой моей камчи!
Я — это я, и только я
Способен быть собой!
Мужчина я, и на себя
Лишь одного молюсь!!
Я затушу огонь любви,
Огню вражды предам
И вашу жизнь, и вашу честь,
И подлый ваш союз!
И ваши лживые слова
Мне слушать не к лицу.
Я ухожу, и мой уход
Запомните вы все!
Я ухожу, куда-й-аллах
Пусть освятит мой путь!
Да будет так! Хромой Тимур
Подаст мне дружбы знак.
И пусть тогда ваш мерзкий хан,
Ваш кривозубый хан,
Косноязычный хан не ждет
Пошады от меня!

¹ Карагай — сосна.

Услышали Ямбай и его спутники слова Эдиге, поняли, что не смогут вернуть его ни обманом, ни силой, и, удрученные, с повинной явились к Токтамыс-хану. А Эдиге и девять его друзей продолжали свой путь. По дороге всадникам Эдиге встретилась змея с девятью хвостами. Увидев воинов, змея стала уползать в нору. Всадники бросились ее догонять. Они хотели убить змею и отрубили ей девять хвостов, но змея уже просунула голову в нору и сумела спастись. Через некоторое время всадникам встретилась другая змея, с девятью головами и одним хвостом. Увидев людей, змея хотела убежать, но только одну голову смогла просунуть в отверстие норы, а остальные остались снаружи. Воины Эдиге догнали змею и отрубили ей все головы. Оглядел тогда Эдиге своих друзей и так сказал: «Дабы не постигла нас участь этой змеи, нам нужна одна голова!» Друзья согласились с ним и избрали его своим предводителем. Перед дальней и трудной дорогой Эдиге обратился к друзьям со словами напутствия:

— Как позвонки одной спины,
Мы связаны, друзья!
Как зоркий сокол, вы должны
Быть бдительны, друзья!
Мы диких ягод соберем
В голодный день, друзья!
В лесу оленя мы убьем,
Устроим пир, друзья!
Нам только вместе надо быть,
Придем к мечте, друзья!
Придет тот день, настанет час,
Возьму я хана трон
И вдоль Эдиля свой народ
Навеки поселю.
Эх, коль гибель ждет, друзья,
Я сам омою вас,
И, в белый саван завернув,
Предам родной земле.
Да будет так,
Коль сам Аллах
Нам это повелит.
А не смогу — куда¹ простит,
Обнимется, друзья!

Долог был путь Эдиге к Шах-Тимуру. Много дней и ночей прошло с тех пор, как он с друзьями покинул родную землю. Встретился им на пути Алып-батыр с войском. Он возвращался с набега на земли Шах-Тимура и,

¹ Куда — божество.

захватив в плен его дочь Акбилек, с победой шел домой. Эдиге решил убить Алып-батыра и вернуть Шах-Тимуру дочь. Не назвавшись, он попросился быть поваром у Алып-батыра, а друзья его незаметно шли за вражьи войском. Эдиге тайно оставлял им еду. Однажды, когда Алып-батыр с войском остановился на привал, Эдиге послал воинов, чтобы они накормили и напоили коней. В это время друзья Эдиге подняли полы шатра, в котором спал Алып-батыр, и Эдиге убил его из лука. Вернувшись к воинам, Эдиге сказал им: «Джигиты, если вы не знаете, так знайте — я убил вашего Алып-батыра, а вам всем даю волю!»

Воины услышав имя Эдиге, задрожали от страха. Поблагодарив его за данную им свободу, они разбрелись в разные стороны. Эдиге вместе с дочерью Шах-Тимура отправился к нему, а всех пленных, захваченных Алып-батыром, отпустил домой. Шах-Тимур несказанно обрадовался возвращению дочери. Узнал он, что это Эдиге освободил ее из плена, и отдал свою дочь ему в жены. Эдиге остался у Шах-Тимура и стал жить с его дочерью. Вскоре у них родился сын. Назвали его Нурадин.

Много лет прошло с тех пор как Эдиге остался жить на земле Шах-Тимура. Сын его, Нурадин, подрос и стал настоящим джигитом. Юноша очень хорошо играл в альчики. Как-то неоднократно проигравший соперник сказал ему: «Альчики-то ты ловко бросаешь, это мы видим. А вот увидим ли, как ты отомстишь Токтамыс-хану, врагу своего отца?» Нурадин рассказал об этом случае отцу. Эдиге обрадовался тому, что сына это задело. И стал он собирать войско. Обратился за помощью к Шах-Тимуру. Тот дал ему немного воинов. Эдиге с сыном отправился на землю Токтамыс-хана. Их обоих переполняло желание как можно скорее достигнуть земли предков, ногайской земли. Каждый из них в душе по-своему представлял встречу с родиной. Когда наконец они подъехали к реке Эдиль, Эдиге и Нурадин, спешившись и, упав на колени, поцеловали белую пыль родной земли. И заплакал тогда Эдиге:

Земля ногайцев, отчая земля,
Взрастила ты отца и мать родимых,
С поклоном отдаю тебе салам.
Я пуповиной связан был с тобой,
Земля моя, единственный приют.
Твоей травою вскормлены стада
Могучих верблюдиц, своим кумысом
Ты славись давно, моя земля.
Эдиль и Яик — эти две реки
Текут по жилам родины ногайцев,
И табуны, и весь ногайский юрт

Своей водою несравненной поят.
Эдиль, Эдиль, Эдиль — река моя.
Я снова на коленях пред тобою.
Как прежде, берега твои отлоги,
И надо мной опять склонились ивы.
Что ты взрастила на моей земле.
И листья ив, подобные щитам,
Так трепетно к воде твоей прильнули,
Как сердце мое льнет к родной земле.
Какою мезью мстить мне Токтамысу,
Который разорил большое ханство,
Родной народ обрек на долгий голод?
Но я вернулся, отчая земля,
Пусть твои беды лягут мне на плечи,
Пусть горе твое будет мне камчою,
Что подстегнет, лишит меня покоя —
Я отомщу за все твои невзгоды!

Эдиге с сыном вскочили на коней и, переправившись через Эдиль, подошли к городу Токтамыс-хана. Слишком мало было воинов у Эдиге. Тогда он решил пойти на хитрость. Он заставил воинов ночью во многих местах разжечь костры, накрыть бязью лошадей и всю ночь гонять их вокруг курганов. Увидев это, караульные прибежали к хану и доложили, что к городу подошел враг с несметным войском. Испугался Токтамыс-хан, растерялся. Не успев собрать свое войско, решил хан бежать. В это время Нурадин, с маленьким отрядом, напал на караул. Токтамыс-хан, услышав весть о гибели караульных, собрал своих визирей на совет. Понял хан, что деваться некуда и, обняв своих детей и внуков, стал плакать от бессилия и боли за судьбу своего ханства:

Над ногойской землей
Собираются темные тучи...
Кем ты проклят был, день,
Что обрек нас на черную участь?
День настал, когда хан
Собирается в бегство от бия,
День настал, когда хан
Собирает народ свой в дорогу,
День настал, когда хан
Видит свой развалившийся трон.
И не ты ли, Эдиль,

Мне была и сестрою и другом,
Не твоя ли вода
Слаще меда, а травы густы?
А когда день настал,
И твой хан собирается в бегство,
Ты ему добрый путь
Пожелаешь ли, нет ли, Эдиль...

С этими горькими словами Токтамыс-хан собрался бежать. Когда он сядил на коня, жена повисла на стремени с плачем:

О мой хан, не ходи ты в долину,
И не жди от врага ты пощады!
Кубы-ул ведь с коня тебя скинет,
Ты лишишься своей головы!

Эдиге и Нурадин гнали Токтамыс-хана из одной долины в другую, из одного города в другой город, из одних гор в другие горы. И тогда остановился Эдиге и сказал Нурадину:

Эй, Нурадин, Нурадин,
Сын мой луноликий,
Разве, не убив пчелы,
Насладишься медом?
Разве, хана не убив,
Насладишься троном?
Ты гони его, гони!
Пусть покрывшись потом,
Прочь бежит проклятый хан
И его прислуга.
Рядом с ним сто человек —
Все они — химеры.
Ты убей их всех, сынок,
Нет врагам пощады!

Эдиге обещал Нурадину отдать ему в жены младшую дочь Токтамыс-хана Каныйке и вернулся в Сарай. Но, вернувшись, он не узнал прежнего города. Враг завладел им, и люди покинули его. Лишь ханский дворец «Золотой камень» остался целым среди развалин. Но и он был захвачен врагами. Эдиге с войском перебил охрану и вошел во дворец. Там на золотом троне сидел кривой чингизид Кыйгыршык. Когда Эдиге подошел к трону, Кыйгыршык сказал:

Гордую голову беркута
Ты преклони, Кубы-ул!
Славный Чингиза потомок
Перед тобой, Кубы-ул!
Много рабов мы имели,
Ты — лишь один из рабов!

Разозлился Эдиге наглости чингизида, схватил Кыйгыршыка за ногу, поднял и ударил головой об землю, а визирей всех зарубил.

Эдиге отстроил город заново, поселил в нем свою орду. Вышел он к людям и спросил их:

- Чье теперь могущество, скажите?
- Могущество Эдиге! — ответил народ.
- Чье сейчас время? — спросил Эдиге.
- Это время Эдиге! — сказала родина.

Долго мыкался, скитался Токтамыс-хан, спасаясь от погони Нурадина. Измученный, вошел он в какой-то лес. Почуввав приближающегося Нурадина, он затаился. В это время из-под ног Токтамысхана с криком вылетела испуганная птица. Хан посмотрел на птицу и сказал так:

Птица чибис, не кричи,
Я тебя прошу.
Крылья жесткие твои
Не поглажу я.
Шеи голой не коснусь
Никогда твоей.
От тревоги я дрожу,
В страхе сам не свой.
В этот миг,
Не кричи, прошу.
Не возьму твоих яиц,
Не пугайся ты.
Чибис-птица, пощади,
Не скликай врагов!

Испугался хан, что на птичий крик сбежится погоня и обнаружит его. Ушел с этого места. Одинок скитался он в лесу, обессилив, и смерть предстала перед его глазами. Печальный, он сказал:

Скоро, скоро лихой Нурадин
Вновь настигнет, проклятый, меня,
И свершит свою кровную месть —

Да не сбудутся грезы его!
Я один на земле этой хан!
Я один — ханский сын, потому
Никому, даже после себя,
Не позволю я сесть на свой трон!

В это время Нурадин настиг Токтамыс-хана и, чтя обычаи, сказал: «Ты старше меня, стреляй первым!» Токтамыс-хан выстрелил, но не попал в цель. Он подошел к хану и саблей снес ему голову. Голова отделилась от туловища и со стуком упала на землю. Нурадин вонзил в голову копье и поднял ее, чтобы с победой вернуться в орду.

Так, с украшением на шее и со славой вернулся Нурадин в орду. Пока он гонялся за Токтамыс-ханом, в орде правил Эдиге.

У Токтамыс-хана были две дочери. Старшая должна была достаться Эдиге, младшая — Нурадину. Ямбай хитростью вошел в доверие к Эдиге и остался в его орде. Он подговорил дочерей хана подложить под платья подушки и сказал, что они беременны. Нурадин, вернувшись, увидел их и спросил, кто повинен в этом деянии. Девушки указали на Эдиге. Разозлился Нурадин на отца и поссорился с ним.

В горе покинул Эдиге орду и поселился далеко в горах. В тех местах жили четыре брата. Вот умер их отец и оставил им в наследство хромую козу. Братья никак не могли поделить ее между собой. Думали-думали, наконец решили поделить ее по ногам. Младшему брату досталась хромая нога. Однажды козу отпустили и она, несчастная, надо же такому случиться, наступила на горячую золу. Хромая нога ее была завязана тряпкой, от огня тряпка загорелась. Коза бросилась бежать и стала тереться о стог бая. Стог загорелся, и все сено сгорело. Бай приказал братьям выплатить за сено. Старшие братья обвинили во всем младшего. «Если бы не хромая нога, стог бы не загорелся», — сказали они. Младший брат в слезах шел по улице, и встретился ему старый Эдиге. Расспросив юношу о причине его печали, Эдиге сказал перед всем народом: «Если бы не здоровые ноги, коза не наступила бы на огонь и стог бая не загорелся бы». Так рассудил Эдиге братьев. Народ одобрил его решение и выбрал Эдиге судьей. Весть о справедливом суде разнеслась по всему свету. Дошла она и до Нурадина.

После ухода отца Нурадин узнал, что Эдиге ни в чем не виноват. Опечаленный тем, что ни за что обидел отца, Нурадин стал искать его. Долго искал он Эдиге, но нигде не мог найти. Услышав весть о судьбе, Нурадин понял, что так рассудить может только его отец, и отправился в те края. Он попросил прощения у Эдиге. Нурадин прикусил палец и три раза обернулся вокруг себя. Бог Неба Тангри благословил его. Отец простил сына. Нурадин вернулся править ханским двором, а Эдиге остался правителем на той земле.

Прошло несколько лет. Сын Токтамыс-хана Кадыр-Берди пришел во владения Нурадина, чтобы отомстить за своего отца. Он остановился со своим войском в окрестностях ханского дворца. Хитрый Ямбай в это время был в услужении у Нурадина. Он тайно сговорился с Кадыр-Берди погубить Нурадина. Как всегда, его замысел был хитер и точен. В один день Ямбай пришел к Нурадину и сказал, что в окрестностях видел много дичи. Нурадин очень любил охоту и второпях, без свиты, вместе с Ямбаем вышел в поле. Ямбай привел его прямо к войску Кадыр-Берди. Кадыр-Берди захватил в плен Нурадина и завел его в свой шатер. Велел ему сесть на почетное место. До этого под подушку, на которую должен сесть Нурадин, остриями вверх были поставлены два кинжала. Когда Нурадин сел, кинжалы проткнули ему бедра. Но Нурадин не выдал своей боли. Ухватившись за кинжалы, он молчал, смотрел на Кадыр-Берди и ждал что же тот скажет ему.

Восхитился Кадыр-Берди мужеству и выносливости Нурадина. Он схватил подлого изменника Ямбая и на месте отсек ему голову. А Нурадина отпустил домой. Но яд отравленных кинжалов уже разошелся по всему телу Нурадина, и он тяжело заболел. Во время его болезни Кадыр-Берди пригнал табун на земли Нурадина. Нурадин встал с постели, чтобы прогнать чужие табуны. И умер на коне от смертельных ран...

После смерти Нурадина Кадыр-Берди сел на золотой престол и стал править ханством. Но не давало ему покоя то, что жив еще Эдиге, и, собрав народ, Кадыр-Берди сказал так:

Пока живет на свете Эдиге,
Мне власть — не власть,
Богатство — не богатство.
Земля отцов мне — не моя земля.
И меркнет день в глазах при мысли этой.
Я так решил: я или Эдиге!
Один из нас землёю править должен!

Так он сказал на совете и стал готовить войско в поход. Предводители его войск Барын-мурза и Ширин-мурза хорошо знали Эдиге и боялись идти на него.

Кадыр-Берди с мурзами отправился к Эдиге. Они переплыли бурлящую реку Эдиль и направились в горы. Узнав, что к его земле приближается враг, Эдиге с войском вышел ему навстречу.

Молодой султан Кадыр-Берди обратился к Эдиге с такими словами:

Коль Эдиге такой батыр могучий,
Единственный на всей земле ногайцев,

В руках своих большие земли держит
И правит этой гордою страной,
Коль Эдиге могуч, непобедим
И велика его бывшая слава,
То, эту славу у него отняв,
Я буду славен во сто тысяч крат!

С этими словами Кадыр-Берди обнажил клинок и бросился на старого Эдиге. Эдиге отразил его удар. И стали они драться. В бою Эдиге был ранен, но сумел булавой убить Кадыр-Берди. Склонившись над мертвым, так сказал Эдиге:

Кадыр-Берди, мой молодой султан,
Зачем ко мне войною ты пришел,
Еще есть сила в старческих руках,
Зачем об этом не подумал, сын мой?
Но что с того, что одряхлеет лев,
На бой последний хватит его силы.
Кадыр-Берди, мой молодой султан,
Что ж ты об этом не подумал, сын мой?

Одолев Кадыр-Берди, раненый Эдиге бежал от ханских воинов. Барын-мурза и Ширин-мурза с сорока охранниками преследовали его. Барын-мурза сказал: «Кто снесет голову Эдиге, тот и сядет на ханский трон». Долго гнались они за Эдиге. Вот погоня приблизилась к озеру. Следы коня вели в камыши. Они стали искать Эдиге, но не могли найти. Уже хотели развернуться и уйти, но Барын-мурза сказал: «Он не мог уйти отсюда, обратных следов не видно». Охранники остановились. «Выходи на бой, Эдиге, или боишься?» — крикнул Барын-мурза. Эти слова задели Эдиге и он вышел на поединок. Но Барын-мурза обманул его: как только Эдиге вышел из камышей, сорок охранников выпустили в него свои стрелы, накинули аркан и повалили Эдиге. Барын бросился на связанного Эдиге и снес ему голову. Голова упала на землю и сказала:

Что сделал я тебе, скажи, Барын!
За что на старца руку ты поднял?
Так пусть отныне род твой прекратится,
Пусть высохнет земля твоя от зноя!
Что сделал я тебе, скажи, Барын!
Я скинул с трона ханского потомка.
При имени моем дрожали ханы,

И только я смог троном завладеть!
И не таким, как ты, паршивый пес,
На золоченый ханский трон садиться!

Только произнесла эти слова голова Эдиге, как Ширин-мурза зарубил
кинжалом Барын-мурзу и, захватив голову Эдиге, устремился в орду...

Перевод Ф. Сидихметовой.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какой период истории ногайцев воссоздан в поэме?
2. Почему поссорился Токтамыс-хан с Кутлы-Каям?
3. Как хан Токтамыс узнал об уме Эдиге?
4. О чем поведал певец Токтамыс-хану?
5. Как Эдиге удалось бежать из ханского дворца?
6. Почему Эдиге не смирился и не пошел служить хану?
7. Как Эдиге завоевал себе трон?
8. Чем отличается ногайский героический эпос от эпоса других народов Карачаево-Черкесии? Приведите примеры.

ЛИТЕРАТУРА

Ногайская литература XIV—XV веков

Литературные традиции ногайского народа уходят в далекое прошлое. Фактом огромного культурного значения выступает творчество ногайских поэтов, творивших в XIV—XV веках. Их называют поэтами-писменниками. Они создали бесценную поэзию.

Поэты Сыбыр-йырау, Асан-Кайглы, Шал-Кийиз Тилениш улы, Досмамбет Азаулы, Казы-Туган Суйинши улы, Кет-Буга Найманлы и другие оставили большое наследие. Эти поэты создали свои произведения в Большой и Малой Ногайской Ордах.

В творчестве Шал-Кийиза Тилениш улы, Асана-Кайглы, Сыбыр-йырау, Досмамбета Азаулы, Казы-Тугана Суинши улы, Кет-Буга Найманлы ведущий мотив — это мотив победы добра над злом.

Ногайцы придавали особое значение искусству красноречия и языку чувств — поэзии. Русские и европейские ученые и путешественники особо подчеркивали поэтичность ногайцев. Творчество великих поэтов — следствие этой поэтичности. Примером тому — творчество Шал Кийиза Тиленши улы.

Шал-Кийиз Тиленши улы жил и творил в XV веке. О таланте Шал-Кийиз ходили легенды. Его не сравнивали ни с кем. Многие исследователи считают, что ему не было равных в поэзии.

Жизнь Шал-Кийиза отмечена многими горестями и неудачами, но ничто не сломило его. Ему удалось осуществить то, к чему стремился; гордый и славолубивый йырау (певец) стал известен почти всем тюркским народам. Его прекрасную поэзию слушали с замиранием сердца. И после смерти его имя произносилось с глубочайшим почтением, его стихи передавались из поколения в поколение. Как пишет Мухтар Магаунин, исследователь творчества Шал-Кийиза, «в просторах, где жили кочевники, у которых пела каждая ветка, и каждый пастух был акыном, на протяжении нескольких веков не рождалось поэта, который мог бы сравниться с Шал-Кийизом».

Творчество великого поэта привлекало внимание многих исследователей. Один из них, Ашим Сикалиев, пишет: «Характерная черта ногайских народных поэтов (певцов) — осознание своего поэтического творчества как акта служения родному народу.

Своим долгом каждый из них считает помощь ногайскому народу в его борьбе с разными врагами — и внутренними и внешними. Именно здесь особенно четко выражены национальные чувства и самосознание ногайских поэтов древности.

Творчество талантливого певца-поэта свидетельство этому. Шал-Кийиз, знавший себе цену, был гордым и непокорным. Обращаясь к хану Темиру, одному из правителей Золотой Орды, он говорит так:

Эй, Темир,
Эй, хан Темир, хан Темир,
Ты был хозяином степей,
Я был хозяином поэзии.
Ты оторвал поэзию от степей,
Я стал лебедем без озера,
Я стал кобызом без голоса,
А без кобыза у степи нет жизни.

Перевод А. Сикалиева.

Из ногойской литературы XIV—XVII веков

Шал-Кийиз Тиленши улы

* * *

Ты в желаниях будь умеренным —
В жаже властвовать над конем
Не спеши обращать его в мерина:
Ведь потомства не будет потом.

И желая уйти от бедности,
На богатой ты не женись —
Не дождешься любви и верности,
Потеряв свободную жизнь.

Не родят эти жены ложные
Сыновей — степных смельчаков,
Тех, которые в дни тревожные
Защитили б страну от врагов.

Не хочу я быть обвинителем —
Сам, бедняк, убедишься потом:
Потеряв уважение родителей,
Станешь ты жены батраком.

* * *

Все, чему обучен я, —
Две-три суры из корана.
Что сумею сделать я —
Умереть довольно рано.

Черный цвет готов любить
На бумаге в белом цвете.
Не должно различий быть
Меж людьми на белом свете.

* * *

Если тонкий тополь качается —
Значит, ветер ствол его гнет.

Если тополь сил набирается —
Значит, воду подземную пьет.

Коль кулан и козел резвятся —
Значит, жир им резвость дает.
Если судьи людей бояться —
Значит, силу обрел народ.

Перевод В. Портного.

Поэзия Досмамбета Азаулы

«Поэзией погибающего воина» называют поэзию Досмамбета Азаулы (Азовского), жившего в г. Азове, который погиб, защищая свой родной город. Досмамбет являлся феодалом Малой Ногайской Орды, среди народа слыл храбрым воином. Его стихи впервые записаны Магомед-Апенди Османовым и изданы в Петербурге в 1883 году в сборнике «Ногайские и кумыкские стихи». «Поэзия погибающего воина» — так принято в народе говорить о творчестве поэта. Такой характеристике предшествовала и глубокая трагедия в судьбе Досмамбета.

Ученый Ашим Имам-Маземович Сикалиев, плодотворно работающий над исследованием творчества старонogaйских поэтов, в своих работах приводит интересную легенду, которая была записана еще в прошлом веке. Поэт, возвращаясь ночью в Азов, на подступах к городу сталкивается с неприятельскими войсками. Тут же разворачивается битва. Досмамбет убивает неприятельского воина, который впоследствии оказывается его собственным сыном. Этой трагедии посвящены многие стихи Досмамбета Азаулы. Сам же Досмамбет в одной из битв с турецкими аскерами, вырвавшись из окружения, вдруг обнаруживает, что в горячке он потерял свою камчу (бич, нагайку) — силу власти, мужского достоинства, и, возвращаясь за ней в стан врага, получает смертельные раны.

Великий писатель Н. В. Гоголь, много ездивший по степям, любил украинский фольклор. В его творчестве большое место занимают фольклорные мотивы. Соседство украинцев с ногайцами в прошлом оказало влияние и на заимствование сказочных мотивов, пословиц и поговорок. Так в знаменитой повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» легко узнаваема легенда о ногайском поэте Досмамбете Азаулы.

* * *

За озером, где лес стоит сосновый,
Случайно мной камча обронена.
Оленья шкура служит ей основой,
Ремни — из кожи юного слона.

А рукоять из меди как искрится,
Обернутая нитью золотой!
Вдруг крот ее изложет, иль лисица...
Что скажет мне Азов престольный мой?

Когда про мой позор узнают деды,
Что станут говорить в сердцах они?
Что Досмамбет вернулся без победы
И омрачил последние их дни?

Коль матери услышат о потере,
Их груди вмиг лишатся молока.
И дочки могут пошатнуться в вере:
«Пропал отец», — решат наверняка.

Когда друзьям поведать доведется,
Иль сыновья о том узнают вдруг, —
Им всем и день и ночь искать придется:
От чьих отец погиб коварных рук?

Красавицы в моем доме просторном
Решат, что вдруг погасли все огни.
Враги же возликуют непритворно:
«Как славно!» — позлорадствуют они...

Из предсмертного цикла.

Мой Косай

В неполных восемнадцать лет успел ты возмужать,
Рос не по дням, а по часам, чтоб быть отцу под стать.
Как солнца луч, ты мне светил в весенний месяц май —
Украсил ты кыпчакский род, цветок степей — Косай!
Не зря отец твой Досмамбет, наследника любя,
Сам жеребенка изловил арканом для тебя.
Растил и холил жеребца, а время подошло,
Он сам сынишку посадил в походное седло.
С дней детских лоб твой незнаком был с бритвою не зря —
И вот украсил славный чуб чело богатыря!
Чуб развевался на ветру, как знамя, тут и там,
И гусь летящий посылал тебе с небес салам.
Таким ты был, мой сын Косай, отважный молодец,

Когда поехал на войну бить турок твой отец.
И турки — славные бойцы, что истину скрывать! —
Да только твой отец умел и турок побеждать.
Ты не видал тех битв, Косай, а мне в ночном бою,
Увы, увидеть довелось и смерть, и кровь твою...
Победа славная была, бесценным был трофей, —
То слезы поздние отца, боль матери твоей.
От горя разум потеряв, запричитала мать.
Отец уж сына не найдет, хоть будет век искать...
Страданье душу укрепит, осилю я беду,
И утешение себе в боях с врагом найду.
Пускай земля родных степей твою не давит грудь,
Ты смерти заглянул в глаза, избрав отважный путь.
Ты так мечтал, чтобы враг не смел родной земли топтать,
Не думал в лагере врагов я сына повстречать!
Узнай, Косай, что кровь твоя к отмищению зовет,
Не забывает о своих сынах степной народ.
Святая кровь твоя отцу и брату дорога:
Мы будем, не жалея сил, в боях рубить врага!

Долины рек...

Долины рек... Как часто с давних пор
Я воздвигал, кочуя, свой шатер...
Об этом я не сожалею.
Топор держала крепкая рука,
И пуля каждая была метка.
Об этом я не сожалею.
Натягивал тугую тетиву,
И падал враг убитый на траву.
Об этом я не сожалею.
То не луна сияет надо мной:
На голову надел я шлем стальной.
Об этом я не сожалею.
Верблюды с поклажей — весь мой караван.
Я обошел немало дальних стран.
Об этом я не сожалею.
По всей степи из лучших табунов
Я выбирал горячих скакунов.
Об этом я не сожалею.
В палатках красных я блаженство знал:
Без усталости красавиц целовал.
Об этом я не сожалею.

Что б я ни делал на веку своем,
Теперь не сожалею ни о чем!
С такими, как Мамай¹, в одном строю
За веру жизнь без страха отдаю.
Об этом я не сожалею!

Из предсмертного цикла.

* * *

Порой Яик наш белый снится мне,
Как встарь, переплываю на коне...
О, где тот день?
В степи бескрайней Белая Орда
Пасла спокойно мирные стада.
О, где тот день?
Сапожник не ленился, не скучал —
Из кож оленьих сапоги тачал.
О, где тот день?
С искусством ратным воин был знаком,
Надежно латы стягивал шнурком.
О, где тот день?
Он с кованой секирой боевой,
Не зная страха, устремлялся в бой.
О, где тот день?
Длиною в шесть локтей свое копье
Метал он в цель и поражал ее.
О, где тот день?
В тугом колчане каждая стрела
В лихих боях врага настичь могла.
О, где тот день?
Бродили многочисленны, тучны,
По берегам Эдила² табуны.
А чтобы резвых кобылиц доить,
Их связывали, усмиряя прыть.
В огромных бочках пенился кумыс...
На праздник песни радостно лились,
Стекались гости к нам из деревень...
Когда, когда вернется этот день?..

Из предсмертного цикла.

¹ Мамай — герой ногайских песен, реальный человек, живший в 16 веке. В честь него воздвигнут курган вблизи Волгограда.

² Эдиль — Волга.

* * *

Эй, люди, проезжайте мимо!..
Зачем заглядывать в мой дом?
Иначе выйдут оба сына, —
Что скажете вы им потом?
Коль Исакая и Косая
Увидите в родной стране,
И, землю с плачем обнимая,
Они вас спросят обо мне,
Скажите им, что дом из бурки
Отец в степи соорудил,
Что ранили в сражение турки,
И я приду, коль хватит сил...
Но если душу хоть немного
Не облегчит им ложь моя,
Скажите: хоженной дорогой
Пошел проведать предков я...

Из предсмертного цикла.

* * *

Был аргамак горячий мой
Убит коварною стрелой.
Пронзила мускулы стрела,
Все тридцать два насквозь прошла.
Бьет кровь густая, как фонтан,
И не прикрыть кровавых ран...
А нынче смерть за мной пришла:
Бедро мне пулей обожгла.
Струится кровь, в крови саксыр¹, —
Видать, пора покинуть мир.
Смертельна рана, глубока,
А жизнь — мила, а жизнь — сладка!..
Спешите, лекари, беда!
Когда ж придете вы, когда?
Жил без сподвижников, и вот
Смерть в одиночестве грядет!..

Из предсмертного цикла.

* * *

Враг напал на нашу крепость, тигру он подобен.
Нагло лезет он на стены, натиск смел и злобен.

¹ Саксыр — ватные брюки.

Кто прогонит супостата? Видно, не иначе,
Как джигит, убитый страхом, на бессильной кляче!..
Неужели друг и недруг от меня отвыкнут,
«Воин Досмамбет явился!» — никогда не крикнут?

Из предсмертного цикла.

Белеющие дали я принял за рассвет,
Венеру мнил я солнцем, хоть солнца в небе нет.
В простых степных колючках — коня я увидал,
А куст, цветущий в поле, шатром походным стал.
Как много суетимся мы в пору летних дней,
До смерти загоняем лихих своих коней.
Зачем мы заставляем девиц так долго ждать,
Их яркие накидки на солнце выгорать?

Из предсмертного цикла.

Перевод с ногайского А. АНУФРИЕВА.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Назовите поэтов-писменников ногайской дореволюционной литературы.
2. К какому веку относится творчество поэта Шал-Кийиз?
3. Какие темы получили отражение в его песнях?
4. Почему поэзию Досмамбета Азаулы называют «Поэзией погибающего воина?» В чем это выражается?
5. Какими изобразительными средствами пользуется поэт, чтобы охарактеризовать своего сына?
6. Выучите наизусть одно понравившееся вам стихотворение.

Ногайская литература (1917—1957)

Новописьменная ногайская литература возникла в 30-х годах нашего столетия. Основоположниками ее стали А.-Х. Ш. Джанибеков, М. К. Курманалиев, Х. Ш. Булатуков, Б. М. Абдуллин.

Особенно много сил и энергии отдал Абдул-Хамид Шаршембиевич Джанибеков сбору образцов устного поэтического творчества ногайцев, а также этнографических и исторических материалов, касающихся родного народа.

На основе устного народного творчества А. Джанибеков в 1918 году написал пьесу «Ногайская свадьба», в которой высмеивает пороки дореволюционного быта ногайцев. Получила известность и пьеса «Продажные князья». Пьесы, к сожалению, не сохранились.

Часть своих фольклорных записей А. Джанибеков смог опубликовать. В 1928 году в Москве издана лирическая поэма «Карайдар и Кызыл-Гуль». В том же году в журнале «Безнен юл» («Наш путь»), который выходил в Казани, печатает ряд произведений ногайского фольклора. В Махачкале в 1935 году издает сборник песен «Поэзия аула». В 1940 году в Пятигорске вышел сборник «Народные песни». В 1949 году в Ставрополе вышел сборник песен и сказок в переводе Н. Капиевой «Песни ногайцев».

В молодой ногайской литературе, наряду с А.-Х. Ш. Джанибековым, работали многие поэты, прозаики, драматурги, но наибольшую известность получили Х. Булатуков, Б. Абдуллин, Ф. Абдулжалилов.

Хасан Шахимович Булатуков — первый профессиональный ногайский писатель. В 1934 году был принят в члены Союза писателей СССР. В трехактной пьесе Х. Булатукова «Фатимат» поднимается тема, которая активно разрабатывалась в произведениях первых лет советской власти: раскрепощение женщины-мусульманки.

Героиня пьесы, дочь состоятельных родителей. Она выросла в строгих правилах ногайского домостроя. Фатимат не может самостоятельно решить свою судьбу даже тогда, когда ее поддерживают все.

В сердце героини зреет сильное чувство к Мустафе. Но в то же время она не свободна внутренне: откровенно и честно признается она Мустафе, что не может пойти против воли родителей, которые, следуя привычному миропониманию и считая богатство для своей дочери и для себя высшим благом, отдают ее за богача Бекира, не равню ей по возрасту, ограниченного, трусливого, самонадеянного бахвала.

Пьеса привлекает тем, что в основе лежит подлинно драматический конфликт. Противоречие заключено в самой Фатимат — в разладе сердца и ума. Что в ней победит? Что скажется сильнее? Последует ли она велению сердца или останется рабой предрассудков, сковавших ее ум. Естественно, стремление к счастью, свойственное молодости, одерживает победу. Она идет против воли родителей.

Писатель связывает живучесть предрассудков в сознании людей с их приверженностью к старым, привычным отношениям в быту.

Талантливый драматург Басир Меджитович Абдуллин (1892—1937). В 30-х годах написал пьесы «Батрак» (1932), «Враг побежден» (1932), «Когда побеждает труд» (1934).

Поставив в центре пьесы «Враг побежден» образ молодой учительницы Кундеарув, прибывшей в ногайский аул, чтобы обучать детей грамоте, автор ставит несколько очень актуальных проблем для того периода, связанных с эмансипацией женщины. Кундеарув — это новый человек; она живет по новым законам. Она свободна и от чувства внутренней скованности, свойственной прежним женщинам-ногаикам. Она активно

участвует в общественной жизни. Это вызывает неприязнь к ней со стороны определенного круга людей, носителей старого в сознании: кулака Курмана, его сына Али, Мамыта.

В другой пьесе «Батрак» Б. Абдуллин делает упор на становление гражданского самосознания вчерашних батраков в процессе жизнетворчества.

Особое место в литературе 30-х годов занимает творчество Фазиля Апасовича Абдулжалилова. С его именем связаны знаменательные страницы ее истории. Жизнь поэта, прозаика, драматурга — характерна для судеб многих его современников.

Ф. Абдулжалилов родился в семье крестьянина-бедняка в 1923 году в селе Канглы Минераловодского района. Окончив местную школу, поступает в Черкесский педагогический техникум. Начиная с 1932 года на страницах газеты регулярно появлялись стихи и рассказы Абдулжалилова.

В рассказах «Керей-лодырь» (1932), «Что видел Мурат в городе» (1932), «Мы строим социализм» (1932), «Два мира» (1932), «Разные рассказы для детей» (1933), повесть «Двое из многих» (1936), напечатанных под заголовками «Литература для детей», «Для детей старшего возраста» ощущается стремление автора осмыслить жизнь ногайской бедноты до революции и после ее свершения.

Наметившийся в первых ногайских пьесах историзм мышления получает дальнейшее развитие в прозе Х. Булатукова, Б. Абдуллина, Ф. Абдулжалилова. В их повестях и романах, рассказах и очерках жизнь ногайского народа исследуется на широком историческом фоне социализма. Эти писатели впервые попытались осмыслить прошлое в его многообразных связях с настоящим, нащупать перспективы развития жизни. Преимущественно этим определяется сюжет и композиция их произведений, принципы изображения персонажей и их социальные характеристики.

Значительными завоеваниями ногайской прозы 30-х годов стали первые романы Басира Абдуллина «Красные цветы» (1934), «Герой степей» (1934), «Активист» (1934). В них автор показал становление героев в борьбе за строительство новых общественных отношений.

Национально своеобразен пролог романа «Герой степи» («Кыр батирлери»). Пролог этот в аллегорической форме воссоздает историческую судьбу ногайцев, которых, словно перекасти-поле, гонял ветер из конца в конец ногайской степи, не давая им ни счастья, ни доли. Образ ветра, олицетворяющего в романе злую судьбу, возникает на первых страницах произведения.

Поэтика романа, как и многих произведений тех лет, определяется поляризацией социальных сил. Бесчинствует эфенди Кунтуган — один из

всесильных хозяев степи, а его друг — Арслан — эфенди удовлетворяет очередную свою прихоть, бросает свою 18-летнюю жену и женится на 13-летней. Бедняки, как и прежде, пасут чужие стада, батрачат на богачей.

Характеризуя одного из героев, Джавгайтара, писатель с гневом замечает, что его «профессия» батрака — наследственная. Ему 20 лет, он полон сил, но вынужден пасти отару хозяина, почти ничего не получая за труд. Хотя природа и наделила парня прекрасным музыкальным даром, добротой и красотой, он не стал счастливым, а повторил горькую судьбу своих предков, сестер и братьев.

Судьба других ногайских бедняков была такая же, как и судьба Джавгайтара, — доказывает писатель всем пафосом своего романа. Образные средства его произведения нередко заимствуются из народных песен, жалоб на тяжелую жизнь, долю. Судьба пастуха тоже похожа на горькую судьбу бедного юноши, воспетого в народных песнях. Хотел Джавгайтар жениться, но нечем заплатить калым. И пришлось юноше лишь вздыхать или любоваться возлюбленной издали. За хромого сына Орак-муллы, и за слепого сына Ажибалта — боя многие отцы с радостью отдали бы своих дочерей, потому что они дети богатых.

Б. Абдуллин связывает действие в романе «Герой степей» с началом пути к освобождению. На этом пути жизнь ногайцев, как предвещает писатель, будет идти не по старым адатам, она пойдет по пути освобождения от ига эксплуатации.

Б. Абдуллина, как и его современникам, казалось, что изображение беспросветной нищеты само по себе делает доказательным протест народных масс против произвола и несправедливости. Верный в общем-то тезис превращался зачастую в схему, от которой молодым литераторам было боязно отрешиться. Все это создавало повествовательный стереотип композиции романа.

Б. Абдуллин был талантлив. Ему удавалось даже в рамках установившегося стереотипа проявлять свою творческую индивидуальность. «Кто виноват?» — так называется одна из глав романа. Кто виноват в том, что разлучили влюбленных, кто виноват в судьбе состарившейся без времени в горе женщины, выданной замуж за старика?

Вот те социальные и нравственные вопросы, на которые всем ходом повествования отвечает писатель.

Заслуга Б. Абдуллина — первого ногайского романиста — состоит не только в том, что он показал своих героев в росте развития, проследил рождение новых, неведомых ранее чувств, мыслей, но и события, судьбы своих героев в изменяющейся, перестраивающейся действительности показал образы бедняков в тесной связи с эпохой.

Имея перед собой опыт Б. Абдуллина, ногайские писатели-прозаики

успешно продолжали и развили в своих эпических произведениях традиции своего предшественника.

Повесть Хасана Шахимовича Булатукова «Две жизни» (1936) стала значительным явлением в ногайской литературе. В ней писатель стремился показать процесс становления классового сознания ногайского народа, ступени роста социальной активности крестьянской бедноты. Автор правдив и зорок в создании жизни ногайской бедноты. Он рисует ужасающие картины нищеты народа. Вот жилище семьи батрака: «На краю аула стоял домик, крытый соломой. Семья узнавала, что наступило уже утро, когда через крошечное мутное оконце пробивался сумеречно тусклый свет. В доме людей больше, чем вещей. Деревянный топчан и самодельный стол — вот вся мебель бедняка».

Логика самой жизни приводит народ к пониманию своего бесправного положения, но он еще не готов к активной социальной борьбе. Однако процесс уже начался, и он необратим.

Многие образы персонажей повести очерчены выпукло. Главный герой повести — Рамазан. Его судьба, формирование его характера составляют основную сюжетную линию произведения.

Тема жизни дореволюционных ногайцев нашла отражение в повести Фазиля Абдулжалилова «Двое из многих» (1936). Писатель показал судьбу двух мальчиков Мратая и Харуна, которые работали на помещика Стоялова, когда им не было и десяти лет.

Таким образом, в 30-е годы молодая ногайская литература нащупывает путь к жанру, пытаясь освоить драму, поэзию, прозу. В стремлении упрочиться на позициях реализма, писатели 30-х годов подготавливают платформу для более интенсивного развития литературы в послевоенные годы, достигшей к 60-80-ым годам общесоюзного уровня.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Назовите первого ногайского писателя-просветителя.
2. Каковы темы драматических произведений ногайских писателей 30-х годов?
3. Определите тему повести Х. Ш. Булатукова «Две жизни».
4. Какие произведения написал Б. Абдуллин? Назовите главных героев этих произведений.
5. Автором каких произведений стал Ф. Абдулжалилов?

Новый этап развития ногайской литературы начался с конца 40-х годов. Послевоенная ногайская литература стала шире и разнообразнее по тематике, по жанрам. Литература этого периода извлекает нравственный опыт из сражений против фашизма. Писатели стремятся проследить истоки подвига народа, отстаивавшего независимость своей Родины.

В произведениях о войне прославляется героический подвиг народа, сила единства людей разных национальностей, проявленная в годы испытаний.

Впечатления, полученные на войне, оснастили все жанры литературы. Обогащались жанры и за счет народно-поэтической традиции. Известность получили стихотворения поэтов Ф. Абдулжалилова, А. Мурзабекова.

Анализируя действительность, писатели не закрывали глаза и на недостатки. Они подмечали негативные стороны жизни, боролись с теми, кто мешал созидательному труду.

Поэты посвящают свои стихи Родине, народу. Большинство этих произведений не выходят за рамки одиозного стиля. Но появляются и зрелые произведения, совершенствуется поэтическое мастерство, разнообразнее становится стиль и жанры произведений ногайских писателей. Об этом красноречиво говорят сборники стихов Ф. Абдулжалилова «Шумит Кубань» (1855), «Кубань — моя песня» (1957 г.), С. Капаева «Переправа» (1957), «Горный родник» (1957) и др.

В этих сборниках ощущается, прежде всего, стремление писателей к расширению идейно-тематического диапазона, основанного на более глубоком постижении явлений жизни.

Послевоенная ногайская литература стала шире и разнообразнее по тематике, по жанрам. Литература этого периода извлекает нравственный опыт из сражений против фашизма. Писатели стремятся проследить истоки подвига народа, отстаивавшего независимость своей Родины.

Особое место в послевоенной ногайской литературе занимает повесть Ф. Абдулжалилова «Семья сильных».

Сюжет повести несложен. В один из обычных дней, каких было много в годы войны (события происходят в ногайском ауле и его окрестностях), фашисты сбивают советский самолет. Летчик выбрасывается с парашютом на оккупированную территорию.

Старый колхозник Батал, узнав об этом от своего внука — пионера Харуна, не раздумывая, принимает решение спасти летчика и укрыть его от фашистов. Он идет в поле, куда приземлился советский воин. Батал так аргументирует свой поступок: «И я советский, — сказал старик, — прижимая руки к груди. — Если это так, то и наши души, и наша кровь одинаковы. Поэтому я пришел сюда».

Старик Батал и его внук в жестокий буран привозят Виктора к себе домой и прячут. Летчик ранен. За ним заботливо ухаживают седобородый Батал и маленький Харун. О летчике узнают друзья Батала. Они тоже делают все, чтобы обезопасить пребывание летчика в ауле. Немцы знают, что советский самолет сбит в районе аула. В аул приезжает лейтенант эсэсовских войск Ричке в сопровождении солдат и устраивает собрание, где приказывает аульчанам принять участие в поимке советского летчи-

ка. Зал отвечает угрюмым молчанием. Ни один из жителей аула не выражает желания «получить» тысячу марок за «большевистского разбойника». Только изменники Родины — полицейские — поддерживают оккупантов. Наконец, один из полицейских выслеживает местопребывание летчика Виктора Диденко и доносит об этом старосте. Тот немедленно докладывает немцам. Гестаповцы в ауле. Старик Батал арестован. Ни лесть, ни уговоры, ни угрозы не могут заставить Батала сказать, где Виктор. Старика пытаются, избивают, но он мужественно переносит все. Убежденный в том, что Виктор уже далеко от аула, Батал, наконец, открывает немцам свой погреб, где прятался Виктор. Немцы, естественно, там никого не находят. Тем временем Виктор и Харун по лесной тропинке пробираться на юг.

Повесть сильна своей искренностью, идеей дружбы народов. Народ едино и монолитно выступает в минуты тяжелых испытаний.

Война дошла и до аула, лежащего «на левом берегу Кубани... Тихо в ауле. Только зимний ветер гуляет по его пустым и мертвым улицам. Белым вихрем бросается он то в один, то в другой конец аула, распахивает ворота и калитки, врывается в пустые дворы, то вдруг неистово начинает стучать в двери, дергать за ставни, выть в трубах, будто его злит угрюмая молчаливость притаившихся в хатах людей. Но люди еще плотнее закрывают двери. Ничто, кажется, не в состоянии их вывести из тяжелого раздумья».

Но это молчание подобно предгрозовой тишине — вот она разразится громом молний оружия возмездия. «Молчалив и угрюм старый Батал», но он хорошо знает звериный облик врага. Он видел их, хотя под другим названием, но таких же, как эти.

...В окрестностях родного аула Батала сбит советский летчик. Его внук Харун взволнованно рассказывает ему об этом. Преображается угрюмый Батал, раскрывается душа его.

— Атай, — заговорил Харун, блеснув маленькими черными глазками, — и ты очень жалеешь летчика?

— Ох-хо-хо, — вздохнул Батал. Немного помолчав, добавил: — Как же не жалеть его, он ведь наш родной. Род-ной...»

«Он наш...родной!» Старый ногаец называет русского паренька родным. Разве не в этом кроется одна из причин непобедимости советского народа?

В аул, как упоминалось, прибывает немецкий офицер с отрядом. Арестованного Батала приводят к нему. Сила духа, любовь к Родине, неистребимая любовь к своему народу, непоколебимая вера в победу — вот смысл ответов Батала немецкому офицеру:

— Русского, говоришь? — не смог сдержать гнева Батал. — Позор твоему роду, бесстыжая душа!..

— ...Мы тебя повесим, — сказал немец, — повесим и твоего... Кстати, где твой мальчишка?

— Не знаю.

— Как не знаешь?!

— Так, не знаю и все!..

— Значит, не знаешь, где твой мальчишка? Но ничего. Мы найдем его и обоих вас повесим, а дом ваш сожжем...

— На такое дело вы мастера, — ответил, усмехаясь, Батал.

Избитый, истерзанный старик не выдает летчика. В тот же день арестованного старика увозят из аула. Читателю ясно что ожидает старого Батала. В образе старого ногойца Батала Фазиль Абдулжалилов показал, что силу патриотизма и дружбы невозможно уничтожить никакими репрессиями и преследованиями.

Ф. Абдулжалилов обнаруживает хорошее знание языка стариков-ногойцев. Лексический состав языка Батала изобилует народными выражениями, интонация речи спокойная, философская, когда речь ведется в спокойной атмосфере и, грозная, дающая страстно и с большой силой в минуту душевного волнения.

Рисуя образ другого персонажа повести — пионера Харуна, — писатель подчеркивает его романтичность.

— Летчика, атай, надо спасти! — говорит Харун своему деду.

— Ты радуешь своего старика!.. Но ты должен знать, что очень опасное дело...

— Знаю, знаю, атай. Но летчик ведь наш...

«Семья сильных» — так названа повесть. Вместе с автором мы верим, что это семья непобедимых, что победа на ее стороне, и она придет скоро.

Писатель рассматривает народ дифференцированно. Наряду с настоящими людьми в повести есть и такие, которые в силу различных причин пошли на службу врагу. Так, Досый и Темей с рвением исполняют свои полицейские обязанности.

«Что можно купить за тысячу рублей?» — вот что их волнует теперь. «За тысячу рублей можно купить четыре литра араки!..» И этот низменный стимул делает их орудием в руках хитрого и жестокого врага.

Как мы видели, небольшой эпизод военных лет составил основу сюжета повести «Семья сильных». Писатель выявил в ней социальные основы поведения людей в годы тяжелых испытаний, показал силу морального духа народа, его патриотизм, верность родине. Повесть ценна именно этим.

Семья сильных¹

(Отрывки из повести . В сокращении.)

По небу медленно плыли тёмно-серые, рваные, как куски шерсти, облака. Внизу пенилась белая мгла. Время от времени в прогалину облаков украдкой проглядывало солнце, и тогда седая от снега земля светилась туманно-тусклым блеском. Далеко справа, там, где тянулась тонкая нить Кубани, виднелись хаты притаившегося под горою аула. Виктору Диденко казалось, что и угрюмые облака, и плывущее сквозь них солнце, и спрятавшийся под горою аул смотрели на него неприветливо, с какой-то ранящей сердце укоризной. «Эх, ты... прохлопал машину. Как же это вышло, а? Ну? Молчишь? Лё-ё-ётчик! Филин! — вот кто ты...» — издевался он над собою, спускаясь на парашюте.

Виктора сбили, примерно, в сорока километрах от линии фронта. Теперь он спускался на территорию, занятую противником. Правда, места эти были глухими. Немцев тут водилось мало. Однако тыл остаётся тылом. Что ожидало его впереди? Какие придётся терпеть ему лишения? На это трудно было ответить. Да и думать об этом не стоило. «Надо пробиться к своим. Во что бы то ни стало!»

Мягкий толчок... Виктор, почувствовав острую боль в правой ноге, тихо вскрикнул и рухнул, уткнувшись лицом в снег. Через минуту, когда боль немного утихла, он перевернулся на спину и, опираясь на локти, сел. Унты ниже колена были разорваны и нога была выпачкана кровью. Пуля попала ему в икру. Виктор, стиснув зубы, медленным и осторожным движением освободил себя от лямок. Так же осторожно разулся, развернул байковые портянки, кое-как перевязал ими рану. После этого ползком добрался до парашюта. Превозмогая боль, собрал его и тут же зарыл в снег. Потом сел, вытер рукавом пот. Вокруг лежала безмолвная степь. Порывистый ветер кружил снежную пыль. В стороне виднелся, сиротливо прижавшийся к снежной земле, одинокий домик. «Полевой стан» — произнёс он вслух. И, бросив прощальный взгляд на место, где был зарыт парашют, пополз в сторону заброшенного стана.

На левом берегу Кубани, у самого подножия небольшой горы, лежит, занесённый снегом, аул. Тихо в ауле. Только зимний ветер гуляет по его пустым и мёртвым улицам. Белым вихрем бросается он то в один, то в

¹ Перевод автора.

другой конец аула, распахивает ворота и калитки, врывается в пустые дворы, то вдруг неистово начинает стучать в двери, дёргать за ставни, выть в трубах, будто его злит угрюмая молчаливость притаившихся в хатах людей. Но люди ещё плотнее закрывают двери. Ничто, кажется, не может их вывести из тяжёлого раздумья.

Молчалив и угрюм и старый Батал. Он сидит на низкой табуретке около печки в своей маленькой хате, пугливо прижавшейся к южной окраине аула. Его лысая голова низко опущена, глаза полузакрыты, сухие, жилистые пальцы медленно мнут кончик седой, пушистой бороды.

Вдруг дверь с шумом открылась и в хату вбежал, окутанный густым белым паром холода, Харун — четырнадцатилетний внук Батала.

— Атай, атай,¹ — обратился он к старику, едва переводя дыхание.

Батал медленно, как бы нехотя, поднял голову, грустно посмотрел на юношу, потом тихо спросил:

— Что, мой мальчик?

— Там, в степи упал наш самолёт!..

Старик отвёл Харуна к топчану.

— Ну, что там случилось? — ... мягким голосом спросил Батал, когда они сели.

Харун шумно вздохнул и, захлёбываясь от неулегшегося ещё волнения, начал свой рассказ.

— Мы с Асхадом, сыном Мазана, были на Кубани. Бурана ещё не было. Вдруг слышим — гул. Смотрим — над нами идёт самолёт. Я его сразу узнал. Это был наш самолёт... Мотор его тяжело гудел... Он был подбит.

— Так-так...

— Он шёл туда, где сейчас наши. У-ай, атай, если бы ты видел, как мы махали ему нашими шапками. Знаешь, он, наверно, заметил нас...

Батал с нежностью посмотрел на внука.

— Да, да, атай, — продолжал тот проникновенно, — потому что он стал вот так, вот так перекачиваться с крыла на крыло. Как ты думаешь, атай, мог он заметить нас, а?

— Конечно, мог, сынок, — улыбнулся старик.

— И вот он стал удаляться от нас, и вдруг — не знаю откуда он только взялся — на него напал немецкий обуркус² и...

— И... что, сынок?

— Он... сбил его, закончил Харун, до шёпота понизив голос и повзрослому глубоко вздохнул.

¹ Атай — дедушка.

² Обуркус — сыч (буквально птица-обжора).

— Да? — нахмурился Батал.

— Да, атай, Он сбил его, — повторил тихо Харун. — Я видел, как за самолётом тянулся длинный, чёрный-чёрный хвост дыма. Ох, атай, как мне жаль его, как жаль.

Сказав это, Харун опустил голову. Старик и его внук минуту помолчали.

— Да... жаль, жаль, — произнёс потом огорчённо Батал. — Но, что поделаешь? Без этого войны не бывает, сынок.

— Атай, — заговорил вдруг Харун, блеснув маленькими чёрными глазами, — и ты очень жалеешь лётчика?

— Ох-хо-хо, — вздохнул Батал. Немного помолчав, добавил: — Как же не жалеть его, он ведь наш, родной. Род-ной. Да, сынок, война... — сказал он и сделал попытку встать.

— Подожди, атай, — остановил его внук, схватив обеими руками за локоть, — выслушай меня...

— Что ещё скажешь?

Харун глянул на дверь, словно желая знать, не подслушивает ли кто-нибудь там, затем повернулся к старику:

— Знаешь, атай, — сказал он с видом человека, собирающегося сообщить величайшую тайну, и ещё раз глянул на дверь. Потом, припав к уху старика, таинственно прошептал:

— А лётчик жив...

— Что ты сказал?!

— Лётчик жив, жив, атай, — радостно повторил мальчик, расширив глаза.

— Но разве не ты сказал, что самолёт сгорел? Как же выходит, что лётчик жив?

— А парашют?

— Что парашют?

— Ты разве не знаешь, что у лётчиков есть такой большой белый зонт, на котором они спасаются, когда сбивают их самолёты...

— Ах, да — парашют. Слышал, слышал про такое. И что же, сынок, он на этом зонте, что ли, спасся?

— Да. Он спустился на парашюте. Мы с Асхадом хорошо это видели через Мусса-джилгу.¹

— Это очень хорошо, очень хорошо, что он жив.

— Старик провёл ладонями по щекам и бороде. — Где же он сел?

— За Мусса-джилгой. Я думаю, что он сел недалеко от стана нашей бригады.

¹ Мусса-джилга — местное название балки.

— Так-так... А может быть, сынок, это не наш самолёт, а?..

— Нет, атай, наш, наш, — живо перебил его Харун. — Я наши узнаю сразу; этот маленький самолёт часто летает в наших местах. А потом тот немецкий обуркус низко пролетел над нами и мы видели кресты на его крыльях.

Батал задумчиво сдвинул брови. Пальцы медленно потянулись к кончику бороды. Его губы что-то шептали.

Харун тихо отошёл от топчана и опустился на пол около печки.

О чём думал старик? О поруганной ли варварами родной земле? О своем ли единственном сыне Асане, который с первых дней войны ушёл защищать Родину и известий о котором давно не имел Батал? Или, может быть, старик вспомнил свою кроткую, тихую, как вода озера, старуху? Месяц тому назад её застрелил пьяный немецкий ефрейтор за то, что она не хотела отдать ему тёлку, которую он уводил со двора. А может быть, душу старого Батала давила свинцовая тяжесть досады за судьбу русского лётчика, находящегося на своей земле, вблизи от своих советских людей, но вынужденного где-то скрываться?

Харун, насупившись, молча поглядывал на старика. Ему не терпелось скорее узнать мнение своего дедушки. Что касается его самого, то он принял твёрдое решение ещё когда со всех ног нёсся домой, чтобы сообщить старику о случившемся. Однако он не решался оторвать Батала от его дум.

Так прошло минут пять. Харун, которому надоело томительное ожидание, начал покашливать, чтобы вывести Батала из глубокого раздумья. Но старик, словно окаменел.

Наконец Харун не выдержал.

— Ну, что будем делать, атай? — спросил он, боясь своего голоса.

— Что же нам делать? — не сразу ответил старик.

В голосе Батала звучало глубокое страдание. Но в глазах его Харун прочёл готовность помочь лётчику. Он порывисто опустился на колени перед дедушкой.

— Знаешь, атай, — страстным шёпотом заговорил он, — немцев ведь в нашем ауле нет. Нет их и в соседних двух аулах. Они сидят в районе. А сколько километров до района?

— Около тридцати, сынок.

— Вот. Это далеко. Потом ты ведь знаешь, что они страшно боятся холода.

— Это верно, мой мальчик. С холодом они не в ладу.

— Разве они в такой буран пойдут искать лётчика? Смотри, что делается на дворе...

Батал и Харун прильнули к окну.

На дворе, свистя голыми ветками чёрных акаций, бесновалась метель.

— Да, — произнёс Батал, поглаживая бороду, когда они, отвернувшись от окна, сели на топчан, — эта погода не для немцев.

— Вот. Они, наверно, не знают про лётчика, — добавил Харун.

Старик помолчал, потом вдруг спросил:

— Все это верно, но что бы ты хотел сделать, а?

Харун, не ожидавший такого вопроса, растерянно заёрзал на топчане, но, уловив на себе добродушно улыбающиеся глаза Батала, решительно прошептал:

— Лётчика, атай, надо спасти!

Прошло около трёх часов. Вдруг чуткий слух Виктора Диденко, сквозь шум разыгравшегося на дворе бурана, уловил неясные обрывки отдалённого человеческого голоса. Забыв о раненой ноге, он быстро приподнялся и припал к окну: к стану, плохо различимые в снежной пыли, шли какие-то люди. Через каждые несколько шагов они останавливались. Один из них, махая рукой, произносил какие-то слова, но из-за шума ветра ничего нельзя было разобрать. Виктор, прижав к груди взведённый пистолет и затаив дыхание, весь превратился в слух. «Э-э-э-э, та-та-та-та...» — только и мог он уловить. «Что за чертовщина?» — произнёс он и ещё больше напряг слух.

...В голове молниеносно возникали одно предположение за другим. Радость, появившаяся на миг при виде этих, непохожих на немцев, людей, сменилась тревожным подозрением: а вдруг ловушка?

Люди уже подходили к стану. Теперь они были хорошо видны. Один из них большой, а другой маленький, — наверно, мальчик. Вот они остановились и, обменявшись между собою какими-то словами, решительно подошли к двери.

Виктор услышал приглушённый мальчишеский голос.

— Эй, товарищ, если ты тут, то не надо молчать. Дай нам свой голос.

Диденко радостно встрепелся. Его обрадовало услышанное им слово: Товарищ! Какая громадная сила жизни в этом слове! Как оно дорого и близко сердцу, сколько в нём надежды...

Но Виктор не ответил им.

Через некоторое время люди заговорили снова:

— Товарищ! Если ты там, то нас не бойся, мы свои люди.

Виктор решил отозваться.

— Кто вы такие? — строго спросил он.

— Ай, я слышу тебя, — ответил ему сухой старческий голос, — ты жив остался. Товарищ, мы пришли из аула помогать тебе. Стрелять на нас не думай. Мы зайдём к тебе. Можно?

— Кто вы такие? — повторил Виктор, ещё больше повысив тон.

— Мы колхозник, колхозник. Плохо на нас не думай. Оружия у нас

нету, наша рука гола и душа чиста, — ответил тот же старческий голос.

Диденко тихо опустился на солому, сунул пистолет в карман комбинезона, затем, разрешив им зайти, приготовился к встрече незнакомцев.

Тихо открылась дверь, в стан, друг за другом зашли два человека. Диденко быстро окинул их взглядом. Перед ним стояли высокий худощавый, чуть сутуловатый, с длинной белой бородой старик, и подросток с узкими, очень подвижными глазами, круглолицый, скуластый, с чуть вздёрнутым кверху маленьким носом. Оба были в лохматых чёрных шапках, старых шубах.

— Здравствуйте, — произнёс старик, став перед Виктором и чуть поклонился ему. Молодой тоже сказал: «Здравствуй».

— Здравствуйте, — ответил Диденко. Затем, с любопытством рассматривая их, спросил: — Ну, товарищи колхозники, что скажете хорошего?

— Мы пришли из аула, хотим помочь тебе, — спокойно ответил старик, так же с любопытством рассматривая лётчика.

— А откуда вы узнали, что я нахожусь здесь? — спросил Виктор, ещё не совсем доверяясь им.

— Откуда узнали? Вот это — мой внук. Он видел, как твой самолёт упал, и сказал мне. Мы думали, думали и прямо пришли сюда. Вот и нашли тебя, — ответил старик, чуть улыбнувшись.

Виктор устремил на старика пронизывающий взгляд.

— Та-а-ак... А почему вы решили помочь мне?

— Как почему? — удивился старик, выдержав взгляд лётчика. — Разве ты не советский человек?

— Ну, скажем, так.

— Мы тоже советские люди, — сказал старик, приложив руку к сердцу, — а раз это так, то душа у нас одна, потому мы и пришли сюда.

— Но из-за меня тебя могут повесить. Ты разве не боишься этого?

Старик покачал головой.

— Не-ет, товарищ, плохо думать не надо, не надо плохо думать.

— Вот как. Ну, садитесь, товарищи, вот сюда. — И Виктор показал на солому около себя.

Старик и его молодой спутник сели.

— Ну, а как насчёт немцев? Как вы с ними тут? — спросил Диденко.

Старик порывисто приподнялся на колени и обиженно произнёс:

— Зачем такой неправильный вопрос ты говоришь: «как вы с ними?»

Мы разве с немцами?

— Не обижайся, отец, — сказал, улыбнувшись, Виктор, — я хотел спросить, много ли в вашем селе немцев.

— Это другое дело. — Старик погладил бороду. — Нет, в нашем ауле немцев нету. Есть два полиция. Ещё есть Баймурза. Он — большая собака.

— Кто это Баймурза?

— Баймурза? Это в нашем ауле староста. Плохой человек. Наша земля не любит его ногу. Но ты не бойся. Я все сделаю хорошо.

Виктор, чуть прищутив глаза, пристально посмотрел на старика и, тоном, в котором явно звучало недоверие, спросил:

— А не попаду ли я в лапы этого самого Баймурзы, а?

Старик нахмурил брови.

— Что? Попасть в лапы Баймурзы?

Виктор продолжал пристально смотреть ему в глаза.

— Я вижу, ты не веришь? Зачем старику делаешь обиду? Старый Батал бесчестье не позволит. Мой сын, вот его отец, — Батал показал на внука, — тоже на фронт пошёл. Он тоже, как ты, немцев бьёт. А кто убил мою старуху? Немецкая собака. Я уже старый человек. Моя борода белая, как снег. Что скажут люди, что скажет душа моей старухи, если я, такой старый человек, грязным обманом залью свою чистую бороду? Нет, сын, такую плохую думку не надо на сердце держать.

В тоне, каким говорил старик, было столько искренности, что трудно было не поверить ему.

Диденко, выслушав старика, мягко улыбнулся, дружески протянул ему руку.

— Обиделся, обиделся... Не надо, старина, не надо. Будем знакомы, меня зовут Виктор.

Старик и его внук радостно пожали руку лётчика.

— Меня зовут Батал, Батал, — торопливо говорил старик, — а это мой внук. Его зовут Харун.

— Рад, очень рад... Ну простите, добрые люди, если чем оскорбил вас, — ответил Виктор, поняв, что перед ним свои, советские люди.

— Ничего, ничего, товарищ, мы не обижаемся...

— Спасибо вам, товарищи, спасибо.

Харун счастливо улыбнулся, а Батал ответил:

— Зачем спасибо? Спасибо не надо, мы выполняем свой долг. Тебе надо спасибо сказать. Ты воевал за народ, за меня, за внука моего. Вот за это тебе спасибо, сынок. — Вдруг, словно спохватившись, он спросил: — Но ты ранен, товарищ!

— Да, ранен в ногу, но...

— Сильно? — забеспокоился молчавший до этого Харун.

— Нет, пустяки.

Хотя нога и продолжала ныть, но, словно желая замять этот разговор, он спросил деловым тоном:

— Ну, что дальше будем делать, друзья?
— Как что? Мы возьмём тебя домой. Будешь наш гость. Мой дом — твой дом.

— В село?

— Да, в аул, — ответил Батал.

— Пойдём. Виктор, пойдём к нам, — добавил и Харун.

— А далеко до аула?

— Шесть километров будет, — ответил старик.

— Порядком...

— Мы поможем тебе, — сказал Батал и вдруг заторопился. — Товарищ, здесь много сидеть не надо, скорее домой надо. Уже темно и буран большой. Это хорошо, буран наш хороший товарищ — он закроет наш след. Пойдём, дорогой, — заключил старик, поднимаясь.

Поднялся и Харун.

— Ну, что же, пойдём, отец, — ответил Диденко, собираясь встать.

Батал и Харун подхватили его под руки.

Немецкий отряд приехал в аул часа в два дня. Как только машина остановилась перед сельской управой, солдаты поспешили к Баталу. Их вёл староста. Немцы торопливо, но без шума, в полной тишине окружили дом Батала. Самого же старика повели в управу к лейтенанту Ричке.

В кабинете старосты за столом сидел Ричке. У окна стоял Баймурза. Батал, став напротив гестаповца, невозмутимо спокойно посмотрел на него. У двери вытянулся, вооружённый автоматом, немецкий солдат.

— Как фамилия? — спросил Ричке у Батала.

— Бектемиров Батал Казиевич, — последовал спокойный ответ Батала.

— Бектемиров, м-да... Где лётчик? — вскочив вдруг из-за стола, резко закричал лейтенант.

Старик вместо ответа презрительно усмехнулся.

— Где лётчик? — повторил немец.

Батал не ответил.

Лицо гестаповца налилось кровью и он, изменившимся от злобы голосом, прошипел:

— Я спрашиваю, где большевистский лётчик?

Тут вмешался Баймурза.

— Не прими, Батал, — сказал он с притворным участием, — из-за какого-то русского лётчика горе на свою старую голову.

— Русского, говоришь? — не смог сдержать гнева Батал. — Позор твоему роду, бесстыжая твоя душа!..

— Кому это ты говоришь, старый чёрт?! — заорал староста, сделав шаг к Баталу.

— Тебе говорю! Тебе, болотная ты жаба, чтоб гром тебя поразил! Тьфу, джинов ты род!

Староста от злобы и бессилия проглотил слюну и, намереваясь что-то сказать, поднял руку. Но тут вмешался Ричке:

— Замолчите! — крикнул он, ударив кулаком по столу.

— Не разрешаю говорить на вашем чёртовом тра-ла-ла. Говорите на русском языке, если вы не понимаете немецкого.

— Он коммунист, господин лейтенант! — указал на Батала, не знавший, что сказать, Баймурза.

— Да? — удивился немец. — Любопытно, любопытно. Верно, старик?

— Пусть нога этого человека не будет здесь! — сказал Батал, показывая рукою на старосту.

— Тогда что? — заинтересовался Ричке.

— Тогда я буду разговаривать с тобой.

Гестаповца осенила мысль, что он наедине сумеет уговорить или заставит старика принять участие в поимке лётчика. Каузер приказал ему взять лётчика во что бы то ни стало живым. Поэтому Ричке с деланной вежливостью обратился к старосте:

— Господин Уразалиев, прошу вас оставить меня одного со стариком, я думаю, что мы с ним сумеем найти общий язык.

— Слушаю, господин лейтенант, — выдавил из себя Баймурза и, бросив на Батала уничтожающий взгляд, поспешно вышел из кабинета.

Когда солдат, выпроводив старосту, закрыл за ним дверь, вдруг ставший вежливым гестаповец указал Баталу на стул:

— Садитесь!

Батал медленным движением взял стул, так же медленно опустил на него, облокотился на стол. Ричке недовольно заёрзал на кресле, но молчал, думая о том, как бы лучше расположить к себе старика.

— Лётчик у тебя находится? — спросил немец, когда Батал ожидающе уставился на него.

— Что? — переспросил старик и убрал локти со стола.

— Лётчик, спрашиваю, у тебя находится? — сдержанно повторил Ричке свой вопрос.

— Какой лётчик?

— Хм... Какой лётчик — это ты знаешь.

— Я никакого лётчика не знаю.

— Врёшь! — закричал гестаповец.

— Я не вру, — спокойно ответил на это Батал.

Ричке побагровел и, ударив кулаком по столу, повторил:

— Где лётчик?

— Я ни-ка-ко-го лётчика не знаю.

Устремлённый на немца взгляд старика был до дерзости спокойным.

— Понимаю, — сказал немец, нервно вытянувшись из-за стола, — ты — коммунист. Мы тебя повесим, повесим и твоего... Кстати, где твой мальчишка?

— Не знаю.

— Как не знаешь?!

— Так, не знаю и всё.

— Старосту! — крикнул Ричке, обращаясь к солдату, и сел на своё место.

Зашёл Баймурза. Ричке приказал ему привести полицейского. Когда староста ушёл исполнять приказание, Ричке продолжал:

— Значит, не знаешь, где твой мальчишка? Но ничего. Мы найдём его и обоих вас повесим, а дом ваш сожжём...

— На такое дело вы мастера, — ответил, усмехаясь, Батал.

— Но мы можем сохранить тебе и твоему мальчишке жизнь, — сказал Ричке, пропустив мимо ушей язвительный ответ Батала. — Только при условии, если ты поможешь нам поймать лётчика. Выслушай, я тебе объясню условия и, если ты их выполнишь, вам обоим будет сохранена жизнь, а имуществу вашему неприкосновенность. Нам ведь известно, что лётчик прячется у тебя в погребе.

Батал усмехнулся.

— Да, да, это мы знаем хорошо. Так вот, ты вместе с моими солдатами спустишься в погреб. Предупредишь лётчика, что это ты и спокойно, без всякого шума откроешь дверь, а там солдаты ворвутся в погреб и захватят лётчика. Понял? Предупреждаю, что за тобою будет идти с пистолетом наш человек и, если ты чем-либо выдашь наше присутствие, то тут же получишь пулю в затылок. А не согласишься, — Ричке сделал паузу, — мы сегодня же повесим вас, а дом сожжём. Ну, как?

Батал, как бы говоря: — «дурак же ты», — искоса посмотрел на немца и вдруг, нервно подёргивая плечами, заговорил:

— Никакого погреба, никакого лётчика, ничего мы не знаем. Если тебе нужен лётчик, найди сам, а мне, что хочешь, то и делай.

— Ах, так! — закричал гестаовец. — Но, старый чёрт, ты у меня заговоришь! Я тебя заставлю, я тебя...

В это время постучали в дверь. Ричке злобно крикнул солдату:

— Кто там, узнайте!

Солдат приоткрыл дверь и, повернувшись к лейтенанту, доложил, что привели полицейского.

— Впустите.

Зашёл староста, а за ним и Доси. Полицейский силился сделать свои шаги твёрдыми, но ноги ему не подчинялись. Он подошел к столу и молодцевато вытянулся перед немцем.

— Как фамилия? — обратился гестаовец к полицейскому.

— Крымов Доси Умарович.

Доси говорил каким-то невнятным, заплетающимся языком. Он то и дело облизывал свои сухие, иссиня-бледные губы. Безжизненные глаза его выражали тупое безразличие. Ричке заметил, что полицейский пьян. Гестаовец бросил на старосту недобрый взгляд и, едва сдерживая гнев, сказал:

— Ну, Крымов, скажи нам, где прячется большевистский лётчик?

— Лётчик? А-а-а, лётчик? Лётчик там, э-э-э, его я нашёл. Я всё могу, я, я...

Полицейский нёс всякую бессмыслицу. У Баймурзы душа ушла в пятки. Он съёжился, бледный как мертвец, словно над его головой занесли топор.

— Да ты пьян, как свинья! — закричал вдруг, поднявшись из-за стола, Ричке. — Сволочь! Связать, немедленно связать его! Живо! — бросил он солдату, дрожа от злобы всем телом.

В кабинет вбежали два солдата, скрутили полицейскому руки и, грубо подталкивая, вывели его в коридор.

— Вон отсюда! — закричал Ричке старосте.

Баймурза, глаза которого выражали смертельный страх, озираясь, как загнанный в ловушку зверь, на цыпочках выбежал из кабинета. Весь гнев разъярённого гестаповца обрушился на Батала...

Через час, избитый, весь в кровоподтёках, со спаленной бородой, Батал пошёл гестаповца Ричке к себе домой, чтобы открыть ему двери погребца.

Батала сопровождали четыре немецких солдата. Один из них шёл вплотную, прижавшись к старику и приставив к его затылку пистолет.

Батал медленно спустился в погреб, неторопливо снял замок, затем распахнул дверь и упал во внутрь погреба. Следом за стариком, с криком «руки вверх!» ворвались в погреб солдаты. Но их встретило безмолвие. Советского лётчика в погребе не было.

Немцы обшарили все дома в ауле. Но Виктора Диденко нигде не нашли. Не нашли и внука Батала.

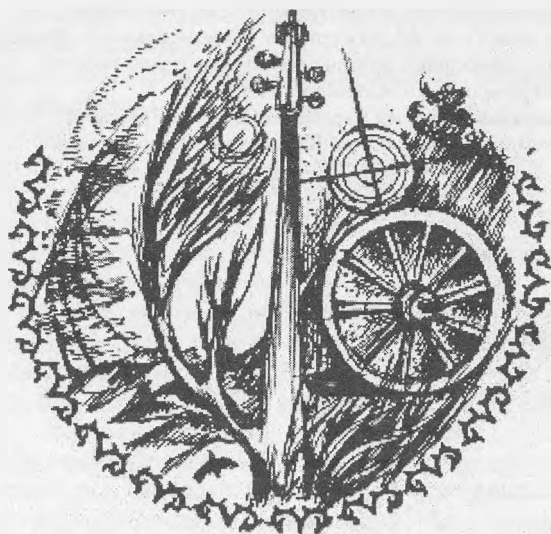
Вечером немцы выехали из аула. Они везли с собою связанного Батала.

А тем временем лётчик Виктор Диденко и молодой Харун по лесным тропинкам, пробираясь к своим, двигались на юг.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как развивалась ногайская литература в послевоенные годы?
2. Какова тема повести Ф. Абдулжалилова «Семья сильных?» Назовите персонажей произведения. Какие характерные особенности образов героев повести?
3. Какая главная идея повести «Семья сильных?»
4. Какие произведения писателей Карачаево-Черкесии о Великой Отечественной войне вы читали? Кто их авторы? Кто их герои? Какую идею они утверждают?

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА ЧЕРКЕСОВ

ФОЛЬКЛОР

Общая характеристика черкесского фольклора

Национальный фольклор адыгов, как и всех народов Карачаево-Черкесии, богат и разнообразен. В устном поэтическом творчестве с большой художественной силой выразился эстетический идеал народа, понимание им важнейших исторических событий. Произведения устного творчества неоднозначны и неоднородны в художественном отношении. Наиболее характерная их черта — преобладание эпических жанров. Это обусловлено особенностями истории народа, социального уклада, своеобразием быта. На неразрывную связь фольклора с жизнью народа, с его историей указывали и первые черкесские просветители: Султан Хан-Гирей, Шора Ногмов и современные исследователи: Х. Х. Хапсироков, Л. А. Бекизова, Х. И. Баков, А. Гутов и др.

В черкесском (адыгском) нартском эпосе отразилось сразу несколько эпох: переход от матриархата к патриархату, патриархально-родовой строй и период военной демократии. Историко-героические песни и сказания повествуют о наиболее важных событиях и явлениях в жизни народа. Многовековая борьба за свободу и независимость, часто борьба неравная, а потому особенно жестокая и кровопролитная, — вот одна из главных тем адыгского фольклора. «В этих древних поэмах, — писал С. Хан-Гирей в «Записках о Черкесии» ещё в 1836 году, — воспеты страшные битвы и бедствия народов. Кажется, вы видите перед собой ужасное пламя, пожирающее засеянные поля, жилища и всё достояние побежденного племени. Видите трупы растерзанных воинов, слышите звуки оружия с остервенением режущихся врагов и стук цепей, влачимых

обреченными на вечное рабство. В то же время являются победители в блеске славы и величии благородной скромности рыцаря, нося в сердце чувство отважных воинов с возвышенным духом, умирающих славной смертью, гнушаясь жизнью бесславной».

Сопутствуя истории, устная народная поэзия черкесов облекается в эпические формы, начиная с самого древнего жанра — эпоса о нартах до историко-героических и лиро-эпических песен XVI — XIX веков. Главный критерий, с которым сказитель подходит к изображению эпических героев, — значительность подвига, совершаемого им, и то, что усилия его направлены на благо родного народа.

Разнообразие жанров устного народного творчества черкесов связано с различными социальными условиями и задачами, которые стояли перед обществом в тот или иной период его исторической жизни. Так, на смену героического эпоса «Нарты» приходит жанр историко-героической песни. Затем следуют циклы лиро-эпических песен, героические сказания и легенды, хабары (сказания) и, наконец, сказочный эпос — главным образом, сатирическая и социально-бытовая сказка.

Песня сопровождала черкеса всю жизнь — с рождения и до смерти. В детстве мать напевала сыну колыбельную песню. Подростки и юноши учились на примерах своих предков, о подвигах которых рассказывали песни-плачи и лиро-эпические песни. Образцовое поведение соплеменников, высокий нравственный облик героев, национальный этикет характеризуются в некоторых поветствовательных жанрах фольклора. Высокая мораль произведений осуждала всякого, кто отступит от нормы, от обычаев предков. Для оценки любого поступка героя или качества его натуры у народа имелось меткое слово, высказанное в форме пословицы или поговорки.

Сатирические сказки, высмеивающие корыстолюбие и порочность мулл; песни, развенчивающие хвастливых и чванливых князей, способствовали пробуждению самосознания народа.

Значительное место в черкесском фольклоре занимает историко-героический эпос — исторические песни, предания, легенды, т. е. произведения, в которых, иногда в фантастически трансформированном виде, отражались конкретные события, оставившие яркий след в памяти народной. В образах героев этих произведений воплощены народные представления об идеале, жизненная философия черкесов. Этот преисполненный героического пафоса поэтический мир явится серьезным и, пожалуй, единственным подспорьем и источником для профессиональной литературы при воспроизведении исторического прошлого народа.

Сближение фольклора с реальной действительностью обусловило

более чёткое деление персонажей фольклорной прозы и более разнообразные способы их типизации. Герои уже не безымянны, как в раннем фольклоре, где выступал обычно удалой джигит, которому противопоставлялся великан-иных. Теперь герой — изгой-абрек, либо дворовый князя, либо дочь бедняка. Им противопоставлен помещик, мулла, эфенди, надзиратель тюрьмы, турецкий паша или военачальник.

Черкесский фольклор меньше всего склонен к абстракциям. Действия героя зачастую носят сугубо конкретный, целеустремлённый характер и, как правило, имеют достаточно определённую социальную окраску. В основе сюжета обычно — эпизод из жизни героя; как правило, этот эпизод полно и детально разработан. Активность героя выражается обычно в конкретном действии: месть оскорбившему его человеческое достоинство.

Для отражения обытий XVI — XIX веков народ создал новый жанр эпического творчества — историко-героическую песню. Особенность этого этапа черкесской устной народной поэзии — преобладание патриотической темы. Рассказывая о подвигах различных своих соплеменников, народ оценивал их поступки прежде всего с точки зрения того, насколько сильна любовь героя к земле, на которой он родился, к народу, который он представляет. Тема патриотизма, как и другие темы фольклора черкесов, развивалась, отражая рост национального самосознания. На ранней стадии она ограничивалась изображением доблестей и способностей героя, направленных на борьбу со злом, выраженным в абстрактно-отвлечённых формах. Здесь был силён элемент фантастики. Действия ограничивались несколькими поступками героя — борьба с великаном или ведьмой за воду или за огонь для своего народа (племени).

В поздних сказаниях и песнях патриотизм обретает более конкретные индивидуальные черты. Вообще, всё приобретает более индивидуальный характер. Постепенно происходит и дифференциация жанров: сказка, притча, небылица, анекдот; с другой стороны — предания, легенды, сказания, песни. Последние служат практической цели передачи исторических, политических, религиозных и бытовых сведений. Они поведствуют о происхождении черкесов, о появлении различных обычаев, названий мест, гор и урочищ. В то же время все эти произведения, нося информационный характер, не лишены художественности. Во многих народных новеллах-хабарах или притчах — историческая или нравственно-бытовая информация приобретает доходчивость и действенность именно благодаря своей красочной, стилистически острой форме.

Композиция эпических циклов героического эпоса «Нарты», героических сказаний и историко-героических песен основана или на непосредственном изображении поступков главного героя или рассказе о нём, вложенном в уста очевидца или какого-нибудь почтенного хранителя

преданий. Перед нами развёртывается своеобразная летопись подвигов героя. Картина возникает за картиной: богатырские поединки, конные состязания, национальные игры, обусловленные особенностями черкесского быта. В тех случаях, когда изображается лишь кульминационный пункт в жизни героя, рассматриваются мотивы, побудившие его к подобному действию.

Другая разновидность композиции, характерная для «малых» форм черкесского фольклора — хабаров — сложнее. Если в ряде сказок не названа причина, побудившая героя совершить добрый или злой поступок, если в героическом сказании можно удалить одно или два звена и от этого не пострадает композиция, то в хабарах логическая связь между завязкой и кульминацией сильнее, органичнее; удалить здесь какое-либо звено почти невозможно. Здесь налицо не только последовательное описание героических свершений действующего лица. В ряде хабаров главную роль играет уже не событие, как таковое, а личность со всеми её неповторимыми особенностями и социально-бытовыми связями; здесь уже довольно обстоятельно выясняются и обстоятельства, побудившие героя совершить тот или иной поступок. Поэтому в хабарах силен эмоциональный момент; драматическое изложение преобладает здесь над неторопливым эпическим сказом.

Немаловажное значение приобретает изображение чувств. Прежде всего таких, как страдания влюблённых, вызванная разлукой печаль. Изображение условий жизни влюблённых усиливает социальную окраску произведений.

Правдивость хабара обычно как бы декларируется вступительными словами: «Я расскажу вам о том, что слышал от старших». Или: «Говорят, на самом деле было такое в старину». Рассказчик организует повествование, движет действие, осуществляет переходы от одного эпизода к другому, создавая впечатление рассказа о том, что действительно было пережито, прочувствовано. Помимо описательных и повествовательных элементов, имеются своеобразные лирические отступления, в которых сказитель выражает своё отношение к изображаемому.

Истинный герой фольклорного произведения не только наделён внешней красотой и рыцарскими доблестями и манерами (он тщательно соблюдает черкесский этикет, беззаветно храбр). Всё чаще он выступает и как носитель возвышенных идеалов нации; всё чаще в центре произведений устного творчества оказывается человек, нравственные и духовные усилия которого направлены на укрепление своей Родины, своего народа.

Самостоятельное значение имеет вопрос об эволюции лексики произведений фольклора по мере исторического развития его жанров. Лексика сказаний о нартах или волшебной сказки значительно отличается от

лексики поздних жанров, в частности, хабаров. Конкретность исторического факта, имени героя, места и времени действия внесли в неё новые пласты языка. Исторически обусловленная лексика вобрала в себя точные названия городов, народов, мест, аулов, урочищ, названий воинской одежды, пищи, утвари и т. д. В название хабара нередко стала выноситься пословица или поговорка. Черкесские пословицы, меткие выражения, крылатые словосочетания отличаются философичностью, лаконизмом, ёмкостью и меткостью. Тематический диапазон их широк и разнообразен. Существенной их чертой является элемент дидактики. Своеобразное явление черкесского фольклора — притчи, афоризмы, остроумные ответы, которые легенда приписывает черкесскому мудрецу Жабаги Казаноко. Его постоянная готовность выступить на стороне справедливости, защитить пострадавшего обеспечили ему огромную популярность. С именем Жабаги Казаноко связано множество сатирически окрашенных историй, объединённых общим названием — «Слово Жабаги».

В отличие от сказаний о Ходже или Куйцихе (Плешивом), с которыми притчи о Жабаги имеют несомненное жанровое сходство, в последних отчётливее звучит социальная проблематика. Мудрое слово судьи, остроумно и справедливо решающего спор, — такова традиционная форма, в которую облекает свои этические идеалы и требования этот народный любимец.

Ситуация, в которой Жабаги принимает участие, может быть вымышленной, хотя и правдоподобной по художественной природе, зато слово Жабаги, его реакция на события предполагают точность и достоверность. Эти слова постепенно как бы принимали характер народного нравственно-юридического кодекса.

Мощное средство сближения с народом — изучение его фольклора. Ведь фольклор народен по своему содержанию. Вот почему устное творчество черкесов стало по сути тем источником, из которого образовалась черкесская литература. С первых лет своего существования она заимствовала у фольклора наиболее интересные сюжеты. Это объясняется тем, что в устном народном творчестве находят отражение не только глобальные социальные катаклизмы, но и самые многообразные нравственные процессы. Таким образом, духовный, социальный диапазон фольклора поистине безграничен, как безгранична и разнообразна жизнь самого народа.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Каков главный критерий сказителя в изображении им эпических героев?
2. Чем объясняется многообразие жанров черкесского фольклора? Назовите жанры устного народного творчества. С какими жанрами вы познакомились впервые? Как вы понимаете жанр хабара?

3. Дайте характеристику основных тем и образов черкесского устного народного творчества.

4. Сравните образы Хаджи Насреддина и Жабаги Казаного. В чём их отличие? В чём сходство? Какова роль Жабаги в черкесском обществе?

5. Почему молодая черкесская литература заимствовала из фольклора многие сюжеты и образы?

Черкесский (адыгский) героический нартский эпос

Нартский эпос возник в глубокой древности. Героический эпос «Нарты» создавался многими народами Северного Кавказа на протяжении нескольких столетий. В процессе создания сказаний происходило своеобразное взаимовлияние и взаимообогащение отдельных национальных версий. Такое явление имело положительные результаты: во-первых, сближало сами народы, во-вторых, каждый народ вносил свой вклад в общую сокровищницу этого замечательного памятника.

Черкесский нартский эпос составляет несколько циклов сказаний о богатырях и о женщинах нартского племени. Сюда входят такие сказания, как цикл о Сосруко, о Бадыноко, об Ашмазе, о кузнеце Тлепше, об Адиях и маленькой Малечипх. Сказания об этих героях сохранились в народной памяти до наших дней в силу художественных достоинств и ещё в силу того, что они служили важнейшим средством для передачи потомству жизненного опыта предшествующих поколений. И в наши дни сказания о нартах остаются совершенным образцом самодеятельного художественного творчества.

Х. Хапсироков.

Сказания о Сосруко

Сосруко, с чьим именем связан ведущий цикл черкесского нартского эпоса, родился в необычных условиях. Герой появляется на свет из горящего камня. Подобно Ахиллесу, его тело становится неуязвимым благодаря тому, что бог кузнечного дела Тлепш закаливает его, держа за колени, которые остались единственным слабым местом тела Сосруко. Это наиболее распространённый вариант рождения нарта Сосруко во всех национальных версиях эпоса.

Будущий герой уже в колыбели обнаруживает в себе незаурядные качества. Большая физическая сила, смелость, решительность, доб-

лесть — черты, необходимые отважному воину, национальному герою. Это понимают старейшины рода и начинают готовить его к грядущим действиям. Аналогичное развитие сюжета прослеживается и в русском былинном эпосе. Примером тому может служить описание детства и юности Добрыни Никитича.

Ещё совсем мальчишкой нарт Сосруко вырывает наковальню Тлепша вместе с подставкой, что не под силу даже самым сильным из рода нарттов. С юных лет он интересуется оружием. Меч для Сосруко куёт не кто-нибудь, а сам Тлепш из особой стали. Меч как основной вид оружия играет важную роль. Приобретая оружие, богатырь должен думать о коне. Бог кузнечного дела рекомендует Сосруко попросить коня у матери — мудрой Сатаней: «Знаю, — говорит Тлепш, — есть хороший конь у неё. Скажи своей матери, что я благословил тебя в путь, и она даст тебе коня».

Повела Сатаней сына по глухому ущелью и привела его к пещере. Вход в неё был заложен камнем невиданной величины и тяжести. И сказала Сатаней: «Сосруко, свет мой! Если ты сможешь отвалить этот камень и войти в пещеру, то найдёшь там коня. Если ты сможешь обуздать его, он будет твоим». Сосруко отодвинул камень и вошёл в пещеру. Подошёл к коню с левой стороны (по черкесскому обычаю на коня садятся только с правой стороны), но не смог его оседлать. Тогда подошёл он к коню с правой стороны, но не подпустил нарта к себе конь.

Сатаней сказала: «Потому он тебя не подпускает, что не признаёт в тебе зрелого мужчину». Вскипел от этих слов гордый Сосруко, одним прыжком вскочил он на хребет коня и вскрикнул: «Эй, берегись, воины зла!».

Выбор коня является необходимым компонентом сюжета героического эпоса многих народов. Конь для богатыря является не только средством передвижения, но и обладает даром перевоплощения, предвидения, даёт хозяину мудрые советы, оказывает неоценимые услуги, спасает ему жизнь в бою.

Интересной представляется и проблема семейно-брачных отношений в нартском эпосе. Сосруко женится два раза. Первый раз светлорукая Адиух выбирает себе в мужья нарта Сосруко. Во второй раз он женится на дочери Джилахстана. Здесь он совместно с другим нартом Бадыноко силой добывает себе невесту. Убивает отца красавицы Бадах, не желавшего породниться с Сосруко, и берёт его дочь себе в жёны.

Но ратные противники Сосруко абстрактны. Он борется с врагами рода человеческого — Иныжем (великан), Еминежем (сверх-человек) и др. В то же время в эпосе прослеживается динамика развития жизни самих нарттов, активное освоение ими природы, приобретение жизненного опыта, усложнение духовных потребностей. Довольно много мифологических элементов: способность перевоплощаться, разговаривать с птицами и животными, сказочно быстрое передвижение в пространстве. Но все эти сверхъестественные качества нарт Сосруко использует для того, чтобы обеспечить благополучие своего народа.

Герой нартов благороден, бескорыстен. Он добывает огонь для своего народа в жестокой схватке с Иныжем, он возвращает нартам семена проса, спасая тем самым своё племя от верного голода. Он желает разделить с людьми все свои удачи, но народ нартов не смог по достоинству оценить щедрость и красоту души своего героя. Вот почему люди не только славят Сосруко за его подвиги, но и обвиняют его же во всех своих неудачах. Враги великого нарта решили убить его. Для этой цели они приглашают неуязвимого богатыря на хасу (хаса — народное собрание, сопровождаемое массовыми гуляниями, играми, состязаниями в силе и смелости). Всеведущая Сатаней отговаривает Сосруко от участия в этих играх, но богатырь возражает матери и говорит: «Чем просуществовать бесславно жизнь ста поколений, лучше прожить мало, но оставить след на сто поколений». Этот принцип становится основой морали многих поколений черкесского народа.

Сосруко погибает на хасе от острого колеса, которое отрезало ему обе ноги до колен, так как колени — единственное уязвимое место могучего нарта. Враги разгадали его слабое место и убили. Его закопали живым у подножья Эльбруса. Родники, орошающие земли у седоглавой горы — это горячие слёзы Сосруко. По сей день они дарят людям жизненную влагу, исцеляя их от всех недугов.

Нарт Бadyноко — искатель правды

В черкесской версии героического нартского эпоса по своей художественной значимости за Сосруко следует образ Бadyноко, который высвечен более разносторонне и отличен от образа своего предшественника. Сосруко — богатырь, его основное призвание бороться с теми, кто мешал нартам выполнять задачи общечеловеческого характера. Бadyноко — богатырь, но его жизненная цель более конкретная — «земная». Это воин, сражающийся не со сказочными персонажами — воплощением сил зла, а с конкретными врагами — с чинтами. Чинты — соседнее с нартами племя, часто нарушающее покой страны соплеменников Бadyноко. Второй по значимости нарт — воин, аскет, искатель правды, защитник справедливости. Он добивается отмены закона убивать стариков. В сказаниях о Бadyноко уже заметно, что человек стал обретать четкую определённую как личность, стал выделяться из общественной среды. Враги в образе сверхъестественных чудовищ исчезли. Но у Бadyноко много врагов в образе людей.

По всей вероятности Бadyноко живёт и действует в более поздний исторический период, чем Сосруко, хотя в некоторых вариантах сказаний эти богатыри встречаются друг с другом. Главная задача Бadyноко — защита Родины, борьба против зла и несправедливости. А защитник

должен быть воплощением подлинного мужества, громадной физической силы и высоких нравственных качеств. Таким и представлен в нартском эпосе Бадыноко. Это странствующий рыцарь, безжалостно расправляющийся со злодеями, с нарушителями покоя людей. Он всегда готов взять под защиту слабого, обездоленного.

Образ Бадыноко несколько противоречив. В некоторых вариантах сказаний он выступает как один из древнейших образов. В частности, время, когда у нартвов существовал обычай уничтожать стариков, связывается с именем Бадыноко. В сказании «Как Бадыноко ввёл в стране нартвов новый обычай» отец Бадыноко, Бадын, стал немощен, уже не мог владеть оружием, ходить за плугом. Пришла пора ему уйти из жизни. Обычай есть обычай. Посадил Бадыноко отца в плетеную корзину, сел на коня и направился к горе Старости. На пути встретился ему мудрец. Поздоровался он с богатырём и справился, куда тот путь держит.

— Доброго пути, — сказал мудрец, прощаясь, — только не выбрасывай корзину вместе с содержимым. Кто знает, может, она ещё пригодится твоему сыну.

Слова мудреца заставили призадуматься нарта. Бадыноко свернул коня с намеченного пути, нарушив тем самым обычай древней страны нартвов. Впоследствии старик не раз выручал нартвов своими мудрыми советами, передавая их народу через своего сына Бадыноко. Когда нарты узнали об этом, было решено впредь запретить убийство престарелых родителей.

На относительно же позднее появление Бадыноко, с другой стороны, в черкесском нартском эпосе указывает упорно приурочиваемое к его имени слово «пши», т. е. князь.

Сказания о Бадыноко более совершенны по своей форме, чем предыдущие, и отличаются многообразием изобразительных средств. Этот факт объясняется тем, что они возникли при более развитых формах общественной жизни, при наличии уже сформировавшихся фольклорных традиций.

Из черкесских (адыгских) нартских сказаний

Как родился Бадыноко

И мать и отец Бадыноко из племени нартвов.

У нартвов были давние коварные враги. Они часто затевали войну. Однажды нарты сами известили своих врагов, что собираются воевать с ними на их же земле. Прошло время. Вражеское войско неожиданно напало на нартвов, не известив их о своём вторжении, как делали это благородные

нарты. У нартских богатырей был обычай: врагу, с которым будут воевать, назначали время сражения, посылали весть.

Но враги обычай нарушили.

— Перебьём нартских богатырей. Разорим край нартов, — сказали они и нагрянули на страну. Враги нартов были жестокими, безжалостными, коварными, навели они ужас на весь край нартов. Богатыри сражались с врагами день и ночь.

Когда занялась утреня заря,
Вдруг появился грозный всадник
С самырами, рядом бегущими,
С прирученными орлами, над головой парящими,
На сиво-вороном, с шеей, как у змеи, сухоголовом,
Поджаром коне.
Удар острия его копья равен сотне богатырских ударов,
Если соскакивает с коня—
Его белая кольчуга на солнце сверкает,
Ужас наводит он на врагов и хребты им ломает.
Стаю самыров он выпускает,
Меч крепкой рукой держит,
Вражье войско в страх обращает.
У испуганных нартов зародилась надежда,
Что жестокий враг будет разгромлен.
Нарты не знают имени того одинокого воина,
Хотят узнать, но не могут.
Где пройдёт таинственный богатырь —
Там тела поверженных врагов оставляет.
Тому одному из врагов, кто остался в живых,
Ставит клеймо на лице.
«Будь вестником поражения», — говорит он,
Даёт ему оплеуху и
Отпускает туда, откуда пришёл.

Нарты спешно собирают хасу, советуются.

— Как узнать нам, кто этот лихой всадник?

— Как сделать его нашим соратником?

Так спрашивали нарты друг друга. Среди бывалых нартов, которые собрались на хасе, был и Сосруко. Но он ничего не говорил, а только молча в стороне сидел. Нарты подошли к Сосруко и спросили у него ответа, но он ничего не сказал. Стояли нарты, советовались, думали-думали, но ничего так и не придумали.

Тот, кого не знали они,
Но чьё мужество узнали,
Одинокий всадник вдруг явился,
Множество строгих обычаев соблюдая,
Спешился он среди нартов.
Сосруко вскочил и подбежал, приветствуя его,
Желая сказать много лестных слов.
Когда нарты поздоровались с ним
И безмерно благодарили его,
Всадник показал им нартское тавро:
— Я тоже из вашего края,
Кто захочет, чтобы я был ему товарищем, найдёт меня.
Вы много говорите,
Оружие носите зря,
Собираетесь без надобности,
По мне, это недостойно нашего края.
Не думаю, что мы поладим —
Лучше уехать от вас неузнанным, —
Сказал он, вышел и тронулся в путь.

Поникли нарты: досадно им было, что он покинул их. Сосруко был хитрее всех: верный себе, задумал узнать, кто тот одинокий всадник, и стать его товарищем в ратном деле. Отправился Сосруко следом за одиноким всадником и выследил, в какое ущелье он свернул, в какую семью возвратился.

Исполнив свой долг и вернувшись после битвы в дом, воин поставил коня и пошёл отдыхать.

Прошло некоторое время, Сосруко спешился в том дворе, куда въехал одинокий всадник.

— Я ищу товарища в ратном деле, — сказал он.

В семье, где остановился Сосруко, его встретили приветливо.

— Мы рады твоему приезду; наших старших нет, нет мужчин, но скоро они вернутся, — такими словами пригласили его. Некоторое время гостил там Сосруко. Но так и не смог увидеть воина, за которым поехал и которому хотел стать товарищем в ратном деле. Не увидел Сосруко и мужчин в доме. С тем и вернулся к себе.

Спустя некоторое время Сосруко вновь приехал в ту семью. Его пригласили в дом, ждал он недолго — и, как положено по обычаю, в отведённую ему комнату вошла хозяйка, неся рог с марамажеем в руках, и с нею кан—девушки.

— Сосруко, в ком много мужества, кто любит сподвижников, не

гневайся, что мужчин нет дома. Это двор Шабатына. Начался пир и продолжался он до тех пор, пока не съели семь откормленных волов.

Выйдя во двор, Сосруко увидел, как чистили выведенного из землянки сиво-вороного, сухоголового, поджарого коня, с шеей, как у змеи, на котором с утренней зарёй появился на поле битвы тот грозный всадник, уничтоживший вражескую орду. Сосруко счёл недостойным спросить: «Чей это конь?» — и вернулся в дом — чуть не вышиб плечом косяки у дверей.

Когда закончилось санопитие, Сосруко и его спутник договорились увести сиво-вороного, сухоголового коня. Но они не смогли отодвинуть камень, закрывавший вход в землянку, где стоял конь. Тогда Сосруко задумал воинские доспехи посмотреть ночью, когда все уснут, но не смог этого сделать.

Лишь утром, когда стало светать, вернулся Шабатын. Как только он вошёл в дом, ему сказали: «У нас гостит Сосруко».

— Приведи ко мне его, не держите нарта в кунацкой, — сказал хозяин.

Начался пир. Олени — угощение для гостей; откормленный вол — их пища; когда они сидели и пили марамажей, услышал нарт Сосруко плач младенца, который всё это время был в утробе гуаши, — он не заметил, что она ждёт ребёнка.

Семь дней и семь ночей продолжалось санопитие. После этого Сосруко вместе со своими спутниками вернулся домой.

Нарты вновь созвали хасу и условились: «Если та женщина родит мальчика, выкрадем его и погубим; если девочку — будет рукодельницей». Когда они советовались, как погубить мальчика, Сосруко сказал: «Заставим нашу нартскую седовласую колдунью выкрасть его, в сундук положим и в овраг глубокий бросим». На том и решили. Сосруко послал нартскую колдунью к Шабатыновым.

Поехала седовласая и, когда прошло восемь дней и восемь ночей, передала Сосруко, что жена Шабатына родила мальчика. Сосруко послал туда всадников. Седовласая колдунья украла младенца и отдала им. Нарты положили ребёнка в сундук, отнесли в глубокий овраг, оставили там и вернулись.

Ночью, после того, как нарты вернулись, разразился ливень, и поток вынес сундук из оврага на открытое место. Утром его нашла женщина, которая пасла неподалёку гусей. Но не смогла женщина поднять тот сундук, быстро вернулась она домой и позвала мужа. Вместе они отнесли сундук к себе в дом.

Когда открыли сундук, то увидели в нём чудесного мальчика, слишком большого, чтобы сказать о нём — младенец. Обрадовались муж и жена и стали растить его.

Колдунья же вернулась к нартам и сказала им: «Жена Шабатына отправилась разыскивать своё дитя, узнает о ваших делах, заставит вас

рыть руками чёрную землю. Ведь сама она — необыкновенная женщина. Она и есть тот самый одинокий грозный всадник, который сразил врагов».

Нартские богатыри удивились, встревожились. Созвали хасу, позвали Сосруко и стали думать, что делать. Но так и ничего не решив, разошлись нарты. Сосруко даже не вступил в разговор.

Разыскивая своего сына Бadyноко, жена Шабатына встретила женщину, пасшую гусей. Когда поведала она ей о своём горе, гуси взлетели. Всё поняла мать Бadyноко. Женщина рассказала, как нашла она Бadyноко, лежавшего в сундуке. Повела её в дом и отдала мальчика матери.

Женщина-богатырь возвратилась домой. Привезла она и Бadyноко, и женщину, спасшую сына, и её старого мужа. Но никому не сказали они, что нашёлся Бadyноко. Не знал об этом даже отец Шабатын.

Вместе с Бadyноко растили коня, двух собак-самыров и двух орлов. До восьми лет пил Бadyноко материнское молоко. Кормили его мясом оленя. Так рос богатырь Бadyноко.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Случайно ли то, что Бadyноко обладал богатырской силой? Опишите мать Бadyноко.
2. Перескажите понравившийся отрывок из сказания «Как родился Бadyноко».

Образы нартских женщин и их место в эпосе

О женских образах немало сказано исследователями эпоса. В нарских сказаниях с именем целого ряда героинь связаны значительные периоды в истории народа. Центральным образом черкесского нартского эпоса является Сатаней. Этот образ наиболее ярко характеризует эпоху матриархата и переходный период к патриархату.

В черкесском нартском эпосе Сатаней первоначально выступает как мать всех нарттов. Она превосходит своим умом богатырей, поэтому ни один сколь-нибудь значительный вопрос не решается без её участия. Тесным образом с её именем связана деятельность Сосруко, который обязан никому иному, а именно ей большинством своих побед. Нарты знают, что Сосруко непобедим, потому что за ним стоит Сатаней. В черкесском эпосе она почитаема, но не всегда выступает как полновластная хозяйка, в ряде сказаний её действия и власть ограничены.

Сатаней фигурирует во многих текстах эпоса. Первоначально она занимает высокое положение в нартском обществе. Она — и мать Сосруко, родоначальница многих ремёсел. Но в цикле о Бadyноко выступает как женщина, желающая соблазнить богатыря. Она помогает богу кузнечного дела Тлепшу. Она придумала клещи, наковальню.

Это центральный персонаж и поэтому вполне естественно, что он претерпевает определённую эволюцию. Вначале её образу присущи божественные черты. Она — мать главного нарта Сосруко. В последующем развитии Сатаней сопровождает всех могучих богатырей нартского рода. Позже Сатаней выступает в образе идеальной жены.

В галерее женских образов черкесского варианта нартского эпоса по своему значению за Сатаней следует Адиюх. Адиюх — хорошая хозяйка, девушка-красавица. Но в то же время она — прорицательница и чародейка. Иногда она противопоставлена нартам. Обладая чародейными силами, она помогает своему мужу в ратных делах. Муж чувствует могучие волшебные силы, участвующие на его стороне, но однажды, рассердившись, отказался от её помощи и погиб. Муж хотел вырваться из-под влияния жены — это своеобразная иллюстрация к исторической эпохе, когда обозначились противоречия в семье и когда мужской труд становился ведущим, а мужчина начинает претендовать на роль полновластного хозяина, т.е. период перехода от матриархата к патриархату.

Следующей ступенью в развитии женского образа является Малечипх. Это образ идеальной женщины, жены и матери. В этом цикле нартского эпоса черты матриархата уже исчезли. Все сказания, где появляется образ Малечипх, свидетельствуют о том, что они относятся к более позднему периоду.

Цикл сказаний, связанный с именем Малечипх знаменателен ещё и тем, что мы в данном случае имеем дело с человеком, который выражает своё отношение к миру, к окружающей среде, т.е. здесь уже речь идёт об углублении психологического начала в художественном творчестве народа.

Судя по одежде Малечипх, описанной в сказаниях данного цикла, время его создания связано с тем периодом, когда люди уже научились возделывать различные ткани. Сам этот цикл представляет собой наиболее совершенное художественное целое во всем эпосе. Расширяется сфера фантазии. Это приводит к обогащению самого языка новыми образными выражениями, к охвату самых разных сторон жизни.

Адиюх

Одна женщина славилась своей красотой. Её звали Адиюх. Стоило ей в самую тёмную ночь протянуть из окна руки, становилось светло, как в самый солнечный день. Вот почему её называли не иначе как Адиюх, что значит светлорукая.

Дом Адиюх стоял в верховьях Инджиджа, на склоне высокой горы, в защищённом месте. Муж Адиюх жил уединённо в своём доме-крепости.

Он выстроил дом на самой вершине крутой горы, чтобы никто не мог к нему подойти. Невдалеке от него был натянут полотняный мост, соединявший обрывистые берега Инджиджа. Один его конец был там, где стоял дом, другой — на противоположном берегу. Когда муж Адиях возвращался из похода с табуном лошадей, он прогонял их по этому мосту. Другого пути к дому не было.

Адиях всегда знала, когда муж должен вернуться. Если он возвращался тёмной ночью, она протягивала из окна свои светлые руки. Становилось светло, словно солнце освещало мост, и её муж прогонял по нему коней.

Однажды муж Адиях пригнал много коней и стал хвалиться своим геройством. Тут Адиях сказала:

— Что ты так хвалишься? Разве я тебе не помогаю?

— Как это помогаешь? — спросил муж.

— Я протягиваю из окна свои руки и помогаю тебе перейти реку. Не согласился с этим тщеславный муж.

— Тогда не протягивай больше свои белые руки в окно. Если протянешь, я отрублю тебе их, — поклялся муж.

Пришло время и он снова отправился в поход. Адиях всегда знала о его возвращении. Узнала она и в этот раз и протянула в окно свои руки. Но едва муж вступил на мост, вспомнила она его клятву, спохватилась и в страхе убрала руки. Ночь была тёмной, безлунной. Муж Адиях сорвался с моста, упал в бурную реку и утонул.

В тревоге дождалась Адиях рассвета и поняла, что её муж не перешёл через мост. Она вышла из дома, рыдая, обошла подножие горы. Своими белыми руками она била гору. Её руки были разбиты до крови и покрылись ранами. Кровь выступила на руках Адиях, окрасила гору и потому та гора сейчас красная.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что значит Адиях?

2. Как вы думаете к какой эпохе (матриархата, патриархата) относится время создания сказания «Адиях»? Почему? Обоснуйте свой ответ.

Малечипх

Малечипх была дочерью бейгола¹ пши². Его фамилия была Жагишев, звали его Тембулатом. Тембулат Жагишев всегда ездил с пши — готовил для него пищу, ухаживал за его конём.

Отправились пши с Тембулатом в двухнедельный поход. Как-то матери Малечипх понадобилась соль.

— Пойди к гуаше³ и попроси соли, — сказала она и послала Малечипх

¹ Бейгола — телохранитель.

² Пши — князь.

³ Гуаше — княгиня.

к жене пши. У гуаши собралось много парней и девушек. Долго стояла Малечипх — не решалась при всех попросить соли. Наконец, сама гуаша спросила её:

— Ты что пришла, что-нибудь нужно?

— Нана прислала меня попросить то, от чего толстый худеет, а худой толстеет, — ответила Малечипх.

— Да ну тебя, непутёвая. О чём это ты говоришь, — не поняла гуаша и обругала её: «Клянусь Тха¹, ты без мужа принесёшь ребёнка». Вышла Малечипх из дома пши и вернулась к себе.

— Нет у меня соли, — ответила гуаша и не дала, — сказала она матери.

Малечипх решила: «Отвечу я что-нибудь гуаше, которая сказала, что я без мужа принесу ребёнка». Дождалась Малечипх рассвета и пошла к гуаше.

— Заболел мой отец и вернулся этой ночью домой. Худо ему, прийти сюда не может. Послал меня передать тебе, что пши прислал тебе привет, а ещё он тебе велит:

И закваски не клади,
И дрожжей не клади,
И подсыпки не сыпь.
И сверху не накрывай,
Но к моему приезду
Приготовь крепкий напиток, —

вот что велел передать тебе пши. Сказав так гуаше, Малечипх вернулась домой и успокоилась. Заволновалась гуаша, стала думать, как приготовить крепкий напиток, ничего не положив. Так прошли две недели, и пши вернулся вместе с Тембулатом.

— Ах, как странно обошёлся ты со мной! — сказала гуаша пши.

— Помилуй, как я обошёлся с тобой? — удивился пши.

— Разве можно так приготовить крепкий напиток. — И гуаша рассказала пши, что ей передала Малечипх.

— Не пойму я, что ты говоришь, жена, сдаётся мне, что у тебя помутился разум, — сказал хозяин.

Пши послал человека и велел позвать к нему отца с дочерью.

— Я позвал вас, чтобы узнать, — сказал он, — зачем Малечипх приходила к гуаше и говорила ей неправду?

— Гуаша сказала мне, что я могу прожить без мужа, вот я и хотела посмотреть, приготовит ли она крепкий напиток без ничего, — ответила девочка.

¹ Тха — бог.

— Почему так сказала тебе гуаша?

— Нана послала меня за солью, но я застала в твоём доме много людей и постеснялась сказать: «дай соль», а попросила: «дай то, от чего толстый худеет, а худой толстеет». А она мне ответила: «клянусь тха, ты без мужа принесёшь ребёнка».

— Та женщина, которая не понимает, что значит «от чего толстый худеет, а худой толстеет», не может быть мне женой, — сказал пши и прогнал жену.

Пши женился на дочери своего бейгола. Так Малечипх стала гуашей. Как-то пши с двумя бейголами уехал на две недели. Но пришлось добавить ещё две — оказалось, что дома его не будет целый месяц. Послал пши к себе домой бейголов и сказал им:

— Передайте гуаше привет и скажите, что меня не будет месяц. Приехали бейголы во двор пши передали привет от него и привезли от пши подарок — два куска дорогой ткани. А когда собрались возвращаться к хозяину, вот что гуаша передала своему мужу через бейголов:

От звезды — один,

От месяца — два,

Ради двух белогрудых голубей

Не омрачай сердца двум чёрным воронам.

Бейголы не поняли, что значат эти слова, и, удивлённо повторяя их, чтобы не забыть, вернулись. Пересказали они слова гуаши и попросили пши:

— Объясни нам, ради тха, то, о чём попросим тебя.

— Обещаю сделать, — ответил пши.

— Растолкуй нам слова, которые передала тебе гуаша.

— Вы отрезали локоть от одного куска ткани, что я вам дал?

— Отрезали, — признались бейгоды.

— От другого отрезали два локтя?

— Отрезали, — сказали бейголы.

— Так вот она передала, что вы отрезали от одного куска ткани один локоть, от другого — два, но ради её и меня не наказывай своих бейголов — вот смысл слов, которые передала гуаша.

Удивились бейголы и после этого никогда ничего не трогали.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как проявляется углубление психологического анализа в цикле о Малечипх. Сравните образы Адиух и Малечипх. Какой из этих образов раскрыт глубже?

2. Почему Малечипх пользуется «эзоповым» языком? Кому из писателей русской литературы XIX века была особенно близка «эзопова» речь?

Черкесские (адыгские) народные песни

На стадии формирования адыгской национальной общности происходит становление новых форм и жанров фольклора. Народ начинает создавать новые произведения, в которых действуют простые его представители, не обладающие сверхъестественными возможностями, но такие же отважные, как Сосуко, и такие же искусные, как Тлепш.

В арсенале черкесского фольклора появляются такие жанры как исторические песни; лирические, бытовые, семейные, трудовые, шуточные песни—диалоги; пословицы и поговорки.

Исторические песни адыгов возникают и формируются как жанр на новом этапе общественного и национального развития. Известно, что первое черкесское государство — Кабарда — сложилось в XVI веке. Во главе его стоял выдающийся государственный деятель — Темрюк. Объединив все разрозненные адыгские племена, трезво оценив обстановку на Кавказе, Темрюк обратился к русскому царю с просьбой принять Кабарду в состав русского государства. С этого времени начинаются интенсивные русско-черкесские связи. Это событие отвечало коренным интересам России, пытающейся сохранить за собой выход к Каспийскому морю...

Кабарда в силу своего географического положения могла играть и играла важную роль в проведении политики России на Востоке. Взаимовыгодные русско-черкесские связи были ещё больше укреплены браком Ивана Грозного с дочерью Темрюка. В 1561 году она была крещена, получила при крещении имя Мария и стала русской царицей.

События той поры отразились не только в черкесских песнях, но и в различных жанрах русского фольклора.

Героические песни

Цикл об Айдемиркане

Героями песен являлись представители народа, отстаивающие интересы соплеменников. Очень часто подлинными патриотами становились не князья и дворяне, а простолюдины. Таков образ Айдемиркана. Этот художественный персонаж объединяет собой целый цикл героических сказаний и песен. Подобные памятники народной поэзии,

возникновение которых исследователи относят примерно к XVII веку, испытали сильное влияние традиций нартского эпоса.

«Айдемиркан — историческое лицо, — пишет известный кабардинский литературовед Х. Теунов. — Относительно Айдемиркана не сохранилось никаких документальных данных, кроме тех, что остались в народной памяти, в народных песнях». Вместе с тем, для песен и сказаний об Айдемиркане характерно обилие сказочных элементов. Таким образом, в цикле об Айдемиркане четко прослеживается процесс использования традиций нартского эпоса и новаторство посленартовской поэзии.

Судя по тому, как совпадают различные версии о происхождении героя, Айдемиркан — сын князя и крестьянки. Это обстоятельство выступает как социальная основа его поведения, как основная мотивировка действий героя. Образ этот отличается известной сложностью. Есть вариант, где Айдемиркан рисуется как преступник. Но основные версии сказаний, сохранившиеся до наших дней, и песня, являющаяся и сейчас популярной в адыгских аулах, высвечивают Айдемиркана как отважного воина, полководца, патриота.

Цикл текстов, посвящённых образу Айдемиркана, включает в себя стихотворные и прозаические произведения. Прозаические варианты в большинстве своём кратки, отрывочны. Песни сохранились в более полном виде — они рисуют историю Айдемиркана от его рождения до гибели. Необычны рождение и детство его:

Обещенная князем, из дома Беслана
Убежала рабыня на остров морской,
Чтобы там обрести приют и покой,
И на острове там родила мальчугана.
Вдруг орёл увидал среди моря утёс.
Прилетел и ребёнка на крыльях унёс.
Пересёк он безбрежную даль океана,
И едва лишь достиг долгожданной земли,
Айдемыр, знатный всадник, дружинник Беслана,
Отнял метким копьём у орла мальчугана,
И младенцу тотчас принесли молока,
Приоткрыл он глаза и вздохнул глубоко.
Дали имя тогда ему Айдемиркан.

Перевод С. Липкина.

Песни об Айдемиркане в целом составляют как бы целую поэму с чёткой композицией. Они выдержаны в традиционном стиле героических песен и песен-плачей. Поэма состоит из пяти частей: рождение, богатырское детство, получение оружия, борьба за справедливость и гибель героя.

Подчёркивая необычность героя, певцы говорят о том, что богатырский меч ему куёт сам бог кузнечного дела Тлепш. Это сохранившийся со времён нартского эпоса приём идеализации богатыря.

Получив из рук Тлепша чудесный меч,
Он повёл Кабарду против полчищ хана,
На врага налетел его белый скакун,
И стремительным всадником Айдемиркана
Откликался, гудя и дрожа, Барагун.
Он сподвижникам храбрым на поле сраженья
Раздавал и мечи, и щиты, и коней,
А когда не хватало ему снаряженья,
Помогал ему юный джигит Хатуней.
«Так не будет! — воскликнул он. — Хватит нам горя!»
Он собрал землепашцев со всей Кабарды,
Кабардинцев повёл против ханской Орды...
Всюду бил он врага, о свободной Отчизне мечтал;
Он — высокая крепость родимого края,
Вот он ринулся в бой — и, как будто играя,
Косоглазого ханского сына помял.

Песни и сказания об Айдемиркане отличаются высоким художественным мастерством. Поступки героя мотивированы, образ его даётся широко и объёмно.

Несколько песен о богатыре раскрывают события, связанные со смертью героя. Канибулат — друг Айдемиркана, нарушив священные заветы мужской дружбы, приступает к исполнению своего коварного замысла. Презрение к предателю, смешавшему молоко с кровью, слышится во всех вариантах текстов:

Он из Тохова рода, он стройный джигит,
Богом дружбы да будет он, подлый, убит!
С ним дружил я, с коварным, дружил я с проклятым.
Был я предан завистливым Канибулатом.

Так начинается песня о гибели Айдемиркана. В отличие от других песен этого цикла, в ней повествование идёт от первого лица. Перед смертью

Айдемиркан высказывает своё отношение к миру, своё понимание категорий добра и зла и последовательно описывает свою гибель, как будто говорит воскресший богатырь.

Повествование от первого лица — новый приём в черкесской устной народной поэзии. Это усиливает впечатление подлинности случившегося, реалистичности изображаемого события.

Он сказал: «Поохотимся утром в горах» —
И в ловушку завёл он меня, лицемеря.
«Погоуляем, — сказал он мне. — Вот тебе мерин,
Пусть твой конь отдохнёт супостатам на страх».
Через горный хребет он меня переправил;
Там Беслан свою хищную челядь расставил:
Пожелал моей смерти бесчестный Беслан,
Для меня его ратники рыли капкан...

Только теперь догадался Айдемиркан, что ему готовят западню, но было уже поздно: верный его скакун остался дома. Он на кляче, а своё боевое оружие он, по совету Канибулата, не взял с собою. Айдемиркан говорит:

Состязался бы с вами, погнал бы коня,
Да скакун мой проворный далёк от меня.
Поиграл бы я с вами, чтоб ярость разжечь,
Да исчез почему-то короткий мой меч!

Перевод С. Липкина.

Рассказ о предсмертном поединке Айдемиркана идёт от третьего лица: не к лицу славному герою похвалиться своими подвигами. Всадники окружили безоружного Айдемиркана. Он храбро сражался с ними и геройски погиб. Но народ не хочет видеть его поверженным:

Он стоит, опершись подбородком на меч.
Даже мёртвый, на землю не хочет он лечь.

Здесь очевидна перекличка с образом нарта Сосруко, которого тоже коварные предатели хотят убить, но он не умирает: враги закапывают его живым. Из-под земли начинают бить целебные источники — это кровь Сосруко, слышен его голос. В отличие от Сосруко, Айдемиркан погибает, но даже мёртвым он не склоняет головы. Последние строки символичны и несут большую смысловую нагрузку.

В одном из вариантов песен о гибели героя подчёркивается, что даже природа тяжело переживает смерть Айдемиркана:

Какие чёрные тучи на небе!..
И от чего так каркает чёрное воронье?

При этом следует заметить, что символика — явление очень редкое в черкесском фольклоре.

В данном цикле реалистическое изображение героя причудливо сочетается с мифическими элементами, которые в основном присущи героическому нартскому эпосу. Большое значение, например, придаётся описанию качеств коня. Часто звучит мысль о том, что если бы Айдемиркан был на своём коне, то он остался бы жив.

Заключительные песни цикла об Айдемиркане — это самостоятельные произведения, повествующие о жизни героя, о его деяниях. Именно их черкесы исполняли чаще всего. В них излагается эпическая история богатыря. Называется имя завоевателя — крымского хана Эльмурзы, с чьим войском боролся и разбил Айдемиркан.

Цикл песен об Айдемиркане — уникальное явление в фольклоре народов Северного Кавказа. Песни и сказания об этом герое, бесспорно, сыграли определённую роль в дальнейшем развитии черкесской народной поэзии.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему в песне о гибели Айдемиркана начало повествования идёт от первого лица, а конец от третьего? Характерно ли это для героических песен?

Исторические песни

Ряд черкесских исторических песен запечатлел тот период времени, когда крымский хан сделал попытку покорить себе черкесские племена после смерти Темрюка, в результате чего русско-кабардинские связи значительно ослабли.

Сохранились песни и сказания о битве шапсугов с войсками крымского хана. Черкесы под руководством шапсугского князя Немир Шубса разбили войска хана Давлет-Гирея на реке Пшадс.

Позже, в XVIII—XIX веках на Кавказе сталкивались интересы двух крупных держав — России и Турции. В целях мирного завоевания народов Северного Кавказа Турция засылала в Черкесию своих эмиссаров, чтобы распространить мусульманскую религию. В 1769 году в районе Пятигорья

появились русские войска для того, чтобы отстоять свои интересы. В черкесском обществе образовались две, резко противостоящие друг другу партии — российской и турецкой ориентации. Внутренние противоречия раздирали страну, а это было выгодно и Турции, и русскому царизму. Военные действия царских войск на Кавказе начались в 1827 году. До начала военных действий первые встречи черкесов с русскими произвели любопытные впечатления на горцев. Черкесы, в основной своей массе, не знакомые с жизнью и бытом русских, удивлялись их одежде, образу жизни, нравам. Черкесы и русские дружелюбно и доброжелательно относились друг к другу, развивалась торговля. Но методы, применяемые царскими генералами, не могли не вызвать протеста со стороны горцев, подстрекаемых Турцией.

Всё это нашло отражение в народно-поэтическом творчестве черкесов. В одной из песен говорится о жестоких нравах генерала Вельяминова («Песня о генерале Дыроголовом»). В этой народной песне четко обозначены места исторических событий, приведены имена героев, подробности описания боя, перечислены участники сражения. Всё это придаёт определённую историческую конкретность произведениям фольклора.

...Наиболее полно представлен цикл песен антикрепостнического направления, в которых отразились крестьянские восстания, тяжёлая жизнь обеспокоенного люда («Дамалеево войско», «Дамалей — Широкие плечи», «Купса», «Тюремная песня» и др.).

Новизна этих произведений адыгского фольклора — не только в обращении к новым темам, но и в изменении системы изобразительных средств. В песнях о Дамалее повествуется об одном из грандиозных движений черкесских крестьян середины XVIII века. Его можно сравнить с циклом русских народных исторических песен под предводительством Степана Разина. Цели этих восстаний, воспетых в русских и черкесских песнях, были одни и те же, сила и слабость их идентичны.

Восстание началось в районе между Чегемом и Лечинкаем в 1754 году. К восставшим стекались крестьяне со всех уголков Кабарды. Во главе народных масс стал Дамалей, который дал клятву до конца жизни бороться против крепостничества. Вот такие исторические факты явились основой сказаний о Дамалее — Широкие плечи.

Если в цикле об Айдемиркане налицо лирическое начало, то песни о Дамалее выдержаны в другом стиле: сдержанном, даже суровом, в соответствии с теми грозными событиями, о которых в ней говорится.

Образ Дамалея характеризуется традиционными для черкесских героических песен средствами. Дамалей рисуется как богатырь, наделённый незаурядным умом, отличный наездник, воин. Единственный штрих,

характеризующий его внешность, — широкие плечи. Но это скорее прозвище героя, который бесстрашно ведёт на правое дело черкесских крестьян:

Живётся нам плохо, нам трудно и больно.
Мы плачем под гнётом князей и дворян.
«Живётся нам плохо, терпеть нам довольно!» —
Разгневался страшно горячий Пшикан,
О-ой, Дамалей, он могуч и бесстрашен,
Уходит, покинув свой дом, Дамалей.
Людей собирает он с пастбищ и пашен,
Ведёт он в сражение крестьянских людей.

Перевод С. Липкина

Крестьяне, действительно, сражались бесстрашно. Но врагам удаётся внести раздор среди восставшего войска и убить предводителя. Песня создана вскоре после события, когда уже стало понятно, кто повинен в поражении восстания и в гибели Дамалей. Об этом говорят слова, полные гнева, которыми заключается песня:

Предательством княжья порода богата,
На голое место героя ведут...
Ищите проклятого князя Булата,
Скажите всю правду, вершите свой суд!

Князь Булат повинен в убийстве и в предательстве. Певец призывает к мести — он напоминает о могиле предводителя:

К свободе зовёт нас могила героя,
К свободе вас кличет вожак Дамалей.
Кто саблей владеет для честного боя?
Скорее садитесь на быстрых коней!

В целом песня проникнута оптимизмом. Борьба ещё не закончена, хотя восстание подавлено. Боевой призыв певца воспринимается как призыв к мести.

Предание об одном из крупнейших крестьянских восстаний легло в основу классического произведения черкесской литературы — романа Али Шогенцукова «Камбот и Ляца».

1. Какие исторические события легли в основу сюжетов черкесских народных песен?
2. Чем отличается цикл песен об Айдемиркане от песен о Дамалее?
3. Как вы думаете, почему песни о гибели народного героя Дамалея проникнуты оптимизмом?

Лирические песни

В устной поэзии черкесов (адыгов) весьма разнообразно и широко представлены лирические («Таукан», «Песня горской скрипки», «Малеч», «Черные глаза»), шуточные («Что ты, парень, будешь делать?», «Покосился наш плетень», «Мамин сынок»), бытовые («Песня мельницы», «Песня дерева») и другие песни.

Лирические песни являются одним из самых популярных жанров устного народного творчества черкесов (адыгов). Эти произведения в большей степени объясняют характер и особенности народной поэзии. Своеобразие форм, специфика изобразительных средств лирических песен оказали значительное влияние на формирование письменной лирической поэзии черкесов (адыгов). Лирические песни отличаются от героических и исторических богатством поэтических форм. Показательна в этом плане песня «Таукан». Она строится на приёме психологического параллелизма:

Сердце моё было больше утёса,
Пока не узнала я Таукана,
Сердце моё стало зёрнышком проса,
Когда повстречала я Таукана.

В другой песне — «Малеч» — мы уже находим первые попытки описать душевное состояние лирической героини:

Садится Малеч — словно птица,
Когда распрямится — как львица,
Глаза её задумчиво — чисты,
А кудри, словно шёлк,
Ну настоящая царица.
А кожа её, как сиянье зари,
Джигит, покори её, уговори,
В жёны возьми её,
К сердцу прижми её,
Добейся её, приучи, покори!

Перевод Н. Гребнёва.

Лирические песни адыгов нередко проникнуты мрачным настроением. В основе таких мотивов лежит неустроенность, нестабильность жизни. Иногда причиной страданий лирического героя являются неполадки в семье, тяжкие законы адата. Так, например, песня о Гошагаг, которую покинул муж, является значительным произведением черкесской лирики. Эта песня известна в нескольких вариантах. Но главная тема — одна. Каншоби, захватив с собой своих детей — девочку и мальчика — уехал, оставив жену. В одном из вариантов говорится о том, что она стоит на берегу реки Лабы, вспоминает прошедшие дни любви, дни семейного счастья. Сейчас она — брошенная мужем женщина.

Цветком увяла моя юность,
Насмотреться не могли они,
А нынче Гуков и Кривой Хатокшуко
И те смотреть не стали.

Перевод Н. Гребнева.

В каждом слове песни звучит страдание героини:

Стальные мои ножницы
Затупились от атласа.
Тело моё белое, как стекло,
Чернеет от тоски.
Я надеваю чёрное платье из канифаса,
От слёз бесконечных мои верные глаза устали.

В другом варианте читаем:

Вьются мои косы до пят,
Смоляные косы блестят,
Для чего блестят, для кого —
Нет хозяина моего.

Отдельные черты — чёрные блестящие косы до пят, белое тело — все элементы портретной характеристики героини. В целом они создают представление об идеальном образе горской красавицы:

Для русых кос тесно за спиною,
Не найти мне места в тоске.
Ночам одна луна украшение,

Я прекраснее всех в Кабарде.
Нежной шеей я — в белую лебедь,
Воду в горле видно на свет.
Так Батырбек на то любовался!

Лирические песни ярко рисуют не только красоту, но прежде всего характер женщины, её тяжелое положение в обществе, где господствуют суровые законы гор, осложнённые шариатом.

Черкесская народная поэзия имеет и такую форму лирических песен, как песни-диалоги. Таково произведение «Хацаца». Хацаца — горская красавица, крестьянка. Она — мастерица на все руки. Между нею и княжеским сыном происходит следующий диалог:

— Чем гордишься, Хацаца-красавица?
Долго стоящая каждому нравится —
Чище становится только махсыма,
А от сиденья долгого в девушках
Девушка портится непоправимо!

— Что вам за дело? Я рода крестьянского,
Я не терплю краснбайства дворянского,
Ваши слова лицемерны и лживы.

— Чем ты гордишься Хацаца-красавица!
Гордость такая джигитам не нравится,
Так и останешься в девках с позором!

— Гордость моя — мои руки искусные,
Я рукава расшиваю узором,
Я вышиваю рукою умелою,
Я из орешника коновязь делаю,
К смелым джигитам полна уважения,
Ты же коня своего не привязывай, —
Не был ты храбрым на поле сражения.

■ Перевод С. Липкина.

Песня-диалог «Пленница» по форме близка к «Хацаце». Здесь любовная тема в диалоге между девушкой, находящейся в плену, и возлюбленным, оставшимся на родине и находящимся далеко от неё.

Он:
Ты пленница в чьём-то саду,
Но я за тобою приду.

Под чёрною шалью не плачь обо мне,
Сквозь лес я пробьюсь, прискачу на коне,
Тебя среди тысяч найду.

Она:

Нет, в проклятом аду,
Я лучше одна пропаду.
Куда, мой любимый, направишь коня?
Один ты, а сто охраняют меня.
Погибнешь ты мне на беду.

Песня о судьбе черкешенки, пленной и находящейся на чужбине, является ярким свидетельством эпохи, когда расцветала работоторговля (XVII—XVIII века). Проникновенность, искренность песни поражает:

Люблю лишь тебя я одну,
Нет жизни, пока ты в плену,
Я взглядом спалю и разрушу тюрьму,
Тебя подниму — и к сердцу прижму,
И новую душу вдохну, —

отвечает юноша, когда слышит слова своей возлюбленной: «Я здесь поседела, я стала не та. В неволе поблекла моя красота. Увидишь — разлюбишь меня».

Лирические песни черкесского народа часто достигают большой силы, художественной выразительности.

Судьба девушки, выданной замуж за нелюбимого или за старика, занимает немалое место в адыгской народной лирике. Такова песня «Плач Фатимат, выданной замуж за старика». Судьба пленницы и девушки, выданной замуж за нелюбимого, рисуются сходными красками. Фатимат, сетуя на свою судьбу, вспоминает о своей любви, проклинает тех, кто ради богатства отдал её старику.

Девушкам, нам старики не милы.
И я полюбила тебя — молодого.
Любила я, да не долюбила,
Выдали замуж меня за седого.
Был девичий платок голубым, как небо,
Был голубым, а стал серым,
Большие поминки по мне устроят,
На калым тот, что родне за меня заплатили.

Песня «Плач Фатимат, выданной замуж за старика» отличается психологизмом: в ней чётко раскрываются чувства и переживания несчастной девушки. Говоря о своих переживаниях, она рисует свой идеал семейной жизни, особое звучание приобретают характерные бытовые детали:

Я шапку золотом расшивала,
Мечтала, что ты с меня её снимешь.
Плетёные пуговицы золотые
Не ты расстегнул на белом платье.

В этой песне страдания девушки, выданной за старика, сравниваются с рубкой сада в пору его весеннего цветения:

Весной, когда сады расцветают,
Не срубаю в зелёных садах деревья.
В пору цветенья меня подрубили,
Сгубили, продали старому в жёны.

Как видим, в лирических песнях поэзия достигает большой выразительности, не свойственной до этого ни одному жанру устного народного творчества черкесов. Именно эти лирические народные песни оказали значительное влияние на развитие современной лирики, которая достигла высокого совершенства в творчестве Алима Кешокова, Адама Шогенцукова, Исхака Машбаш, Абдулаха Охтова.

В лирических песнях черкесов отразились самые разные темы. Так, в песне «Горской скрипки» звучит мысль о месте искусства в общественной жизни, о его чудодейственной силе. Искусство — удел благородных, мужественных и честных людей, оно не терпит несправедливости. Скрипка рассказывает о том, как когда-то она услаждала слух могучих и отважных героев и принадлежала бесстрашному певцу, а теперь она вынуждена играть для врагов:

Сын Тлепша брал меня повсюду,
Он струн моих смычком касался,
Играл — и совершалось чудо:
Старик — он юношей казался.
И в круг джигиты выходили,
И всё на свете в пляс пускалось;
Но старого певца убили,
И я врагам его досталась.

Перевод Н. Гребнева.

Подлинное искусство, — утверждает скрипка, — должно быть свободным. Высокое назначение искусства и создателя произведений звучит и в других текстах.

К произведениям, относящимся к древнему периоду истории черкесов, можно причислить и трудовые песни. Одна из самых популярных из них — «Песня чесальщиц шерсти». Название её не случайно: обработка шерсти была главной отраслью местного ремесла. Такие детали одежды, как черкеска, бурка, башлык, потник и подседельник — всё это делалось из шерсти. Несовершенство примитивных станков, на которых обрабатывали шерсть, создавало трудные условия труда для женщин. Но сознание того, что их труд принесёт кому-то радость, несколько сглаживает первоначальное удручающее впечатление:

Для парня чернобрового,
Жениха,
Да будет бурка новая
Неплоха.

И тот, кто выдаст замуж
Свою сестру,
Пусть в белой бурке новой
Танцует на пиру.

Пусть молодая молодцу
Дарит детей.
Пускай дарит не дочерей,
А сыновей.

Пускай дарит не дочерей,
Пускай работа спорится
У неё,
Что сшито, пусть не порется
У неё.

Песенный жанр, предшествовавший письменной литературе, явился основой, на которой возникли многие традиции черкесской литературы. Его влияние на литературу осуществлялось в несколько этапов. Если в самом начале становления литературы использование традиций устного народного творчества носило стихийный характер, то в последующие периоды развития художественной литературы наблюдается их творческое использование. Песенный жанр придал литературе неповторимое национальное своеобразие, помог отразить национальный характер народа, его психологический склад.

1. Какие изобразительные средства используются для передачи страданий героини в песне о брошенной жене?
2. Назовите характерные черты лирических песен.
3. Какова основная идея песни «Горская скрипка»?

ЛИТЕРАТУРА

Писатели-просветители XIX века

Новые исторические условия, сложившиеся на Северном Кавказе в конце XVIII — начале XIX веков, пробудили национальное самосознание горцев и дали жизнь творчеству национальных писателей-просветителей. На формирование их взглядов большое влияние оказала прежде всего русская классическая литература, а также восточная и европейская культуры.

Деятельность писателей-просветителей многогранна: художественное творчество, создание алфавита и учебников по родному языку, запись, сбор и публикация устно-поэтических народных произведений. О северокавказском просветительстве, об этапах его развития, о личностях, творивших на каждом из этих этапов, вы уже знаете. Об этом вы читали в разделе об абазинской литературе. Теперь вы поближе познакомитесь с адыгскими просветителями и их творческим наследием.

Султан Хан-Гирей

Султан Хан-Гирей — адыгский (черкесский) писатель, историк, этнограф. Он родился в 1808 году в ауле Гревенс (нынешняя Республика Адыгея). Отец его был одним из князей бжедугского племени. Предки Султана Хан-Гирея происходили из дома крымских ханов, но, поселившись среди черкесов, они ассимилировались с ними, сохранив от прошлого лишь имена крымского происхождения.

После гибели отца в одной из междоусобиц двенадцатилетний Султан Хан-Гирей был передан главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом генералу А. П. Ермолову. Тот отправил его в Петербург и

определил в кадетский корпус. Успешно закончив его, Султан начал службу в Черниговском казачьем эскадроне, а потом был переведён в чине поручика в Кавказско-горский полуэскадрон. А в 1837 году он был назначен командиром полуэскадрона. Несмотря на блестящую военную карьеру, Хан-Гирей решил выйти в отставку. Причиной этому послужил кризис его политических взглядов. Убеждённый сторонник русской ориентации, он принимал деятельное участие в действиях правительства до тех пор, пока верил, что царизм мирным путём разрешит кавказский вопрос. Хан-Гирей сам лично вёл агитационную работу среди своих соплеменников, ратуя за союз Кавказа с Россией. Но все его усилия и надежды остались тщетны. Юношеские иллюзии со временем сменились трезвым взглядом на лицемерную политику царя. Это привело Хан-Гирея к пересмотру своего положения, которое показалось ему теперь двусмысленным.

После ухода со службы Хан-Гирей поселился в Екатеринодаре и занялся литературным творчеством. Умер он в конце 1842 года.

Султан Хан-Гирей был одним из широко эрудированных людей своего времени. Он владел арабским, тюркскими языками, отлично знал русский и свой родной языки. Перу Султана принадлежат труды по истории, этнографии и мифологии черкесов: «Записки о Черкесии», «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов», многочисленные художественные произведения: «Черкесские предания», «Князь Канбулат», «Наезд Кунчука» и др. «Черкесские предания» и «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов» увидели свет ещё при жизни просветителя.

Наиболее значительное произведение Султана Хан-Гирея — «Черкесские предания». Основная сюжетная линия этой повести — борьба с иноземными захватчиками и трагическая судьба молодых людей Джамбулата и красавицы-княжны. В этой повести Хан-Гирей делает попытку создать образ мужественного человека, борца, которого волнуют общеадыгские интересы, заботы.

В образе главного героя писателю удалось обобщить лучшие национальные черты адыгов: мужество, патриотизм, верность долгу, правдивость.

Интересен рассказ Хан-Гирея «Наезд Кунчука» — об известном своим мужеством и смелостью джигите Кунчуке, который вместе с друзьями хотел спасти свою возлюбленную Гюль, похищенную турецким пашой. Кунчук и его друзья напали на Азов, убили пашу и увезли девушку. Но погоня настигла их на берегу Кубани во время отдыха. В неравном бою погибли друзья Кунчука, а он, не желая попасть в руки врага, бросился вместе с Гюль с крутого высокого обрыва в бурлящую реку. Место их гибели в народе до сих пор называют «Спуск Кунчука».

Благодаря своему художественному таланту, умелому использованию фольклорных и этнографических материалов, Хан-Гирей создал произведения живые, убедительные и доступные для широкого читателя. Образность и живость — главные их черты.

- Черкесские предания

(Отрывки)

Взгляните на прекрасные долины. Какая чудная картина представляется там взору! Светлый купол неба раскинут, как пурпуровый шатёр, а под ним пышно цветёт роскошная земля. Ни один богач не может создать ценою золота такого восхитительного зрелища, какое здесь создало Провидение для каждого смертного. Долины, холмы и горы облиты волнистою зеленью; цветы, как пена на море, пестрят жемчужными купами; леса одеты свежими листьями, плодовые деревья, облитые пурпурным дождём цветов, напояют воздух и орошают равнины благотворными струями, пение птичек небесной гармонией услаждает слух... Не земля — рай! Здесь всё дышит жизнью и радостью. Настанет ночь, и над роскошной землей загорится небо тысячами таинственных огней, и с бриллиантовыми лучами звёзд польётся на дальний мир живительная роса серебристою влагой. День заменит ночь — и золотые искры южного солнца сушат следы благотворного увлажнения, пьют росу, снова всё блестит, снова всё горит! Вешний день — торжество природы. А для человека? Для человека радость без теней печали редка...

Для жанинцев весна, следовавшая за горестной зимой, была вполне радостная. Гроза прошла, что унесла она с собою, то было оплакано и забыто, и гордые жанинцы снова предались забавам, и на свежих могилах отцов и братьев праздновали земное счастье. Поля, где в прошлое лето гуляла смерть, где в следовавшую зиму царствовало уныние, оживились, покрылись пашнями, стадами, и весёлые песни заменили вопли и стоны, сопровождавшие минувшую войну, мир принёс с собою покой и изобилие, давно уже неизвестное жанинцам, которые любили войну и любили совершенно безразсудно.

В прекрасный майский день цветущие поля были покинуты: народ спешил со всех сторон жанинского поколения в знакомый нам аул нашей героини, желая слить нелицемерную свою признательность с её радостью. Древнее жилище предков княжны снова красовалось среди обширного аула, где следы пожаров и опустошений семилетней войны исчезли, и попечительная рука её все привела в прежнее состояние. Снова княжеский дом

оглашался шумным говором князей и старшин, как прежде, народ кипел вокруг княжеского двора. Но теперь не рассуждали там о средствах потушить пожар междоусобной войны, не советовались о том, отважить ли судьбу родной страны на безнадёжную битву или ценою покорности купить мир? Нет! Съехались не для шумных прений, но хотели предать минувшие горести забвению и торжество славы родины соединить со свадебным торжеством её виновников. Народ любил князя Джембулата, удивлялся деяниям знаменитой княжны, и их брак был для него настоящим праздником, полной радостью. Обширный аул, где должен был совершиться последний период свадьбы... Но слова «последний период», которые употребил я здесь, сами по себе ведут к вопросу: на сколько же периодов разделяется свадебное торжество? Надобно удовлетворить любопытство тех, кому угодно будет на этом вопросе остановиться.

Начнём с того, что, когда знатный черкес женится, невесту привозят в дом уважаемого человека и там совершается бракосочетание. Новобрачная остаётся здесь иногда очень долго, и во всяком случае, до тех пор, пока ознакомится вообще с новым образом жизни, который она должна вести в супружестве: девическая свобода исчезает вместе с её корсетом. Опять слово «корсет» даёт повод к множеству вопросов, потому что какой-то путешественник, прельщённый стройностью талии черкешенок, стал когда-то расспрашивать, отчего они такие тоненькие. К несчастью, тут случился толмач и натолковал путешественнику многое множество премудрых обычаев, из которых путешественнику вообразилось бог знает что.

Корсет черкешенок есть не что иное, как одежда, составляющая исключительно принадлежность девиц, женщины его не носят. Знатные девушки шьют корсеты иногда из красного сафьяна или бархата, обшивают серебряными и золотыми галунами, в таком случае он бывает с короткими полами и серебряными застёжками на груди. Такой корсет, надеваемый сверх рубашки, под верхнюю одежду, есть праздничный и не в каждом племени употребительный. Настоящий, или будничный и везде употребительный, шьётся из жёлтой мешины, преимущественно у девушек высшего класса, и из выделанной телячьей кожи у девушек простого народа. Такой корсет бывает обыкновенно без пол и едва доходит до оконечностей ребра, крепко зашнуровывается спереди и покрывает всю грудь.

С которого года начинают носить корсет, зависит и от сложения девочки, но вообще начинают довольно рано. Черкешенки имеют стройную талию, но она едва ли не следствие образа их жизни, нежели корсета. Напротив, корсет много способствует тому, что у черкесских девушек, даже очень зрелых, почти не приметны груди...

Вот вам и вся история корсета черкешенки.

«А конец корсета, то есть когда перестают его носить?» — Какие вы

любопытные! Но так и быть — опишу и этот период в жизни девушки-черкешенки.

Ночь. Поздно. В ауле тишина. В отдельно стоящем домике блестит огонёк, слышен тихий шёпот, там невеста в тревоге ждёт жениха. Молча стоит она у стены подле брачного ложа, прозрачная белая вуаль закрывает тревожное лицо, две девушки, её подруги, подшучивают. Но вот за дверьми раздался шорох чьих-то шагов: подходят тихо два человека — один в бурке, с пашкой через плечо; кинжал и пистолет на его поясе. Это счастливцев жених, и с ним его приятель, который входит в дом, чтобы предупредить находящихся там о приходе жениха. Он возвращается и вводит счастливца. Невеста одна, её подруги убежали перед входом жениха. Она неподвижна и безмолвна. Жених садится на постель, его друг принимает от него оружие, снимает башмаки, огонёк в камине закрывает золою и, пожелав доброй ночи, уходит тихо. Тут начинается церемония, жених сам подходит к невесте, и если она не в большом страхе, то сама с себя снимает верхнее платье, а в противном случае жених помогает ей. Пред рассветом новобрачные расстанутся, они, может быть, и не хотели бы, но друг жениха, прокараулив целую ночь, чуть заря покажется — и стучит в двери, и не даёт им наслаждаться сном. Между тем входят подруги новобрачной и с плутовскими улыбками бросаются к постели — и тут находят корсет, который берут себе, если он им нравится, и об нём уже нет и поминки.

Новобрачная остаётся в новом доме, где она простилась с корсетом, довольно долго, и тут совершают первый период свадебного торжества, который оканчивается блистательным обзором в доме мужа. Вот почему я намерен описать последний период свадьбы нашей героини потому именно, что первый уже совершился в том доме, где она соединилась узами супружества с любезным ей князем Джембулатом.

День был прекрасным, как я уже сказал; светлое небо юга не омрачилось ни одной тучею тёмных облаков; небо, казалось, разделяло радость жанинцев. В обширном ауле княжны, или уже княгини, с нетерпением ждали открытия торжества. Толпы всходили на холмы и курганы и смотрели на дорогу, по которой быстро скачущие вершники вздымали пыль. «Вот показались! Вот выезжают из леса!» — вскричали голоса. В самом деле, несколько сот конницы выехало на равнину, опоясанную полумесяцем густого леса. То был свадебный поезд. На татарской висячей колеснице, покрытой белою шёлковой тканью, обитой внутри той же шелковой материей, устланной богатыми коврами, ехала знаменитая жена князя Джембулата. С ней сидели её воспитательница и хозяйка дома, где она так долго гостила. Почётнейшие старшины окружали колесницу и ехали с весёлыми лицами и говором, но без иступлённого крика и шума, раздававшихся позади них в толпе молодых наездников. Посреди

этой толпы ехала арба на двух колёсах, покрытая шёлковой красной тканью, развевающеюся по ветру, как знамя. Вокруг двухколёсной колесницы, необходимой принадлежности свадебного поезда, раздавалось громкое пение свадебных песен, в которых превозносят обыкновенно красоту, скромность, искусство в вышивании золотом молодой супруги, славу и подвиги её мужа. Мы должны, однако же, заметить, что в песнях, сложенных для подобного случая, не называют никого по имени, но речи применяют намёками к разным лицам. Гром ружейных выстрелов вторил протяжным напевам песен, и дым туманом носился над поездом. В таком виде и порядке, или справедливее — беспорядке, поезд приближался к аулу.

По мере приближения поезда в ауле суетились. Густые толпы народа поспешно вооружались длинными, как дротик бедуина, ловко гнувшимися дубинами и высыпали навстречу приближавшемуся поезду, который между тем остановился, чтобы приготовиться к вступлению в аул. Колесница, где сидела княгиня, отделилась от многочисленного поезда и подъехала тихо в сопровождении старшин. Знаменитейшие жители аула встретили свою владелицу и проводили её до ворот княжеского дома. Тут остановились конные, слезли с лошадей и смешались с толпой женщин, в пёстрых нарядах выступивших навстречу княгине. От ворот ограды до дверей дома путь был устлан парчою, и хозяйка вступила в свой дом по золоту и серебру, которые, по обыкновению, достались пожилой женщине, сопровождавшей княгиню. При входе в дом её осыпали сухариками и орехами, на которые ребятишки бросались толпами; в доме поднесли молодой хозяйке мёд с маслом и очищенными орехами; она не стала есть, но зато старухи, управляющие обрядами, налагомились досыта. Тихое, хотя и церемонное, вступление новобрачной в дом, где должна была начаться новая для неё жизнь, не так было занимательно, как другое зрелище, в то же время происходившее перед аулом, — страшная потеха воинственного поколения. Мы опишем её подробно.

Арбу с красным покрывалом окружили несколько сот конницы и двинулись с нею к аулу; надобно было арбу довести до княжеского дома в целости, а это трудно было сделать: пехота, вооружённая дубинками, высыпавшая из аула, намеревалась разбить арбу, сорвать покрывало — обыкновение, составляющее важную принадлежность свадебного торжества. Конница бросилась на пехоту, хотела смять, расстроить её и таким образом открыть путь арбе. Пехота отчаянно защищалась, поражая без пощады длинными своими дубинками лошадей и даже самих всадников; она выдержала первый натиск кавалерии, но второй, последовавший за неудачей с великим ожесточением, прорвал её середину, и колесница понеслась; наездники торжествовали победу, а пехота была в отчаянии, но торжество, как и отчаяние, были кратковременны: один из пеших нанёс

сильный удар дубинкой по голове лошади в упряжке арбы, и животное пало на месте. Пехота бросилась на опрокинутую колесницу и изорвала в куски шелковую ткань, которая так игриво развевалась на воздухе.

День прошёл в такой потешной, но опасной битве и в последовавших за тем угощениях и увеселениях. Наступила ночь, но не ночь покоя: в продолжение ночи несколько тысяч народа кипело, веселилось вокруг княжеского двора. Утреннее солнце озарило весь блеск свадебного торжества. Собрались на открытом воздухе музыканты — флейтички и скрипачи с запевалами. Часть блюстителей порядка торжества пригласили наездников, а другая часть отправилась по домам, и начались пляски, но не быстрый вальс и бешеная мазурка, как вы можете себе представить, и не неблагопристойное кривляние, как можете предполагать, судя по пляскам восточных народов, но тихое, ровное движение, нечто вроде русского хоровода, более чинное, более любопытное, воинственное и величественное. Представьте себе круг, образуемый несколькими десятками наездников в стальных кольчугах, горящих золотом на солнце, и таким же числом прекрасных, стройных черкешенок-девиц (замужние не танцуют) в богатых шелковых и бархатных нарядах, в шапочках, золотом шитых и перевитых платочками в виде чалмы. Подойдите к кругу, если только вас пропустят теснящиеся тут наездники на лихих лошадях, зрители пешие и блюстители порядка, — тут увидите вы много занимательного, много милого и прекрасного. Красавицы с большим кокетством бросают взоры незаметным образом на наездников, а наездники ловят их взгляды, ловко подхватывают отрывистые их слова и ещё много бывает таких мелочей, которые заставят вас пуститься в пляску, хотя седины вились бы уже в вашей голове; в пляске удобно красавице примолвить ловкое словцо. И не оттого ли в старину у черкесов и седые головы любили плясать. Во время подобных плясок общепринятое приличие требует, чтобы девица не танцевала слишком долго с одним кавалером, и потому вокруг танцующих беспрестанно мелькают красавицы, что увеличивает пестроту занимательного круга, над которым поминутно раздаётся стрельба — без звука оружия и забава не в забаву воинственному поколению! Пожилые женщины увиваются тут же, не выпуская из виду своих питомиц; музыканты оглашают воздух звуками, правду сказать, не очень стройными. И вот наступает пора угощения. Напитки выкатываются в бочках, яства разносят старшинам, развозят народу; пляска прекращается на время, зато тотчас начинается страшная потеха.

Наездники садятся на коней; народ вооружается снова длинными палками, и бой готов завязаться. Густые толпы пехоты бросаются на наездников и, с криком поражая их, теснят, конница отстаёт без большого сопротивления на чистое, просторное место; пехота, поощрённая удачею,

с дерзким шумом преследует конницу, и вдруг конница останавливается и, поворотив лошадей назад, бросается быстро, как вихрь, на преследователей. Лихие наездники пробиваются сквозь народ, разгоняют толпы, а в пылу потешного боя перескакивают через высокие заборы, глубокие овраги и ямы, грудью коней опрокидывают арбы с бочками напитков, вывезенными для народа. Конница выигрывает победу, но и пехота не падает духом и снова выступает. Являются старшины-посредники и прекращают игру, которую можно назвать битвою; в самом деле, люди и лошади порой лишаются в ней жизни. Но приветливая улыбка и внимательный взгляд красавиц вознаграждают отважных и в поле и в забавах наездников. Потешная битва подаёт тысячу предлогов перемениться двусмысленными словами с прекрасными плясуньями.

Три дня продолжались воинственные игры, а на четвёртый день, вечером, богато одетый старик из числа блюстителей порядка вскарабкался на крышу княжеского дома, и его голос возвестил конец торжеству. Густые толпы народа мигом стеснились к дому. Старик с напряжённым усилием бросил одну за другой три жёлтые мешины, налитые маслом, в волны народа, и — пошла потеха! Жители каждого отделения жанинского поколения составили особенную партию и, таким образом, образовалось несколько партий, и все бросились на брошенные кожи, стараясь унести хоть одну из них с собой, в своё отделение, что составляет некоторым образом честь для каждого отделения или аула, завладевшего трофеем. Борьба продолжалась гораздо за полночь: шум и крик оглашали окрестности обширного аула княгини. Но где её супруг, знаменитый Джембулат? Он был уже далеко в набеге, хотел славою отваги ознаменовать свою женитьбу — таков был обычай воинственного народа.

* * *

Два наездника въехали в дремучий лес, покрывавший дикие, извилистые берега нагорной речки, бурно катившей по каменистому дну светлые свои волны. В лесу была обширная поляна, а посредине её непроходимая чаща терновника, тут остановились наездники. Проворно соскочили они с лошадей, достали походные или седельные топоры, прорубили небольшую тропинку до середины терновника, ввели туда своих лошадей и поставили под тенью дерева; вырубленные терновники воткнули на прежние места и таким образом зашили, как говорят черкесы, прорубленную тропинку. Кругом не нарушаемая ничем тишина.

Наездники, уверенные, что их убежище никто не обнаружит, сняли с лошадей сёдла, с себя оружие. Лошадям накосили кинжалом травы; для себя вынули походную пищу. Младший почерпнул кожаным стаканом из чистых струй нагорного источника и подал товарищу. То были Джембулат и Тембулат.

Тембулат был угрюм и печален. Его взоры дико блуждали и тяжело падали на друга. Мрачная тоска давно не оставляла его задумчивого лица и иссушала сердце юноши. Он страдал, и как он переменялся! Джембулат тщетно старался вызнать тайну, отравляющую душу юноши-друга, который убегал от откровенного с ним разговора, редко бывал у его жены, избегал встречи с нею, и с тех пор, как счастье окружало и лелеяло знаменитых супругов, большую часть времени проводил в поле, в наездах.

Что с ним случилось? Было время, когда он был вызываем живыми и мертвыми на пагубу друга, и все коварные замыслы раздроблялись о твердыню души его, как волны моря о граниты, и он берёг счастье друга-благодетеля, как своё око, а теперь благополучие друга, казалось, делало Тембулата несчастным. Канлы, не оставлявший своих злобных намерений, коварно напоминал ему проклятия отца и матери. Но с прежнею твёрдостью он отвергал кровавые замыслы лицемера, хотя сам в глубине души своей ощущал неизъяснимую тревогу каждый раз, когда вспоминал ночное посещение гробницы отца и матери, и часто во сне казалось ему, что тени их летают перед ним, поражая слух его проклятиями. В страшную для его памяти ночь семена злодеяния были брошены глубоко в грудь его и ждали только нового усилия страстей, чтобы вырасти и облиться кровью друга и благодетеля. Явилась страсть губительная и превратилась в ужасную и преступную бурю. Прежде нежели сделаться поверенным любви друга, он любил княжну, но когда обстоятельства открыли ему сердечные узы, соединяющие Джембулата и княжну, Тембулат решился без ропота пожертвовать своим счастьем благополучию друга: он надеялся заглушить в сердце своём пламя любви и — обманывал себя... Не станем описывать всех его страданий, его борения с самим собою, его усилий преодолеть себя — не умолчим только об одном случае, показавшем торжество чувств святой дружбы и признательности и в минуту пылающей преступной страсти.

Однажды, поздно вечером, он проводил Джембулата в его дом. Прекрасная княгиня, некогда мужеством характера и пылкостью речи воодушевлявшая воинов, как посадница новгородская, теперь стыдливая, как сама невинность, стояла, потупя взоры, при входе мужа с другом его. Счастливым супруг, желая рассеять мрачную тоску грустного юноши, удержал его, против обыкновения, несколько времени, шутил с ним, советовал ему жениться. Княгиня также приняла участие в разговоре. Голос, улыбка, взоры княгини волновали кровь несчастного юноши, оживили заглушенные его чувства — раскрыли раны сердца. Он не мог говорить, не мог слушать равнодушно, что ему говорят; он был пробуждён от благодетельного усыпления, и страсть его снова закипела с яростью бури. Несчастный юноша был вне себя.

«Невыносимо! Я не могу далее переносить нестерпимых мук, я паду наконец под ударами безмолвного страдания. Слышу ли её голос, вижу ли её улыбку, её взор, несчастная страсть снова воспламеняется в груди моей и сжигает меня! Напрасно надеялся я преодолеть себя. Напрасны мои усилия: и время разлуки мне не в пользу! Днём, среди людей, томлюсь в унынии; ночью, в уединении, тоска терзает меня; бессоница отравляет обыкновенный покой смертных, да и сам сон для меня ужасен: во сне тень отца, кровью облитая, преследует меня и проклятия матери разрывают мой слух. О я, несчастный!»

Вот отрывистые слова, которые произносил Тембулат, когда оставил дом своего благодетеля. Сильная рука человека, как тень, остановила его. То был известный Канлы: как голодный волк он рыскал по ночам и жаждал крови. Он предложил юноше вызвать Джембулата под каким-нибудь предлогом. «Ночь тёмная, здесь никого не видать, всё спит, и если ты боишься крови, я выпью его кровь, чтобы только отомстить. Ты передай лишь его в мои руки, и всё кончено». Тембулат остановил ужасного человека. «Как низка твоя душа!» — сказал он с благородным негодованием и велел ему удалиться. Они расстались, обменявшись угрозами и укоризнами. Юноша провёл ночь на страже своего благодетеля, но то была последняя услуга его другу, последняя минута, в которую держал он победу над бушевавшими дух его страстями; следовавшие дни страсти помрачили рассудок его ужасной решимостью, и злодейство восторжествовало над его совестью. Возвратимся к друзьям. Они завтракали. Джембулат был весел, а Тембулат угрюм и дик.

«Здесь отдохнём, а между тем туман соймется, солнце прояснится, тогда явимся мы перед аулом соперника, на виду у жителей схватим юношу или девушку, и с добычей отваги вернёмся в свой аул. То-то красавицы заговорят об отважном набеге нашем и запоют песни старины, а красные башмаки, которые неутомимы только в танцах, повесят носы», — сказал весело Джембулат и с удовольствием посмотрел на почерневшие от стремян свои башмаки, сшитые руками его знаменитой жены. Он мечтал о славе, о прелестях своей княгини, а товарищ его молчал угрюмо, и в его взорах выражалась дикая свирепость: ужасные мысли волновали его душу.

Наездники подкрепили себя пищей, и Джембулат лёг отдохнуть, положив голову на колени друга, у которого глаза засверкали, как у тигра, готового броситься на добычу. Вид его был ужасен!

«Кто, — спросил он Джембулата, — кто будет вестником твоей смерти, если я теперь тебя зарежу?»

Джембулат улыбнулся и отвечал, указывая на куст, подле него растущий: «Вот этот тетеркон (перекати-поле) может быть божьим вестником». Он не договорил...

«Пусть же будет, если может!» — вскричал Тембулат, и в его руках заблестал кинжал. В мгновение ока благодетель его уже плавал в крови своей!

* * *

Ночь была темна, как совесть преступника, дождь шёл проливной, молния изредка страшно блестела; унылый вой ветра и перекаты грома довершали мрачную картину природы, которая согласовалась с мрачными мыслями и тревожными чувствами убийцы, когда он явился в аул. Коварные замыслы злодея Канлы были осуществлены. Тембулат шёл к Канлы отдать отчёт в своём кровавом злодеянии. В ауле всё было тихо; все уже спали или скрывались в своих домах от непогоды, но в маленьком домике Канлы пылал ещё огонь; он с одним из ватаги своих удальцов беседовал о замыслах своих и надеждах.

«Наконец, надеюсь, мои страдания кончатся, — говорил Канлы. — Сколько лет мучился я напрасно! Давно мог бы я погубить Джембулата, но тогда труды мои остались бы бесплодными; теперь его не станет, и не я, а тот будет его убийцей, который стал бы между мною и ею вечной преградой. Понимаешь ли? Я один на пути к сердцу княгини: одним ударом вырублю оба вредные мне корня».

«Как же всё устроилось так удачно?» — спросил равнодушно достойный собеседник Канлы.

«Устроилось так, как устраиваются все дела, когда примешься за них умно да с терпением работаешь. Тембулата долго уверял я, что отец и мать его и в могиле требуют смерти Джембулата, но это действовало плохо. Он отвергал все мои предложения. Я не торопился, а между тем вмешалась в дело любовь, и всё пошло как нельзя лучше. Видишь ли? Тембулат влюбился в княгиню, и я не пропустил случая воспользоваться обстоятельствами: я уверил его, что он может жениться на княгине, когда мужа её отправят к предкам. Сначала он и слышать не хотел, и наконец решился. Желая доброго ему успеха, только не в женитьбе, а в убийстве! Нет, приятель! Я не для тебя работал! (он засмеялся хохотом демона). Впрочем, если он и тут станет упрямиться, так мы найдём и ему дорогу, а княгиня — моя! Она поплачет, погрустит, пройдёт год траура... Ах! Скоро ли дождусь вести?»

Тут кто-то постучал в двери и прервал торжество ужасного человека.

«Кто там?» — спросил он. Убийца отозвался. Канлы, узнав его голос, так обрадовался, что выбежал к нему, забыв взять оружие. Так спешил он насладиться рассказом убийцы о последних минутах жизни человека, которого погубили во цвете лет козни его. Два злодея отошли в сторону.

«Что, кончено?» — спросил Канлы торопливо.

«Да», — отвечал убийца.

«Достойный сын славного отца! Дай мне тебя обнять!» — вскричал с восторгом Канлы.

«Теперь я достоин твоих объятий. Да, я достоин теперь твоих лобзаний, гнусный человек! — сказал убийца, и голос его дрожал. — Одно убийство я совершил: мало! Я пришёл совершить и другое, но оно, надеюсь, не будет преступлением. Да, я пришёл, чтобы твою коварную душу отправить в ад, куда твои козни открыли дорогу моей душе! Но выслушай смирно или перестанешь слышать прежде чем узнаешь, как я исполнил злодеяние, которому ты с таким усердием научил меня!..» Руке отчаянного грешника как будто что-то придало необыкновенную силу. Он схватил за грудь Канлы, который в каком-то оцепенении стоял неподвижно.

«Слушай, — продолжал убийца, — я зарезал человека, имя которого ни твои, ни мои уста не достойны произносить. Да, я его зарезал — и ужас злодеяния, мною совершенного, лишил меня силы: дыхание в груди моей стеснилось, глаза потемнели, и я без чувств упал на труп великодушного человека. Тогда глазам моим представились страшные видения! Земля вокруг меня покрылась удушливым туманом, небо помрачилось, гром загрохотал, молния заиграла, ветер заревел. Надо мною разразился страшный удар, и с неба спустилась необъятная масса светлых облаков. Они скоро рассеялись, а на их месте осталось лучезарное здание — то был рай, жилище блаженных. Я не успел осмотреться вокруг себя, как раздался под землёй удар, и земля поколебалась, расступилась, и открылось подле меня огненное жерло, из которого извергались пламенные столпы, тучи дыма и показывались какие-то чудовища — то был ад!.. Между обителью блаженных и огненным жерлом ада явились два золотых столпа с висящими на них блестящими весами — то были весы правосудия. Наконец раздался, казалось, с небесного свода звук трубы, и миллионы народа возникли из земли, одни в белых покрывалах, другие в чёрных...

«Настал день правосудия! Идите отдать отчёт перед творцом в своих деяниях на земле!» — раздался голос. Миллионы двинулись, подходили к весам правосудия, и блаженных ангелы отводили в рай, а грешных чада тьмы — в ад. Богохулители, клеветники, убийцы, притеснители слабых, грабители с ужасной печатью страдания во взорах, проходили мимо меня в ад и звали меня с собою воплями, раздиравшими сердце, оглушавшими воздух. Между ними я видел и тебя, злодей: ты весь был облит кровью, и кровь на тебе горела пожаром — ты метался, как бешеный! Напрасно я отворачивался; везде ужасы поражали мои взоры! Я плакал, страдал ужасно, и отовсюду адский хохот был мне ответом. С другой стороны начали проходить мимо меня блаженные в лучезарных нарядах — они шли в рай. Между ними я видел Джембулата... «Я тебя прощаю, и да простит

тебя бог!» — сказал он, проходя мимо меня. Я потупил глаза, я не мог встретить его взора, хотел броситься к его ногам, но ужасное чудовище схватило меня и повлекло в ад; я загорелся от его прикосновения, силился призвать имя бога на помощь и — пришёл в память. Нет! То был не сон, а изображение ужаса, какой нас, грешных, ожидает там, где мы должны отдать отчёт в наших преступных делах! О, как дорого заплатил бы я, если бы мог возратить себе прежнюю чистоту моей совести. Но нет! Я уже слишком далеко зашёл».

Раскаяние терзало несчастного; невыразимая тоска тяготила его. Он дрожал; голос его был дик и страшен. Канлы трепетал. «Но ты не должен более попираť земли, тобою обесславленной; твоё дыхание не должно более заражать воздуха!» — воскликнул убийца. В его руках очутился роковой кинжал. Злодей исполнил второе убийство. «Лучшего дела я уже не мог совершить на земле!» — произнёс он и, шатаясь, скрылся во мраке.

* * *

Вечернее солнце тихо догорало на закате; слабые лучи его розовой тенью разливали по снежным тучам облаков, медленно носившихся над горами, и чудной краской одевали их. Перед знакомым нам домом, в ауле князя-старшины жанинского поколения, забавлялся четырёхлетний мальчик в богатом наряде. В руках его был кинжал, которым рубил он дыни, и каждый раз, когда удачно рассекал их, то громко вскрикивал: «Так разрублю я голову убийцы папеньки!» Молодая кровь в нем кипела — кровь сына, обречённого на месть. К нему подошли мужчина и женщина. «Маменька! Вот так рассеку я череп убийцы папеньки!» — вскричал маленький воин, раздваивая одним ударом арбуз. Женщина печально улыбнулась и поцеловала мальчика. «Милый сын! Он оправдает своё имя», — сказала она, и на её глазах навернулись слёзы воспоминания. Кто была она? Знаменитая героиня жанинская, а мальчик — сын её от Джамбулата, коварно зарезанного; раннее чувство мести в ребёнке утешало мать.

«Твой ранний Ахмен думает, что и череп так легко рассекает, как арбуз, но бывают черепы очень крепкие», — заметил мужчина и нахмурил брови, как будто ранняя склонность к отмщению за отца не понравилась ему в ребёнке. Кто он был? Убийца знаменитого Джамбулата!

Время всеильно. Прошли годы. Тембулат, обогранный священной кровью друга и кровью Канлы, долго скитался, преследуемый совестью. Он объявил, что Джамбулат убит неизвестно кем в набеге, тело его привёз домой и с глубокой печалью предал земле со всеми обрядами, совершил и поминки и годовую по нём тризну; соорудил над прахом каменную гробницу и мраморный памятник поставил на дороге, недалеко от

гробницы, чтобы прохожие воссылали мольбы о покойнике. Несчастливая вдова погибшего воина не была уже та женщина, которая твёрдостью характера некогда удивляла народ, которая считала себя лишённой слёз: она плакала неутешно день и ночь; её рыдания раздавались в утренние и вечерние часы над могилой супруга. Так проходили годы. Убийца также плакал, и может быть, его слёзы были слезами горького раскаяния, а не притворства. Она носила, разумеется, траур, даже и по прошествии обыкновенного времени года, и никогда не хотела снимать его. Тембулат также не снимал с себя траура. Вместе проливали они слёзы, и обоюдная горесть сближала несчастную вдову и нечестивого убийцу. Она уже не находила на земле ни утешения, ни покоя, но злодей сделался для неё необходимым: он рассказывал ей замечательные случаи из жизни её супруга. Тембулат заслужил её доверие, что было легко ему тем более, что он ни словом, ни видом не напоминал княгине о прежних своих чувствах к ней. Может быть, он и сам думал, что раскаяние и горесть, которые сильно его тяготили и угнетали, потушили в нём первую любовь. И так прошли четыре года. Наконец время снова воспламенило затаённую в его груди искру любви, и он решился соединить судьбу свою с судьбой несчастной вдовы. Избрав удобный случай, он открыл княгине с горестной убедительностью, что Джембулат, умирая, заклинал его именем дружбы посвятить ей остаток дней своих. Понять его было легко. Она заплакала, но исполнить последнюю волю покойника было необходимо, и по прошествии четырёх лет княгиня стала женой убийцы Джембулата. Всё ещё не переставала она оплакивать прежнего мужа; убийца делил её горесть и тем успел привязать её к себе, по крайней мере, признательностью. Порой ему были тяжелы её слёзы, и теперь, когда она поцеловала сына и заплакала, в его душе вспыхнуло негодование, какого не обнаружил бы он, если бы небесная казнь не висела над его преступной головой. Несчастливая княгиня заметила его негодование и с грустью в сердце отошла в сторону, чтобы дать волю своим слезам...

Вдруг поднялся сильный вихрь и быстро прикатил к ногам убийцы роковое для него растение — перекасти поле. «А, божий вестник! Опоздал, голубчик, опоздал!» — сказал он громко и захохотал, как безумный. Да, он обезумел и, забыв всё, назвал убийцу Джембулата.

Признание сумасшедшего пронзило ядовитой стрелой истерзанное сердце бедной женщины. Слёзы брызнули из её глаз дождём: невольное рыдание вырвалось из груди... Она прижала в своих объятиях сына и возвратилась в дом в сильном волнении. Безумный муж последовал за нею и думал утешать несчастную густой своей любовью. Она была безмолвна. Вихрь снова поднялся и понёс перекасти-поле. Княгиня содрогнулась. «Божий вестник!» — проговорила она, и убийственный кинжал очутился

в её руках... Тлевший в камине огонёк отразил блеснувший клинок кинжала над погруженным в гробовой сон убийцей!..

Прошла ужасная ночь, наступившее утро было бурно, под небом волновались тучи, словно море в ненастную погоду, взошло солнце, и кровавое море разлилось на восточном небе. Женщина, высокая и стройная, в чёрном наряде, вышла из мрачного оврага, покрытого вековым лесом. На лице её отражалось глубочайшее уныние, тоска, горечь, ужасы отчаяния, презрение к жизни и людям. Она взошла на вершину холма, увенчанного несколькими каменными гробницами, и поставила подле одной из них мальчика, которого принесла на холм на своих руках. «Мой друг! Остайся здесь — за тобой придут! — сказала она грустно и прибавила тихо: «Когда меня не станет», — ужасная тоска выразилась в её взорах, устремлённых на мальчика, беззаботно смотревшего на мать. «Счастливые лета!» — произнесла женщина и пошла в гробницу, но остановилась у самого входа и взглянула ещё раз на сына. Она подняла руки к небу и сказала: «Боже! Несчастная мать поручает тебе невинного сироту!» Её положение в ту минуту представляло страшную, но трогательную картину: сильный ветер развеивал её длинные кудри и чёрное покрывало; лучи выглянувшего из-за туч солнца падали прямо на её лицо, страшно измученное, но довольно спокойное; её взоры выражали неизъяснимую тоску и падали на бедного ребёнка. «Боже! На земле мне некому вверить сироту. Тебе поручаю его!» — произнесла она и вошла в гробницу.

«Родители мои! Несчастная ваша дочь пришла просить у вас покоя. Она, бедная скиталица, найдёт, наконец, здесь спасительный покой. Кто властен над собой, кто может без трепета располагать жизнью своей, тот и в несчастьи находит залог утешения. Боже! Прости преступницу...» Она вынула убийственное оружие... Но тут раздался за гробницею пронзительный крик мальчика. Несчастная женщина, влекомая материнскими чувствами, бросилась из гробницы, и её глазам предстала ужасная картина: голодный волк готов уже был растерзать её сына. Опасность возвратила истощённые силы; кинжал был в её руках, она бросилась на зверя и заколола его, схватила сына и нежно и со страхом осмотрела его.

«Я не успела ещё поставить ноги в гроб, как бедный, беззащитный сирота едва уже не сделался жертвой зверя. А что будет с ним, когда меня не станет? На свете есть звери не голодом, но страстями влекомые к преступлениям... На свете есть люди-звери. Нет! Я должна жить для сына: само провидение вызвало меня из могилы для сохранения его жизни... Но жизнь? Она будет для меня тяжким бременем, мучительным упреком совести... Жизнь моя не нужна мне более, но она необходима для сына, и я покоряюсь, боже, твоей воле».

Читатели! Вы узнали её? К несчастью, обыкновенный порядок дел в нашем мире не чужд зла. Но утешимся. Высочайшая премудрость невидимою рукою, рано или поздно, наказывает злодеяния. Она казнила и убийцу Джембулата, а орудием справедливой казни избрала знаменитую жену его.

Наезд Кунчука

Верстах в пяти от нынешнего Павловского поста в шалаше толпа черкесской молодёжи беззаботно веселилась и громко пела песню, порой заглушаемую плеском воды.

«Красавицы гор на порогах саклей за рукоделием поют про подвиги храбрых. На крутых берегах кипучей Лабы питомцы броней выют арканы...» Вдруг вблизи раздался чей-то голос. Певцы примолкли, вслушались. Кто-то напевал известную битвоописательную песню Казбека, которую суеверные черкесы почитали зловещею.

«Пойдите и узнайте, какая это собака подошла к нам с таким зловещим воем?» — с досадой воскликнул старшина, но незванный гость был перед ним.

«Да умножатся ваши богатства! Могу ли к вам войти? — сказал незнакомец, прыгнув с коня и останавливаясь на пороге шалаша. — Впрочем, — прибавил наездник гордо, — на мою скромность можно положиться — на мне ещё никто не видел прожжённой шапки, я дворянин!»

«Гостеприимство живёт в шалаше, но советую тебе впредь не петь зловещие песни, подъезжая к охранителям, которые с часу на час ждут возвращения своих из наезда!» — сухо отвечал старшина.

«Я не приехал сюда учиться, что мне делать, а что не делать! А о наездниках ваших знаю более, чем вы сами, и могу подсказать, что они не привезут и аршина ткани, не пригонят и жеребёнка. Да что таить, не за тем и поехали! Прекрасная Гюль, быть может, давно в объятиях борода-того Ногайца, и похитить её дело невозможное, дерзкое! Впрочем, Кунчук сам создан из дерзости, и как ему удалось пригнать табун Шамхала из-за Казанища, схватить пленника из Джеметея, то он готов на хвосте черта переплыть через Азовское море».

В те времена наездничества Черкесия блистала красавицами, как небо звёздами в ясную ночь, а наездники, как метеоры, летали всюду, оставляя за собой кровавые следы. Между тогдашними красавицами сияла, как полная луна среди звёзд, прекрасная Гюль, а между наездниками, подобно молнии, сверкал знаменитый Кунчук — на них-то намекал незванный гость.

Он бы долго ещё болтал и хвастал своим всезнанием, но старшина отвёл его в сторону и долго разговаривал с ним тишком. Наконец приезжий гость сел на коня и прямо въехал в воду.

«Бери выше! Бери выше! Быстрина снесёт ниже раскопа — рыбам будет праздник», — кричали ему с берега, но отважный наездник, не слушая советов, вздёриул ноги выше потника, надел шашку на шею, приподнял саблю и, махнув рукой, поплыл напрямик. Волны бегали, плескались вокруг него, привычный конь грудью резал глубину вод, струи увивались за ним, как раздражённые змеи, пена брызгала, и вот ещё сажень — и раскоп — гибель неминуемая; но удалой наездник ударил нагайкой по голове лошадь, она взвилась и в три скока вынесла бесстрашного на противоположный берег. Толпа черкесов ахнула от удивления.

Незнакомец спрыгнул с седла, закинул поводья, засучил рукава, выжал воду из гривы лихого скакуна, обтёр ему глаза и лоб. Как будто чувствуя нежные заботы своего господина, конь играл и увивался около наездника. Наконец тот сел опять в седло, помчался вскачь, осадил, и, как молния в тёмной туче, исчез в чаще леса.

«Старый волк!» — проговорил старшина, возвращаясь в шалаш. «Лета покрыли голову сединами, а он ещё не перестаёт скитаться одиноко, как вервь в осеннюю пору», — подхватил другой.

«Пусть бы век свой скитался, что нам за дело, да к чему было перебивать наше пение зловещими словами!»

«Говорит, что у него лошадей увели из конюшни и след потерял в лесу, а потому, завидев наш огонёк, приехал узнать, кто мы такие. Но бог с ним, лучше запойте, дети, весёлые песни. Прошла пора моей молодости, но сердце ещё так и бьётся от радости, когда услышу сладкий голос отваги».

Чёрные тучи висели над Азовом, порой вырывались из них пламенные молнии, накрапывал дождь, глухо рокотал гром. Но город тихо засыпал; огоньки один за другим погасли, и только оклик часовых на стенах крепости прерывал его могильное безмолвие, наконец, и то стихло.

Сверкнула молния — и видно стало, как один из часовых спускал в ров лестницу. Сверкнула ещё — и вот он уже ползёт осторожно, как змея. Яд змеи в миллион раз менее губелен и менее гнусен измены!

За холмами, вдали от крепости, сто человек панцирников лежат, притаившись к земле. За ним десять пеших держат их коней. Двадцать коней стоят в готовности для защиты. Кто-то подполз к одному из ста, пошептал ему на ухо, и сто броней заскользило по траве, тихо, так тихо, что сама трава не слышала шелеста и звука кольчуг.

На краю города возвышался дом паши, обнесённый высокой стеной

из сырцового кирпича. Лишь болтовня стражи на дворе нарушала глубокое молчание.

«Зачем нас держит здесь паша, как цепных собак? — спросил новобранец товарища своего, старого янычара. — Кого боится и от кого мы оберегаем его?»

«Держит затем, что может он это делать. Нас, детей бекташа, мало здесь, а силён он ногайцами. Чего боится? Боится своей совести: отнял жену у Кунчука, того самого черкеса, что сдружился с ним, а тот не бык, чтобы вытягивать шею свою под ярмо».

«Неужели отнял?.. да как это случилось?»

«Случилось очень просто: паша был в гостях у соседа Кунчука, где на ту пору справляли зиафет, а на зиафете у них, как у неверных, девушки пляшут и веселятся при мужчинах — была и прекрасная черкешенка. Красотка бросилась в глаза паше. «Кто она?» — «Невеста Кунчука», — ответили. — «Что стоит?» Громкий смех был ответом, паша покраснел, но знай, Бурабек, где смеются, там и плачут, где не продают явно, там торгуют тайно, и на этот раз вышло так же. Воз бархата, парчи, сукна и всякого добра тайком перешёл из кладовой паши в лачугу отца красавицы, и однажды поутру, когда его не было дома, входит к дочери черкес и говорит шёпотом, что Кунчук требует скорого соединения, что отец её — скряга, рад будет, если она убежит к жениху и тем избавит его от издержек свадьбы. Видишь ли, у этих собак обычай воровать жён: от похищенного мяса у волка делается оскомина. Жених-то был молодец, и красотка только и ждала словечка, чтобы броситься в его объятия. День этот казался ей длиннее самой длинной ночи, всё посматривала на солнце, наконец, к её радости, свет потух... как моя трубка... дай-ка огня!.. Когда ночь покрыла землю, тогда человек десять подъехало к терновой ограде дома, где жила красавица, она вышла к ним навстречу и через несколько минут уже мчались по степи. Сердце у неё билось от радости, что скоро увидит милого, и ты думаешь, что увидела? Нет, брат, если ты это думаешь, так ты глуп; не жениховы то были посланцы, а наши ногаи, от паши, и с ним тот черкес, что обманул её. Он надеялся сделаться любимцем паши и разжиться первым богачём Азова, и ты думаешь, что он разжился и вошёл в милость? Нет, братец, паша его просто выгнал и на ропот изменника чуть-чуть не зажал горло верёвкой. «Ты вчера продал свою госпожу, а завтра и меня продашь, если кто посулит тебе много золота, знаем вас!» — сказал паша. Изменник притих, как овечка, и уже служит не при нём, а в страже, вот там на часах стоит».

«Туда и не принимать бы его, а не то, пожалуй, и город продаст. Пусть бы отворил врагам двери гарема паши, никто и слезинки не проронит; но если город выдаст...»

«А нам что за дело? — прервал его старый янычар. — Если б и Стамбул сгорел, то у меня ни одной рогожи не сгорит. Однако жаль девушку! Я стоял на часах и подсмотрел: паша к ней, а она грозит кинжалом и клянётся зарезаться, если он шаг к ней подступит. Ведь она волчьего племени. Да и паша сродни им — ногаец и, говорят, уже успел уласкать красотку; через неделю, сказывал садовник, будет свадьба. Но мне что-то худо верится, да и она-то бледна, как смерть, а смотрит чërтом; тоскует, не спит; да посмотри, вон уже за полночь, а она отворяет окно...»

С последним словом старый янычар зевнул, но уста его более уже не сомкнулись: из-за угла визгнула пернатая стрела черкеса и угодила прямо в рот рассказчика. Изрубить стражу в куски, разбить двери гарема — было делом одного мгновения для отважной шайки удальцов.

Прекрасная Гюль очутилась в объятиях Кунчука. Черкесы проворно хозяйничали во дворце паши и прибирали всё к рукам, Кунчук пошёл искать пашу, чтобы отомстить за бесчестье. Черкес, обоим изменивший, следовал за ним.

«А, жирный пёс, — с яростью воскликнул Кунчук, — ты не умел ценить моей дружбы, так умеи почувствовать злобу мою!» — И обнажил свою саблю.

Паша гордо взглянул на него.

«Мы с тобой ещё успеем разделаться, но прежде мне надо отдать долг за дружбу этому изменнику, — сказал паша, указывая пистолетом на черкеса, следовавшего за Кунчуком. Грянул выстрел — и тот покатился. — Вот награда ему за услуги, а теперь твоя очередь...» — Другой пистолет блеснул в его руке; но уже было поздно — сабля Кунчука поднялась над черепом паши, и он повалился к ногам мстителя.

Между тем тревога кипела в городе, подождённом с другого конца. Наездники с Кунчуком и невестой его, пленницами гарема и с богатой добычей спустились по лестницам с крепостного вала в поле. Товарищи поскакали к ним с лошадьми, и удальцы умчались в степь. Один Кунчук остался на кургане любоваться картиною дела, им совершённого.

Волны пламени, гонимые порывами сильного ветра, разбегались шире и шире по городу, обхватывали строения, вились и змеями исчезали в клубах чёрного дыма. Взрывы пороховых погребов потрясали землю, взбрасывая под небо горы камня. Кунчук любовался делом своей мести!

А между тем гроза на небе свирепела, гремели громы: казалось, раскатами своими говорили ему: смирись! Но сердце Кунчука не знало смирения.

«Гуляй, душа, упивайся кровью врагов! Славная месть! Славная о ней будет память!» — проговорил он со злобной радостью, надвинул шапку на глаза. Удары нагайки, как град, посыпались на бока коня, и тот, быстрее вихря, умчал его в степь и соединил с отважными удальцами...

Кунчук наконец приблизился к берегам родной Кубани, и когда вершины прибрежных деревьев показались взорам наездников, выстрелы и радостные песни огласили эти безмолвные места. Предводитель взмахом руки остановил людей.

«Вот и родные берега Кубани! Мы теперь дома. Остановимся же здесь и отдохнём, а не то, пожалуй, скажут, что мы бежим, не оглядываясь», — сказал Кунчук.

Наездники в ту же минуту соскочили с коней, стреножили их мигом, выстроили шалаш для красавицы, другой для предводителя и старались бодростью и весёлостью превзойти друг друга.

Один только седой наездник не слезал с коня, угрюмо поглядывал на окружающих его.

«Товарищи, можете отдыхать спокойно: Волк нас будет стеречь, а глаза у волка, говорят, зоркие», — сказал один жанинский наездник, играя словами и лукаво поглядывая на конного товарища, которого звали Волком. Седой наездник вспыхнул: «Не шути со мною, молокосос, а то выйдет шутка мыши с котом... гордость вздула у вас, жанинцев, нос выше лба, так что и глаза не видят дальше его конца. Мы разорили целый город и возвратились, оставив всюду кровавый след. Как не видите погони на хвостах, так и думаете, что неприятель спит непробудным сном!»

«Залейте ему горло холодной водой, не то я зашью его уста свинцовой иглой! — отвечал вспыльчивый жанинец. — Или лучше завяжите ему глаза, заткните уши, чтобы он мог отдохнуть, а то ему, бедняжке, всё чудится погоня и слышится топот неприятельских коней».

Шутки превратились в угрозы и, по обыкновению, должны были окончиться оружием, но Кунчук предупредил кровавую сцену.

«Полно тебе, Волк, беситься, когда дети шутят!»

Седой наездник, ворча что-то про себя, отъехал в сторону, стреножил коня и лёг отдыхать, не сняв, однако ж, оружия.

Ночь миновала спокойно и тихо. Солнце взошло на горизонте и вскоре скрылось за густым туманом. Один только седой наездник давно уже бодрствовал, а все прочие его товарищи, утомлённые невероятными трудами набега, ещё спали. Вдруг он вздрогнул, проворно избежал на ближний курган, но леса скрывали и самые ближайшие предметы; он припал к земле и долго прислушивался. «Это погоня!» — воскликнул он и бросился будить товарищей. Все вскочили, но сон усталого не скоро оставляет. Кто бросился к оружию, кто к лошадям, крик, беспорядок царствовали в стане отважных наездников. «Что же ты не спишь? — сказал Волк вчерашнему насмешнику. — Право, мягкая трава — самая лучшая постель!» Вот погоня настигла, ударила, наездники кое-как успели со-

браться, но многих из них уже не доставало — неприятель рубил, черкесы падали, пал и Волк. Кунчук не терял присутствие духа, храбро отбивался, заменяя личным мужеством малочисленных своих удалцов. Он послал невесту и пленниц к переправе, но было уже поздно, — неприятель, ещё с вечера приметя расположение наездников, отделил часть войск к берегу Кубани, наперерез, захватил там караул, беспечно ожидавший возвращения товарищей, и овладели переправой.

Кунчук, завидев опасность для невесты, кинулся туда, где жребий крововой сечи готов был предать в руки врагов его любезную, и там закипела страшная резня... Число бесстрашных наездников с каждой минутой уменьшалось, а толпы врагов всё росли и теснили храбрых. Черкесы не хотели уступать им, составили из тел их завал, дрались с отчаянием и один за другим гибли. Судьба берегла одного только Кунчука и его невесту. Напрасно он умолял её оставить его, отдаться неприятелю, она не хотела удалиться, хотела умереть прежде своего любимого, хотела защитить его...

«Мои товарищи все пали до единого, как богатыри, и слава им!.. Я не могу тела их унести с собой, но умереть могу... А ты кому будешь принадлежать тогда?.. Спасёмся!» — вскричал наконец отчаянный любовник, одной рукой обхватил её стан, в другой — заблестала страшная сабля, и, как лев разъярённый, прынул на толпы врагов. Изумлённые, расступились. Кунчук на берегу — внизу кипят, бунтуют пенистые волны глубокой пучины, а позади мечи неистовых врагов — смерть или плен — и он с разбега бросился с обрыва... Бездна разверзлась, брызги и волны, — по-прежнему бурно пенясь и клооча, потекли обычным путём, схоронив в холодной груди своей двух любовников.

С тех пор крутой мыс, который виден с восточной батареи Павловского поста вверх по течению Кубани, черкесы называют Кунчуков спуск.

Султан Казы-Гирей

Литературное наследие современника и сослуживца Хан-Гирея Султана Казы-Гирея невелико. До нас дошли только два произведения — «Долина Ажитугай» и «Персидский анекдот». Родился С. Казы-Гирей в 1808 году. Он рано лишился отца и был отдан на обучение в аманатскую школу. В 1826 году С. Казы-Гирей поступил на воинскую службу. Будучи сначала рядовым, а затем унтер-офицером 7-го карабинерного полка, он принял участие в русско-иранской войне 1826—1828 годов. Вместе с ним в сражениях участвовали С. Хан-Гирей, Лев Пушкин, М. Пущин и другие.

В 1830 году С. Казы-Гирей поступает на службу в Кавказско-горский полуэскадрон. С 1853 года он командует Хоперским полком Кубанского казачьего войска. С 1859 года Казы-Гирей работает в главном штабе Кавказской армии. Умер Казы-Гирей в 1863 году.

Повесть С. Казы-Гирея «Долина Ажитугай» была опубликована в 1836 году в первом томе журнала «Современник», издававшегося А. С. Пушкиным. В послесловии к повести, как вы уже знаете, великий поэт восторженно писал: «Вот явление неожиданное в нашей литературе. Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей: черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке».

«Долина Ажитугай» имеет форму путевых заметок. В ней рассказывается о дорожных впечатлениях молодого черкеса-офицера. Рассказ ведётся от первого лица. Через восприятие лирического героя автор предлагает свои чувства и раздумья о судьбах родного края и народа, о прошлом и будущем соотечественников.

Во втором томе «Современника» (1836 год) был напечатан «Персидский анекдот». В нём повествуется о драматических событиях во дворце жестокого иранского шаха Тахмаза. Шут, рискуя жизнью, сумел развеселить капризного шаха и тем самым избежать расправы благодаря своему уму и находчивости. Симпатии автора всецело на стороне униженного, бедного, но мудрого шута.

Произведения Султана Казы-Гирея интересны своей национальностью и являются значительным вкладом в адыгскую литературу.

Долина Ажитугай

(Печатается в сокращении)

К северу за Кубанью расстилается роскошная долина, усеянная жатвами и бачхами казачьих станиц Невинномысской и Барсутцкой. Эта равнина начинается от горы Ару-киз, названной русскими Невинною, и оканчивается у станицы Погорельской, в расстоянии до пятидесяти вёрст друг от друга, гладкой, хоть шаром покати, как говорится, только в некоторых местах с непримечательными возвышениями, посреди которых поднимается высокий бугор дурткул, то есть четырёхугольный — в виде дома. Равнина от юга к северу окружена невысоким хребтом гор, и между ними возвышается гора Жегерлик, покрытая с севера дремучими лесами, а с юга — роскошною травой. На этой высоте чуть блестела тюрьма Темнолесской крепости — гроза черкесов; упираясь с запада в утёсистые высокие берега Кубани, эта долина чрезвычайно обманлива: смотришь и

не веришь глазам своим, потому что при малейшем ветре она кажется зелёным волнующим морем; и тут-то в 1815 году была кровопролитная битва между горцами и русскими. Поверхность утёса, с которого я смотрел на окружавшие меня предметы, гораздо обширнее всех. Эта равнина, называемая туземцами Казма, начиная с востока до устья Нижига, или от Ажитугая, идёт к западу, к реке Уруп, по прямой линии и простирается к северу с лишком на сто верст, не будучи ничем пересекаема. Как пастбище для овец, она во всякое время дышит жизнью, покрытая богатыми стадами, табунами и охотниками; на ней столько же диких коз, сколько ручных, много других зверей, особенно волков и лисиц; в этот раз я ничего не нашёл в ней замечательного — только видны были печальные следствия губительной войны.

Солнце высоко сияло над моей головой! Мне нужно было пуститься в путь, и я простился с великолепной природой! Надежда утешала меня в этой разлуке — и я, пожелав пленительным равнинам Ажитугай и Казма быть лучше и лучше, поехал дальше.

Проехав тридцать вёрст, я, признаюсь, замечтался так, что и не заметил этого расстояния. Всё говорило мне о дикой и воинственной жизни здешних обитателей — и как странно попасть вдруг в подобные места прямо из столицы; видеть вместо правильных улиц необъятные степи и вместо щёгольских экипажей какого-нибудь удалого горца со своим верным конем. Да, и моему не европейскому уму представилась эта странная, мятежная жизнь, и мне пришли в голову теории образования народов, о которых так много толкуют. Странно! Давно ли я сам вихрем носился на коне в этом разгульном краю, а теперь готов представить тысячу планов для его образования. Но это дело не наше, и нам остаётся только желать лучшего — что будет, то будет, а моим спутникам совсем не до теорий: они запрыгали при виде ночлега, а я как будто упал с неба: очнувшись, я бросил усталый взор мой вдаль и вдруг увидел новое зрелище, которое совершенно поразило меня: думал ли я, десять лет тому назад, видеть на этом месте русское укрепление и иметь ночлег у людей, которым я грозил враждою, бывши ещё дитятею. Все воинские приёмы, к которым я принаравливался во время скачек на этом поле, всегда были примером нападения на русских, а теперь я сам стою на нём русским офицером.

Прекрасный июньский вечер очаровал мои взоры, и чувства снова возвратились к природе. Последние лучи дневного светила спорили с сиянием русского штыка, как будто желая помрачить его победоносную славу. Трёхгранный булат словно вспомнил слова великого своего вожда: пуля дура, а штык молодец — и, как бы уверенный в справедливости его слов и в бессмертности своей славы, гордо сверкал пред потухающими лучами. Наконец и на этот раз, как и всегда, он победил соперника. Солнце,

нисходя, скрылось за горою: а штык всё ещё светился моими глазами; но оно спряталось только от моих взоров, не сводя, впрочем, своих пламенных лучей с вершин снежных громад величественной природы очаровательного Кавказа, которых девственные снега, как бы пристыженные нескромными лучами, загорелись румянцем блистательного заката. Очарованный прелестными картинами моей дикой родины, с которою давно не видался, я невольно и в совершенной забывчивости смотрел на неё: так заманчиво и разнообразно она стояла предо мною; я едва верил глазам, что я на Кавказе; мне казалось, будто сижу в креслах Петербургского театра, увлекаясь прелестными декорациями волшебной оперы; но кто видел великолепие природы, тот не захочет смотреть на рабское подражание искусства...

Султан Адиль-Гирей

К числу адыгских писателей-просветителей относится и Султан Адиль-Гирей. Родился он в 1821 году, образование получил в Петербурге. В возрасте 18 лет Адиль-Гирей поступил на военную службу в русскую армию. Служил в Кавказско-горском полуэскадроне, возглавлял милицию в Аварии, был адъютантом главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом, командовал разными воинскими подразделениями, служил в Варшаве и Петербурге. Вернулся на Кавказ уже в 70-х годах, продолжил служить в Тифлисе в чине генерала.

Первые художественные произведения Адиль-Гирея появились в печати в 40-х годах XIX века в газете «Кавказ», сыгравшей в своё время прогрессивную роль, так как она печатала многие произведения национальных писателей, пробуждала интерес у русских читателей к жизни и к людям Кавказа.

Художественные произведения С. Адиль-Гирея своеобразны. «На первый взгляд, в них как будто не видно ничего интересного и привлекательного. И объясняется это обычностью, повседневностью лежащих в основе сюжета событий и факторов, — справедливо отмечает литературовед А. Х. Хакушев, — этому соответствуют и средства, которыми автор показывает жизнь. Просветителя привлекают раздумья». Эти слова полностью относятся к рассказам С. Адиль-Гирея «Сулейман Эфенди», «Жена черкеса», «Рассказ аварца» и другим.

В первом из них автор прослеживает историю разрыва Сулейманом Эфенди дружеских отношений с имамом Чечни и Дагестана Шамилем. В рассказе автор создал образ честного, принципиального и верного своим идеалам Сулеймана Эфенди, служившего Шамилю верой и правдой до

тех пор, пока тот не стал пренебрегать интересами народа. Причину своего ухода от Шамиля к русским он сам объясняет так: «С прискорбием я заметил, что по мере возвышения своего Шамиль начал забывать счастье народа, судьбу свою ему вверившего».

Султан Адиль-Гирей продолжил традиции классики русской литературы в изображении характера черкешенки, её нравственной чистоты и духовной силы. В рассказе »Жена черкеса» Адиль-Гирей всеми своими помыслами на стороне преследуемой черкешенки. Это простая женщина, не богатая и не родовитая. Иначе князь не решился бы посягнуть на её честь. Но для героини рассказа превыше всего оказывается нравственная чистота, верность любви. Ради этого она готова жертвовать жизнью. Посланцу князя она заявляет: «Умру, но бесчестьем своим не потревожу в могиле моих родителей». Когда посягнувший на её честь князь называет её несчастной, женщина с гордостью отвечает: «И несчастная, и убийца, но не бесчестная жена!»

Рассказ «Жена черкеса» — гуманистическое произведение, в котором с авторским сочувствием показаны тяжёлое положение женщины в черкесском патриархально-феодальном обществе.

Султан Адиль-Гирей умер 30 декабря 1876 года в Тифлисе. По свидетельству современников, тело его было перевезено в Адыгею, в аул Тлюстенхабль, и похоронено там на родовом кладбище.

Жена черкеса

(Сцена из черкесской жизни)

— Ну, Пшимаф, хоть убей меня, я ничего тут не понимаю! Уж не шутка ли это нечистой силы? Иначе как объяснить его постылое поведение... Ведь не впервые же нравится ему женщина, но и прежние не сразу бросались к нему в объятия; известное дело: сначала поупрямятся, поплачут, а там... да что тут толковать долго: он получше нас с тобою должен знать длинноволосый пол.

— Казалось бы так, Ислам, да видишь ли, эта женщина не из таких: её не трогают ни нежности, ни обещания, ни угрозы. Вот уже четвёртый месяц, как вижусь с нею почти каждый день, и на все мои предложения у неё один и тот же ответ: «Умру, но бесчестьем своим не потревожу в могиле прах родителей моих». И она говорит это не с видом умоляющим и не со слезами, а с твёрдостью, приличною лишь мужчине и которая отнимает у меня всякую надежду на успех...

— И ты прямо сказал это князю?

— Только вчера.

— И что же он?

— Сначала дико посмотрел на меня, заставил повторить и..

— Ну?

— И закрыл руками лицо, и я видел сквозь пальцы катившиеся из глаз его слёзы...

* — И ты, смотря на эти бабьи слёзы, тоже расчувствовался и, вместо того чтобы сказать ему, что подобная слабость унижительна для его имени, стал хныкать и сам — не так ли? Стыдись!

Послышались шаги, отворилась дверь, и сам князь вошёл в комнату. Он был задумчив, страшно бледен, и дико блуждающие его глаза выражали какую-то отчаянную решимость.

— Мне что-то нездоровится... Подите к гостям и извините моё отсутствие, — сказал он отрывисто любимым своим уздеям. Пшимаф и Ислам разостлали принесённую для князя постель, раздели его и вышли вон.

Было за полночь, когда князь, не смыкавший глаз во всё время, встал, оделся слегка, взял пистолет и, накинув бурку, вышел из сакли. Раза два прошёл он по спящему аулу: всё было тихо. Вдруг он остановился, сердце сильно забилося в нём, и взоры его с дикой радостью устремились на слабый свет, пробивавшийся сквозь скважины дверей одной сакли. В этой сакле, просто, но опрятно и со вкусом убранной, близ очага, в котором тлел огонёк, стояла колыбель со спящим младенцем, а подле сидела молодая, восхитительной красоты женщина. Белая кисейная рубашка, нескромно выказывавшая очаровательные формы, небольшая, обложенная широкими галунами, бархатная шапочка, из-под которой вились длинные волосы и в беспорядке рассыпались по снежным плечам, шальвары из цветной материи и лёгкие чуваки, ревниво скрадывавшие прелестные ножки, — составляли весь наряд молодой женщины. Облокотясь на колыбель и поддерживая голову левой рукой, она то казалась в совершенном забытии, и только высоко вздымавшаяся грудь и частые судороги обнаруживали в ней вместе с внутренней борьбой и признаки жизни, то, выходя из этого усыпления, она с любовью и невыразимой тоской посматривала на своего ребёнка, потом с трепетом вслушивалась в могильную тишину ночи, при малейшем шелесте вздрагивала и судорожно хваталась за что-то скрытое в широком рукаве её рубашки и, успокоенная этим движением, снова погружалась в усыпление.

Кто-то тихо постучал в ставни.

— Он, о боже!.. — проговорила молодая женщина, быстро вставая и дрожа всем телом. С минуту стояла она в нерешительности, потом твёрдыми шагами приблизилась к окну и, раскрыв ставни, сказала тихим, но решительным голосом: «Войди!» Едва князь просунулся в окно по грудь,

— И что же он?

— Сначала дико посмотрел на меня, заставил повторить и..

— Ну?

— И закрыл руками лицо, и я видел сквозь пальцы катившиеся из глаз его слёзы...

‘— И ты, смотря на эти бабьи слёзы, тоже расчувствовался и, вместо того чтобы сказать ему, что подобная слабость унизительна для его имени, стал хныкать и сам — не так ли? стыдись!

Послышались шаги, отворилась дверь, и сам князь вошёл в комнату. Он был задумчив, страшно бледен, и дико блуждающие его глаза выражали какую-то отчаянную решимость.

— Мне что-то нездоровится... Подите к гостям и извините моё отсутствие, — сказал он отрывисто любимым своим уздеям. Пшимаф и Ислам разостлали принесённую для князя постель, раздели его и вышли вон.

Было за полночь, когда князь, не смыкавший глаз во всё время, встал, оделся слегка, взял пистолет и, накинув бурку, вышел из сакли. Раза два прошёл он по спящему аулу: всё было тихо. Вдруг он остановился, сердце сильно забилося в нём, и взоры его с дикой радостью устремились на слабый свет, пробивавшийся сквозь скважины дверей одной сакли. В этой сакле, просто, но опрятно и со вкусом убранной, близ очага, в котором тлел огонёк, стояла колыбель со спящим младенцем, а подле сидела молодая, восхитительной красоты женщина. Белая кисейная рубашка, нескромно выказывавшая очаровательные формы, небольшая, обложенная широкими галунами, бархатная шапочка, из-под которой вились длинные волосы и в беспорядке рассыпались по снежным плечам, шальвары из цветной материи и лёгкие чупяки, ревниво скрадывавшие прелестные ножки, — составляли весь наряд молодой женщины. Облокотясь на колыбель и поддерживая голову левой рукой, она то казалась в совершенном забытии, и только высоко вздымавшаяся грудь и частые судороги обнаруживали в ней вместе с внутренней борьбой и признаки жизни, то, выходя из этого усыпления, она с любовью и невыразимой тоской посматривала на своего ребёнка, потом с трепетом вслушивалась в могильную тишину ночи, при малейшем шелесте вздрагивала и судорожно хваталась за что-то скрытое в широком рукаве её рубашки и, успокоенная этим движением, снова погружалась в усыпление.

Кто-то тихо постучал в ставни.

— Он, о боже!.. — проговорила молодая женщина, быстро вставая и дрожа всем телом. С минуту стояла она в нерешительности, потом твёрдыми шагами приблизилась к окну и, раскрыв ставни, сказала тихим, но решительным голосом: «Войди!» Едва князь просунулся в окно по грудь,

как поражённый в самое сердце оружием, опрокинулся назад, произнеся глухим умирающим голосом: «Несчастливая».

— И несчастная, и убийца, но не бесчестная жена, не так ли? — простонала бедная женщина и без чувств пала на пол...

Сулейман Эфенди

...Расскажу тебе одно из замечательных событий, случившееся во время вторичного посещения Главнокомандующим Чеченского отряда.

Ты знаешь Сулеймана Эфенди, одного из замечательных духовных лиц при Шамиле, который им был послан в Закубанье, на место Хаджи-Магомета, чтобы восстановить тамошние народы против нашего правительства. Ты помнишь удивление и сомнение абадзехов и шапсугов при известии, мною сообщённом, о намерении Сулеймана покинуть Шамиля и предаться России. Я познакомился с Сулейманом Эфенди в день представления его Главнокомандующему, и с того времени до отъезда в Кабарду мы виделись беспрестанно.

Сулейману лет под сорок; роста он небольшого; наружность его замечательная: лицо бледное, выразительное; глаза чёрные, выражающие ум светлый, душу пылкую, испытаниями измученную... В беседе Сулейман приятен, разнообразен, откровенен и чужд этой суровой важности, которою обыкновенно так искусно прикрывают наши духовные отцы свою глупость... Он владеет увлекательным даром слова, облагороженного чистыми понятиями о вере и верным взглядом на предметы бытия человеческого. Долго находясь при Шамиле, свидетель и участник многих событий, запечатлённых в памяти народа, он с грустью понял всю тщету честолюбивых стремлений безжалостного имама своего. Вот слова его, сказанные мне на прощанье: «Я знаю, что найдётся много людей среди оставленных мною и в кругу, в который теперь вступаю, которые станут чернить поступок мой. Они или будут называть меня неблагодарным Шамилю за внимание его ко мне, или же будут подозревать агентом его среди соплеменников моих, русскому правительству покорных. Но я знаю человека и его слабости. Это редкие, сребрящие мою бороду седины вызваны не годами, но борьбою с людьми и обстоятельствами; если испытания несколько уронили в моих глазах цену жизни, зато научили меня равнодушию к опасностям и презрению к тому, что обо мне скажут люди. Из боязни к их мнению я не совращусь с пути, по которому ведёт меня голос совести и долга. Оставляя Чечню или, вернее сказать, Шамиля, конечно, я имел виды или, как говорят мои враги, свои расчёты; да и как же назвать человека, предпринимającego дело, подобное моему переселению к русским, без всяких причин к тому?»

Было время, когда я видел в Шамиле человека, избранного свыше как для поддержания и сохранения чистоты нашей веры, так и для ведения благоустройства в племенах, поручивших ему свою судьбу. Пока он вёл себя достойно доверию и своему званию и справедливостью приобретал влияние над народом, до тех пор я служил ему и телом и душой, видел в нём добровольную жертву, на которую он обрёл себя для блага своих собратий.

Он ценил моё усердие, мою преданность, приблизил к себе, подружился и облёк меня полным доверием своим. Шамиль, положив руку на сердце, не может сказать, что я когда-нибудь осквернил чувством или мыслью дружбу его ко мне до настоящего времени. Пусть хоть раз в жизни будет справедлив, отдаст полную цену человеку, который некогда готов был жертвовать собственной жизнью, чтобы продлить его дни, и тогда, уверен я, скажет он: «Сулейман Эфенди был моим верным слугой до тех пор, пока участь племён, с доверенностью предавшихся мне, была для меня священнее собственной моей участи и пока власть, обманом, хитростью и кровью купленная, не отуманила мой рассудок, не оглушила мой слух для суровых, но часто спасительных истин, внушённых дружбой...». С прискорбием я заметил, что по мере возвышения своего Шамиль начал забывать счастье народа, судьбу свою ему вверившего; на трупах лучших сынов его он стал сооружать здание своего честолюбия и приносить ему в жертву все, что видам его не льстило. И я оставил его, но не страх казни, мне угрожающей, а желание счастья дорогому моему семейству побудило меня прибегнуть под благостное покровительство русского правительства. Время покажет истину моих слов и чистоту намерений».

Умар Берсей

Первый адыгский баснописец Умар Берсей родился в 1807 году в одном из аулов недалеко от города Майкопа. В раннем детстве он был продан египетскому паше, который обратил внимание на его способности и тягу к знаниям, дал домашнее образование и отправил в Париж для продолжения учёбы. Через несколько лет Умар Берсей вернулся на родину и принял русское подданство. Находился на службе в русской армии в качестве переводчика. Уйдя в отставку, преподавал в Ставропольской губернской гимназии черкесский язык. В гимназии он занимался и подготовкой национальных кадров.

Сознавая насущную необходимость научной разработки черкесского языка, Умар Берсей занялся составлением черкесского букваря. В 1853 году ему удалось закончить свою работу над азбукой и представить её в

Академию наук. Весной 1855 года букварь черкесского языка был издан в Тифлисе. По этому букварю он и обучал черкесов родному языку.

Умар Берсей был не только лингвистом, но и писателем-баснописцем. Притчи и басни Берсея отличаются острой социальной направленностью. Характерна в этом смысле притча «Визирь и джегуако». В ней автор высмеивает визиря и прославляет природный ум и находчивость джегуако.

В басне «Лиса и волк» пишется о приключениях умной и хитрой лисы и глупого, самонадеянного волка, пролезших в сад через небольшую дыру в заборе. Лиса сообразила, что, наевшись до отвала, с полным брюхом, она не сможет уйти отсюда прежним путём. Волк, напротив, наелся вдоволь. Лиса легко преодолела все препятствия на своём пути, а волк не сумел этого сделать, и его жестоко наказал хозяин сада. Мораль басни такова: не надейся на богатство.

Басни Берсея затрагивают самые разные грани человеческого характера. Так, например, в басне «Волк, собака и лиса» повествуется о том, что собака, незаслуженно обиженная хозяином, стала дружить с волком, нападавшим на его отары. «Не пренебрегай своим другом, он может подружиться с твоим врагом» — такова мораль басни.

Берсей в своих произведениях высмеивает зазнайство («Два петуха»), пустословие («Юноша»), глупость («Женщина и курица»), жадность («Кузнец и лекар»). Автор утверждает такие человеческие ценности как ум, находчивость, сообразительность.

Для обличения людских пороков Берсей умело пользуется аллегорией и острой сатирой. Басни Умара Берсея народны. Их народность — в точном отражении национального характера. Автор смотрит на окружающую действительность глазами человека из народа. Его тексты тесно связаны с устным творчеством черкесов. В них проявляется насмешливый взгляд на вещи, характер национального юмора. Черкесские пословицы и поговорки служат Берсею основой морали его басен.

Персонажи зверей близки образам животных в черкесских сказках. Лисы и волки, собаки и петухи обрисованы автором в соответствии с народными понятиями и представлениями об этих животных.

Повествование в баснях Берсея ведётся от автора. Оно динамично и лишь иногда прерывается репликами персонажей. Главную мысль басни Берсей выражает в её концовке в виде морали, а ещё чаще предоставляет самим читателям сделать вывод.

Предельно лаконичные тексты басен отличаются простотой и ясностью языка. Это сочетается с глубоким содержанием и народной мудростью.

Визирь и джегуако

Однажды визирь призвал к себе джегуако и велел составить список глупцов, живущих в ауле. Джегуако первым в списке записал имя визиря. Визирь рассердился:

— В чём ты видишь мою глупость? — спросил он с гневом.

Джегуако наклонил голову и сказал:

— За большие деньги ты купил слугу. Потом дал ему несколько тысяч и отправил в Индию за покупками. Твой слуга не имеет в нашем ауле ни родственников, ни дома, ни семьи. Как ты его найдёшь, если он останется с твоими деньгами в другой стране?

— А если он вернётся? — спросил визирь.

— Если вернётся, то в списке глупцов я сотру твоё имя и запишу имя твоего слуги, — ответил джегуако.

Женщина и курица

У одной вдовы была курица. Каждый день она носила одно золотое яйцо. Женщина подумала, что если она будет давать курице корма в два раза больше, то курица будет носить по два золотых яйца в день. Вот и стала так кормить женщина свою курицу.

Да только у курицы лопнул зоб, и она сдохла.

Волк, собака и лиса

Однажды встречается лиса дружно идущих вдаль волка и собаку. Подошла к ним лиса и отдала «салам», а потом сказала:

— Мне нравится, что вы стали друзьями, но никак не пойму, как же вы могли подружиться?

— Тогда послушай, — сказала собака. — Вот этот волк, которого ты видишь вместе со мной, вчера ворвался в нашу отару и утащил одного ягнёнка. Я погналась за ним, но догнать не смогла. А когда я вернулась, чабан сильно избил меня. А ведь я была не виновата... Вот после этого и подружилась с его врагом.

Лиса и волк

Лиса и волк были друзьями. Они вместе отправились в путь и наткнулись на сад. Сад был огорожен, лиса и волк стали искать лазейку и в одном месте нашли её. Лазейка оказалась широкой для лисы, но узкой

для волка. Лиса свободно прошла в неё, а волк пролез с трудом. В саду всего было полно! Лиса сообразила, что из сада придётся уходить через ту же лазейку, потому и решила в саду ничего не есть. Волк же наелся фруктов до отвала. Сторож, заметив лису и волка, взял палку и погнался за ними. Лиса быстро проскочила через дыру и убежала, а сытый волк застрял в ней. Сторож догнал его и избил до полусмерти. Еле-еле волк унёс ноги.

Два петуха

Два петуха подрались из-за просяного зерна. Один из них стал победителем. Другой, испугавшись, убежал и спрятался. Когда сильный петух взобрался на крышу дома, стал махать крыльями и кричать о своей победе, его заметил паривший в воздухе орёл и унёс.

Султан Крым-Гирей

Родился Султан Крым-Гирей 15 августа 1843 года в ауле Кудако в семье офицера русской армии Султана Инат-Гирея. Принадлежал он к натухаевскому племени, жившему близ Новороссийска и Геленжика.

В марте 1861 года Султан Крым-Гирей окончил пансион для детей горцев при Кубанской войсковой гимназии, где изучал латынь, французский, немецкий и русский языки, историю, географию, литературу и математику и был зачислен в Петербургский университет по «математическому разряду». Но учиться там ему не удалось: в университете вводились новые порядки, по которым студенты, в наказание за участие в волнениях, были переведены на казарменное положение. Султан Крым-Гирей бросил университет и поступил на военную службу.

Его перу принадлежат работы по фольклору и истории Алыгеи: «Сафир-паша, князь Шапсугский», «Несколько слов о нашей старине» и другие. Среди них особенно заметен по описанию быта и обычаев черкесов второй половины XIX века очерк дорожных впечатлений «Путевые заметки».

Автор очерка не сторонний наблюдатель происходящих событий, а их заинтересованный участник. И интересуется он буквально всё, начиная от растительного и животного мира родного края, бытового уклада, повседневных дел, забот соотечественников и кончая историей и культурой своего народа. Он горячо желает понять своих соплеменников, быть полезным им, способствовать прогрессу черкесов и их дружбе с Россией. В

этом смысле «Путевые заметки» близки очерку Казы-Гирея «Долина Ажитугай» и рассказу Кешева «Два месяца в ауле». Однако они отличаются между собой по выбранной теме, по манере повествования.

Объектом описания Казы-Гирея является природа родного края, многообразные чувства, вызываемые ею... Но дорожные впечатления и чувства героя раскрываются средствами романтической поэтики: соответственно этому и стиль выдержан в приподнятом, подчёркнутом эмоционально-лирическом тоне.

У Крым-Гирея иной объект зарисовок и иная манера письма. Его «Путевые заметки» — это реалистический «нравоописательный» очерк, в котором Крым-Гирей создаёт широкую панораму общественных нравов, обычаев, социальных порядков в черкесской среде.

С глубокой грустью и сочувствием описывает автор нищету бедняцкой сакли, в которой застаёт умирающего хозяина и оплакивающих его и себя жену и детей бедняка. Не раз в своих «Путевых заметках» Крым-Гирей упоминает и о давно сложившихся социальных привилегиях князей и дворян.

Следует отметить, что, описывая народные традиции, обычаи и обряды, Крым-Гирей критически относится к ним. Он отделяет в них здоровые начала от косных и реакционных. Так, в празднике урожая Крым-Гирей считает необходимыми скачки, состязания в стрельбе; он осуждает торопливость в проведении похоронного обряда. Выступает он и против многих суеверий, и против турецкой ориентации черкесов.

В «Путевых заметках» Крым-Гирей широко использует авторские ремарки, диалоги, описания встреч с разными людьми. Всё это позволило автору воплотить в реалистической художественной форме большой фактический материал.

Путевые заметки

(Печатается в сокращении)

День клонился к вечеру. Гости начали разъезжаться по домам. Старшина аула Суо пригласил меня к себе. Мы пожелали народу долгого счастья и поехали к Суо. К шести часам вечера мы были у старшины в доме.

Спустя немного времени народ стал сходитьсь во двор старшины, а некоторые из черкесов вошли в комнатку к нам. Всякий раз при входе в кунацкую людей немолодых лет с приветствием я, как и другие гости, вставал с места. Пришел певец, который был вместе с тем и балалайщиком. Дали ему место, и он присел с важностью человека, сознающего собственное достоинство. Певцы пользуются большим уважением у горцев. Они в одно

время играют две роли: и историков, и поэтов. В последнем случае певцы становятся опасными врагами недостатков общества и отдельных его членов, преследующих их злой сатирой. Я попросил певца пропеть старинные песни: «О походе крымского хана Девлет-Гирея с черкесами через Владикавказский горный проход (Темир-Кан) в Дагестане» и «О битве на реке Куре». Я попросил народного виртуоза прочесть мне лекцию. Народ, теснившийся в кунацкой, мало-помалу обратился в вовсе не стройный хор поющих. Но я не наблюдал их голосов, а вслушивался в содержание самих песен. Они действительно заслуживали внимания...

Вообще учение Магомеда худо привилось к черкесам, и если за Кубанью часто говорили о шариате, то ни в коем случае не должно понимать этого слова в том смысле, как оно употребляется у народов Востока: шариат, как известно, недавно вошел в Закубанье; до него у черкесов существовал местный, освященный веками обычай — адат. Этот обычай так укоренился в горах, что, не будь таких строгих проповедников шариата, как Хаджи-Магомед или Магомет-Амин, черкесы с ним еще не скоро расстались бы. Притом у закубанцев шариат составил из двух элементов: из постановлений корана и адата. Следовательно, горский шариат — это оригинал в своем роде...

Мы приехали в аул Мезкихэ. Здесь народ приготовлялся к курбану, жертвоприношению, вызванному прокламацией меккского шерифа. Утром следующего дня праздник открылся в ветхой мечети совершением намаза. После того имам прочел своим прихожанам речь, основной мысли которой я решительно не понял: в ней был намек на русское владычество на Кавказе, на непобедимость армии турецкого падишаха, который есть общая глава магометанского востока и пр., и пр. Потом имам вышел к мечети, принял из рук старшины аула нож, громко провозгласил «бисмилляхи», с божьей помощью, и зарезал первую жертву, приведенную ко входу в мечеть. Его примеру последовали и прочие черкесы, и в несколько минут во всем ауле было принесено в жертву богу более 200 животных. Само собой разумеется, что они, по соблюдении жителями некоторых мелочных церемоний, переходили в распоряжение кухонных обитателей, а горцы, как говорится, от мала до велика, усердно предавались ружейной и пистолетной стрельбе. К часу пополудни обед был готов всюду и его снесли за ограду мечети; там пала первая жертва. Нужно отдать должную похвалу удивительной вместимости горских желудков: обед, о котором идет речь и который отличался ужасающими размерами, уничтожен в короткое время!.. Стрельба в цель, джигитовка и конские скачки также не забыты в тот день, но они не имели большого интереса сами по себе, который, бесспорно, мог им принадлежать при других условиях: жители Мезкихэ не пригласили к себе жителей других аулов и отпраздновали курбан втихомолку.

Так как Мезкихэ был местом жительства князя Н., то я, простившись с любезным сотоварищем, чтобы более не утруждать его, решил поехать обратно домой, в Новороссийск.

Последние лучи солнца на темном небосклоне, колеблясь, догорали, когда я приехал домой. Первый, с кем я встретился во дворе, был мой отец. Он меня не узнал сразу — потому что я предстал ему преображенный из тщательно одетого парня в оборванного азиата — и, по обычаю горцев, едва внятно произнес:

— Милости просим, гость.

Обычай же требовал, чтобы я под опасением штрафа, оригинальнейшего в своем роде, тотчас же вывел отца из заблуждения, и я сказал отрывисто:

— Султан¹, вы не узнали меня... я ваш...

Само собой разумеется, что знакомый голос немедленно был узнан и что отец не считал нужным выслушивать вздора дальнейшей моей речи вроде: «я ваш сын» и пр. Присмотревшись хорошенько ко мне, отец воскликнул:

— Ай да молодец, москвит!

Как видите, читатель, старику понравился мой поступок со своей одеждой: это, в глазах отца, было залогом давно желаемого и столько времени ожидаемого возвращения моего к своим...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Назовите характерные особенности культурной жизни горцев Северного Кавказа в XIX веке.

2. Что характерно для каждого из трех периодов северокавказского просветительства?

3. Что вас привлекло в творческой биографии Султана Хан-Гирея?

4. Подготовьте пересказ одного из черкесских преданий.

5. Охарактеризуйте авторскую позицию в «Наезде Кунчука».

6. Найдите описание природы в повести Султана Казы-Гирея «Долина Ажитугай», в котором автор прибегает к сравнениям с русским оружием. Как вы думаете, почему писатель приводит такие сравнения? Подготовьте пересказ этого отрывка.

7. Как вы думаете, почему описание природы Северного Кавказа пронизано чувством грусти в повести Султана Казы-Гирея «Долина Ажитугай»?

8. Что вы узнали о героине рассказа Султана Адиль-Гирея «Жена черкеса» из диалога Пшимафа и Ислама? Опишите гордую черкешенку.

9. Как объясняет герой рассказа Султана Адиль-Гирея «Сулейман Эфенди» свой переход к русским? Оправдываете ли вы его поступок?

10. Чему учат басни Берсея? Попробуйте сформулировать мораль басен «Женщина и курица», «Волк, Собака и Лиса», «Лиса и Волк».

11. Сравните басни Умара Берсея и И. А. Крылова. Что общего в их тематике? В чем своеобразие басен Берсея?

12. Какие обычаи описаны в «Путевых заметках» Султана Крым-Гирея? Назовите те из них, которые сохранились до наших дней.

13. О каких обычаях своего народа вам хотелось бы рассказать?

¹ Султан — горцы, говоря с отцом, вообще никогда не называют его «отцом», «бабушкой», а величают его или местоимением второго лица, или просто именем.

Черкесская литература

(1917—1957)

Зарождение черкесской литературы на родном языке приходится на 20—30-е годы нашего века. Первые произведения на родном языке создаются в основном на эстетической основе адыгского фольклора. Они были далеки от совершенства, во многом тенденциозны и заидеологизированы, но это были первые рассказы, повести, романы, фельетоны, очерки, положившие начало созданию профессиональной черкесской литературы. Двадцатые-тридцатые годы — период наиболее активного творчества черкесских писателей-прозаиков. Это время становления письменной культуры, годы первых попыток создания новых жанровых форм.

Сам факт возникновения письменности у народа вызвал взрыв творческой энергии. Художественные поиски черкесских писателей 20—30-х годов тесно связаны с тенденциями времени. Становление новых жанров в национальной литературе ознаменовано такими именами как Магомет Дышеков, Халид Абуков. Это авторы очерков, рассказов, новелл и романов, написанных на родном языке в 20-30-е годы нашего столетия. Они по праву являются родоначальниками черкесской литературы.

О рождении черкесской литературы впервые было заявлено на весь мир в 1934 году одним из основоположников ее создания Халидом Абуковым, который был делегирован на Первый Всесоюзный съезд писателей. Именно с трибуны этого съезда Халид Абуков заявил о том, что начался процесс становления новой национальной литературы.

Историческому событию рождения молодой черкесской литературы способствовали происходившие в стране культурно-образовательные реформы, просветительская деятельность новой интеллигенции, создание письменности у многих народов Северного Кавказа, издание грамматик, словарей, учебников и учебных пособий. Развитие культуры и литературы выдвинуло перед творческой интеллигенцией задачу художественного осмысления исторической судьбы народа.

Безусловно, в первых прозаических произведениях черкесской литературы не могли не отразиться политические и философские тенденции времени. Уже на начальном этапе становления прозы обозначается ее социологизаторская направленность, вырисовываются контуры героев, преданных идее. Вот почему выбор тематики, характеры персонажей, описание жизненных коллизий подчинялось идеологическим стереотипам,

как например: все прошлое — мрак, а все будущее — свет, прекрасен лишь бедняк, а богач всегда уродлив. Все это значительно ограничивало глубину изображения реалистических картин жизни, значительно упрощало показ исторического перехода национального сознания к новому социальному мышлению. Отсюда однообразие конфликта, часто сводящегося лишь к изображению классовых столкновений, скудость красок, однобокость героев. Перечисленные факторы влияния на содержание и форму первых произведений черкесской литературы вызвали к жизни пагубную тенденцию отрыва литературных произведений как от реальной жизни, так и от родного фольклора, от национально-художественных традиций. Тем не менее уровень развития молодой, только что начинавшей формироваться и складываться письменной культуры черкесов не позволял резко оторваться от материнского лона. Традиция оказывала своего рода сопротивление, пытаясь помешать писателю вступить на уготовленный господствующей идеологией путь голого политиканства, идеологизированного осмысления и отражения фактов жизни.

Самые первые попытки проникновения в исторический процесс формирования национального сознания были предприняты в романах М. Дышекова и Х. Абукова. Эти авторы не просто копировали созданные в устном народном творчестве образы, а показали своих героев в развитии. Такой опыт, пусть еще во многом односторонний, был шагом вперед по пути становления и развития черкесской литературы.

Определенным рубежом в развитии черкесской национальной культуры следует считать появление первых романов на родном языке. Это «Зарево» М. Дышекова, «На берегах Зеленчука» Х. Абукова. Именно с этими полотнами связано начало освоения народно-героической тематики в широком социально-политическом и нравственном аспектах. Авторы связали воедино исторические события с судьбами героев, наметили движение характеров. Романная форма позволила отойти первым черкесским писателям от статичности, перейти от оценки частного факта к осмыслению событий крупного масштаба, от характеристики деяния отдельного лица к воссозданию подвига целого народа.

В то же время следует помнить, что в художественных текстах первых черкесских романистов действовал дух устной народной поэзии. Из родного фольклора они заимствовали сюжетную схему. Герои почти списаны с фольклорных персонажей. Сфера приложения сил действующих лиц не широка, деяния однотипны. Заданная схема мешала осветить многообразие явлений жизни. Воспевая героическую личность, писатели брали у фольклора все то, что помогало отобразить национальный героический характер. И в том случае, когда автор романа творчески относился к фольклорному образу, когда ему удалось подняться до

сознательного изображения героя и отделить подлинно народный героизм от культа абстрактного молодечества, традиционная героика помогла ему глубже раскрыть характер человека. Таким образом, черкесская проза 30-х годов во всех жанрах начала успешное освоение различных тем современности, сделав человека главным объектом художественного повествования. Одним из видных черкесских писателей 20—30-х годов был Магомет Дышеков.

Магомет Дышеков

Один из основоположников черкесской литературы на родном языке Магомет Дышеков родился в 1902 году в ауле Зеюко нынешней Карачаево-Черкесской Республики. Получил высшее образование, работал учителем, а затем преподавателем и доцентом Кабардино-Балкарского пединститута. Магомет Дышеков — представитель черкесской интеллигенции 20—30-х годов, внесший значительный вклад в развитие национальной культуры. Он является автором одного из первых национальных романов, составителем учебных пособий и букварей для адыгских национальных школ, вошедших наряду с художественными произведениями других начинающих литераторов и тексты самого Дышекова. Так, например, в популярных учебных пособиях и учебно-педагогических статьях Дышекова «Старая и новая школа» (1932 год), «Новая жизнь» (1932 год) публикуются беллетристические произведения писателя — первые образцы малых жанровых форм черкесской художественной прозы. Воспитательные цели, дидактическая установка учебной литературы определили своеобразную форму включенных в нее художественных произведений. Несомненно, автор стремился подчинить художественный замысел текстов для детей идеологическим задачам. Это предопределило и архитектуру, и способы компоновки жизненных фактов в произведениях, а также принципы типизации литературного героя в них.

Первые художественные произведения М. Дышекова сочетают в себе элементы дидактизма и художественной беллетристики. В них обнаруживается попытка автора отойти от декларирования идей. Писатель в данном случае уподобляет себя традиционному для адыгского фольклора рассказчику. Сказовой манере подчинены и заглавия частей первых произведений писателя.

Свой рассказ автор прерывает характерными для устных народных произведений вставками, обращенными к предполагаемым читателям или слушателям типа: «Вот так все и было, как мы об этом рассказали». Это

обращение, как и заключительное, типа «Теперь вам, детям, более понятно, что такое школа», несет структурообразующую функцию. Оно организует и скрепляет не только авторские мысли, высказанные во вводном самостоятельном рассказе, но и способствует восприятию целостного замысла произведения, его проблематики и идеи, так как повествование строится по принципу соотнесенности отдельных его частей.

Так, например, в «Истории о том, как проходила учеба Муссы» автор раскрывает биографию Муссы. Мать маленького героя — Лина сочувствует сыну, стремится помочь ему попасть в среду обучающихся. Но тщетны ее усилия: бедность мешает осуществить мечту. Дышеков стремится беллетризовать текст — об этом свидетельствуют используемые автором художественные детали. Следует отметить, что на первом этапе формирования черкесской литературы такой принцип был преобладающим. Литературные навыки обретались писателями с трудом. Фольклорный опыт был зачастую единственным, на который могли опереться начинающие писатели. В рамках эстетики и поэтики фольклора Дышеков характеризует как положительных, так и отрицательных персонажей.

Несмотря на большую зависимость от идеологических установок, М. Дышеков предпринял попытки не только разглядеть контуры нового героя черкесской литературы, но и охарактеризовать его лучшие черты, рождающиеся в ходе жизни.

Творческое наследие М. Дышекова, равно как и других черкесских прозаиков, дает возможность проследить движение жанров, постепенный процесс обретения молодыми прозаиками навыков художественного изображения действительности. В произведениях для детей М. Дышеков ищет краски и детали, которые понятны детям, старается глазами юных читателей увидеть картины быта, окружающего их мира вещей и природы. Писатель стремится выйти за пределы фольклорной традиции в подборе героев как представителей только добрых или злых сил.

В рассказах 30-х годов в отличие от фольклорной прозы, где действуют в основном бай и батрак, представлены люди новых, неизвестных ранее широким массам черкесов профессий. Это учителя и воспитатели. Расширение круга действующих лиц позволило авторам художественно осмыслить грани происходящего.

Специфику художественного видения материала можно обнаружить в рассказах Дышекова «Люди и волки», «Алмасты».

Рассказ «Люди и волки» начинается с описания осеннего пейзажа. Писатель сумел заметить характерные для этой поры года сгущающиеся

на горизонте хмурые облака, увидеть не успевших перелететь в теплые края птиц, пытающихся согреться в слабых, будто замерзших солнечных лучах.

Языковые средства воссоздания пейзажа в этом рассказе более живописные, чем в рассказах дидактического типа. Герой этого произведения Осман предстает не только в оценке и характеристике автора, но и в поступках, действиях. Отсюда более выраженная динамичность сюжета, чувств и переживаний героя. Переживания семилетнего Османа описаны в соответствии с возрастными эмоциями, с психологией ребенка. Это — уже свидетельство того, что молодая черкесская проза осваивала с момента своего зарождения литературные приемы живописания, училась постигать материал действительности сквозь призму художественных образов.

Отбор материала для каждого произведения подчинен реализации заданной темы, дидактической проблематики. Известный в черкесском фольклоре принцип циклизации сюжетов вокруг имени главного героя становится ведущим в формировании новой эпической традиции молодой черкесской прозы. Этим обеспечивается жанровая возможность освоения материала на уровне единства героев и обстоятельств. Главный урок, который восприняли авторы первых черкесских романов — это опробованная в первых опытах прозы концепция героя жизни и литературы.

В 1934 году в газете «Красная Черкесия» за 2 апреля появилась заметка, в которой сообщалось о выходе в свет романа «Зарево». Автор создал в романе впечатляющие картины ужасающей жизни народа в условиях нищеты и бесправия. Герои романа — Батыр, Лют, Тезада поглощены одной мыслью — добыть хлеб насущный, обеспечить пищей семью.

Главы романа М. Дышекова «Зарево» представляют собой законченные новеллы. Например, глава «Хабар Выкова Хамида о Сибири» — типичное для черкесского фольклора сказание. И в обрисовке национального характера М. Дышеков опирается на традиционные художественные критерии, сложившиеся в черкесском фольклоре. Как непобедимы герои нартского эпоса, как неуязвимы их верные спутники-кони, так по-фольклорному нестигаемы и стойки герои первого черкесского романа.

На героя этого произведения Османа нападает отряд офицера Курукова. «Хамид и его люди видели, как гонится за Османом всадник... Когда войсковые Курукова преградили Осману путь, он перебил их всех меткими выстрелами. Он захватил их оружие, рассеял по полю, как стадо баранов. Больше всего удивляло то, что Осман каждого, кто сопротивлял-

ся ему, убивал наповал. Осман спокойно осмотрел трупы врагов и двинулся в путь». Все героические картины рисуются автором в такой гиперболизированной манере.

Характеристика Османа во многом напоминает характеристики абреков в народных легендах: как и многие люди, ставшие впоследствии абреками, Осман из-за ссоры с Касботом попадает в тюрьму, затем совершает побег и уходит в абреки.

Так же, как и в фольклоре, отрицательные персонажи в романе Дышекова снабжены пренебрежительными кличками, наделены отталкивающей внешностью: уничижительные эпитеты постоянно сопровождают их имена. Вот характеристика Тембота-толстосума: «Огромный, холеный, толстый до безобразия живот, и усы толстые, подбородок двойной. Весь он изъеден оспой, нос кривой, из-под мохнатых ресниц выглядывают заплывшие жиром маленькие глазки».

Несмотря на все свои слабости, роман М. Дышекова «Зарево» был значительным шагом вперед к широкому осмыслению исторических судеб родного народа, а демократические традиции черкесского фольклора во многом помогли писателям найти специфическую национальную форму изображения социальных конфликтов эпохи.

Писатель как бы любит свои герои, старается выявить в их облике что-то новое. Но роман М. Дышекова отчетливо свидетельствует о том, что традиционные приемы уже были недостаточны для глубокого художественного исследования жизни; требовалось более творческое восприятие традиций, требовалось расширение культурного и философского кругозора писателя. Говоря словами величайшего русского поэта, требовалось, чтобы художник слова по уровню своей культуры стоял с «веком наравне». Только высокая культурная вооруженность, творческое использование опыта более зрелых литератур могли открыть новые эстетические перспективы перед молодой черкесской литературой.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Художественные особенности беллетристических произведений М. Дышекова.
2. Найдите в рассказе «Люди и волки» фрагменты, связанные с описанием родной природы. Как вы думаете, какую роль отводит автор пейзажу в данном произведении?
3. В чем вы видите общность фольклорных персонажей и героев романа М. Дышекова «Зарево»?
4. Образ Османа в романе «Зарево».
5. Прогрессивная роль М. Дышекова-романиста в черкесской литературе на этапе ее становления.

Халид Абуков

Популярный черкесский прозаик 20—30-х годов Халид Абуков родился в 1900 году в ауле Хумара (КЧР).

Принципы художественной типизации действительности в «малых» жанрах черкесской прозы наглядно прослеживаются в первых очерках, рассказах и фельетонах Халида Абукова, положивших начало развитию этих жанров. Первая черкесская газета «Адыге ПсаукӀчэ» печатала фельетоны Абукова на протяжении ряда лет, начиная с 1924 года вплоть до 1934-го, когда писатель был репрессирован.

Псевдоним, под которым публиковался Абуков, — Халид Бедный. Начинаящему писателю не доставало опыта и мастерства. Избранная Х. Абуковым жанровая форма давала ему возможность приблизиться к массовому читателю, более действенно влиять на процесс формирования нового социального и общественного сознания, утверждать идеал нового литературного героя.

В поисках средств художественного выражения разнообразного материала первые черкесские писатели обратили свои взоры к опыту фольклора, использовали его как эстетическую основу создаваемых произведений.

Анализ очерков, рассказов, фельетонов Халида Бедного, обращенных к животрепещущим фактам национальной жизни 20—30-х годов, позволяет нам определить характер использования прозаиками черкесских фольклорных традиций. Не случайно и то, что по своей нравственной сути созданный Х. Абуковым обобщенный образ Халида Бедного как типичного представителя черкесской бедноты, сродни фольклорному идеалу Ходжи Насреддина. Образы, созданные писателем в 30-е годы, являются воплощением мечты народа о лучшей доли для бедняка.

Избранная жанровая форма также близка народной новелле. Прозаик использует не только композицию малых жанров фольклора, но и их изобразительные средства и традиции. Меткие народные выражения, образная символика, живой диалог, обращенность речи к слушателю, широкий арсенал эпитетов и сравнений служат писателю для решения творческих задач прежде всего для изображения положительных и отрицательных героев. Характерной чертой первых произведений Халида Бедного является синкретизм литературного мышления, т. е. отсутствие у героя индивидуальных черт и качеств.

Герой Абукова, проходящий через все циклы созданных им жанровых форм — фельетоны, очерки, рассказы, новеллы, — как и обобщенные образы героев черкесского фольклора, не характеризуются им в

совокупности личных качеств. Автора в первую очередь интересует социальное положение персонажа. Это определяет позицию героя, его поведение, реакцию на происходящее вокруг.

Концепция нового героя как бы вбирает в себя опыт социального видения жизни, отраженный в фольклоре, опирается на опыт социальной характеристики фольклорных персонажей. Но персонификация героя Абукова — бедняка Халида — основывается на иных подходах, связанных с авторскими и идеологическими установками. Отсюда и широкоохватность материала, многообразие сюжетных коллизий. Главное заключается в том, что автор перепоручает своему герою роль заинтересованного судьи, роль хозяина, ответственного за исход происходящих событий. Широта тематики, свидетельствующая о стремлении проникнуться ходом событий, охватить их во взаимосвязи времен — прошлого, настоящего, будущего, — обусловили эпическое начало повестей и романов исторического характера.

Ценность опыта, накопленного Х. Абуковым в малых жанрах прозы, прежде всего в очерках и фельетонах, состоит и в разнообразии элементов поэтики жанра. Прежде всего, это — искусство диалога, которым мастерски овладел Х. Абуков. Это — народность языка. Фельетоны писателя искрятся национальным юмором, меткими эпитетами, пословицами и поговорками. В свою очередь это обеспечивает живость героя, предстающего каждый раз в новом качестве. Он, умеющий грустить и радоваться, любить и ненавидеть, в зависимости от обстоятельств, коллизий и столкновений, обретает живую плоть. Важно к тому же вспомнить и то, что каждый рассказ Х. Абукова сопровождался портретным рисунком образа Халида Бедняка, облик которого менялся в зависимости от темы фельетона. Так, если фельетоны назывались «Сегодня Халид Бедный радуется» или «Сегодня Халид Бедный танцует», то и рисунки должны были воспроизвести соответствующее состояние героя.

Удивительно и то, что писатель уже в 20-е годы сумел разглядеть угрозу бюрократизма, демагогию приспособленцев, умело прикрывающихся лозунгами времени. Есть в черкесском языке речевой оборот, который адресуется подобным людям: «Он такой, что не отказывая, или, твердя «ладно, будет сделано», подведет под монастырь». Основываясь на смысловом значении традиционного речевого оборота, Х. Абуков создает характеристику типичного бюрократа — «обещалкина». Фельетон «Сегодня Халид Бедный очень сердит», например, начинается с прамбулы, основывающейся на народном изречении: «Удивительные иногда встречаются люди: радуясь существованию в языке слов «ладно», «хорошо», они пытаются прикрыться ими». После этого идет диалог по существу поднятой писателем проблемы, образное ее раскрытие. В той же

степени, как рассказы М. Дышекова, фельетоны и новеллы Х. Абукова стали важной ступенью на пути создания более крупных жанровых форм, способных вобрать эпически масштабное время, проследить судьбу народа на ее исторической протяженности.

Среди творцов национальной культуры Черкесии Халид Абуков занимает особое место как автор одного из первых романов на черкесском языке. Это произведение было издано совместно с русским литератором В. Чернышовым. Трудно установить, какую роль сыграл русский соавтор Х. Абукова в создании романа. Ко времени появления романа Х. Абукова и В. Чернышова «На берегах Зеленчука» Халид Бедный успел уже обрести популярность как автор многочисленных фельетонов, сатирических рассказов и коротких новелл. В. Чернышов скорее выполнял роль консультанта. Поэтический пролог романа, написанный, по всей вероятности, В. Чернышовым, был опубликован на русском языке. Черкесскому оригиналу романа предпослано предисловие авторов, где Абуков заявляет: «Не так много времени прошло с тех пор, как появился наш письменный язык, всего десять лет. За этот короткий срок черкесский язык достиг многого. Но недостатков еще больше. Наш язык еще не может стать литературным».

Творческая биография Халида Абукова связана с Первым Всесоюзным съездом писателей. Делегат съезда, руководитель союза писателей Черкесии, Халид Абуков вошел в историю черкесской литературы как один из ее основоположников.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Кто из русских писателей имел такой же псевдоним как Халид Абуков?
2. Охарактеризуйте героев первых фельетонов Халида Бедного.
3. Прочитайте лирическое вступление к роману Х. Абукова «На берегах Зеленчука». Определите смысловую нагрузку художественного образа реки Большой Зеленчук.

Абдулах Охтов

Абдулах Охтов — широко известный черкесский писатель, автор многих поэтических и прозаических произведений.

Профессор Х. Хапсироков заметил, что Абдулах Охтов «писал... о сумерках, как одинокий всадник блуждал в темную ночь, писал об одиноком шуме родной реки Инжидж в ночной тиши. В этом одиноком ночном шуме горной воды отражалась вся многотрудная история народа... Писал он о смелом полете мыслей, мужественных песнях воинов-защитников

родины, радостных возгласах влюбленных в лирически окрашенных словах. Создавал портреты черкешенок. Во всем этом отражалась жизнь нашего современника».

В своем романе «Млечный путь» А. Охтов показал рождение нового миропонимания, показал, как принимают Советскую власть и в черкесском ауле, и в соседней станице. Главный герой романа Туган Шауготов не только воюет за новую власть, в которую искренне и навсегда поверил, но и размышляет о смысле жизни, о будущем.

Творчество А. Охтова основано на почве народного фольклора. Отдельные произведения фольклорны по своему жанру, например, повесть-легенда «Аул Тегенокой». В этом произведении повествуется о судьбе песнопевца, знаменитого Огурлы, и его внуки, красавицы Сатаней. Не покорились старик Огурлы князю Пшикану, «и князь в ярости нарушил древний, как кавказские горы, обычай. Он хватал пистолеты и стрелял, стрелял в непокорного певца»... Но жизнь песнопевца не прошла бесследно. «На общей сходке было решено жить, как завещал старик Огурлы, — единой, дружной семьей, без князей и орков».

Не только по жанру произведения А. Охтова фольклорны, но и по самой сути, интонации сказа. Вот как начинается его очерк «Народы-братья»: «Давно это было. Далеко на севере, где кончалась земля адыгов, начиналась страна урусов». Сказочным можно назвать и портрет Айдемира из рассказа «Настоящий джигит»: «Стар и немощен Айдемир. Много листьев на ветвях его чинары, много лет и ему от роду. С его сединой может соперничать лишь заснеженная вершина Эльбруса».

Некоторые произведения этого писателя чрезвычайно лаконичны, но характеры, представленные в них, очень зримы, выпуклы, запоминаемы. Небольшими штрихами автор показывает нам и быт черкесского народа, и национальные черты. И чувствуется, с каким трепетом, нежностью, гордостью и уважением относится автор к своему народу, древним адыгским обычаям.

Особое место в творчестве писателя занимает повесть «Камень Асият». Эта повесть о чистой романтической любви «Аслана с того берега» и хрупкой, пугливой девушки Асият, об их трагической судьбе, о них сложена песня; она «рассказывает об Асият, красивой девушке с огромными черными глазами, блеск которых не уступал сиянию вечерней звезды, с длинными шелковистыми косами, которые, расплетаясь, опахивали белые плечи, подобно дорогой шали, привезенной из каменного русского города...» Страшна и трагична короткая жизнь Асият. Вдова Нисааф, ее мать, от зари до зари работала во дворе эфенди с тайной надеждой, что Асият, получив дуа от хаджи Шагит-Али (дуа — треугольные бумажки, предназначенные для всех, кто хотел удачи, счастья и благополучия в своей

жизни), будет счастлива. Все мысли, надежды, мечты бедной Нисааф были связаны с Асият. Но не спасло дуа Асият от грязных замыслов хаджи Шагит-Али, не спасло ее от страшной смерти... И стоит на склоне горы угловатый камень с тремя русскими буквами: «Аси...», «будто неожиданно напомнила о себе загубленная девушка: не забывайте мое имя, мою ужасную долю!»

После чтения «Камня Асият» в душе остаются не только грустные чувства, но появляется вера и в то, что зло не бывает вечным. Эту веру в нас вселяет образ Аслана, способный сохранить человеческое достоинство в любых испытаниях, более того, способный помочь людям, он поднимается над внешними условиями бытия, остается свободным творцом жизни.

Автор блестяще соединил в своем произведении общечеловеческое и национальное, выразил представления черкесского народа об идеальных героях. Поступки главных героев повести, их нравственный выбор понятны и близки каждому доброму человеку любой нации, любой расы.

Камень Асият

(Отрывок из повести)

В тот день, когда предстояло прогrometer по аулу ужасному делу, Асият заметила, что клочковатый румянец у хаджи Шагит-Али пылает особенно яростно, напоминая багрово-синие огоньки на чадных углях. И весь облик эфенди был какой-то иной: короткая, с проседью борода подстрижена еще короче, длинные рыжеватые усы на кончиках закручены в колечки, пронзающие глаза то озабоченно хмурятся, то весело блестят.

Как и прежде, Асият молча принесла в кувшине прозрачной, холодной воды, осторожно вылила ее в сверкающий таз. Вода дрожала и колыбалась, охваченная ясным кругом, и девушка еле удерживала дрожь своих похолодевших рук, своего неожиданно озябшего тела. Она видела себя на дне таза, в зыбкой, потревоженной глубине, напоминавшей и зеркало и речной омут. Ее глаза, прядки волос, золотистые мотыльки на платье струились и трепетали, будто смешиваясь с водой, и непонятный страх охватил ее душу.

Не поднимая взора на эфенди, она привычно расстелила священный коврик, смиренно отступила в сторонку, опустив руки, ожидая. Подает знак слуга пророка — и она уйдет, оставив его наедине с незримым богом. Но на этот раз хаджи Шагит-Али не спешил молиться. Распахнув толстую книгу с черными кожаными крышками, он начал нараспев произносить слова, ни одно из которых не было понятно Асият, — слова

божественного писания, слова темного, чужого языка. Она уже подвинулась к порогу и коснулась пальцем дверной скобы, как вдруг прошуршал белоснежный аба и эфенди повернулся к ней лицом, блестя округленными глазами, пылая пунцово-фиолетовыми выпуклостями скул. Он останавливал ее влажным взглядом, останавливал певучими словами, теперь понятными и все же странными, будто подернутыми горячим туманом:

— О, сладость уст моих, пылающих подобно лепесткам розы в моем саду!.. Гранаты зреют под жарким солнцем, и алый сок их напоминает румянец, нежный румянец юной девушки... Постой, не уходи, Асият, — всемогущий аллах повелевает тебе слушать эту священную песнь любви!.. Ты садись и слушай, моя доченька, гурия райская! — Он взял ее за плечи, удаляя от двери, и посадил на диван, против бордового коврика с золотой звездой, а сам опять устался в книгу, напевая таинственные слова, которые говорили о пламенных устах, жаждущих поцелуя, как жаждет раскаленный песок пустыни благостного дождя, как жаждет роза утренней росы.

Никогда еще не слыхала Асият такой молитвы, и никогда еще хаджи Шагит-Али не читал так много перед полуденным омовением. И зачем она сидит здесь, когда уже коврик расстелен и кумган с водой рядом? Ах, надо подняться и незаметно уйти, поскорее уйти...

Будто разгадав ее мысли эфенди снова обернулся к ней:

— Ты роза, пурпурная роза, Асият... Шейка твоя бела, как у голубицы... Косы твои ароматнее цветов в долине Ефрата... Губы твои алые кораллам подобны... Ты не бойся меня, Асият, радость моя сладостная... Премудрый аллах предначертал тебе великое счастье...

Охваченная ужасом, она поднялась, выставила руку, словно защищаясь.

— Садись, садись!.. Именем аллаха, садись! — зашептал старик, и шуршащие звуки его слов смешались с сухим шелестом шелкового аба.

Не опуская рук, не отводя взгляда от страшных глаз эфенди, она еле заметно пятилась назад.

— Садись, садись! — И тяжелый удар звонкой болью ожег ее щеку, грубый толчок бросил ее на диван.

Она вскочила, вскрикнув, как в мучительном сне. Не переставая кричать, оттолкнула руку, разодравшую ей платье на груди, и бросилась из комнаты на просторный двор, на солнечный свет.

Вслед громыхнул опрокинутый таз, грозный оклик, настигая, ударил ее по сердцу:

— Эй, люди! Эй, правоверные! Держите бессовестную грешницу! Именем аллаха, не пускайте, не пускайте!

Она бежала изо всех сил, будто летела над подметенными дорожками обширной усадьбы, но жуткий голос не отставал от ее стремительного бега.

— Эй, держите распутную девку!.. Она переступила закон пророка! Убивайте, убивайте проклятую грешницу!

За калиткою навстречу ей метнулась высокая фигура с черным лицом, с ненавидящими огненными глазами:

— Стой, змея безобразная! Не уйдешь от меня! Не уйдешь!

Длинные, худые руки протянулись к глазам Асият, резкой болью царапнули по щекам. Увернувшись, как дикая птица, она еще быстрее побежала вдоль улицы, непрерывно выкрикивая:

— Нана!.. Нана!.. Нана!..

Тревожный гул голосов раздавался во всех переулках. То там, то тут со скрипом распахивалась ворота и калитки. Мужчины, женщины, ребятишки поспешно выскакивали к плетням и каменным заборам...

Она бежала босая, в разодранном платье, с непокрытой головой. Волосы ее развевались по ветру. Замерзшие лужи звонко хрустели под ее ногами, разбрызгиваясь стеклянными осколками. Она была страшна, неузнаваема. Иногда хриплый, неотвязчивый голос прокричал: «Это чума! чума! Не пускайте чуму! Убивайте ее!» — наперерез ей полетели камни и комья заледенелой земли...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Назовите эпизод, который произвел на вас наиболее сильное впечатление. Попробуйте объяснить, каким образом автор достигает этого.

2. Какими запомнились вам главные герои повести: Асият, хаджи Шагит-Али, Нисааф. Попробуйте воссоздать их психологические портреты, используя авторские описания. Обратите внимание на то, как А. Охтов описывает внешность персонажей: Асият изображается через описания, речь старика Шагит-Али, представления других персонажей; портрет хаджи дан через противопоставления; внешность матери почти не описана, это скорее изображение внутреннего мира героини. Найдите эти описания и объясните, как через портрет автор представляет читателю сложную внутреннюю жизнь героев повести.

3. Обратите внимание на то, как создает А. Охтов портрет Асият. Какую роль играют в его создании сравнения, эпитеты, риторические восклицания. Проведите параллели с фольклорными произведениями.

4. Какой фольклорный жанр напоминает вам «Камень Асият?» Почему?

5. Героя каких произведений русского фольклора напоминает «Аслан с того берега»? Как вы можете сформулировать тему, связанную с сюжетной линией «Асият — Аслан»?

6. Почему так много места автор отводит описанию реки?

7. Как вы объясните смысл названия повести А. Охтова?

8. Какие народные традиции нашли отражение в этом произведении?

9. Объясните символическую роль камня в этом произведении. Проанализируйте кульминационную сцену повести, развязку (с. 217).

10. В повести есть строки: «Градом летели камни в Асият, а я не нагнулся к земле, чтобы поднять камень...» С каким евангельским сюжетом ассоциируются у вас эти строки? Как вы можете сформулировать главную идею произведения?

11. В чем вы видите общечеловеческий смысл произведения А. Охтова «Камень Асият?»

Хусин Гашоков

Хусин Ханахович Гашоков прошёл путь от пастуха до профессионального литератора. Постоянное стремление к познаниям вели Гашокова к более пристальному изучению жизни. Вот почему эта жажда новых знаний, впечатлений, общения влекла его то к рабочему станку, то к высокогорным пастбищам, то на большое производство, в гущу людей. Но свою жизнь Хусин Гашоков посвятил журналистике и писательскому творчеству. В его биографии как бы преломилась и отразилась сама жизнь. Поэт вошёл в черкесскую литературу в конце тридцатых годов и выступил по существу как основоположник черкесской поэзии. Этим объясняются многие особенности творчества Хусина Гашокова.

Поэтическое наследие первого черкесского поэта условно можно разделить на три периода: предвоенный, военный и послевоенный. Первые стихи Хусина Гашокова были декларативны. Но их сила не в обобщениях и не в полноте изображения, а в искренней радости, которой они насыщены. Наблюдая происходящие вокруг события, порой лично участвуя в них, поэт живо откликается на явления современной ему жизни. Так рождены стихи «День Конституции», «Ушедшим в армию», «Максим Горький» и другие. Отсюда и особая форма стиха — ораторская, агитационная. Стихи стали своеобразной трибуной для выражения важных, назревших проблем. Прямолинейное обращение к читателю было исторически обусловлено и не лишено своеобразной силы воздействия. Ведь поэт говорил о том, что волновало всех людей того времени. Боевое, ораторское начало поэзии Гашокова по своей бескомпромиссности, агитационности напоминало стихи В. Маяковского:

Не жалея ни сил, и не жизни,
Будем верным оплотом народа.
Знай, счастливая наша Отчизна,
Мы твою сохраним свободу.

Такую клятву даёт поэт Родине от имени своих соплеменников, отправляющихся на военную службу, в стихотворении «Ушедшим в армию».

В послевоенной лирике на смену риторике приходит впечатляющий художественный образ, возрастает требовательность поэта к своим произведениям. Хусин Гашоков упорно продолжает совершенствовать своё

мастерство. Тематика его стихотворений становится ещё богаче и разнообразнее. Он пишет и о жизни родного аула, и о любви, и о жажде мира, поднимает извечные философские вопросы. Но самые удачные его стихи — о Родине, о родной природе, о своей любви к родной земле.

Сады цветут

Чуть шелестят сады. Сверкает
Лучистый полдень. Тень легка.
Весна нарядно одевает
Сады в зелёные шелка.

Заслоном от ветров заклятых
Взрастили мы леса, сады.
Как пограничные солдаты,
Деревья строятся в ряды.

Взгляни: вот яблонька-невеста
В цвету, как в розовом платке.
А с ней рядком две груши вместе
Стоят одеты налегке.

И кажется — дымок молочный
Окутал прозелень ветвей.
Искрится в белизне цветочной
Сиянье солнечных лучей.

Прохожий смотрит удивлённо:
— Откуда здесь сады в полях?
В ответ он слышит шум в зелёных,
Ему кивающих ветвях:

«Собой мы щедро украшаем
Просторный благодатный край,
От суховеев ограждаем
Колхозный тучный урожай.

И принимаем здесь пернатых
Друзей мы под шатром своим,
Весною запах ароматный
По всей родной земле струим.

Здесь собирают пчёлы сладость
Благоухающих цветов,
Сады приносят людям радость
В дни сбора наливных плодов».

...Прохожий потеплевшим взглядом
Сады окинул и поля:
Прекрасна ты в цветеньи сада,
Родная, милая земля!

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему мы называем Хусина Гашокова основоположником черкесской поэзии?
2. Назовите три этапа в творчестве поэта. Чем они отличаются друг от друга?
3. В чём сходство поэзии В. Маяковского и Х. Гашокова? Попробуйте сопоставить любое стихотворение Маяковского с понравившимся вам поэтическим произведением Х. Гашокова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово к другу ученику	3
---------------------------------	---

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА АБАЗИН

ФОЛЬКЛОР

Абазинский эпос «Нарты»	8
-----------------------------------	---

Из абазинских нартских сказаний

Нарты и их время	12
Сон айныж Наны	13
Сатаней и Тлепш	14
Меч Сосруко	15
Как Сосруко возвратил огонь нартам	18
Как Сосруко возвратил семена проса	22
Сказочный эпос абазин	31

Из абазинских народных сказок

Старик и лиса	33
Храбрый кот и трусливый медведь	34
Как юноша добыл себе жену	36
О мужестве и гордыне	39
Человек с того света	43
Завещание отца	46
Абазинские народные песни	48
Пословицы, поговорки, загадки абазин	49

ЛИТЕРАТУРА

Литература XIX — начала XX веков	52
О северокавказских просветителях	53
Умар Микеров	54
Адиль-Гирей Кешев	55
На холме (печатается в сокращении)	61
Абазинская литература (1917—1957)	86

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА КАРАЧАЕВЦЕВ

ФОЛЬКЛОР

Карачаево-балкарский эпос «Нарты»	99
Сказки	103
Пословицы, поговорки, загадки (нарт сёзле)	104
Народные песни	106
Къасбот Кочкаров	115

Из Карачаево-Балкарских нартских сказаний

Как Ёрюзбек стал вожаком нартов	118
Как Ёрюзбек убил красноликого рыжебородого Фука	122
Ёрюзбек и старый эмеген	126
Сосурук и Сибилчи	130
Сосурук и железное колесо	134
Про первого нарта	136
Нартский кузнец	138

Из народных песен

Долай	140
Бийнёгер	141
Къанамат	145

ЛИТЕРАТУРА

Литература конца XIX — начала XX веков	147
Просветители	147
Ислам Крымнамхалов (Тебердичи)	148
Письмо редактору ж. «Мусульманин»	151
Ислам Абдул-Керимович Хубиев (Карачайлы — 1896—1938)	153
Ислам Карачайлы. Неисторические национальности и М. Горький	155
Карачаевская литература (1917—1943)	159
Драматургия	160
Поэзия	161
Азрет Уртепов	
Я начал	166
Железный век	167
Проза	168
Хасан Аптаев Черный сундук	170

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НОГАЙЦЕВ

ФОЛЬКЛОР

Из ногойских народных сказок

Как ёж выдумал серп	182
Сирота и лиса	183
Старик и мать воды	185
Исмаил-богатырь	186
Малые жанры ногойского фольклора	193
Пословицы и поговорки	193
Песни ногойцев	195

Из ногойских народных песен

Песня о невернувшемся казаке	195
Певец и волк	196
Лиро-эпические поэмы ногойцев	199
Ногойский историко-героический эпос	200

Из ногойского историко-героического эпоса

Отважная Ян-Бикеш	203
Былина о том, как батыр Амит, сын Айсыла, восстал против Джанибек-хана	204
Историческая поэма «Эдиге»	209
«Эдиге» — ногойская народная поэма	210

ЛИТЕРАТУРА

Ногойская литература XIV—XV веков	225
---	-----

Шал-Кийиз Теленши улы	227
Поэзия <i>Досмаммета Азаулы</i>	228
Мой Косай	229
Долины рек	230
Порой Яик наш белый снится мне	231
Эй, люди, проезжайте мимо!	232
Был аргамак горячий мой	232
Враг напал на нашу крепость	232
Белеющие дали	233
Ногойская литература (1917—1957)	233
<i>Фазиль Абдулжалилов. Семья сильных (главы из повести)</i>	241

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА ЧЕРКЕСОВ

ФОЛЬКЛОР

Общая характеристика черкесского фольклора	253
Черкесский (адыгский) героический нартский эпос	258
Сказания о Сосруко	258
Нарт Бадыноко — искатель правды	260

Из черкесских (адыгских) нартских сказаний

Как родился Бадыноко	261
Образы нартских женщин и их место в эпосе	265
Адиох	266
Малечипх	267
Черкесские (адыгские) народные песни	270
Героические песни: «Цикл об Айдемиркане»	270
Исторические песни	274
Лирические песни	277

ЛИТЕРАТУРА

Писатели-просветители XIX века	283
<i>Султан Хан-Гирей</i>	283
Черкесские предания (отрывки)	285
Наезд Кунчука	298
<i>Султан Казы-Гирей</i>	303
Долина Ажитугай (печатается в сокращении)	304
<i>Султан Адиль-Гирей</i>	306
Жена черкеса	307
<i>Сулейман Эфенди</i>	309
<i>Умар Берсей</i>	310
Визирь и джегуако	312
Женщина и курица	312
Волк, собака и лиса	312
Лиса и волк	312
Два петуха	313
<i>Султан Крым-Гирей</i>	313
Путевые заметки (печатается в сокращении)	314
Черкесская литература (1917—1957)	317
<i>Магомед Дышеков</i>	319
<i>Халид Абуков</i>	323
<i>Абдулах Охтов. Камень Асият (отрывок из повести)</i>	325
<i>Хусин Гашиков. Сады цветут</i>	330

*Тугов Владимир Батахович
Тугова Лёля Назировна
Караева Асият Исмаиловна
Курмангулова Шаидат Азаматовна
Гогоберидзе Георгий Меджидович*

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

**Учебник-хрестоматия для общих средних
и профессиональных учебных заведений
Карачаево-Черкесской Республики**

Редактор *В. Б. Тугов*
Художественный редактор *В. В. Сиротина*
Технический редактор *Г. М. Хомякова*
Корректор *А. Н. Бесленева*

Сдано в набор 12.08.98. Подписано в печать 20.09.99.
Формат 60х84¹/₁₆. Бумага книжно-журн. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19,5. Усл.кр.-отг. 19,6.
Уч.-изд. л. 20,8. Тираж 10000 экз.
Заказ № 2773. С. 12.

Карачаево-Черкесское государственное
республиканское книжное издательство
357100, Черкесск, пл. Кирова, 23, Дом печати.
Лицензия № 40617 от 06.05.98.

Карачаево-Черкесское ОАО «Полиграфист»
357100, Черкесск, ул. Первомайская, 47.
Лицензия № 040035 от 14.06.94.